

НОВАЯ

ISSN 0130 - 3864

И

НОВЕЙШАЯ

ИСТОРИЯ

В номере:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИКА

ПЕРЕГОВОРЫ И.В. СТАЛИНА С МАО ЦЗЭДУНОМ В 1949–1950 гг.
ИЗ АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА РФ

СКРЫТЫЕ ДЕБАТЫ ПО "РУССКОМУ ВОПРОСУ" В США В 1945 г.
ИЗ АРХИВОВ США

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА Э. ТЕЛЬМАНА И.В. СТАЛИНУ
И В.М. МОЛОТОВУ 1939–1941 гг. ИЗ АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА РФ

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И СКАНДИНАВИЯ. 1944–1947 гг.
ИЗ АРХИВА МИД РФ

ВОСПОМИНАНИЯ СОВЕТСКОГО ПОСЛА В ПАКИСТАНЕ
А.А. РОДИОНОВА В 1971–1974 гг.

ВТОРАЯ КВЕБЕКСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. 1944 г.

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА СОВЕТСКОГО ДИПЛОМАТА
Г.А. АСТАХОВА

ПОРТРЕТ ИСТОРИКА. А.В. АДО

1

1997

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

№ 1

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

1997

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

Бородкин Л.И. Историческая информатика: этапы развития.....	3
Ледовский А.М. Переговоры И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949– феврале 1950 г. Новые архивные документы	23
Хольтсмарк С. (Норвегия). Советская дипломатия и Скандинавия. 1944–1947 гг. По материалам Архива МИД РФ.....	48
Борозняк А.И. (Липецк). Историки ФРГ о нацизме.....	62

ИЗ АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА РФ

Неизвестные письма Эрнста Тельмана И.В. Сталину и В.М. Молотову (1939–1941 гг.) (продолжение).....	75
--	----

ИЗ АРХИВОВ США

Печатнов В.О. США: скрытые дебаты по "русскому вопросу" весной 1945 г.	107
---	-----

ВОСПОМИНАНИЯ

Родионов А.А. Записки посла СССР в Пакистане в 1971–1974 гг.	122
---	-----

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Академик Севостьянов Г.Н. Вторая Квебекская конференция. 1944 г.....	143
Соколов В.В. Трагическая судьба дипломата Г.А. Астахова.....	167

ПОРТРЕТЫ ИСТОРИКОВ

Смирнов В.П. Анатолий Васильевич Адо: человек, преподаватель, ученый (1928–1995).....	184
---	-----

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

Мальков В.Л. В жанре исторического страноведения	210
Дунаевский В.А. Об "Энциклопедия для детей" по всемирной истории	216

РЕЦЕНЗИИ

Гончаренко С.Н. В.С. М я с н и к о в . Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы. 17–20 вв. М., 1996.....	220
Семенов А.Л. Франция: приватизация продолжается. М., 1996.....	222
Орлов А.С. Генералы Сталина. Лондон, 1993.....	224
Ровинская Е.Л. Р. К а л ь д е р а. Андрес Бельо. М., 1995.....	226
Гнищберг Л.И. "Красная капелла" против национал-социализма в движении Сопротивления. Берлин, 1994.....	229

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Тудоряну Н.Л. (Кишинев). Помощь австралийцев Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны.....	232
Шпакова Р.П. Макс Вебер в Вене в 1918 г.....	234

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вяткина Р.Р. В Отделении истории РАН.....	238
Соловьев С.А. Собрание Ассоциации британских исследований.....	239
Лотоchnikова Е.В. В секторе истории войн XX в. ИВИ РАН.....	241
Троицкая Л.М. Научные чтения в связи со 100-летием со дня рождения члена-корреспондента АН СССР А.В. Ефимова.....	243

Историческая наука за рубежом

Люкс Л. (ФРГ). Новый институт ФРГ по изучению новейшей истории Центральной и Восточной Европы.....	245
--	-----

Хроника

Степанова Р.Ф. О деятельности Московского общественного комитета защиты Курил.....	247
Петру Ивановичу Острикову – 70 лет.....	248
Ивану Васильевичу Созину – 70 лет.....	250
Юбилей Елены Викторовны Чистяковой.....	251

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.Н. Севостьянов (главный редактор)

В.А. Виноградов, В.Н. Виноградов, В.Д. Вознесенский (ответственный секретарь),
Т.М. Исламов, Н.П. Калмыков, И.В. Лебедев, В.Н. Малов, И.И. Орлик,
А.В. Ревякин, Л.П. Репина, В.В. Рогинский, В.С. Рыкин, Н.И. Смоленский,
В.В. Согрин, С.Л. Тихвинский, Е.И. Тряпицын (зам. главного редактора),
А.О. Чубарьян, Е.Ф. Язьков

Адрес редакции: 117810, Москва, ГСП–1, Мароновский пер., 26.

Тел. 238-43-21

© 1997 г.

Л.И. БОРОДКИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИКА: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Необычайно высокая концентрация специалистов по применению новых методов и информационных технологий в исторических исследованиях наблюдалась в конце августа 1996 г. в Москве на Воробьевых горах. Очередная, XI ежегодная конференция Международной ассоциации "History and Computing" (АНС) впервые проходила в Восточной Европе; десять предшествующих состоялись в Англии, Германии, Франции, Италии, Дании, Австрии, Голландии, Канаде. На этот раз организаторами крупного международного форума, привлечшего 150 специалистов по исторической информатике из 22 стран Европы, Америки, Азии, явились Ассоциация стран СНГ "История и компьютер" (АИК) – ветвь Международной ассоциации АНС – и Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ). Выбор места и времени проведения XI конференции не был случайным. После четырех лет своего существования АИК показала на деле, что в странах СНГ достигнут достаточно высокий уровень исторической информатики, АИК стала третьей по численности "ветвью" АНС и первой по объему ежегодных публикаций. В России и других странах СНГ сформировалось более десятка научных центров, активно применяющих методы и технологии исторической информатики в исторических исследованиях и образовании студентов-историков.

Московская встреча дала материал для анализа тенденций развития исторической информатики в последнем пятилетии XX в. Однако вначале обратимся к истории становления этого нового научного направления, определим его предмет и метод.

Процесс информатизации, затронувший практически все области знания, вовлек на рубеже 80–90-х годов и историческую науку. Компьютеры стали не только доступнее для историков; технические характеристики персональных компьютеров (ПК) и их программное обеспечение непрерывно совершенствуются, что превращает ПК во все более привлекательный и эффективный инструмент исторического исследования, создает реальные возможности для применения новейших информационных технологий в работе историка. Стало очевидным, что ПК не только незаменимое средство для редактирования и печатания собственных работ историков, но и удобный инструмент для реализации тонких источниковедческих методик. Появление доступных по цене сканеров – считывающих устройств, создающих возможности для оптического ввода в память компьютера текста или изобразительного материала, дало новый импульс исследованиям по истории культуры, искусства, в музееведении и архивном деле. Этому способствовало и появление оптических дисков с их огромной – счет идет на гигабайты – памятью.

Изменились даже условия труда историков в архивах: портативный ПК (ноутбук) позволяет делать все необходимые записи из архивных фондов в виде "мягкой копии", хранящейся в памяти компьютера, а также, если это необходимо, заносить "по ходу" эти записи в персональную базу данных.

Совершенствование программного обеспечения "стандартных" систем управления базами данных, типа dBASE и других, и особенно разработка специализированного программного обеспечения, учитывающего особенности исторических источников – мы имеем в виду прежде всего систему KLEIO, разработанную д-ром М. Таллером из Геттингена, привели к заметной активизации деятельности целого ряда научных центров по созданию больших баз данных, содержащих сведения из массовых исторических источников. Этот процесс особенно затронул просопографические исследования, целью которых является построение и анализ коллективных биографий специфических групп людей. В конце 80-х годов историками были разработаны базы данных, включавшие биографические сведения о сотнях тысяч (!) персоналий. Создание многочисленных баз данных потребовало их стандартизации и концентрации. Сегодня в различных странах функционируют более 20 крупных банков данных или архивов машиночитаемых данных в области историко-социальных исследований, которые имеют определенный проблемный профиль, организационную структуру и занимаются расширением коллекций баз данных, их распределением, публикацией каталогов.

Новые возможности в последние годы появились и в традиционной сфере применения компьютерных технологий в исторической науке – математико-статистической обработке данных источников. Пакеты статистических программ стали более доступными, "дружественными" для историка, обогатились новыми методами многомерного анализа и средствами визуализации – представления в наглядной форме, в виде диаграмм, графиков и т.д. – исходных данных и результатов.

В последние годы в связи с развитием новых мультимедиа технологий значительно возросла активность историков разных стран, использующих персональные компьютеры в учебном процессе на всех уровнях. Компьютер все чаще рассматривается как помощник преподавателя, пытающегося активизировать и индивидуализировать процесс обучения, повысить эффективность контроля знаний.

Быстрому распространению отмеченных тенденций процесса информатизации исторических исследований способствует и "электронная почта", которая связывает значительную часть историков, работающих с компьютером. Возможности электронных коммуникаций в сфере науки и образования резко возросли в последние годы, когда историки получили доступ к глобальной сети Интернет с ее огромными информационными ресурсами.

Этот процесс привел к созданию в 1986 г. АНС, которая координирует деятельность историков разных стран, применяющих в своей исследовательской практике и учебном процессе компьютерные методы и технологии. С 1992 г. в состав АНС входит АИК, объединяющая специалистов по исторической информатике стран СНГ.

Термин "историческая информатика", впервые прозвучавший на русском языке в начале 1990-х годов¹, в других языках появился несколькими годами раньше в связи с возникновением национальных и региональных "ветвей" АНС – их число сейчас превышает 20. В большинстве случаев термину "компьютинг" не нашлось адекватного аналога в других языках; более естественным оказалось дать названия этим ассоциациям, исходя из сочетания слов "история" и "информатика". ("l'Histoire et l'Informatique" во Франции, "Historia e Informatica" в Испании, "Geschiedenis en Informatica" в Голландии, "Geschichte und Informatik/Histoire et Informatique" в Швейцарии и т.д.)².

Что касается самого слова "информатика", то оно появилось в начале 1960-х годов во французском языке для обозначения области автоматизированной переработки

---

¹ *Бородкин Л.И.* Историческая информатика: горизонты 90-х годов, – Информационный бюллетень Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории РАН, 1992, № 4, с. 2.

² В этой связи отметим характерное название голландского учебника по исторической информатике: "Историческая информатика. Вводный курс компьютерных приложений в исторических исследованиях" (*Boonstra O., Breure L., Doorn P.* Historische informatiekunde. Inleiding tot het gebruik van de computer bij historische studies. Hilvesum–Verloren, 1990).

информации. Этот термин является гибридом двух слов. – "information" (информация) и "automatique" (автоматика). В 70-е годы в англоязычной литературе наука о переработке информации на основе вычислительной техники утвердилась под названием "Computer Science". В нашей стране эта область рассматривалась как часть кибернетики, однако к началу 80-х годов термин "кибернетика" стал постепенно уходить из обихода, и в первой половине 80-х годов в результате активной дискуссии, в которой приняли участие ведущие советские ученые, включая президента и вице-президентов АН СССР, термином "информатика" стала обозначаться крупная научная область, "изучающая методы представления, накопления, передачи и обработки информации с помощью ЭВМ"³. Эта комплексная научно-техническая дисциплина по темпам роста, широте приложений, мощности влияния на экономику, науку, культуру далеко превосходит другие научные направления. В 80-е годы были опубликованы статьи крупных специалистов, в которых обсуждались "контуры" информатики, ее междисциплинарные аспекты⁴.

Характерным процессом 90-х годов стало появление "отраслевой" информатики в целом ряде научных областей. Происходит быстрая институционализация этих новых направлений – организуются кафедры и отделы социальной, экономической, правовой (этот ряд можно продолжить) информатики, создаются новые специальности, выходят в свет соответствующие учебники. Происходящие при этом дискуссии представляются весьма необходимыми и даже неизбежными – дело ведь не только и не столько в терминах, сколько в содержании новых дисциплин.

Одной из таких новых дисциплин, возникших на стыке информатики и социально-гуманитарных наук, является историческая информатика.

Основные составляющие, предмет и содержание исторической информатики определились в результате дискуссий последних лет и нашли отражение в структуре первого в Восточной Европе учебника по данной дисциплине, подготовленного в МГУ⁵.

Прежде чем перейти к определению предмета и содержания исторической информатики, обратимся к истории становления того направления исторических исследований в нашей стране, которое было связано с применением ЭВМ⁶. Отметим, что в течение двух с половиной десятилетий использование ЭВМ историками было почти исключительно связано с применением количественных методов в исторических исследованиях, поэтому история становления исторической информатики тесно сопрягается с историей отечественной школы квантитативной истории.

---

³ *Ершов А.П.* Информатика: предмет и понятие. – Вестник АН СССР, 1982, № 3. Отметим, что вариации в дефинициях информатики весьма незначительны. Например, по определению Французской Академии, информатика – это "наука об осуществляемой с помощью автоматических средств целесообразной обработке информации, рассматриваемой как представление знаний и сообщений в технических, экономических и социальных областях". Цит. по: *Бауэр Ф.Л., Гооз Г.* Информатика. Вводный курс. Пер. с нем. М., 1990, с. 18.

⁴ Так, академик А.А. Дородницын включал в состав информатики "три неразрывно и существенно связанные части: технические средства, программные и алгоритмические". Здесь напрашивается сравнение с триадой академика А.А. Самарского "модель – алгоритм – программа", которая выделяет как стдельный аспект информатики построение модели. Особое внимание А.А. Дородницын уделял проблемам применения информатики в "описательных" науках, отмечая приоритет использования в них методов математического моделирования и распознавания, как наиболее перспективных (для социально-гуманитарных исследований) разделов информатики. Эту мысль развивали и другие известные ученые: "Большие возможности перед информатикой открываются и в так называемых описательных науках, когда она овладеет методами построения целостной системы разнообразных математических моделей весьма сложных динамических процессов, изучаемых в этих науках". – *Курдюмов С.П., Рузавин Г.И.* Информатика и математизация современного научно-технического знания. – Вопросы философии. 1986, № 10, с. 71, 73.

⁵ *Белова Е.Б., Бородкин Л.И., Гарскова И.М., Измествева Т.Ф., Лазарев В.В.* Историческая информатика (Ред. Л.И. Бородкин, И.М. Гарскова). М., 1996.

⁶ Термин "ЭВМ" (электронная вычислительная машина) в первой половине 90-х годов был почти полностью вытеснен термином "компьютер".

Первые публикации советских историков, посвященные применению ЭВМ в исторических исследованиях, появились в начале 1960-х годов. Пионеры отечественной квантитативной истории, давшей через четверть века начало новому направлению, получившему название "историческая информатика", представляли известные научные центры страны: МГУ (И.Д. Ковальченко⁷), Сибирское отделение АН СССР (В.А. Устинов⁸), Академию наук Эстонской ССР и Тартуский университет (Ю.Ю. Кахк и Х.М. Лиги⁹). Условия для работы этих ученых были трудными, получить доступ к ЭВМ было для историков весьма сложно – иногда для этого надо было преодолеть тысячи километров. Ситуацию тех лет характеризуют воспоминания академика И.Д. Ковальченко: "Свой первый доклад по использованию ЭВМ и математических методов я сделал в 1962 г. в Новосибирске в лаборатории по применению математических методов в гуманитарных науках при Институте математики Сибирского отделения АН СССР. Поехал я в Новосибирск для обработки своих материалов на ЭВМ. До этого приходилось обходиться ручной счетной машинкой"¹⁰.

Если первые опыты по применению ЭВМ были связаны с обработкой локальных историко-статистических данных по социально-экономической истории страны, с созданием программ поиска и идентификации семей по подворным описаниям крестьянских хозяйств, то в 70-е годы спектр применения ЭВМ в исторических исследованиях существенно расширился. Этому способствовало, прежде всего, становление научного направления, получившего известность как "Применение количественных методов в исторических исследованиях" (более позднее название – квантитативная история). В конце 60-х годов при Отделении истории АН СССР была организована Комиссия по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях во главе с И.Д. Ковальченко, которая стала координатором работ данного профиля, ведущихся в СССР, инициатором организации новых лабораторий, проведения конференций, публикации серии сборников работ советских историков-клиометристов¹¹. В начале 70-х годов по инициативе И.Д. Ковальченко в Институте истории СССР АН СССР была открыта лаборатория по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях, в конце 70-х такая же группа, позднее ставшая лабораторией, появилась в структуре кафедры источниковедения на историческом факультете МГУ; начались работы в этом направлении и на историческом факультете ЛГУ. В 80-е годы небольшие лаборатории или группы этого профиля были организованы в Московском историко-архивном институте (ныне – Российский государственный гуманитарный университет – РГГУ), Азербайджанском, Белорусском и Днепропетровском университетах, а также в академических институтах Урала и Киргизии (в Институте истории АН ЭССР историко-математическая группа была создана ранее).

В эти годы было положено начало формированию сообщества ученых, применяющих математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. Процесс стимулировался активизацией контактов специалистов в рассматриваемой области. С 1979 г. они регулярно собирались на заседаниях всесоюзного семинара "Количественные мето-

⁷ Ковальченко И.Д. О применении математических методов при анализе историко-статистических данных. – История СССР, 1964, № 1; Ковальченко И.Д., Устинов В.А. О применении ЭВМ для обработки историко-статистических данных. – Вопросы истории, 1964, № 5.

⁸ Устинов В.А. Решение некоторых задач истории СССР на электронных вычислительных машинах. – История СССР, 1964, № 1; Устинов В.А. Применение электронных математических машин в исторической науке. – Вопросы истории, 1962, № 8.

⁹ Кахк Ю.Ю. Применение электронных вычислительных машин в исследованиях историков Эстонской ССР. – История СССР, 1964, № 1; Кахк Ю.Ю., Лиги Х.М. К вопросу об экономическом положении и феодальных повинностях крестьян в Эстляндской губернии XVIII в.: опыт применения электронно-счетных машин в историческом исследовании. – Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964.

¹⁰ См.: Интервью с И.Д. Ковальченко. – Информационный бюллетень Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории РАН. 1992, № 5.

¹¹ См.: Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. М., 1987.

ды в исторических исследованиях", организованного Комиссией и историческим факультетом МГУ, 100-е заседание которого состоялось в 1992 г. Другой "канал" для профессионального общения давали школы-семинары по новым методам исторических исследований, поддерживаемые МГУ (Суздаль, 1984 г.; Ростов Великий, 1986 г.; Подмоскowie, 1988 г.; Киргизия, 1989 г.). Эти школы собирали порядка 100 участников, при этом значительную часть составляла научная молодежь.

Работа над проблемами, возникающими на стыке "источник – ЭВМ" и составляющими "ядро" исторической информатики, была все эти годы органичной частью исследований по квантитативной истории. Особенность развития этих работ в нашей стране определялась, в частности, тем, что в состав большинства упомянутых лабораторий были приняты специалисты по прикладной математике и кибернетике – эта инициатива принадлежала руководству Комиссии. Сегодня в такой лаборатории работают не менее 10 этих специалистов: большинство из них смогли адаптироваться к специфике применения математических методов и информационных технологий в исторической науке. Наличие этой группы специалистов, а также сложившееся взаимопонимание между ними и историками-квантификаторами (специалистами по квантитативной истории) обеспечивали достаточно высокий уровень использования сложных и эффективных математико-статистических методов и моделей – даже в условиях нехватки передовой вычислительной техники в 70–80-е годы¹².

Что касается вычислительной техники, то до середины 80-х годов наши историки использовали в основном "большие" ЭВМ серии БЭСМ (большая электронно-счетная машина). Главная трудность заключалась в том, что доступные для историков ЭВМ находились в основном в крупных вычислительных центрах: Вычислительном центре АН СССР, Научно-исследовательском вычислительном центре МГУ и других, что исключало возможность работы в режиме "прямого доступа". Отдав операторам ЭВМ колоду перфокарт с программой и данными, можно было получить распечатку с результатами (или с указанием на ошибку), как правило, только на следующий день. Ситуация несколько улучшилась лишь в начале 80-х годов, когда на историческом факультете МГУ была установлена пара дисплеев, соединенных с большой удаленной ЭВМ¹³.

Фактически вся обработка источников проводилась с помощью программ, созданных в упомянутых выше лабораториях, что потребовало глубокого понимания методических проблем со стороны историков и содержательных проблем со стороны математиков-программистов. Какое программное обеспечение создавалось историками "в эпоху больших ЭВМ"? Можно выделить несколько типов таких программ.

1. Программы, ориентированные на создание и сопровождение архивов машиночитаемых данных (МЧД). В первой публикации, посвященной проблемам разработки архивов МЧД по данным массовых исторических источников, обобщался опыт, накопленный историками МГУ¹⁴. К началу 80-х годов этот архив МЧД на магнитных лентах

¹² Достижения, полученные в данной области отечественной школой, признаются и зарубежными специалистами-квантификаторами. Так, проф. К. Ярауш, председатель Международной Комиссии по применению количественных методов в исторических исследованиях (INTERQUANT), выделял 5–6 национальных школ в области квантитативной истории, в том числе и советскую. Оценивая ее уровень и высказывая как позитивные, так и критические суждения, К. Ярауш отмечает, в частности: "Тесное сотрудничество (советских историков. – Л.Б.) с математиками обеспечило высокие стандарты исследований в ряде областей, например связанных с применением многомерного анализа". – *Jarousch K.H.* (Inter) national Styles of Quantitative History – Historical Methods. 1985, v. 18, № 1, p. 13–19.

¹³ Именно с этого времени и с этого события можно отсчитывать и начало обучения в нашей стране студентов-историков практическим навыкам работы с ЭВМ.

¹⁴ *Бородкин Л.И., Ковальченко И.Д., Соколов А.К.* Массовые исторические источники и проблемы создания архивов машиночитаемых данных. – Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тезисы докладов IV Всесоюзной конференции. М., 1983.

В 80-е годы проблемы создания архивов МЧД вызвали целую серию публикаций советских историков. См., напр.: *Моисеенко Т.Л.* Об использовании банков машиночитаемых данных по истории в новейшей зарубежной историографии. – История СССР. 1985, № 5; *Наузов О.В., Пивовар Е.И., Соколов А.К.* Исторические источники и ЭВМ. – Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988.

содержал около 50 массивов, в том числе данные первой переписи населения России 1897 г., данные сельскохозяйственной переписи 1917 г., тысячи анкет делегатов съездов Советов 1917–1936 гг. Существенную роль при использовании таких архивов МЧД играли программы, реализующие функции информационно-поисковых систем¹⁵.

2. Программы, реализующие историко-демографические методики "восстановления истории семей" (ВИС). Это направление развивалось преимущественно эстонским историком Х. Палли, первая публикация которого в 1971 г. содержала описание программы, сопоставляющей сведения о крестьянских семьях из различных источников (метрических книг, ревизских сказок) в условиях вариации прозвищ – фамилий у эстонских крестьян в XVII и XVIII вв. не было¹⁶.

3. Программы статистического анализа данных исторических источников. В течение 70–80-х годов в лабораториях академических институтов и исторических факультетов были созданы десятки программ, реализующих большинство математико-статистических методов. Две причины стимулировали такие разработки: специфика структуры данных исторических источников и задач их анализа и трудности доступа к использованию "продвинутых" статистических пакетов типа SPSS.

Программные комплексы выростали из крупных исследовательских задач–проектов, связанных с обработкой массовых статистических источников. Так, комплексы статистических программ различной ориентации были созданы в результате многолетних исследований писцовых книг XVII в.¹⁷, материалов крестьянской реформы в 1861 г.¹⁸, массовых источников по аграрному развитию России конца XIX – начала XX в.¹⁹, массовых источников по истории советского рабочего класса²⁰ и т.д.

4. Программное обеспечение для работы со средневековыми текстами. Здесь речь идет об исследованиях источниковедческого характера, посвященных атрибуции – определению авторства – средневековых текстов нарративного (описательного) характера и изучению истории текста памятников древнерусской письменности, имеющих многовековую традицию и множество рукописных копий (списков). Разработанные программы позволяли: построить генеалогическое древо списков, исходя из сопоставления разночтений²¹; определить особенности авторского стиля средневековых текстов на основе структуры парных встречаемостей грамматических классов и использовать их в задачах атрибуции²².

¹⁵ Дегтярев А.Я., Кащенко С.Г., Раскин Д.И. Методика применения ЭВМ в изучении реформы 1861 г. – Количественные методы в гуманитарных науках. М., 1981; Киселев И.Н., Мироненко В. Социальный портрет высшей бюрократии первой четверти XIX в. Количественный анализ. – Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. М., 1984; Бородкин Л.И., Соколов А.К. Опыт создания базы данных на основе анкетных сведений о делегатах съездов Советов. – История СССР, 1984. № 2.

¹⁶ Палли Х.Э. О некоторых методических вопросах обработки источников по исторической демографии ЭССР на ЭВМ. – Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.

¹⁷ Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденция аграрного развития России первой половины XVII в. (Источник, компьютер, методы исследования.) М., 1986.

¹⁸ Кащенко С.Г. Применение компьютеров при комплексном изучении дел Главного выкупного учреждения. – Комплексные методы в исторических исследованиях. М., 1987.

¹⁹ Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982; Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв. Опыт многомерного количественного анализа. – История СССР, 1979. № 1; Бородкин Л.И. Современная информатика в исследованиях по аграрной истории России конца XIX в. К IX Международному конгрессу по экономической истории. М., 1986.

²⁰ Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. Опыт структурного анализа материалов профессиональной переписи 1918 г. М., 1974; Славко Т.И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981.

²¹ Бородкин Л.И., Милов Л.В. О некоторых аспектах автоматизации текстологических исследований. – Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.

²² Бородкин Л.И., Милов Л.В., Морозова Л.Е. К вопросу о формальном анализе авторских особенностей стиля в произведениях Древней Руси. – Там же.

5. Программное обеспечение задач моделирования исторических процессов и явлений. Проблемы моделирования вызвали, пожалуй, наиболее острую дискуссию среди советских историков-клиометристов в 70–80-е годы²³. Ряд программ, реализующих различные имитационные и "аналитические" модели, был разработан в 70–80-е годы для моделирования Пелопонесских войн²⁴, динамики древнейших человеческих общин в условиях палеолита²⁵, процесса расслоения феодально-зависимых крестьян в Византии²⁶, динамики социальных революций²⁷, процесса иностранных инвестиций в России начала XX в.²⁸, социальной динамики в период нэпа²⁹ и т.д. Нередко создание программ для моделирования исторических процессов было связано с использованием сложного математического аппарата – теории игр³⁰, теории дифференциальных уравнений³¹, теории марковских цепей (раздел теории случайных процессов, созданный в начале XX в. российским математиком академиком А.А. Марковым)³².

Середина 80-х была отмечена резким повышением внимания в стране к проблемам информатизации общества, особенно применительно к системе образования. Руководством страны был принят ряд постановлений по перестройке высшего образования, в которых предусматривалось, в частности, развитие программы компьютеризации в вузах. В соответствии с этой программой в учебные планы всех факультетов с 1985 г. был введен обязательный курс информатики, утверждены нормативы, обеспечивающие выделение студентам-гуманитариям не менее 100 часов дисплейного времени за период обучения в вузе. В течение одного года все преподаватели всех вузов страны обязаны были пройти ускоренный курс компьютеризации.

"Кампания 1985 г." не была успешной, хотя в ней приняли активное участие сотни вузов страны и десятки тысяч преподавателей получили соответствующие удостоверения. Для ее нормальной реализации потребовалось бы другое материальное и методическое обеспечение. Почти повсеместно занятия с преподавателями-гуманитариями проводились на факультетах естественных наук, без учета специфики той или иной области гуманитарного знания. Одним из редких исключений был МГУ, в котором гуманитарные факультеты выполняли задачу, используя возможную собственную лабораторий и специалистов. Так, на историческом факультете МГУ программа компьютеризации была реализована своими специалистами, имеющими достаточный опыт применения ЭВМ в исторических исследованиях. Однако эффективность этих занятий не была высокой – главным образом, в силу отсутствия должного количества, а также и недостаточного качества вычислительной техники.

²³ Ковальченко И.Д. О моделировании исторических процессов и явлений. – Вопросы истории, 1978. № 8.

²⁴ Гусейнова А.С., Кузицин В.И., Павловский Ю.Н., Устинов В.А. Опыт имитационного моделирования историко-социального процесса. – Вопросы истории, 1976, № 11.

²⁵ Носевич В.Л. Компьютерная модель древнейших популяционно-демографических процессов. – Информационный бюллетень "История и компьютер", № 3, 1991.

²⁶ Хвостова К.В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980.

²⁷ Абрамзон М.Н. Опыт моделирования динамики социальных революций. – Информационный бюллетень "История и компьютер", № 5, 1992.

²⁸ Греков Б.И. Иностранные инвестиции в русских акционерных банках в 1900–1914 гг. Опыт применения системного подхода. – Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. М., 1989.

²⁹ Бородкин Л.И., Свищев М.А. Социальная мобильность в период нэпа. К вопросу о росте капитализма из мелкого производства. – История СССР, 1990, № 5.

³⁰ Акимов В.П., Сергеев В.М. Изучение структуры конфликта на основе анализа событий: русско-германские отношения в 70-х годах XIX в. – Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. М., 1989; Бокарев Ю.П. Крестьянское хозяйство и развитие промышленности Советской России в середине 20-х годов XX в. – Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.

³¹ Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: источники, методы исследования. М., 1989.

³² Бородкин Л.И., Свищев М.А. Моделирование процесса дифференциации крестьянства. – Комплексные методы в исторических исследованиях. М., 1991.

Следует ли из сказанного выше, что итоги "кампании 1985 г." являются исключительно негативными? Думается, нет, и вот почему. Во-первых, в результате ее проведения в ряде университетов возникли весьма полезные контакты между историками и "математиками" – специалистами по информатике и кибернетике; в последующие годы это привело к появлению новых точек на карте распространения новых методов исторических исследований. Во-вторых, несмотря на неподготовленность усложненного курса компьютеризации, часть историков смогла оценить потенциальные возможности применения новых информационных технологий в работе с историческими источниками. В-третьих, как "низ", так и "верхи" в системе образования ощутили настоятельную необходимость приобретения нужного количества вычислительной техники нового поколения. Без этого дальнейшее развитие работ по применению новых информационных технологий в исторических исследованиях и учебном процессе уже не представлялось возможным.

МИКРОКОМПЬЮТЕРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: КОНЕЦ 80-х – НАЧАЛО 90-х ГОДОВ

Первые ПК на рабочих столах советских историков появились в начале 1988 г., лет на пять позднее, чем у коллег из стран Западной Европы и США. Это были три отдельных IBM-совместимых микрокомпьютера "Нейрон" с весьма скромными характеристиками, которые были приобретены историческим факультетом МГУ и в течение полутора лет являлись материальной базой для квантитативных исследований и учебного процесса. В 1990 г. эти машины были заменены шестью ПК класса IBM/PC AT; к этому времени машины такого уровня появились в Институте истории СССР АН СССР, а также у историков некоторых других институтов и вузов страны. Открывались новые возможности для развития компьютерных технологий в исторических исследованиях и обучении историческим дисциплинам.

Реализация этих возможностей наиболее успешно проходила на историческом факультете МГУ, где в 1992 г. насчитывалось 25, а в 1996 г. – почти 60 ПК, что позволило установить их на многих кафедрах, существенно улучшить материальную базу лаборатории исторической информатики и ряда других лабораторий факультета, открыть компьютерные классы для проведения занятий по исторической информатике и самостоятельной работы – включая "навигацию" в Интернете – студентов и сотрудников факультета.

Различные модели курса исторической информатики развиваются также в РГГУ, в Азербайджанском, Алтайском, Белорусском, Воронежском, Днепропетровском, Екатеринбургском, Мордовском, Самарском, Санкт-Петербургском и ряде других университетов стран СНГ.

Появление ПК новых моделей заметно активизировало разработку программ, предназначенных для контроля знаний и обучения историческим дисциплинам. Эти работы велись с начала 80-х годов в Ленинграде, Минске, Москве, Барнауле и других городах и привели к неплохим результатам.

Другой важный аспект микрокомпьютерной революции был связан с возрастанием интереса к созданию баз данных по материалам исторических источников. Программное обеспечение ПК дало в руки историков весьма удобный и доступный каждому инструмент для хранения данных источника и информационного поиска. Исходя из необходимости координации и определенной унификации деятельности по разработке баз данных, представители исторического факультета МГУ, Института истории СССР АН СССР и МГИАИ выступили в 1989 г. с инициативой создания Банка (машиночитаемых) данных по российской истории. Эта идея получила финансовую поддержку Отделения истории АН СССР (а позже Российского гуманитарного научного фонда – РГНФ), и с 1990 г. инициативная группа приступила к практической деятельности. Описания конкретных баз данных приводятся в выпусках Информационного бюллетеня "История и компьютер". Этот бюллетень, созданный в 1990 г. и выходящий в

свет ежеквартально, стал основным каналом оперативного обмена информацией в среде специалистов в области исторической информатики и квантитативной истории³³.

Появление компьютеров нового поколения стимулировало разработку историками не только баз данных, но и баз знаний, применение экспертных систем и других систем искусственного интеллекта. Активизировались работы по компьютерному анализу текстовых источников и изображений, ведущиеся в ряде лабораторий страны. Новые компьютерные технологии, основанные на использовании сканеров, лазерных дисков, мультимедийных технологий, существенно расширили возможности хранения и анализа изобразительных источников. В середине 90-х годов российские историки получили доступ к информационным ресурсам глобальной сети Интернет (в эту сеть сетей подключились компьютеры исторических факультетов МГУ, Алтайского государственного университета и других учреждений).

Однако развитие исторической информатики вплоть до 1992 г. шло у нас параллельным курсом, почти не пересекаясь с развитием этого направления за рубежом. Три конференции и школы-семинара по новым методам исторических исследований, состоявшихся в 1991 г. в Подмоскowie, на Украине и в Белоруссии, выявили застой в развитии нового исследовательского инструментария и информационных технологий анализа источников.

Между тем специалисты по исторической информатике ряда стран Западной Европы уже к середине 80-х годов пришли к выводу о необходимости институционализации международного научного сообщества, складывающегося в этом активно развивающемся направлении исследований. АНС является ныне одной из самых представительных профессиональных ассоциаций историков и самой активной из них. С 1986 г. АНС проводит ежегодные международные конференции (по сути – конгрессы), в которых участвуют сотни специалистов из разных стран, публикует объемистые тома трудов этих конференций, а накануне этих крупных форумов проводит серию небольших проблемно-ориентированных рабочих семинаров, инициирует совместные исследовательские проекты и разработку специализированного "источникo-ориентированного" программного обеспечения, участвует в организации летних школ по данной проблематике, отработывает оптимальную модель курса исторической информатики и т.д. В ряде университетов Западной Европы на исторических факультетах введена специализация по профилю "историческая информатика", дающая возможность получить магистерский или даже докторский диплом по этой специальности³⁴. С 1989 г. АНС выпускает – сначала в Оксфорде, а затем в Эдинбурге – международный журнал "History and Computing".

Однако в этой активной профессиональной деятельности специалисты из стран Восточной Европы практически не участвовали. Ситуация начала изменяться с января 1992 г., когда АНС организовала международный симпозиум по координации исследовательской деятельности в области исторической информатики в странах Западной и Восточной Европы, который состоялся в Зальцбурге (Австрия). Участники симпозиума, прибывшие в Зальцбург из 11 европейских стран, обсудили современное состояние исторической информатики, наметили основные направления международного сотрудничества в этой динамично развивающейся области исследований.

Результаты этой международной встречи не замедлили сказаться. Уже к лету 1992 г. в ряде стран Восточной Европы были созданы национальные ассоциации АНС. В июне того же года в Ужгороде состоялся международный семинар "Новые компьютерные технологии в исторических исследованиях и образовании", который был организован историческим факультетом МГУ, представленным лабораторией исторической информатики и Закарпатской ассоциацией молодых историков при поддержке АНС. Ужгородский семинар собрал специалистов по исторической информатике из 13 стран.

³³ К лету 1996 г. вышли в свет 18 номеров бюллетеня (общим объемом более 120 п.л.).

³⁴ О магистерских программах данного профиля см.: Информационный бюллетень "История и компьютер", № 12, 1994, с. 34–45.

Впервые ученые Восточной и Западной Европы обменялись опытом своих разработок в области исторической информатики.

Уже в октябре 1992 г. только что учрежденная в Москве АИК и исторический факультет МГУ при активной поддержке АНС организовали первую в Восточной Европе международную осеннюю школу "Историческая информатика: Европейская модель". Опыт оказался успешным, и в 1996 г. школа состоялась уже в пятый раз, став заметным событием научной жизни. Занятия школы проводятся лучшими специалистами из университетов стран Западной Европы (в последние годы в качестве преподавателей школы привлекаются и специалисты из МГУ, а в качестве слушателей – студенты и аспиранты из Западной Европы). За эти годы более 200 студентов, аспирантов и молодых ученых из России и ряда стран СНГ получили сертификаты об успешном окончании московской школы³⁵.

Важной составляющей научной жизни сообщества специалистов по исторической информатике стали ежегодные конференции АИК, проходящие весной в Подмоскovie. В марте 1996 г. состоялась IV конференция АИК, на ней присутствовали более 80 участников из пяти стран СНГ. Публикации трудов этих конференций дают представление о тенденциях развития исторической информатики в России и других странах СНГ³⁶.

Разумеется, из сказанного выше не следует, что историческая информатика в нашей стране развивается без проблем. Назовем следующие из них.

а) Преподавание дисциплин, связанных с применением новых методов в исторических исследованиях, ведется в той или иной форме лишь в 10–12 "классических" университетах России, общее число которых – более 30. Причин тому несколько, и прежде всего нехватка компьютеров и специалистов (две взаимосвязанные проблемы). Компьютеры остаются по-прежнему труднодоступными для гуманитарных факультетов ввиду их относительно высокой стоимости, сравнимой с полугодовой зарплатой профессора.

б) Отсутствие специализации по данному профилю, как на уровне дипломных, так и на уровне диссертационных работ, что ограничивает возможности подготовки специалистов.

в) Отсутствие полноценного журнала, ориентированного на проблематику количественной истории и исторической информатики (подобного, например, журналу общества "QUANTUM", издаваемому в Кельне).

Решение названных проблем позволило бы существенно повысить уровень исследований по исторической информатике в нашей стране.

Историческая информатика в России, как, вероятно, и в других странах, сформировалась в недрах клиометрии (другое название количественной истории; происходит от Клио – муза истории и "metrio" (лат.) – измеряю; в США употребляется применительно к "новой" экономической истории). Повышение внимания в последние 5–10 лет к базам данных, компьютерным технологиям анализа исторических источников породило опасения, неоднократно высказывавшиеся в дискуссиях историков-клиометристов, в том, что этот процесс приведет к переключению интеллекта на чисто прагматические цели, а методический арсенал низведет к стандартным пакетам программ. Предрекались удручающие последствия – резкое сокращение количества работ, в которых предлагались бы оригинальные решения исследовательских проблем с помощью новых методик, падение уровня содержательных результатов количественной истории.

³⁵ Программа школы отражает взаимодействие исторической информатики с другими новыми направлениями исторической науки: 6 из 12 курсов составляют ядро программы и посвящены различным аспектам исторической информатики; остальные же шесть дают представление о новых направлениях социальной истории, экономической истории, исторической демографии, социальной антропологии, устной истории, микроистории.

³⁶ См., например, последний из вышедших сборников трудов конференций АИК: *Круг идей: модели и технологии исторической информатики. Труды III конференции АИК.* (Ред. Л.И. Бородкин, В.С. Тяжельникова). М., 1996.

Эти соображения слишком серьезны, чтобы не попытаться разобраться в отношениях, складывающихся между квантитативной историей и исторической информатикой.

К середине 80-х годов тенденции развития квантитативной истории сделали очевидными следующие обстоятельства: большинство статистических методов (включая наиболее сложные) историками-клиометристами освоены, и дальнейшее расширение их методических средств требует новых подходов; практически весь арсенал математической статистики реализован в стандартных статистических пакетах, и при наличии ПК историк-исследователь в принципе может обрабатывать свои данные самостоятельно без посредника-программиста; повышение требований к уровню аргументации результатов исторического исследования акцентирует вопрос о корректности использования данных источника; стремительный рост количества баз данных неизбежно ставит вопросы их стандартизации, систематизации, распространения, устранения возможного дублирования; эти вопросы должны решаться в рамках соответствующих банков данных; существующие стандартные пакеты программ пригодны для хранения, поиска и анализа далеко не всех исторических источников; есть немало источников, обладающих спецификой, которая не могла быть учтена создателями стандартных пакетов; микрокомпьютерная революция открыла возможности для использования историками новых информационных технологий, не связанных с вычислениями и обработкой статистических данных: оптический ввод текста в память ПК с помощью сканера, компьютерное картографирование и анализ изображений, использование систем искусственного интеллекта, глобальных сетей.

Этот перечень можно было бы продолжить, но и в таком виде он убедительно показывает необходимость определенной перегруппировки сил в области квантитативной истории, формирования группы специалистов, способных принять вызов со стороны новых реалий развивающегося исследовательского процесса. Такая перегруппировка отнюдь не означает, что эти специалисты уходят из квантитативной истории; в их работе появляется новый акцент, а те усовершенствованные инструменты, которые они "доводят до кондиции", как раз и ориентированы прежде всего на потребности историков-клиометристов. Однако функции исторической информатики как "поставщика" новых компьютерных методов и технологий не замыкаются исключительно на квантитативной истории; так, разработка и внедрение новых методик ввода и анализа на компьютере изобразительных или нарративных источников может быть не связана с применением количественных методов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИКА: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ

Становление исторической информатики выявило к середине 90-х годов и другой аспект дискуссий о ее содержании и приоритетах развития – как в рамках АИК, так и в рамках АНС. Водоразделом в этих дискуссиях является вопрос о том, как далеко за пределы компьютерного источниковедения простирается область исторической информатики. Компьютерное источниковедение обычно понимается как совокупность методов и технологий создания машиночитаемых исторических источников³⁷. Традиционные вопросы критики источника остаются прерогативой "классического" источниковедения. С самого начала компьютерное источниковедение рассматривалось как ядро исторической информатики; именно проблемы адекватной формализации и репрезентации информации источника, создания баз данных, учитывающих специфику исторических источников, были в центре внимания пионеров исторической инфор-

---

³⁷ См., например: *Моисеенко Т.Л., Свищев М.А.* Изучение аграрной истории России последних десятилетий: перспективы "компьютерного источниковедения". – История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. St. Katharinen, 1993; *Тяжельникова В.С.* Компьютерное источниковедение: к постановке проблемы. – Круг идей: развитие исторической информатики. М., 1995.

матики³⁸. В то же время на конференциях АНС, в ее публикациях всегда присутствовала и другая важная компонента – аналитическая, связанная с использованием компьютера для анализа данных машиночитаемого источника, получения содержательно значимых результатов. Этот водораздел определяется в значительной мере различиями в оценках возможностей источник-ориентированного, с одной стороны, и проблемно-ориентированного подхода – с другой. Историческая информатика должна органично сочетать обе компоненты – источниковедческую и аналитическую. В этом контексте естественным представляется следующее определение исторической информатики – это научная дисциплина, изучающая закономерности процесса информатизации исторической науки и образования; в основе исторической информатики лежит совокупность теоретических и прикладных знаний, необходимых для создания и использования в исследовательской практике электронных версий исторических источников всех видов.

Теоретической основой исторической информатики является современная концепция информации, включая социальную информацию и теоретическое источниковедение, а прикладной – информационные (компьютерные) технологии.

Область интересов исторической информатики включает разработку общих подходов к применению информационных технологий в исторических исследованиях, в частности – специализированного программного обеспечения; создание исторических баз и банков данных (знаний); применение информационных технологий представления данных и анализа структурированных, текстовых, изобразительных и других источников; компьютерное моделирование исторических процессов; использование информационных сетей (Интернета и др.); развитие и применение средств мультимедиа и других новых направлений информатизации исторической науки; а также применение информационных технологий в историческом образовании.

В соответствии со сказанным выше можно говорить о прикладной исторической информатике (связанной с использованием стандартных и разработкой специфичных, источник-ориентированных информационных технологий) и теоретической исторической информатике. Если контуры первой достаточно ясны, то содержание теоретической компоненты исторической информатики требует уточнения. Необходимо выделить три уровня теоретического знания в данной области: метатеория; теории "среднего уровня"; микротеории.

Метатеорию мы связываем с теоретизацией самого понятия "информация" и его спецификой применительно к задачам исторических исследований. Несмотря на наличие известной точки зрения о том, что понятие "информация" является одним из фундаментальных в современной науке и поэтому не может быть строго определено через более простые понятия (*ignotum per ignotus* – неизвестное через более неизвестное), категория "информация" связывается уже с начала XX в. с категорией отражения. Именно философское понимание категории отражения как всеобщего свойства материи оказалось методологически плодотворным для раскрытия сущности информации. Впервые рассмотрение основных свойств и природы исторического источника в свете учения об информации было проведено И.Д. Ковальченко³⁹. Другой аспект метатеории мы связываем с теорией информации – математической и технической дисциплиной, ведущей свое начало с 1948 г., когда американский математик,

---

³⁸ См. труды первых международных конференций АНС: *History and Computing*. Ed. by P. Denley and D. Hopkin. Manchester – New York, 1987; *History and Computing II*. Ed. by P. Denley, S. Fogelvik and Ch. Harvey. Manchester – New York, 1989. В издании трудов III конференции АНС вступительная статья имела характерное название "Историк и база данных". Этим проблемам были посвящены и первые отечественные публикации в области современной исторической информатики: *Ковальченко И.Д., Бородин Л.И., Соколов А.К.* Массовые исторические источники и проблемы создания архивов машиночитаемых данных. – Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин; *Ковальченко И.Д., Бородин Л.И.* Информатика и вычислительная техника в источниковедении. – Проблемы количественных методов анализа и классификации источников по отечественной истории. Днепропетровск, 1988.

³⁹ *Ковальченко И.Д.* Исторический источник в свете учения об информации (к постановке проблемы). – *История СССР*, 1982, № 3.

создатель теории информации К. Шеннон ввел математическое понятие количества информации. Наконец, важное значение приобретает семиотическая проблематика в изучении свойств информации исторического источника, основанная на концепциях знаковых систем и включающая три уровня: синтактику, семантику и прагматику⁴⁰.

В качестве теорий среднего уровня исторической информатики можно рассматривать разработки моделей данных исторических источников, принципов построения историко-ориентированных систем и т.д.⁴¹ О такого рода теориях писал еще в 1987 г. М. Таллер, историк из Гёттингена, в статье с характерным названием "Потребность в теории исторического компьютеринга"⁴², в которой он сформулировал три принципа разработки такой теории: учет контекста при работе с информацией источника; учет размытости (нечеткости) данных источника; учет многомерности, многосвязности текстовых структур источника.

Наконец, к микротеориям исторической информатики можно отнести конкретные теоретические разработки (алгоритмы) репрезентации и анализа данных источников определенного типа, например, при проведении просопографического исследования, при построении когнитивных схем на основании полнотекстовой базы данных, при создании баз знаний. Примерами могут служить разработка подхода к переводу свободного текста источника в записи реляционной базы данных, реализованного в виде системы SOCRATES⁴³, или разработка когнитивно-ориентированного подхода к построению исторических информационных систем, реализованного в виде просопографической системы "Просис"⁴⁴. Используя общую терминологию информатики, можно сказать, что в каждом конкретном случае содержание "микротеории" сводится к построению так называемой информационной модели⁴⁵.

Еще один аспект обсуждения методологических проблем развития исторической информатики возникает, если рассматривать ее в связи с социальной информатикой, ориентированной на познание закономерностей информатизации общества. В развитии социальной информатики "значительное внимание уделяется как техническим средствам, так и программным, а также социальным составляющим информационных технологий"⁴⁶. Социальная информатика прошла этап институционализации, и уже несколько лет для выпускников вузов РФ существует специальность "социальная информатика и моделирование". Как отмечает академик А.Д. Урсул, социальная информатика является методологическим направлением общенаучного уровня, питающим общими идеями другие более конкретные (отраслевые) области знания, например, экономическую информатику, политическую информатику, социологическую информатику и т.д., над которыми социальная информатика возвышается на правах более общей теории⁴⁷. При этом, по мнению А.Д. Урсула, социальная информатика обречена на полноценное развитие лишь на теоретико-методологическом уровне – в силу значительной общности предлагаемых концепций. Конкретное же, прикладное развитие получают частнонаучные, отраслевые информатики, и именно этот процесс диф-

---

⁴⁰ См., например: Куликовский Л.Ф., Мотов В.В. Теоретические основы информационных процессов. М., 1987, с. 12–15.

⁴¹ Modelling Historical Data. Ed. by D. Greenstein. St. Katharinen, 1991.

⁴² Thaller M. The Need for a Theory of Historical Computing. – History and Computing II. Manchester – New York, 1987.

⁴³ Брере Л. Реляционные базы данных и свободный текст: *Contradictio in terminis?* – История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. St. Katharinen, 1993.

⁴⁴ Гутнов Д.А., Перевертень В.А. Российские историки XVIII – начала XX в.: проект и информационная система. – Круг идей: новое в исторической информатике. М., 1994.

⁴⁵ Еришов А.П. Информатика: предмет и понятие. – Информатика и научно-технический прогресс. М., 1987, с. 30.

⁴⁶ Урсул А.Д. Информатизация общества. Введение в социальную информатику. М., 1990, с. 159. О методологических проблемах информатизации общества см. также: Ракишов А.И. Компьютерная революция и информатизация общества. – Философские науки, 1988, № 5; *его же*. Информационная революция: наука, экономика, технология. М., 1993.

⁴⁷ Урсул А.Д. Указ. соч., с. 160.

ференциации социальной информатики окажется, в соответствии с прогнозом А.Д. Урсула, более эффективным и конструктивным⁴⁸.

Первое десятилетие развития международного научного сообщества в области исторической информатики сформировало сбалансированную структуру этого профессионального сообщества. Оно состоит из нескольких групп, слоев, тесно взаимодействующих, но несколько различающихся по своей роли в развитии исторической информатики, расширении ее ареала. Первая группа – это разработчики новых подходов к представлению и анализу данных исторических источников, соответствующих алгоритмов, программ и технологий. Именно наличие такой группы позволяет, вообще говоря, рассматривать историческую информатику как научную область, имеющую не только свой предмет исследования, но и специфические методы, исследовательский инструментарий⁴⁹. Вторая группа – это квалифицированные пользователи новых информационных технологий, методов и программного обеспечения; они осваивают реалии стремительно меняющегося мира информационных технологий, творчески адаптируют его новые достижения (с учетом специфики исторических источников и задач их обработки) и внедряют их в практику исторических исследований. Наконец, третья и, возможно, наиболее многочисленная группа – это широкий слой историков-исследователей, пришедших к необходимости применять в своей работе технологии баз данных, анализа текстовых и структурированных источников, моделирования и т.д. Используя информационные технологии, они ориентируются преимущественно на тот опыт, те образцы, которые продуцируют первые две группы.

Конечно, эта "стратификация" достаточно условна – группы могут пересекаться, специалисты из третьей группы могут переходить во вторую, а из второй группы – в первую и т.д. Важно, однако, другое – эта структура должна не только обеспечивать историческую науку новыми методами и современными технологиями, но и давать убедительные примеры их использования при решении крупных исследовательских проблем. Наиболее адекватной формой для реализации этих целей является, на наш взгляд, исследовательский проект, в рамках которого корпус изучаемых источников корректно переводится в машиночитаемую форму, затем проводится его комплексный анализ – с использованием тех информационных технологий и аналитического инструментария, которыми владеют специалисты по исторической информатике, а затем осуществляется интерпретация полученных результатов, в чем принимают участие историки – специалисты в соответствующей области.

Важным является вопрос о подготовке и переподготовке специалистов по исторической информатике. Дело в том, что если период "полураспада компетентности" – т.е. время, за которое знания устаревают на 50%, – составляет для инженера пять лет, для химиков, медиков и биологов – четыре года⁵⁰, то, по нашей оценке, для специалиста по исторической информатике этот период не превышает трех лет. И хотя 20-летней давности прогноз видного французского историка Э.Леруа Ладюри, отмечавшего, что "в будущем историк (квантификатор. – Л.Б.) станет программистом или он не будет ничего стоить"⁵¹, не оправдался, наши английские коллеги приступили

---

⁴⁸ Там же, с. 160.

⁴⁹ Сегодня трудно представить себе историческую информатику без таких известных зарубежных разработок, как KLEIO, SOCRATES, WINCENS, а также программ, реализующих методы *record linkage* ("рекорд линкидж" – в переводе с английского означает связывание записей, относящихся к одному и тому же человеку, но зафиксированных в различных источниках; например, сведений из приходских книг о рождении, браке и смерти конкретного человека). Нашим специалистам известны также отечественные разработки: QualiDatE, Просис, FuzzyClass и др.

⁵⁰ Самарский А.А. Вычислительный эксперимент и научно-технический прогресс. – Информатика и научно-технический прогресс. М., 1987, с. 49.

⁵¹ *Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien. Paris, 1973, p. 14.* В этом прогнозе Леруа Ладюри исходил из ситуации начала 70-х годов, когда царствовали большие ЭВМ и доступ к ним историка почти всегда требовал участия программиста. Ныне в связи с большим количеством пакетов программ, предназначенных для пользователей персональных компьютеров, необходимость обращения к программисту или овладения навыками программирования почти исчезла.

к подготовке специалистов по исторической информатике (Historical Information Engineers), "которые будут разрабатывать специализированные программные средства и преподавать историческую информатику"⁵². Однако, на наш взгляд, более высоким будет спрос на специалистов, имеющих навыки работы с широким кругом уже существующих информационных подходов и технологий. Такого же мнения придерживается и президент АНС Я. Олдерволл, который в статье под названием "Почему Норвегия не является мировым чемпионом по исторической информатике?" пишет: "Звание чемпиона мира по исторической информатике должно быть скорее присвоено лучшему пользователю, чем лучшему разработчику методов исторической информатики"⁵³. Остается лишь добавить, что потребность существует не только в чемпионах.

Разумеется, менее всего хотелось бы видеть в будущем специалисте по исторической информатике этакого "гомо информатикус"⁵⁴. Историческая информатика должна быть органичной составляющей развивающейся исторической науки. В этом случае она может стать в XXI в. "новым языком исторических исследований", по выражению известного английского специалиста по исторической информатике, одного из "отцов-основателей" АНС, английского историка П. Денли, который, исходя из универсальности методологических и методических проблем, рассматриваемых в рамках исторической информатики, отводит ей роль противовеса центробежным тенденциям в развитии исторической науки⁵⁵. Думается, П. Денли был прав, когда утверждал: "Возможности исторической информатики не сводятся к тому, что мы можем теперь делать те или иные исследования быстрее или эффективнее; мы можем делать новое, и мы можем делать старое по-другому"⁵⁶.

К ИТОГАМ XI МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ "HISTORY & COMPUTING"

Обобщение результатов, представленных в 110 докладах, на 20 секциях конференции АНС, потребует еще немало времени. Сфокусируем внимание на нескольких наиболее существенных чертах современного развития этой динамичной междисциплинарной области.

В приветственном слове на открытии конференции президент АНС Я. Олдерволл и экс-президент АНС М. Таллер отметили, что интеграция национальных ассоциаций восточноевропейских стран в рамках Международной ассоциации "History & Computing" является наиболее существенной чертой в деятельности этого международного профессионального сообщества в последнее пятилетие. М. Таллер проинформировал участников о международном проекте INTAS, инициированном АНС и поддержанном Европейским Союзом. В этом проекте, координируемом М. Таллером, участвуют исследовательские группы из шести университетов стран СНГ: Алтайского, Бакинского, Белорусского, Днепропетровского, Московского и Санкт-Петербургского государственных университетов. Цель проекта – содействие развитию работ по исторической информатике в названных центрах; в Баку создаются базы данных по демографическим источникам советского периода, в Днепропетровске ведется работа по сканированию, распознаванию и разработке полнотекстовой базы данных по источникам о функционировании земства во второй половине XIX – начале XX в., в Минске идет освоение современных средств мультимедиа для создания обучающих

---

⁵² Denley P. Historical Computing as a New Language for History? – The Art of Communication. Proceedings of the VIII International Conference of the Association for History and Computing. Ed. by G. Jaritz, I. Kropac. P. Teibenbacher. Graz, 1995, p. 26.

⁵³ Oldervoll J. Why Isn't Norway World Champion in Historical Informatics? – Computers and the Humanities. v. 28, 1995, p. 273.

⁵⁴ Ракутов А.И. Философия компьютерной революции. М., 1991, с. 219.

⁵⁵ Denley P. Op. cit., p. 23.

⁵⁶ Ibid., p. 22.

программ по историческим дисциплинам, в Барнауле акцент сделан на компьютерном картографировании – проводится оцифровка исторических карт Сибири и Российской империи, в Москве создается специализированное программное обеспечение, совместимое с KLEIO, в Санкт-Петербурге сканируются и записываются на оптические диски CD-ROM архивные материалы по крестьянской реформе 1861 г. Цели проекта предусматривают, что по его завершении произведенные электронные ресурсы поступят в широкое пользование. Я. Олдерволл отметил, что АНС инициировала в последние годы целый ряд международных проектов по исторической информатике, в которых участвуют западно- и восточноевропейские исследовательские группы.

С докладом на пленарном заседании конференции выступил известный российский ученый, видный специалист в области моделирования сложных систем, в частности социальных, академик РАН Н.Н. Моисеев. Он изложил свою точку зрения на имеющийся опыт моделирования исторических процессов, затронул новейшие проблемы информатизации общества.

Характерно, что первая секция конференции была посвящена перспективам сотрудничества историков разных стран в области расширения электронных информационных ресурсов. Ее организаторы Ш. Андерсон и Д. Гринстейн (Англия) поставили в центр дискуссии вопросы координации работ по созданию электронных версий исторических источников, их каталогизации, налаживанию процесса взаимного информирования и т.д.

Тематика секций XI конференции АНС выявила еще раз наличие двух основных линий развития исторической информатики – прикладной и аналитической. Это разделение в известной мере условно, однако оно отражает различные акценты в деятельности данного научного сообщества. Первая линия была представлена целым рядом секций, на которых обсуждались проблемы информатизации архивов и музеев, создания банков машиночитаемых исторических данных, дигитализации (оцифровки) изображений и исторических карт. Эти проблемы были в центре внимания 11 секций, включавших более 50 докладов.

Интерес участников вызвала прекрасно организованная М. Таллером секция дигитальных архивов, ориентированная на обсуждение проблем создания электронных аналогов больших массивов архивных данных – как манускриптов, так и изобразительного материала. Таллер охарактеризовал состояние работы, ведущейся его исследовательской группой по двум проектам. В первом из них отсканировано и занесено на оптические диски более 50 тыс. страниц документации XIV–XVII вв. из архива г. Гёттингена. Историк-исследователь, работающий в архиве, получает возможность, найдя с помощью электронного каталога нужные ему документы, листать их на экране компьютера, извлекая необходимую информацию. Подчеркнем, что на дисках содержатся точные электронные копии оригинального документа, а не закодированные записи базы данных. При этом качество изображения таково, что можно изучать палеографические тонкости средневекового рукописного документа. Второй проект связан с созданием электронного архива по документации концлагеря в Освенциме. Эта документация, составлявшаяся соответствующими органами СС в 1941–1943 гг., включает как текстовые, так и фотоматериалы; она занимает около 250 погонных метров (на полках архива). Цели проекта – создать возможность для долговременного хранения этой информации, поиска сведений о любой персоналии, проведения историко-социального исследования по этим массовым данным. Как отметили авторы, существует реальная угроза фальсификации данных со стороны правых радикалов, пытающихся доказать, что холокост и лагеря смерти – выдумка послевоенных лет. В докладе обсуждались, в частности, различные способы защиты информации, включая электронные "водяные знаки" на оптических дисках и "печати", не допускающие несанкционированный доступ к информации, занесенной на CD-ROM. В докладе Г. Яритца (Австрия) поднимались проблемы создания и использования электронного архива по изобразительным материалам, характеризующим повседневную жизнь в средневековой Центральной Европе, а в докладе К. Нильсена (Норвегия) речь шла об

оцифровке фотоматериалов, отражавших реалии жизни горожан г. Бергена 1920–1930-х годов.

Сюда же примыкает тематика секции, организованной Р. ван Хориком (Лейден) и связанной с распознаванием исторических текстов, введенных в компьютер посредством сканирования. Проблема здесь заключается в том, чтобы "научить" компьютер распознаванию знаков, которые после сканирования заносятся в память ПК в качестве неких изобразительных документов. На секции обсуждались вопросы оптического распознавания латинских знаков и кириллицы, а также табличных форм, встречающихся в старых изданиях. Интерес вызвала также работа исследователей Б. Бос и А. ван дер Моев (Нидерланды), которые ввели со сканера более 11 тыс. страниц сочинений М. Бакунина; значительная часть из них была проанализирована с помощью программ оптического распознавания. Проект будет завершен в 1997 г. выпуском диска, на котором будут записаны и электронные копии всех страниц изданий Бакунина на французском, русском и немецком языках и соответствующие файлы, дающие возможность проводить информационный поиск и анализ текстов. Обсуждение докладов секции показало, что, несмотря на прогресс методов и технологий в данной области, до распознавания рукописных исторических текстов пока еще далеко.

Одна из центральных секций была посвящена опыту использования историками возможностей глобальной сети Интернет. Организатором здесь был Я. Олдерволл. Конференция в Москве показала растущую роль глобальных информационных сетей в развитии исторической информатики в ближайшие годы. 10 докладов, представленных участниками из Англии, США, Норвегии, Дании, Голландии, России, дали убедительные примеры эффективного использования WWW-технологий (информационные странички во всемирной сети Интернет – от World Wide Web – "всемирная паутина") в создании новых электронных ресурсов для исторического исследования и образования, расширения доступа историков к электронным архивам и базам данных, повышения коммуникативности сообщества историков-исследователей разных стран и даже для верификации датировки птолемеевского Альмагеста, поставленной было под сомнение академиком А.Т. Фоменко, о чем шла речь в докладе А.Л. Пономарева. Не случайно один из семинаров, проведенных на истфаке МГУ в рамках конференции за день до ее открытия, был посвящен приобщению пользователей ПК к Интернету. Второй семинар проводили создатели мультимедийных средств обучения истории из университета Саутгемптона (Англия). Эти средства были в центре внимания секции, где обсуждались проблемы информатизации исторического образования. Доклады специалистов из Шотландии, Канады, Беларуси и России содержали интересные примеры мультимедиа-приложений при обучении различным историческим дисциплинам.

Работа XI конференции АНС показала устойчивый интерес к компьютерной картографии. Организатор секции, известный специалист по исторической картографии М. Герке (Италия), включил в программу доклады российских участников – о пространственном анализе аграрной деятельности на Северо-Западе России в XVIII в. (Н.В. Пиотух), о моделировании ландшафта территории Новгородского Кремля (М.И. Петров и С. Трояновский), об использовании географических информационных систем (ГИС) для построения исторических карт Сибири (В.Н. Владимиров). Опыт использования ГИС для пространственного изучения роли государства в экономическом развитии России в 1885–1914 гг. излагался в докладе русиста Д. Роуни (США). Новые методические подходы компьютерного картографирования обсуждались в докладах итальянских и норвежских участников конференции. Изучение пространственных аспектов исторического развития получает в наши дни солидную методическую и технологическую базу.

Работа секции "Архивы в киберпространстве" включала презентацию итогов международного симпозиума АНС, состоявшегося в начале 1996 г. на историческом факультете МГУ. Организаторам секции – И.М. Гарсковой (Россия), П. Доорну (Голландия) и Л. Маккранку (США) – удалось привлечь к дискуссии почти всех участ-

ников конференции, представивших известные архивы машиночитаемых исторических данных Швеции, Дании, Англии, Нидерландов.

Характерно, что оба заседания секции, посвященной презентации крупных проектов по исторической информатике, были связаны с широким применением передовых информационных технологий в работе историка. Первое заседание, организованное П. Эллом (Ирландия), называлось так: "От манускрипта к мультимедиа: разработка исторических баз данных". Новые технологии используются авторами проекта для создания коллекций электронных текстов, компьютерных карт, больших баз данных и для последующего перенесения этих электронных ресурсов на оптические диски и в "хранилища" Интернета. Такой подход развивается для изучения последствий "великого голода" в Ирландии середины XIX в.

Как и на предыдущих конференциях АНС, в Москве уделялось внимание таким традиционным направлениям, как базы данных и электронные тексты. Особенностью XI конференции АНС было отсутствие докладов типа "Я и моя база данных". Акцент делался на новых подходах к созданию баз данных и коллекций электронных текстов, а также на результатах применения этих технологий в конкретно-исторических исследованиях. Следует отметить доклады Р. Акуна (Турция), Дж. Берг и Т. Джеймса (Англия), Ю.А. Святца (Украина), Е.Б. Беловой и В.В. Лазарева, А.А. Столярова, Е.И. Голованова и Д.Д. Васильева (все – Россия). Последнее направление было представлено 15 докладами участников из Австрии, Англии, Белоруссии, Колумбии, Польши, России и Украины. В большинстве случаев докладчики обсуждали содержательные результаты, полученные с помощью информационных технологий. Так, С. Джордан (Англия) дал характеристику городской элиты Бристоля в XIX в., проанализировав материал большой базы текстовых данных. Интерес вызвали и конкретные программные разработки российских участников, особенно просопографическая информационная система "Просис" (В.А. Перевертень и Д.А. Гутнов) и система DiCUM (А.А. Поликарпов и О. Кукушкина) – гибкое средство для реализации целого ряда аналитических процедур при работе с текстовыми источниками.

Еще одной особенностью московской конференции была организованная в последний день выставка мультимедиа-разработок, связанных с приложениями в исторических исследованиях и образовании. Известные российские фирмы и организации образовательного профиля – производители CD-ROM представили впечатляющие оптические диски, ориентированные как на профессионалов-историков и студентов, так и на "широкую публику".

Не менее существенной в структуре конференции была и проблематика, связанная с использованием новых методов и компьютерных технологий в исследованиях по экономической и социальной истории, в исторической демографии и истории крестьянского хозяйства. Здесь доминировал проблемно-ориентированный подход. Наличие в структуре конференции АНС этих секций имело цель укрепить связь между методами и технологиями, с одной стороны, и содержательными задачами исторических исследований – с другой. Тематика докладов здесь была весьма широкой – от анализа приходских книг Голландии XVIII в. до ревизских сказок Поволжья XIX в., от моделей доиндустриального развития до моделей экономического роста в СССР в 1920–1930-х годах. Вообще моделированию уделялось на этой конференции много внимания, поскольку девиз ее звучал так: "Моделирование источника – моделирование истории". Концепция моделирования трактовалась весьма широко, так что она оказалась и в центре внимания основной дискуссии, развернутой на пленарном заседании в последний день работы конференции.

Значительное число докладов – 13 – было представлено на четырех заседаниях секции "Моделирование в экономической истории". Именно в этой области исторической науки наиболее сильна традиция использования теоретических подходов, создающих возможности для построения моделей. Организатором первого заседания этой секции был известный американский экономический историк, специалист по экономическому развитию СССР в 1920–1930-е годы Х. Хантер. Среди докладчиков

были ученые из США, Канады, Германии, России, Украины. Как показала дискуссия, в центре внимания экономических историков, работающих в русле клиометрии, находятся проблемы анализа переходных процессов и экономических реформ, моделирования альтернатив экономического развития в прошлом, оценки роли различных факторов этого развития. Различные аспекты этих проблем обсуждались в докладах Х. Хантера, Р. Аллена, Я. Ширмера, Ю.П. Бокарева, А.И. Тихонова, С.В. Гребениченко, Д. Филда, Н. Полевого – применительно к экономической истории России, С. Шмидтке и Й. Батена – Германии, Т.Ф. Измествей – США.

Два заседания секции "Моделирование в социальной истории" показали, что историческая информатика имеет в этой области два центра тяжести: создание адекватной машиночитаемой версии сложного источника по социальной истории; разработка и применение гибких аналитических средств, способных учесть специфику источника. Эти проблемы обсуждались в докладах И.Ф. Юшина, В.И. Тихонова, И.В. Кузнецова и В.С. Тяжелниковой, в которых анализ данных по социальной истории СССР 1920-х годов осуществлялся на основе источник-ориентированного подхода, а также в докладах В. Крозьера (США), П. Тейбенбахера (Австрия) и Б. Эрихсен (Норвегия). Впервые на конференциях АНС была представлена работа по моделированию динамики социальных конфликтов на основе математической теории хаоса, с использованием моделей распространения информации. Авторы (А.Ю. Андреев, Л.И. Бородкин и М.И. Левандовский) попытались показать значительную роль "внутренних" факторов развития стачечного процесса в России в конце XIX – начале XX в.

Интересной была и работа секции по исторической демографии, организатор – К. Шурер (Англия). Практически все докладчики анализировали микроданные – по истории Нидерландов (Г. Коллентер) и Англии (Дж. Вот) XVIII–XIX вв., Эстонии (Р. Руусалепп), России (Н.М. Арсентьев). Новые результаты по демографической истории России были получены в совместных российско-американском и российско-нидерландском проектах, представленных в докладах С. Хока, С.Г. Кащенко, Ю. Мизиса, В. Канищева, С.Л. Протасова. Работа секции отражала современный уровень исследований с массовыми первичными историко-демографическими данными, хранение и анализ которых требуют использования методов и технологий исторической информатики.

Организаторам секции, посвященной истории крестьянского хозяйства, О. Боонстра (Нидерланды) и Я. Олдерволлу (Норвегия) удалось привлечь докладчиков, охвативших различные аспекты жизни крестьянского хозяйства в Нидерландах (М. Панхуссен и О. Боонстра), России (Т.Л. Моисеенко, Х. Колле), Норвегии (Я. Олдерволл и А. Солли), Азербайджане (И.Р. Рафи-Заде). Здесь были обсуждены и содержательные, и методические проблемы. Композиция секции дала возможность проводить обсуждение в компаративном аспекте. Так, норвежские участники отметили, что "структура норвежского крестьянского двора не является исключительно западной, а русского – исключительно восточной".

Организатором основной пленарной дискуссии на конференции был специалист по исторической информатике из Нидерландов Питер Доорн, который в выступлении подчеркнул, что цели данного научного сообщества не должны ограничиваться "компьютерным источниковедением", а должны выходить на аналитический уровень, давать приращение научного знания. Дискуссия, в которой приняли участие И. Кропач (Австрия), М. Таллер (ФРГ), Л.В. Милов, Н.Б. Селунская (оба – Россия), вывела на актуальные методологические проблемы исторической науки, связанные с соотношением постмодернистских и сциентистских тенденций, нарративистского и количественного подходов. Московская конференция и в этом аспекте оказалась одной из наиболее интересных международных встреч, проводившихся в последние годы в Европе.

Дискуссия была продолжена на секции "История, информатика, историческая информатика", где выступили Т. Фрилинг (Израиль) и Д. Гварнери (Италия), сделавшие

акцент на необходимости установления большего взаимопонимания между специалистами обеих наук.

Завершая краткий анализ итогов XI Международной конференции АНС, отражающих тенденции развития рассматриваемого направления на середину 90-х годов, следует отметить:

Конференция показала, что историческая информатика прошла стадию становления и находится в процессе дифференциации сложившихся направлений и в то же время интеграции различных подходов и национальных школ.

Наиболее заметный вклад в развитие исторической информатики в середине 90-х годов внесли ассоциации АНС в Великобритании, Нидерландах, скандинавских странах и СНГ.

Будущее этой междисциплинарной области связано с интеграцией ее прикладной и теоретической составляющих, с развитием новых информационных технологий и аналитических методов, с сочетанием компьютерного источниковедения и конкретно-исторических исследований, проводимых с помощью новых методов и технологий, а также с разработками на стыке таких научных направлений, как историческое образование и информатика.

А.М. ЛЕДОВСКИЙ

ПЕРЕГОВОРЫ И.В. СТАЛИНА С МАО ЦЗЭДУНОМ В ДЕКАБРЕ 1949 – ФЕВРАЛЕ 1950 г. НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Вопрос о поездке Мао Цзэдуна в Москву впервые был поднят в начале 1947 г. Инициатива исходила от китайской стороны и была вызвана крайне тяжелой обстановкой, сложившейся в то время для Коммунистической партии Китая (КПК). Переговоры между КПК и Гоминьданом зашли в тупик. Миротворческая посредническая миссия специального представителя президента США генерала Дж. Маршалла окончилась полной неудачей. В Китае разразилась еще более ожесточенная гражданская война, охватившая Северный Китай и Маньчжурию. На всех фронтах войска КПК терпели тяжелые поражения. В Северном Китае гоминьдановские войска нанесли удары по главной опорной базе КПК – "Особому району Китая", захватили город Яньань, где с 1936 г. находилась штаб-квартира ЦК КПК и командования коммунистических войск. В Маньчжурии войска Чан Кайши нанесли серьезные поражения созданной здесь при содействии СССР так называемой Объединенной демократической армии под командованием Линь Бяо; отбросили уцелевшие войска коммунистов за реку Сунгари, захватили всю южную часть Маньчжурии, за исключением Ляодунского полуострова, находившегося под контролем СССР, и готовились двинуться в северную часть Маньчжурии, куда отступили войска Линь Бяо.

Чтобы избежать полной катастрофы, Мао Цзэдуну крайне необходима была более активная и широкая помощь СССР. С этой целью он собирался отправиться в Москву, чтобы обсудить со Сталиным сложившуюся обстановку в Китае, вопросы стратегии и тактики китайской революции, получить советы, а главное – практическую помощь: оружие, боеприпасы, прочие военно-технические средства и многое другое.

Сталин дал согласие на приезд Мао Цзэдуна в Москву. В шифротелеграмме своему связнику А.Я. Орлову, находившемуся при штаб-квартире Мао Цзэдуна, он писал 15 июня 1947 г.: "Передайте Мао Цзэдуну, что ЦК ВКП(б) считает желательным его приезд в Москву без каких-либо разглашений. Если Мао Цзэдун считает это нужным, то нам представляется, что это лучше сделать через Харбин. Если нужно будет, то пришлем самолет. Передайте результаты беседы с Мао Цзэдуну и его пожелания"¹. Однако вскоре Сталин передумал и 1 июля направил Орлову телеграмму, аннулирующую указанное выше согласие. Он поручил сообщить Мао Цзэдуну, что "ввиду предстоящих военных операций и ввиду того, что отсутствие Мао Цзэдуна может плохо отразиться на операциях, мы считаем целесообразным временно отложить поездку в Москву Мао Цзэдуна"².

Разумеется, ссылка Сталина на фронттовую обстановку была всего лишь предлогом для отказа в разрешении на приезд Мао Цзэдуна в СССР. Подлинные причины заключались в том, что международная обстановка резко обострилась, особенно в Центральной Европе, вокруг германской проблемы, а также серьезно осложнились

Данный очерк основывается на ранее строго засекреченных архивных документах, в частности из личного фонда И.В. Сталина.

¹ Архив Президента Российской Федерации (далее – АП РФ), ф. 39, оп. 1, д. 31, л. 23.

² Там же, л. 24.

отношения СССР и США в связи с событиями в Китае. В этих условиях появление Мао Цзэдуна в Москве (а Сталин был неуверен, что сведения об этом не просочатся) могло бы иметь весьма неблагоприятный для советского правительства международный резонанс.

После упомянутой телеграммы переписка по вопросу о поездке Мао Цзэдуна в Москву продолжалась и в 1948, и в 1949 г. В телеграмме Сталину 21 ноября 1948 г. Мао Цзэдун выразил пожелание посетить Москву в конце декабря 1948 г. В ответной телеграмме от 14 декабря 1948 г. Сталин предложил перенести его приезд на более поздний срок. Он мотивировал это тем, что, во-первых, обстановка в Китае, по мнению Москвы, требует присутствия Мао Цзэдуна в Китае, и, во-вторых, в намеченное Мао Цзэдуном время многих советских руководителей не будет в Москве – они отправятся на периферию в связи с проведением хлебозаготовок. Сталин писал: "Мы все же настаиваем, чтобы Вы отложили Вашу поездку в Москву, так как Ваше пребывание в Китае очень необходимо в настоящее время. Если Вы хотите, мы можем немедленно послать к Вам ответственного члена Политбюро для переговоров по интересующим нас вопросам"³.

Причина отсрочки и на этот раз в действительности состояла не в том, что этого не позволяла обстановка в Китае, которая была известна Мао Цзэдуну не хуже, чем Москве, и не в занятости советских руководителей хлебозаготовками, чему Мао Цзэдун, разумеется, не поверил и высказал это связнику Орлову. Причина была в другом. При обсуждении этого вопроса на политбюро 14 ноября 1949 г. Сталин изложил такие соображения: Мао Цзэдун все еще находится в роли "партизанского руководителя". Даже при самой строгой конспирации сведения о его приезде в СССР могут просочиться, и этот приезд будет истолкован на Западе как посещение Москвы для получения инструкций, а самого Мао Цзэдуна назовут "московским агентом". События в Китае, по мнению Сталина, развивались так, что вскоре, возможно, будет образовано новое правительство во главе с Мао Цзэдуном и тогда он сможет приехать в СССР не инкогнито, а официально, как глава китайского правительства. Исходя из этих соображений, Сталин предложил отложить приезд Мао Цзэдуна в конце декабря 1948 г. и вместо этого направить в Китай с секретной миссией "ответственного представителя Политбюро ЦК ВКП(б)".

Мао Цзэдун согласился с предложением Сталина и попросил направить советского представителя в Сибайпо (Северный Китай), где находилась штаб-квартира политбюро ЦК КПК и Мао Цзэдуна. Эта миссия была возложена Сталиным на члена политбюро А.И. Микояна, который в целях конспирации прибыл туда 30 января 1949 г. под вымышленной фамилией Андреев. Его сопровождали бывший министр путей сообщения И.В. Ковалев и в качестве переводчика сотрудник аппарата ЦК ВКП(б) Е.Ф. Ковалев. В течение семи дней проходили интенсивные переговоры Микояна по широкому кругу вопросов гражданской войны, внутренней и внешней политики, советско-китайских отношений. Мао Цзэдуном и участвовавшими вместе с ним в переговорах Чжоу Эньлаем, Лю Шаоци, Чжу Дэ и Жень Биши были изложены просьбы о предоставлении КПК советской военно-технической, финансово-экономической, кадровой и другой различной помощи. Для дальнейших переговоров и консультаций с советским руководством, для заключения соответствующих соглашений Мао Цзэдун предложил направить в Москву специальную делегацию ЦК КПК⁴. Поездка такой делегации во главе с секретарем ЦК КПК Лю Шаоци состоялась в июне – августе 1949 г.

После провозглашения 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики и создания правительства КНР вновь встал вопрос о поездке Мао Цзэдуна в Москву, но теперь уже в новом его качестве – как главы правительства Китая. И на этот раз инициатива исходила от Мао Цзэдуна. Сначала он выразил пожелание поехать в

³ Там же, л. 69–72.

⁴ Об этом подробно см.: *Ледовский А.М. Секретная миссия А.И. Микояна в Китай в январе–феврале 1949 г. – Проблемы Дальнего Востока, 1995, № 2–3.*

Москву через И.В. Ковалева, выполнявшего роль представителя ЦК ВКП(б) при ЦК КПК, в беседе 5 ноября. Мао Цзэдун сообщил ему о своем желании посетить И.В. Сталина в Москве в декабре, чтобы "лично поздравить тов. Сталина с днем рождения". По мнению Мао Цзэдуна, "в день 70-летия тов. Сталина в Москву придут делегации от друзей СССР со всего мира, и поездка Мао Цзэдуна в Москву может поэтому носить совершенно открытый характер". 8 ноября Мао Цзэдун по дипломатическим каналам послал телеграмму аналогичного содержания в Москву. А 10 ноября по поручению Мао Цзэдуна Чжоу Эньлай посетил советского посла Н.В. Рощина и сообщил ему о желании Мао Цзэдуна посетить тов. Сталина и просил передать об этом в Москву⁵.

На вопрос посла, какой характер будет носить визит Мао Цзэдуна в Москву и кто из правительственных деятелей будет сопровождать его, Чжоу Эньлай ответил, что во время визита, кроме установления личного дружественного контакта со Сталиным, Мао Цзэдун также, видимо, захочет обсудить вопрос о советско-китайском договоре. Никто из членов правительства вместе с Мао Цзэдуном в Москву не поедет, но если в результате поездки Мао Цзэдуна будет разработан новый советско-китайский договор, то его, Чжоу Эньлая, могут срочно на самолете доставить в Москву для подписания этого документа⁶.

К тому, о чем сообщил Чжоу Эньлай Рощину, следует добавить весьма важную, на наш взгляд, деталь, о которой Чжоу Эньлай почему-то не сообщил. Как видно из документов, с которыми нам представилась возможность ознакомиться в Президентском архиве, в беседе Мао Цзэдуна с Ковалевым, о чем Чжоу Эньлай сообщил советскому послу, Мао Цзэдун, выражая пожелание посетить Москву, заявил, что одна из главных целей его поездки состоит в том, чтобы отдохнуть и подлечиться. И в Москве это было учтено: Сталин, советское руководство старались не перегружать программу пребывания Мао Цзэдуна различными мероприятиями, хотели дать ему возможность отдохнуть и подлечиться. На это пожелание Мао Цзэдуна важно обратить внимание, поскольку после его визита в Москву в зарубежной печати появилось немало спекуляций по поводу того, что программа пребывания Мао Цзэдуна в СССР была не столь насыщена официальными встречами и другими мероприятиями, как ожидали зарубежные журналисты и политические обозреватели. Они расценили это как недостаточное внимание к Мао Цзэдуноу со стороны советского руководства. После начала в 60-х годах ссоры между Пекином и Москвой эту версию принялся распространять и сам Мао Цзэдун, что, как видим, не соответствует истине.

Такова краткая предыстория визита Мао Цзэдуна в Москву в декабре 1949 – феврале 1950 г.

* * *

16 декабря 1949 г. Мао Цзэдун поездом прибыл в Москву⁷. Его сопровождали два помощника – Чень Бода, Ши Чжэ – и еще несколько человек. Никого из высокопоставленных официальных лиц в его свите не было.

На Ярославском вокзале советским правительством была устроена торжественная встреча со всеми принятыми в то время в СССР высочайшими официальными почестями. Сталина на этой церемонии не было. По существовавшему в те годы дипломатическому протоколу Сталин встречать высоких гостей или провожать их на железнодорожные вокзалы или в аэропорты лично не выезжал. Так было и на этот раз. Мао Цзэдуна встречали от имени Сталина два заместителя председателя Совета

⁵ Запись беседы посла СССР в КНР Н.В. Рощина с премьером Госсовета и министром иностранных дел КНР Чжоу Эньлаем 10 ноября 1949 г. – Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 0100, оп. 42, п. 288, д. 19, л. 81–83.

⁶ Там же.

⁷ Федоренко Н.Т. Беседы с Мао Цзэдуном на пути в Москву. Декабрь 1949 г. – Новая и новейшая история, 1996, № 6.

Министров СССР – В.М. Молотов и Н.А. Булганин, а также министр внешней торговли М.А. Меньшиков, зам. министра иностранных дел А.А. Громыко и другие официальные лица. На церемонии встречи присутствовали сотрудники посольства КНР в Москве во главе с послом Ван Цзясяном и послы социалистических стран.

В тот же день состоялась встреча Сталина с Мао Цзэдуном. Беседа носила очень теплый, дружественный, откровенный и взаимно уважительный характер. Это опровергает распространенные в некоторых странах в годы "холодной войны" вымыслы, будто Сталин очень долго не принимал Мао Цзэдуна и относился к нему без должного внимания и уважения.

На упомянутой встрече Сталина с Мао Цзэдуном с советской стороны присутствовали: В.М. Молотов – член политбюро ЦК ВКП(б), заместитель председателя Совета Министров СССР, Г.М. Маленков – член политбюро, секретарь ЦК ВКП(б), Н.А. Булганин – член политбюро, заместитель председателя Совета министров СССР, А.Я. Вышинский – министр иностранных дел СССР, Н.Т. Федоренко – заведующий Дальневосточным отделом МИД СССР. С китайской стороны вместе с Мао Цзэдуном присутствовал лишь его помощник Ши Чжэ (он же Карский). В 1930–1940-х годах он находился в СССР, работал в составе делегации КПК в Коминтерне, в 40–50-е годы был ответственным работником аппарата ЦК КПК. В это время в Москве находился посол КНР в Советском Союзе Ван Цзясян, который одновременно являлся представителем ЦК КПК для связи с ЦК ВКП(б). Но почему-то Мао Цзэдун не считал целесообразным его присутствие на встрече с высшими советскими руководителями. Ши Чжэ прекрасно владел русским языком и выполнял роль личного переводчика Мао Цзэдуна. Со стороны советского руководства переводчиком был Н.Т. Федоренко.

После обмена приветствиями и краткой беседы протокольного характера, принятой перед началом разговора по существу, между Сталиным и Мао Цзэдуном состоялось обсуждение всего спектра вопросов, касавшихся международной обстановки и советско-китайских отношений⁸.

В мемуарах некоторых китайских деятелей, опубликованных начиная с середины 60-х годов, когда отношения между Москвой и Пекином начали резко портиться в связи с идеологическими разногласиями, была высказана версия, будто бы беседа между Сталиным и Мао Цзэдуном началась с высказанного Сталиным замечания о том, что "победителей не судят". Приписав Сталину эти слова, некоторые авторы мемуаров также утверждали, что Сталин будто бы принес свои извинения Мао Цзэдуну за то, что он, Сталин, "не верил" в победу китайской революции и даже "мешал" ее победе.

В советских архивных документах упомянутое замечание Сталина нигде не встречается и отсутствуют какие-либо "извинения" со стороны Сталина, поскольку многочисленные факты, лежавшие, как говорится, на поверхности, показывали любому мыслящему обозревателю, наблюдавшему за ходом событий в Китае, что победа КПК над Гоминьданом оказалась возможной только благодаря помощи китайским коммунистам со стороны СССР. Это подтверждает и запись беседы Сталина с Мао Цзэдуном, содержание которой излагается ниже.

Мао Цзэдун начал беседу с постановки вопроса об опасности войны. Это беспокоило его более всего. Правда, в своих публичных заявлениях и даже в закрытых партийных документах Мао Цзэдун и другие руководители КПК высказывались очень храбро. Они подчеркивали, что КПК не боится никаких угроз и что войска КПК отразят любые нападения со стороны внешних сил. Но то были лишь слова – в душе руководители КПК испытывали неуверенность и тревогу. Они понимали, что США не примирятся со своим поражением в Китае и вместе с укрывшимися на Тайване гоминьдановскими вооруженными силами будут готовиться к реваншу. Поэтому в самом начале беседы, отвечая на вопрос Сталина, какие проблемы он хотел бы

⁸ Федоренко Н.Т. Сталин и Мао Цзэдун. – Новая и новейшая история, 1992, № 5–6.

обсудить, Мао Цзэдун заявил: "Главнейшим вопросом в настоящее время является вопрос об обеспечении мира. Китай нуждается в мирной передышке продолжительностью в 3–5 лет, которая была бы использована для восстановления предвоенного уровня экономики и стабилизации общего положения в стране. Решение важнейших вопросов в Китае находится в зависимости от перспектив на мир. В связи с этим ЦК КПК поручил мне выяснить у Вас, тов. Сталин, вопрос о том, каким образом и насколько обеспечен международный мир"⁹.

Сталин ответил, что вопрос о мире находится в центре внимания и советского руководства. "Что касается Китая, – сказал Сталин, – то непосредственной угрозы для него в настоящее время не существует: Япония еще не встала на ноги и поэтому она к войне не готова; Америка, хотя и кричит о войне, больше всего войны боится; в Европе запуганы войной; в сущности, с Китаем некому воевать, разве что Ким Ир Сен пойдет на Китай?", – пошутил Сталин. Он подчеркнул, что мир зависит от совместных усилий СССР и КНР. "Если будем дружны, мир может быть обеспечен не только на 5–10, но и на 20–25 лет, а возможно, и на более продолжительное время"¹⁰.

Далее Мао Цзэдуном был затронут вопрос о советско-китайском договоре, заключенном между СССР и правительством Чан Кайши 14 августа 1945 г. Ранее эта тема рассматривалась по инициативе китайской стороны во время встречи руководителей КПК с Микояном в Сибайпо, ездившим туда с секретной миссией в январе–феврале 1949 г., а вскоре после этого обсуждалась на встречах Сталина с делегацией ЦК КПК во главе с Лю Шаоци, которая находилась с аналогичной секретной миссией в Москве в июне–августе 1949 г.

В беседах с Микояном Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай выразили полное удовлетворение упомянутым договором и высказались за то, чтобы оставить его в силе после установления коммунистической власти в Китае. На встрече с Микояном, состоявшейся 4 февраля, Мао Цзэдун заявил, что китайская общественность проявляет большой интерес к позиции КПК в отношении договоров, заключенных Китаем с зарубежными странами, в том числе и к советско-китайскому договору от 14 августа 1945 г. Мао Цзэдун сказал, что в связи с требованием КПК об отмене "предательских договоров" лидеры демократических партий спрашивают руководителей КПК, что они имеют в виду под "предательскими договорами". В разъяснениях по этому вопросу представителям китайской общественности руководители КПК подчеркивают, что они подходят к данной проблеме дифференцированно и не требуют отмены всех договоров, заключенных Чан Кайши, поскольку среди них имеются договоры, как выразился Мао Цзэдун, "патриотического характера", которые КПК намерена оставить в силе. К "патриотическим договорам" Мао Цзэдун отнес советско-китайский договор от 14 августа 1945 г. Докладывая Сталину о содержании беседы с Мао Цзэдуном, Микоян в шифротелеграмме из Сибайпо, в частности, писал: "Я спросил Мао Цзэдуна, чем он обосновывает в беседах патриотический характер советско-китайского договора, на что Мао Цзэдун сказал, что [...] Советский Союз пришел в Порт-Артур, чтобы защитить себя и Китай от японского фашизма, ибо Китай настолько слаб, что сам не может защищать себя без помощи СССР. СССР пришел на КЧЖД и в Порт-Артур не как империалистическая сила, а как социалистическая сила для защиты общих интересов.

На вопрос о том, почему коммунисты выступают против американской морской базы в Циндао и защищают советскую базу в Порт-Артуре, Мао Цзэдун ответил, что американский империализм сидит в Китае для угнетения, а СССР, имеющий свои силы в Порт-Артуре, – для защиты от японского фашизма. Когда Китай окрепнет и будет в состоянии самостоятельно защищаться от японской опасности, тогда Советский Союз сам не будет нуждаться в базе Порт-Артура"¹¹.

⁹ АП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 329, л. 9.

¹⁰ Там же, л. 10.

¹¹ Там же, ф. 39, оп. 1, д. 39, л. 62–63.

Перед поездкой Микояна в Сибайпо советским руководством было принято решение о том, чтобы в случае установления в Китае власти КПК аннулировать советско-китайский договор 1945 г. в части, касающейся военно-морской базы Порт-Артур, и вывести советские войска с Ляодунского полуострова. Это решение было мотивировано тем, что соглашение о Порт-Артуре было неравноправным, т.е. ущемляющим суверенные права Китая, поскольку это соглашение предоставляло СССР полный контроль в одностороннем порядке над военно-морской базой и окружающей ее обширной зоной на суше и на море.

На московских переговорах в июне–августе 1945 г. при выработке советско-китайского договора о дружбе и союзе делегация правительства Чан Кайши, возглавлявшаяся Сун Цзывэнем, не возражала против заключения соглашения о Порт-Артуре в интересах защиты Китая от повторения агрессии со стороны Японии, но требовала, чтобы контроль над военно-морской базой находился в руках китайцев или по крайней мере под совместным управлением СССР и Китая – на равных основаниях. Советское правительство настояло на том, чтобы управление военно-морской базой и оборонительной зоной вокруг нее находилось целиком в руках советского военного командования. В обоснование своей позиции советское правительство выдвинуло на упомянутых переговорах целый ряд мотивов, но не раскрыло главного из них: Сталин не доверял Чан Кайши и был обеспокоен политикой США в Китае и на Дальнем Востоке.

Сталин считал, что приход к власти КПК коренным образом изменит обстановку на Дальнем Востоке и благотворно отразится на советско-китайских отношениях и что в связи с этим нет особой необходимости держать советские войска на Ляодунском полуострове. Микояну было поручено изложить эту точку зрения советского правительства руководству КПК. Докладывая о выполнении данного поручения, Микоян в шифротелеграмме 6 февраля писал:

"По вопросу о советско-китайском договоре я сказал, что мы считаем советско-китайский договор о Порт-Артурском районе неравным договором, заключенным для того, чтобы помешать сговору Гоминьдана с Японией и США против СССР и освободительного движения в Китае. Этот договор, сказал я, принес известную пользу освободительному движению в Китае, но теперь, с приходом к власти китайских коммунистов, обстановка в стране в корне меняется. В связи с этим, продолжал я, у Советского правительства имеется решение отменить этот неравный договор и вывести свои войска из Порт-Артура, как только будет заключен мир с Японией. Но если китайская компартия, сказал я, сочтет целесообразным немедленный вывод войск, то СССР готов пойти на это. Что касается договора о китайско-чаньчуньской железной дороге, то мы не считаем его неравным договором, так как эта дорога была построена, главным образом, на средства России. Возмозно, сказал я, что в этом договоре принцип равноправия не вполне проведен, но мы готовы обсудить этот вопрос и решить его с китайскими товарищами по-братски".

"Оценка договора как неравноправного, – продолжал Микоян, – была настолько неожиданной для Мао Цзэдуна и членов политбюро, что вызвала у них откровенное удивление. После чего Мао Цзэдун и члены политбюро почти враз заговорили, что сейчас не следует выводить советские войска из Ляодуна и ликвидировать базу в Порт-Артуре, так как этим мы только поможем США. Мао Цзэдун заявил, что вопрос о выводе войск из Ляодуна мы будем держать в секрете и что договор можно пересмотреть только тогда, когда в Китае будет разбита политическая реакция, народ будет мобилизован в наступление на иностранный капитал с целью его конфискации, когда с помощью Советского Союза "мы приведем себя в порядок". Китайский народ, сказал Мао Цзэдун, благодарен Советскому Союзу за этот договор. Когда мы окрепнем, тогда "вы уйдете из Китая" и мы заключим советско-китайский договор о взаимопомощи наподобие советско-польского договора"¹².

---

¹² Там же, л. 78–79.

В таком же духе позиция руководства КПК была изложена делегацией ЦК КПК, находившейся в Москве в июне–августе 1949 г. В докладе делегации от 4 июля, представленном на рассмотрение политбюро ЦК ВКП(б), указывалось: "Советско-китайский договор о дружбе и союзе в прошлом уже принес большую пользу китайскому народу. Новое правительство Китая примет этот договор, и это будет еще большим вкладом для народов Китая и СССР и особенно для китайского народа. Мы полностью желаем принять этот договор."

Во время установления дипломатических отношений между СССР и Китаем потребуется заняться этим договором. В общем в отношении этого договора можно действовать по одному из следующих трех принципов:

1. Новое правительство Китая заявит о своем полном принятии этого договора и продолжении его действия без каких бы то ни было изменений.

2. В духе первоначального текста договора представители обоих правительств снова заключат новый договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем для того, чтобы на основе новой обстановки были внесены некоторые стилистические изменения и изменения по содержанию.

3. Представители правительств обеих стран обменяются нотами о том, что данный договор временно остается таким, каким он есть, но они готовы в соответствующий момент вновь его пересмотреть"¹³.

В докладе спрашивалось мнение Сталина: "Какой вариант из вышеуказанных трех вариантов является хорошим?" На полях этой части доклада Сталин написал: "Решить вопрос с приездом Мао Цзэдуна в Москву".

16 декабря 1949 г. Сталин в беседе с Мао Цзэдуном, касаясь этого вопроса, подчеркнул: "необходимо выяснить, следует ли объявить о сохранении существующего договора о союзе и дружбе между СССР и Китаем от 1945 г. или теперь же внести в него соответствующие поправки, пояснив при этом, что, как известно, этот договор был заключен между СССР и Китаем в результате Ялтинского соглашения, предусматривавшего главнейшие положения договора (вопрос о Курильских островах, Южном Сахалине, Порт-Артуре и др.). Это означает, что указанный договор заключался, так сказать, с ведома Америки и Англии. Имея в виду это обстоятельство, мы в своем узком кругу решили пока не изменять никаких пунктов этого договора, так как изменение хотя бы одного пункта могло бы дать Америке и Англии юридический повод поставить вопрос и об изменении пунктов договора, касающихся Курильских островов, Южного Сахалина и др. Поэтому было найдено возможным формально сохранить, а фактически изменить существующий договор, т.е. сохранить формально право Советского Союза на содержание своих войск в Порт-Артуре, но по предложению Китайского правительства вывести находящиеся там части Советской Армии. Такую операцию можно было бы проделать по просьбе китайской стороны.

Что касается КЧЖД, то и в этом случае можно было бы формально сохранить, а фактически изменить соответствующие пункты соглашения с учетом пожеланий китайской стороны. Если, однако, эта комбинация не удовлетворяет китайских товарищей, то они могут выдвинуть свои предложения"¹⁴.

Мао Цзэдун согласился с доводами Сталина о том, что вопрос о советско-китайском договоре требует очень взвешенного, осторожного подхода, поскольку он связан со всей Ялтинской международной структурой, нарушать которую – дело весьма рискованное. Мао Цзэдун подтвердил ранее выраженную руководством КПК позицию о целесообразности оставить договор 1945 г. без всяких изменений. Он заявил: "Нынешнее положение с КЧЖД и Порт-Артуром соответствует интересам Китая, так как сил одного Китая недостаточно для того, чтобы успешно бороться против империалистической агрессии. Кроме того, КЧЖД является школой по подготовке китайских железнодорожных и промышленных кадров"¹⁵.

¹³ Там же, ф. 45, оп. 1, д. 32, л. 48.

¹⁴ Там же, д. 329, л. 10–11.

¹⁵ Там же, л. 11.

В ответ Сталин отметил: "Увод войск еще не означает, что СССР отказывается от помощи Китаю, если она, эта помощь, потребуется. Дело в том, что нам, коммунистам, не совсем удобно держать свои войска на чужой территории, особенно же на территории дружественной страны. Ведь при таком положении всякий может сказать, что, если советские войска находятся на китайской территории, то почему, например, англичане не могут держать своих войск в Гонконге, а американцы – в Токио?"

Мы выиграли бы в международных отношениях, если бы советские войска по взаимному согласию были выведены из Порт-Артура. Вывод советских войск вместе с тем явился бы серьезным подспорьем китайским коммунистам в их взаимоотношениях с национальной буржуазией. Все увидят, что коммунисты сделали то, чего не мог сделать Чан Кай-ши. С национальной буржуазией китайские коммунисты должны считаться"¹⁶.

Выслушав изложенные Сталиным соображения, Мао Цзэдун сказал, что при обсуждении в ЦК КПК вопроса о договоре не были учтены позиции США и Англии в связи с Ялтинским соглашением. "Мы должны поступать так, – подчеркнул Мао Цзэдун, – как выгодно общему делу. Этот вопрос следует обдумать. Однако уже теперь становится ясным, что сейчас изменять договор не следует, как не следует спешить и с выводом войск из Порт-Артура"¹⁷.

Далее Мао Цзэдун выразил желание решить вопрос о кредите Советского Союза Китаю, т.е. оформить соглашение о кредите на сумму 300 млн. американских долларов между правительствами СССР и Китайской Народной Республики.

С просьбой о предоставлении советского займа Мао Цзэдун обратился к Сталину еще во время встреч с Микояном в Сибайпо. В телеграмме из Сибайпо Микоян писал: "Они хотели бы в течение 3-х лет получить заем серебром (для возможного выпуска твердой валюты), нефтью, сырьем, оборудованием и др. на сумму 300 млн. ам. долларов. Они хотели бы получить эту сумму равными частями начиная с 1949 г. Говоря о займе, Мао Цзэдун сказал, что 300 млн. – это наша потребность. Мы не знаем, можете ли вы дать нам эту сумму, меньше или больше ее, но если даже не дадите, то в обиде на вас мы не будем. Мы не просим бесплатной помощи, так как это было бы эксплуатацией Советского Союза со стороны Китая. Мы просим возвратный заем с уплатой соответствующих процентов, которые сможет уплатить в будущем Китай. Последнее важно для китайских рабочих, которые будут знать, что заем надо возвратить Советскому Союзу."

До сих пор, продолжал Мао Цзэдун, мы получали вооружение бесплатно. Но нам известно, что в производство советского вооружения входит труд советских рабочих, который следует оплачивать. Нам не ясен вопрос о том, чем мы должны оплачивать этот заем. Если вопрос о займе разрешится положительно, то мы пошлем нашу делегацию в Москву для подписания соответствующего соглашения"¹⁸.

Как уже упоминалось выше, визит такой делегации во главе с Лю Шаоци состоялся в июне – августе 1949 г. На переговорах в Москве обсуждались вопросы стратегии и тактики китайской революции, а также вопросы предоставления китайской компартии советской помощи, необходимой для успешного завершения гражданской войны и закрепления победы. Одним из таких вопросов был вопрос о советском займе.

На встрече с китайской делегацией, состоявшейся 27 июня, Сталин заявил, что ЦК ВКП(б) решил предоставить ЦК КПК кредит в сумме 300 млн. американских долларов. При этом Сталин заметил, что "подобное соглашение между двумя партиями заключается впервые в истории". В отношении подписания соглашения о кредите Сталин тогда сказал, что "имеется два варианта: первый – подписать соглашение представителям ЦК ВКП(б) и ЦК КПК и второй – уполномоченными Советского правительства и правительства Маньчжурии, которое уже существует, с тем, чтобы

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, л. 12.

¹⁸ Там же, ф. 39, оп. 1, д. 39, л. 84–85.

впоследствии, когда будет создано всекитайское демократическое коалиционное правительство, оформить соглашение договорами между правительствами Советского Союза и Китая"¹⁹.

Из двух вариантов предпочтение было отдано второму – "маньчжурскому". И вот теперь пришло время заменить ранее достигнутую договоренность официальным соглашением на межгосударственном уровне. Отвечая на пожелания Мао Цзэдуна, Сталин сказал: "Если вы хотите оформить соглашение теперь, то мы согласны", на что Мао Цзэдун отреагировал мгновенно: "Да, именно теперь, так как это могло бы вызвать хороший резонанс в Китае"²⁰.

Вслед за вопросом о займе Мао Цзэдун обратился к Сталину с просьбами "решить вопрос о торговле, особенно между СССР и Синьцзяном", а также об оказании помощи правительству КНР в установлении воздушных путей сообщения между Китаем и СССР, в создании морского флота и освобождении острова Тайвань, куда перебазировалось правительство Чан Кайши и уцелевшие от разгрома остатки гоминьдановских войск.

Как известно, в результате конфликта, возникшего в советско-китайских отношениях в начале 40-х годов, советское правительство закрыло все свои торговые и промышленные предприятия в Синьцзяне, демонтировало и вывезло все оборудование с этих предприятий и прекратило всякие деловые связи с Синьцзяном. Это поставило провинцию Синьцзян с ее многонациональным населением в условия жесточайшей экономической блокады. Положение осложнялось еще тем, что экономические связи этой провинции с другими районами Китая были крайне затруднены из-за отсутствия коммуникаций, в самой провинции не существовало собственной китайской промышленности, снабжение населения самыми необходимыми промышленными товарами, включая такие, как спички, керосин для освещения жилищ, простейшие ткани для одежды и т.п., целиком зависело от поставок из СССР или от производства на действовавших в Синьцзяне советских и смешанных советско-китайских предприятиях. Из-за остановки этих предприятий и прекращения поставок товаров из СССР население Синьцзяна оказалось в труднейшем положении, что резко усилило недовольство политикой китайских властей со стороны многонационального населения Синьцзяна, которое вылилось в открытые вооруженные восстания. Правительство Чан Кайши предпринимало отчаянные попытки урегулировать советско-китайский конфликт в Синьцзяне, восстановить и даже еще более расширить торгово-экономические связи с СССР. Но советское правительство по политическим соображениям заняло негативную позицию: с окончанием второй мировой войны оно все более и более склонялось на антигоминьдановский политический курс²¹.

Чтобы установить свою власть в Китае и укрепить ее, китайскому коммунистическому руководству необходимо было создать нормальные экономические условия в стране, особенно в районах, где проживали национальные меньшинства, которые были настроены не только против любых китайских властей, гоминьдановских и коммунистических, но против китайцев в целом, считая их своими поработителями. Разрешению острых экономических проблем в КНР мешала блокада, установленная правительством Чан Кайши и поддержанная США и многими другими странами, из которых Китай получал промышленные товары. Почти единственным источником получения нужных КНР товаров, машинного оборудования и другой экономической и технической помощи были СССР и коммунистические страны Восточной Европы.

Выслушав просьбы Мао Цзэдуна, Сталин выразил согласие на установление широких торгово-экономических связей с КНР и на поставку промышленного оборудования. При этом он предложил представить в кратчайший срок конкретные заявки, что

¹⁹ Там же, ф. 45, оп. 1, д. 329, л. 1, 2, 3.

²⁰ Там же, л. 12.

²¹ Подробнее об этом см. *Ледовский А.М.* На дипломатической работе в Китае в 1942–1952 гг. – Новая и новейшая история, 1993, № 6. *Его же:* Сталин и Чан Кайши. Секретная миссия сына Чан Кайши в Москву. Декабрь 1945 – январь 1946 г. – Новая и новейшая история, 1996, № 4.

именно нужно КНР, поскольку, пояснил Сталин, в СССР нет резервного оборудования, а заказы на него размещаются в советской промышленности по крайней мере за год.

Относительно налаживания воздушного сообщения Сталин сказал: "Мы готовы оказать такую помощь. Воздушные трассы могут проходить через Синьцзян и МНР. Мы имеем специалистов. Помощь будет обеспечена". Что касается помощи в создании морского флота, Сталин ответил: "Кадры китайского морского флота можно было бы готовить в Порт-Артуре. Вы дадите людей, а мы дадим корабли. Обученные кадры китайского морского флота могли бы вернуться в Китай на этих же кораблях"²².

Мао Цзэдун подчеркнул, что военно-морской флот и военно-воздушные силы особенно нужны КПК для освобождения Тайваня. Ранее вопрос об этом поднимался во время пребывания в Москве делегации ЦК КПК во главе с Лю Шаоци. Мао Цзэдун рассчитывал решить тайваньскую проблему в 1949 г. или по крайней мере в 1950 г. путем осуществления военной операции при содействии СССР. Он полагал, что эта операция будет поддержана восстанием населения и гоминьдановских войск на самом Тайване. В докладе делегации от 4 июля 1949 г., представленном Лю Шаоци на рассмотрение политбюро ЦК ВКП(б), в частности, говорилось: "Формоза, Хайнань и Синьцзян будут освобождены в течение будущего года. В связи с тем, что гоминьдановские войска, возможно, выступят на нашей стороне, освобождение может произойти раньше этого срока"²³.

В телеграмме от 25 июля, направленной из Пекина в адрес китайской делегации для передачи Сталину, Мао Цзэдун писал:

"В Шанхае, с момента блокады, усиливается большая трудность. Но для того, чтобы сломить эту блокаду, необходимо захватить Формозу, а без авиации ее взять невозможно. Мы хотели, чтобы Вы обменялись мнением с тов. Сталиным насчет того, может ли СССР оказать нам помощь в этой области, т.е. подготовить в Москве в пределах 6 месяцев – 1 года для нас 1 000 летчиков и 300 технических работников аэродромной службы. Кроме того, может ли СССР продать нам 100–200 истребителей, 40–80 бомбардировщиков, которые будут использованы для военной операции по взятию Формозы. В области создания морского флота мы тоже просим, чтобы СССР помог нам. Предполагаем, ко второй половине будущего года, т.е. во время наступления наших войск на Формозу, вся территория китайского континента, за исключением Тибета, будет занята нами. [...]

Прошу Вас доложить об этом товарищу Сталину, чтобы он взвесил наши планы, возможно ли их провести в жизнь? Если эти планы в общих чертах приемлемы, то мы намерены сейчас же послать курсантов в СССР. Конкретный проект по обучению летчиков разрабатывается. Потом сообщим Вам"²⁴.

Из всех вопросов, которые поднимались руководством КПК перед Москвой относительно оказания помощи, наибольшую осторожность Сталин проявлял в отношении того или иного участия в захвате Тайваня. Он уклонился от ответа на обращение с такой просьбой во время переговоров с делегацией Лю Шаоци в июне–августе 1949 г. Весьма уклончивую позицию Сталин занял по этому вопросу и на переговорах с Мао Цзэдуном. На просьбу последнего "направить своих летчиков-волонтеров или секретные воинские части для ускорения захвата Формозы" Сталин ответил, что "оказание помощи не исключено, но формы помощи нужно обдумать. Главное здесь – не дать повода американцам для вмешательства. Что касается штабных работников и инструкторов, то их мы можем дать в любое время. Остальное обдумаем". И далее Сталин предложил "отобрать роту десантников из бывшего гоминьдановского десантного полка, перешедшего на сторону коммунистов, распропагандировать их, забросить на Формозу и через них организовать восстание на острове"²⁵.

²² АП РФ. ф. 45, оп. 1, д. 329, л. 13.

²³ Там же, д. 328, л. 34.

²⁴ Там же, л. 139–140.

²⁵ Там же, д. 329, л. 13–14.

Разумеется, такая помощь, как посылка лишь штабных работников и инструкторов, Мао Цзэдуна не устраивала, а на большее Сталин идти не решался, ограничившись общим обещанием "подумать". Что касается совета о заброске на Тайвань "роты десантников" НОА и организации с их помощью восстания на Тайване, то сам Сталин вряд ли верил в возможность практического осуществления этой идеи и высказал ее скорее всего лишь для того, чтобы хоть что-то ответить на просьбу Мао Цзэдуна.

Такая осторожная позиция Сталина объяснялась пониманием того, что США не позволят китайским коммунистам взять Тайвань силой и пустят в ход все имеющиеся у них средства, чтобы помешать этому. В случае военных операций по захвату Тайваня Пекину пришлось бы иметь дело с вооруженными силами США. Советское правительство считало весьма опасным для КНР затевать военный конфликт из-за Тайваня и не хотело вовлечения в этот конфликт СССР. Такой позиции советское правительство придерживалось и на протяжении последующих лет.

В то время когда Мао Цзэдун находился в Москве, там шла подготовка к празднованию 70-летия со дня рождения Сталина. Советские руководители, работники аппарата ЦК и государственных учреждений были заняты приемом, размещением и обслуживанием многочисленных зарубежных партийных, правительственных и других делегаций, прибывавших в Москву на эти торжества.

В адрес Сталина отовсюду поступали многочисленные поздравления. 19 декабря 1949 г. приветственное послание Сталину направил и Мао Цзэдун. В отличие от посланий других зарубежных партийных и государственных руководителей оно было кратким, составленным в весьма официальном стиле и было заметно "сухим", как говорится, "формально-бюрократическим"²⁶. Чем это объяснялось, трудно сказать.

21 декабря в Большом театре Союза ССР состоялось торжественное заседание, посвященное 70-летию Сталина. В президиуме вместе с высшими руководителями СССР присутствовали руководители зарубежных коммунистических партий, среди них был и Мао Цзэдун. Ему было отведено самое почетное место: в первом ряду, рядом со Сталиным.

Торжественное заседание открыл краткой речью председатель Верховного Совета СССР Н.М. Шверник. Из иностранных гостей первое слово для выступления было предоставлено Мао Цзэдуну. Тем самым как бы подчеркивалось особое отношение к нему со стороны Сталина и советского руководства. В отличие от упомянутого поздравительного послания от 19 декабря речь Мао Цзэдуна оказалась яркой и эмоциональной²⁷.

22 декабря правительство СССР устроило прием в честь 70-летия Сталина. На нем были все высшие руководители СССР, другие советские официальные лица, деятели науки и культуры. Присутствовали члены зарубежных делегаций, прибывшие на торжество, а также главы зарубежных посольств и миссий. На приеме особое внимание со стороны Сталина и других советских руководителей вновь было оказано Мао Цзэдуну. После тостов, предложенных Шверником (он открывал прием и руководил им) в честь Сталина, большевистской партии, советского правительства, советского народа последовали тосты в честь руководителей и народов социалистических стран. Первым был предложен Шверником тост "за китайский народ, за присутствующих в зале представителей Китайской Народной Республики, за вождя китайского народа товарища Мао Цзэдуна!"

Находясь в гостевой резиденции, на даче поблизости от Москвы, Мао Цзэдун поддерживал постоянную шифропереписку с Лю Шаоци, который замещал его в Пекине и информировал о наиболее важных событиях в Китае, а также по вопросам, для решения которых требовалась помощь со стороны СССР. По некоторым из этих вопросов Лю Шаоци непосредственно обращался к Сталину путем шифротелеграмм, направлявшихся через посольство СССР в Пекине. Другие телеграммы

²⁶ Правда, 24.XII.1949.

²⁷ Правда, 22.XII.1949.

адресовывались Мао Цзэдуну с просьбой решить поставленные вопросы со Сталиным. Телеграммы, касавшиеся сферы дипломатии, Мао Цзэдун получал от Чжоу Эньлая.

2 января 1950 г. Мао Цзэдун обратился к Сталину с письмом, в котором сообщил о полученной им телеграмме из Пекина об аварийной ситуации на гидроэлектростанции "Сяофынмын" на реке Сунгари в Маньчжурии. Мао Цзэдун писал, что "разрушение этой плотины угрожает лишением электроэнергии для промышленности Маньчжурии, причинением бедствий для населения в несколько миллионов человек, живущих в долине реки Сунгари, а также затоплением городов Харбина и Гирина". Мао Цзэдун просил "дать указание соответствующим органам о срочном командировании советских специалистов по плотинам и гидроэлектростанциям для обследования положения на месте и принятия необходимых мер"²⁸.

В тот же день Мао Цзэдун направил Сталину еще одно письмо с приложением других телеграмм, полученных им из Пекина. Одна из телеграмм Лю Шаоци Сталину касалась содействия СССР в подготовке пилотов для военно-воздушных сил НОА. В связи с тем, что авиашколы уже приступили к летным занятиям по подготовке пилотов для НОА КНР, Лю Шаоци просил как можно скорее отправить в Китай 93 тыс. тонн высшего и 38 тыс. тонн низшего сорта охтинского бензина, 10% потребляемого смазочного масла и соответствующее количество других материалов²⁹.

Во второй из упомянутых телеграмм содержалось сообщение Пын Дэхуая, командовавшего войсками НОА, захватившими Синьцзян, о положении в этой провинции. Пын Дэхуай писал о реорганизации, "перевоспитании" и настроениях капитулировавших там гоминьдановских войск, о необходимости уделить особое внимание со стороны руководства КПК национальному и религиозному вопросам в Синьцзяне, а также о необходимости крайне осторожного подхода к проведению аграрной реформы, которая должна там проводиться более медленными темпами. Он указывал на крайне тяжелое экономическое положение в Синьцзяне и на невозможность решения этой проблемы без помощи СССР.

В третьей телеграмме, адресованной Мао Цзэдуну, сообщалось о более чем 16 тыс. корейцах, находившихся в рядах НОА и участвовавших в гражданской войне. В телеграмме предлагалось отправить эти "подготовленные кадры в Корею" в виде одной дивизии или четырех-пяти полков регулярных войск³⁰.

В четвертой телеграмме, переданной Мао Цзэдуном Сталину, содержалось сообщение, полученное Пекином от своих разведчиков из Гонконга 21 декабря 1949 г., о том, что возвратившийся из поездки в США руководитель гоминьдановской разведки Чжэн Цзэмин передал Чан Кайши американские требования, которые он должен выполнить, чтобы остаться у власти на Тайване и предотвратить захват Тайваня коммунистами. В этих требованиях указывалось, кто из гоминьдановских деятелей должен возглавить правительство, вооруженные силы, кто должен быть выведен из состава правительства. В них говорилось также, что, по существу, все органы государственного управления и военного командования должны находиться под контролем США, их советников. Только на этих условиях США обещали оказать Чан Кайши соответствующую финансово-экономическую помощь, а в случае, "если Чан Кайши не будет честно выполнять эти условия, то американцы в любое время могут предложить Чан Кайши покинуть Формозу, с тем чтобы самим американцам ее оккупировать"³¹.

Пятым документом, направленным Мао Цзэдуном Сталину, была телеграмма Чжоу Эньлая по вопросу о признании Индией правительства Китайской Народной Республики³².

²⁸ АП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 334, л. 15.

²⁹ Там же, л. 3.

³⁰ Там же, л. 8–9.

³¹ Там же, л. 10–11.

³² Там же, л. 12.

6 января по поручению Сталина министр иностранных дел А.Я. Вышинский посетил Мао Цзэдуна и сообщил ему, что советское правительство приняло решение в 5-дневный срок командировать на один месяц четырех советских специалистов в Китай. Они должны составить заключение о состоянии сооружений Гиринского гидроузла на реке Сунгари и проект необходимых мероприятий по ликвидации его аварийного состояния. Мао Цзэдун выразил признательность советскому правительству, подчеркнув, что "оказание помощи СССР в этом деле имеет огромное значение для всего народного хозяйства Китая"³³.

Далее Вышинский передал Мао Цзэдуну ответ советского правительства на просьбу руководства ЦК КПК о поставках горючего и других материалов для военно-воздушных сил, обратив внимание Мао Цзэдуна на то, что "после произведенных нашими специалистами расчетов установлено, что вся потребность в горючем для указанной цели определяется по нормативам Советской Армии в следующих количествах: 13.400 тонн высокооктанового бензина, 5.270 тонн низкооктанового бензина, 1.315 тонн авиамасла и 26 тонн продукта Р-9", и что "упомянутое количество горючего будет направлено в Китай в течение первой половины года, начиная с января".

Мао Цзэдун поблагодарил советское правительство за помощь и сказал, что "наши люди любят заполучить побольше" и поэтому их надо строго контролировать. Он добавил, что "в деле расходования горючего, действительно, нужно подходить жестко, так как это будет в интересах самого же Китая, обязанного экономнее расходовать предметы внешней помощи"³⁴.

Далее Вышинский поднял вопрос о том, чтобы правительство КНР выступило в Организации Объединенных Наций с требованием лишить гоминьдановского представителя права представлять Китай в Совете Безопасности и передать это право представителю правительства КНР. Вышинский заявил Мао Цзэдуну, что советское правительство готово оказать Пекину в этом твердую и самую активную поддержку.

В конце беседы Мао поднял вопрос о советско-китайском договоре 1945 г. При этом он отступил от той позиции, которая была выражена им на переговорах с Микояном в Сибайпо, а также на переговорах делегации ЦК КПК со Сталиным в июне-августе 1949 г. и в беседе Мао Цзэдуна со Сталиным 16 декабря. Напомним, руководство КПК и сам Мао Цзэдун высказали тогда мнение о том, что советско-китайский договор 1945 г. полностью отвечает интересам Китая и что его следует оставить в силе. Теперь, в беседе с Вышинским, Мао Цзэдун выразил несколько иную точку зрения, заявив, что "он все более приходит к убеждению о необходимости заключения нового договора о дружбе и союзе" между КНР и СССР. Заключение нового договора между нами, сказал он, вытекает из тех совершенно новых отношений, которые сложились между КНР и СССР после победы народной революции. Пересмотр существующего соглашения, по его мнению, тем более необходим, поскольку два таких важных компонента этого договора, как Япония и Гоминьдан, претерпели кардинальные изменения: Япония перестала существовать в качестве вооруженной силы, а Гоминьдан оказался разбитым. Кроме того, определенная часть китайского народа, сказал Мао Цзэдун, выражает недовольство существующим между Китаем и СССР договором. Поэтому заключение нового договора о дружбе и союзе между КНР и СССР будет в интересах обеих сторон.

Отвечая Мао Цзэдуну, Вышинский отметил, что вопрос о новом договоре ему представляется сложным, так как его подписание или пересмотр существующего договора, внесение в него каких-либо поправок могут быть использованы американцами или англичанами как повод для пересмотра и изменения тех частей договора, изменение которых может нанести ущерб интересам Советского Союза и Китая. Это нежелательно и не должно быть допущено.

³³ АП РФ, ф. 3, оп. 65, д. 364, л. 89.

³⁴ Там же, л. 90.

Мао Цзэдун на это заметил, что "данное обстоятельство, несомненно, должно быть учтено при определении формулы для решения данного вопроса"³⁵.

В беседе Вышинского с Мао Цзэдуном обращает на себя внимание следующее обстоятельство: почему Мао Цзэдун несколько изменил свою позицию в подходе к советско-китайскому договору 1945 г., что в этом договоре, который он и другие руководители КПК высоко оценивали, вдруг обнаружилось негативное для Китая, почему такой важный вопрос Мао Цзэдун предпочел затронуть в самом конце беседы?

Вероятно, китайская позиция изменилась в результате дискуссий, происходивших по этому вопросу в Пекине, в политбюро ЦК КПК, а также влияния со стороны Чжоу Эньлая. Как показал в дальнейшем ход переговоров по выработке нового советско-китайского договора, в отличие от Мао Цзэдуна и Лю Шаоци Чжоу Эньлай по отдельным аспектам занимал более твердую и даже жесткую позицию. И то, что Мао Цзэдун поднял вопрос о договоре в самом конце беседы, было тоже не случайным. Скорее всего, Мао Цзэдун отнес этот наиболее важный вопрос на конец беседы по тактическим соображениям: он хотел, по-видимому, придать своему отходу от прежней позиции более "мягкую" форму.

13 января состоялась вторая встреча Вышинского с Мао Цзэдуном. Вышинский информировал Мао Цзэдуна о действиях, предпринятых советской дипломатией по вопросам, касавшимся прав КНР в ООН. Он сказал, что "после сделанного Китайским Народным Правительством заявления о незаконном нахождении гоминьдановского представителя в Совете Безопасности нам удалось добиться того, что во время обсуждения китайского вопроса в Совете Безопасности Цзян Тин-фу не будет там председательствовать. Правда, для достижения этой цели советскому представителю пришлось заявить протест против незаконного оставления Цзян Тин-фу в Совете Безопасности, покинуть заседание Совета Безопасности и вернуться туда лишь после отказа Цзян Тин-фу от председательствования на время обсуждения китайского вопроса"³⁶.

Далее Вышинский предложил правительству КНР назначить своего представителя в Совете Безопасности и сообщить об этом председателю Генеральной Ассамблеи и генеральному секретарю ООН, заставив их тем самым перенести вопрос в конкретную плоскость.

Мао Цзэдун ответил, что он в полной мере согласен с этим предложением и его интересует лишь вопрос, как будет выглядеть этот шаг КНР с юридической точки зрения и не придется ли их представителю при отсутствии соответствующей поддержки в Совете Безопасности сидеть в Пекине³⁷.

Вышинский ответил на это, что, несмотря на слабость юридических позиций в этом вопросе, назначение правительством Китая своего представителя в Совете Безопасности, несомненно, имело бы большое политическое значение, так как в настоящее время некоторые члены Совета Безопасности весьма обеспокоены создавшейся обстановкой, поскольку нахождение Цзян Тин-фу, этого "гоминьдановского трупа", в Совете Безопасности является причиной отказа СССР участвовать в работе Совета Безопасности, т.е. фактически ведет дело к развалу ООН³⁸.

Мао Цзэдун вновь повторил, что он в принципе полностью согласен с советским предложением о назначении представителя Народного Китая в Совете Безопасности, но что для окончательного решения вопроса он хотел бы согласовать все стороны этой проблемы с Чжоу Эньлаем, который должен прибыть в Москву 19–20 января.

Далее Мао Цзэдун затронул вопрос об установлении дипломатических отношений с США. Он заявил, что КНР заинтересована в затягивании признания ее со стороны США, так как "нам необходимо выиграть время для того, чтобы навести нужный порядок у себя в стране". В связи с этим, указал Мао Цзэдун, мы намерены провести в

³⁵ Там же, л. 93.

³⁶ Там же, л. 94.

³⁷ Там же, л. 95.

³⁸ Там же.

Китае два мероприятия: "во-первых, забрать для своих нужд бывшие казармы иностранных войск в Пекине, права на которые в свое время были получены иностранцами по неравноправным договорам, и, во-вторых, конфисковать продовольствие и имущество так называемого управления экономической помощи и сотрудничества в Шанхае, через которое, как известно, американцы помогали Чан Кайши. Проведение этих двух мероприятий дало бы Китаю возможность забрать в числе казарм помещения американского генерального консульства в Пекине и других городах, изгнав оттуда американских консульских представителей, и конфисковать значительные запасы продовольствия указанного управления в Шанхае". Мы считаем, отметил Мао Цзэдун, что "проведение этих мероприятий вызовет политический подъем у китайского народа и будет способствовать дальнейшей изоляции проамерикански настроенного правого крыла китайской буржуазии"³⁹.

15 января Мао Цзэдун прибыл в Ленинград. На вокзале его встречали председатель Ленинградского городского Совета А.А. Кузнецов, секретарь Ленинградского областного комитета КПСС В.М. Андрианов, комендант города Ленинграда генерал-майор В.К. Парамзин. Вокзал был украшен государственными флагами СССР и КНР. В тот же день Мао Цзэдун и сопровождавшие его лица осмотрели город, посетили Эрмитаж, Кировский машиностроительный завод, побывали на переднем крае обороны Ленинграда в годы войны против гитлеровской Германии, а также присутствовали в Театре оперы и балета имени С.М. Кирова. 17 января Мао Цзэдун и сопровождавшие его лица возвратились в Москву.

20 января в Москву прибыл председатель Государственного Совета (премьер-министр), министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай вместе с большой группой официальных лиц и обслуживающего персонала. В состав группы входили заместитель председателя Северо-Восточного (Маньчжурского) правительства Ли Фучунь, министр торговли КНР Е Цзичжуан, начальник отдела СССР и стран Восточной Европы министерства иностранных дел КНР У Сюцюань, заместитель начальника департамента промышленности Северо-Восточного правительства Люй Дун, заместитель начальника департамента торговли Северо-Восточного правительства Чжан Хуадун и др.

Судя по составу группы, сопровождавшей Чжоу Эньлая, направлявшегося в Москву на советско-китайские межгосударственные переговоры, она была сформирована почти целиком из представителей правительственных структур Северо-Востока (Маньчжурии). Это объяснялось тем, что Маньчжурия занимала особое место в отношениях между СССР и Китаем – она была главной базой для подготовки руководящих кадров государственного и в особенности хозяйственного управления Китайской Народной Республики в первые годы после ее образования. Ключевые посты в министерствах, ведавших различными отраслями экономики, а также в некоторых других государственно-партийных управленческих структурах заняли коммунисты, находившиеся на руководящей работе в Маньчжурии после освобождения ее от японских оккупантов Советской Армией. "Маньчжурскую школу" прошли такие видные деятели КНР, как Гао Ган, Ли Фучунь, Пын Чжэнь, Чэн Юнь и Линь Бяо.

22 января состоялась встреча Сталина с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем. С китайской стороны в ней участвовали также Ли Фучунь, Ван Цзясян, Чэнь Бода и Ши Чжэ. С советской стороны – В.М. Молотов, Г.М. Маленков, А.И. Микоян, А.Я. Вышинский, Н.В. Рошин и Н.Т. Федоренко.

Открывая переговоры, Сталин предложил начать с обсуждения вопроса о советско-китайском договоре и соглашениях, касающихся Маньчжурии, заключенных 14 августа 1945 г. с правительством Чан Кайши. Сталин вопреки своей прежней позиции, изложенной на встрече с Мао Цзэдуном 16 декабря 1949 г., когда он высказался в поддержку мнения руководства КПК оставить в силе договоренности, достигнутые между СССР и Китаем 14 августа 1945 г., теперь предложил иной подход к этому вопросу. Он заявил: "Мы считаем, что эти соглашения надо менять, хотя раньше мы

³⁹ Там же, л. 97.

думали, что их можно оставить". Поясняя перемену своей позиции, Сталин добавил: "Существующие соглашения, в том числе договор, следует изменить, поскольку в основе договора лежит принцип войны против Японии. Поскольку война окончена и Япония оказалась разбитой, положение изменилось, и теперь договор приобрел характер анахронизма"⁴⁰.

Высказанная Сталиным аргументация являлась, на наш взгляд, мало убедительной. Договор 1945 г. заключался не на период войны с Японией, а на 30-летний срок, до 1975 г., и предусматривалась его дальнейшая пролонгация. Таким образом отступление Сталина от позиции сохранения договора и соглашений 1945 г. объяснялось не тем, что война с Японией окончилась, а другими, более серьезными причинами, которые Сталин не стал раскрывать.

После обмена мнениями между Сталиным и Мао Цзэдуном было решено поручить Вышинскому и Чжоу Эньлаю подготовить проект договора, в котором была бы четко проведена идея о предотвращении повторения агрессии со стороны Японии и идея о тесном политическом, военном, экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНР.

Касаясь соглашений о КЧЖД и Порт-Артуре, Мао Цзэдун предложил принять в качестве основы принцип о юридическом сохранении в силе этих соглашений, но на деле внести в них изменения. Далее между ним, Чжоу Эньлаем, Сталиным и Молотовым состоялся следующий разговор.

Сталин: Значит, Вы согласны с тем, чтобы объявить о юридическом сохранении существующего соглашения, но прибегнуть к соответствующим фактическим изменениям.

Мао Цзэдун: Мы должны исходить из учета интересов двух сторон – как Китая, так и Советского Союза.

Сталин: Верно. Мы считаем, что договор о Порт-Артуре является неравноправным.

Мао Цзэдун: Но ведь изменение этого соглашения задевает решения Ялтинской Конференции?!

Сталин: Верно, задевает – ну и черт с ним! Раз мы стали на позицию изменения договора, значит, нужно идти до конца. Правда, это сопряжено с некоторыми неудобствами для нас, и нам придется вести борьбу против американцев. Но мы уже с этим примирились.

Мао Цзэдун: В этом вопросе нас беспокоит лишь то, что это может повлечь нежелательные последствия для СССР.

Сталин: Как известно, мы заключили существующий договор во время войны с Японией. Мы не знали, что может выкинуть Чан Кайши. Мы исходили из того, что нахождение наших войск в Порт-Артуре будет в интересах Советского Союза и дела демократии в Китае.

Мао Цзэдун: Вопрос ясен.

Сталин: В таком случае, не считаете ли Вы приемлемым такой вариант: объявить, что соглашение о Порт-Артуре остается в силе до подписания мирного договора с Японией, после чего русские войска выводятся из Порт-Артура. Или может быть предложен другой вариант: объявить о сохранении существующего соглашения, а практически вывести войска из Порт-Артура. Какой из этих вариантов больше подходит, тот и примем. Мы согласны на любой вариант.

Мао Цзэдун: Этот вопрос следует обдумать. Мы согласны с мнением товарища Сталина и считаем, что соглашение о Порт-Артуре должно остаться в силе до подписания мирного договора с Японией, после подписания договор теряет силу и советские войска уходят. Однако, нам хотелось бы, чтобы в Порт-Артуре осуществлялось наше военное сотрудничество и мы могли бы обучать свой военно-морской флот.

---

⁴⁰ Там же, ф. 45, оп. 1, д. 329, л. 29.

Сталин: Вопрос о Дальнем. Мы не намерены обеспечивать каких-либо прав Советского Союза в Дальнем.

Мао Цзэдун: Будет ли Дальний сохранен как свободный порт?

Сталин: Поскольку мы отказываемся от своих прав, Китай сам должен решить вопрос о Дальнем: будет ли он свободным портом или нет. В свое время Рузвельт настаивал на том, чтобы Дальний был свободным портом.

Мао Цзэдун: Таким образом, сохранение свободного порта было бы в интересах Америки и Англии?

Сталин: Конечно. Получается: дом с открытыми воротами.

Мао Цзэдун: Мы считаем, что Порт-Артур мог бы быть базой для нашего военного сотрудничества, а Дальний – для советско-китайского экономического сотрудничества. В Дальнем имеется целый ряд предприятий, которые мы не в силах эксплуатировать без помощи со стороны Советского Союза. Нам следует развивать там экономическое сотрудничество.

Сталин: Значит, соглашение о Порт-Артуре остается в силе до подписания мирного договора с Японией. После заключения мирного договора существующее соглашение теряет свою силу и русские выводят свои войска. Так ли я резюмировал высказанные мысли?

Мао Цзэдун: Такова основа, и именно это мы хотели бы изложить в новом договоре.

Сталин: Продолжим обсуждение вопроса о КЧЖД. Скажите нам, как полагается коммунистам, какие у Вас имеются сомнения?

Мао Цзэдун: Основная мысль сводится к тому, чтобы в новом соглашении было отмечено, что совместная эксплуатация и управление будут продолжаться и впредь. Однако, что касается управления, то основную роль в нем должна играть китайская сторона. Далее, необходимо изучить вопрос о сокращении срока действия соглашения и определить размер капиталовложений сторон.

Молотов: При условии сотрудничества и совместного управления какого-либо предприятия двумя заинтересованными государствами обычно предусматривается паритетное участие сторон, а также чередование в замещении руководящих должностей. В старом соглашении управление дорогой принадлежало советской стороне, однако в дальнейшем мы считаем необходимым предусмотреть чередование в осуществлении функций управления. Скажем, такое чередование могло бы осуществляться через каждые два-три года.

Чжоу Эньлай: Наши товарищи считают, что существующее правление КЧЖД и должность управляющего следует устранить и вместо них создать комиссию по управлению дорогой, причем предусмотреть, что должности председателя комиссии и управляющего будут замещаться китайцами. Однако в связи с предложением товарища Молотова над этим вопросом следует подумать.

Сталин: Если речь идет о совместном управлении, то нужно, чтобы замещение руководящих должностей менялось. Так было бы логичнее. Что касается срока действия соглашения, то мы не возражаем против его сокращения.

Чжоу Эньлай: Не следует ли изменить соотношение капиталовложений сторон и вместо существующих паритетных условий увеличить капиталовложения китайской стороны до 51%?

Молотов: Это пошло бы вразрез с существующим принципом о паритетности сторон.

Сталин: Мы, действительно, имеем соглашения с чехами и болгарами, по которым предусматривается паритетность, равенство сторон. Уж если совместное управление, то пусть будет и равное участие.

Мао Цзэдун: Нужно дополнительно изучить этот вопрос с таким расчетом, чтобы были обеспечены интересы обеих сторон⁴¹.

⁴¹ Там же. л. 31–35.

На этом закончился предварительный обмен мнениями по вопросам, касавшимся договора и соглашений по Маньчжурии на высшем уровне. Выработка новых договоренностей была передана министрам иностранных дел. Предварительный обмен мнениями показал наличие расхождений в позициях сторон по некоторым важным принципиальным вопросам. Причем эти расхождения явно проявились с приездом в Москву и включением в переговорный процесс Чжоу Эньлая. Его подход к обсуждавшимся вопросам мало чем отличался от позиции, которую занимал Сун Цзывэнь на переговорах о советско-китайском договоре и соглашениях по Маньчжурии 1945 г. Разница состояла в том, что на переговорах с правительством Чан Кайши советское правительство очень твердо отстаивало свою позицию, связанную с защитой государственных интересов СССР, имея в виду, в частности, огромные по тем временам капиталовложения, внесенные Россией в Маньчжурии. В переговорах же с Мао Цзэдуном Сталин проявил беспрецедентную в международных отношениях уступчивость и встал на путь отказа от всего, что СССР получил по договору 1945 г. и по предыдущим соглашениям, начиная с русско-китайского договора 1896 г. о союзе и постройке Китайской Маньчжурской железной дороги.

Затем Сталин предложил обсудить соглашение о советском 300-миллионном кредите, который был предоставлен во время пребывания в Москве делегации ЦК КПК во главе с Лю Шаоци в июне – августе 1949 г. Условия кредитного соглашения, по признанию Мао Цзэдуна, были "весьма благоприятны для Китая", так как китайцы платили "всего лишь один процент". На это Сталин заметил: "Мы исходим из того, что китайская экономика крайне разорена", хотя по соглашениям со странами народной демократии Восточной Европы предусматривалось получение двух процентов⁴².

На переговорах со Сталиным Мао Цзэдун обратился с просьбами о предоставлении пшеницы и текстиля для провинции Синьцзян, а также о продлении срока пребывания в КНР советского авиационного полка, который был направлен в распоряжение ЦК КПК для оказания помощи в осуществлении военных операций против гоминьдановских войск и освобождению контролировавшихся гоминьдановцами районов, труднодоступных для коммунистических войск. Одним из наиболее сложных для командования НОА в этом отношении регионов был Синьцзян. Путь туда, протяженностью свыше тысячи километров, лежал через почти безлюдную пустынную территорию, где не было ни питьевой воды, ни продовольствия, ни дорог, ни необходимых транспортных средств. Преодолеть такой путь пешком порядком, без продовольствия, без источников питьевой воды, под палящим солнцем войска НОА не могли. Поэтому руководство КПК обратилось за помощью к Сталину. Эта просьба была вызвана также тем, что в дополнение к упомянутым выше трудностям путь в Синьцзян контролировался войсками мусульманских феодалов-милитаристов, генералов Ма (Ма Буфена, Ма Буцина и Ма Хункуя), в руках которых находилась граничащая с Синьцзяном обширная провинция Цинхай. Генералы Ма занимали сепаратистскую позицию в отношении правительства Чан Кайши и враждебно относились к коммунистам.

Сталин предоставил китайским коммунистам полк советских военно-воздушных сил, который помог командованию НОА в переброске в Синьцзян коммунистических войск и обеспечил их прикрытие от войск генералов Ма.

Мао Цзэдун просил оказать такую же помощь в осуществлении других военных операций, в особенности в подчинении Пекину Тибета.

Мао Цзэдун сказал: "Я хотел бы отметить, что присланный Вами в Китай авиаполк оказал нам большую помощь. Им перевезено около 10 тыс. человек. Разрешите мне поблагодарить Вас, товарищ Сталин, за помощь и просить Вас задержать этот авиаполк в Китае с тем, чтобы он оказал помощь в переброске продовольствия войскам Лю Бо-чана, готовящимся к наступлению в Тибет".

---

⁴² Там же, л. 36.

Сталин: "Это хорошо, что Вы готовитесь к наступлению. Тибетцев надо взять в руки. По поводу авиаполка поговорим с военными и дадим Вам ответ"⁴³.

По вопросу о поставках в Синьцзян пшеницы и текстиля Сталин также выразил готовность оказать помощь. Для этого нужно, сказал он, чтобы "Пекин предоставил соответствующие заявки в цифрах", и далее он поинтересовался, «будем ли мы заключать отдельные договора с Синьцзяном, с Маньчжурией и другими провинциями, как это было раньше, или единый договор с центром? "Мы, – сказал Мао Цзэдун, – хотели бы иметь единый договор с центром. Но Синьцзян, в свою очередь, может иметь отдельное соглашение». На вопрос Сталина, а как быть с Маньчжурией, Чжоу Эньлай ответил, что "для Маньчжурии заключение отдельного соглашения исключается, так как договор с центром в основном обеспечивается за счет поставок из Маньчжурии". "Нам, – сказал Сталин, – хотелось бы, чтобы соглашения с Синьцзяном или Маньчжурией утверждались центральным правительством и чтобы центральное правительство несло за них ответственность"⁴⁴.

Ранее в своих отношениях с гомиьдановским правительством Москва предпочитала иметь дело только с местным правительством Синьцзяна и напрямую заключала с ним торгово-экономические и другие соглашения, действуя в обход и через голову китайского центрального правительства. Попытка Чан Кайши установить такой порядок, который предложили теперь Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай, привела к тому, что советское правительство порвало в одностороннем порядке все деловые связи с Синьцзяном и поставило эту граничащую с СССР провинцию в условия экономической блокады, продолжавшуюся до прихода к власти в Китае коммунистов.

Вышинскому, Микояну, Чжоу Эньлаю и Ли Фучуню поручалась подготовка советско-китайского договора и соглашений. Рабочие группы: одна под руководством Чжоу Эньлая, другая – Вышинского, приступили к работе над проектами этих документов. Процесс выработки договоренностей проходил значительно легче, чем это имело место на советско-китайских переговорах в июле–августе 1945 г. Однако и на этот раз не обошлось без трудностей, возникших из-за расхождения сторон по некоторым вопросам. Один из них касался перевозок советских войск и военных грузов из СССР в Порт-Артур, на военно-морскую базу, по КЧЖД. Чжоу Эньлай возразил против предоставления СССР такого права, рассматривая это как нарушение китайского суверенитета. Он соглашался пойти на это только при условии принятия советской стороной встречного требования: разрешить перевозку китайских войск через советскую территорию из Маньчжурии в Синьцзян, используя советские железные дороги. Чжоу Эньлай мотивировал это требование необходимостью соблюдения принципа равенства: если, мол, советские войска будут перевозиться через китайскую территорию, то правительство КНР должно иметь аналогичное право перевозить свои войска через территорию СССР.

Советская сторона восприняла это требование как надуманное, необоснованное. Во-первых, в переброске китайских войск из Маньчжурии в Синьцзян не было никакой практической необходимости, так как это можно было осуществлять по территории самого Китая. Что же касается советских войск, то наземным транспортом их можно было перевезти в Порт-Артур только через китайскую территорию – Маньчжурию. Существовал другой путь – морской, но он был менее удобен во многих отношениях, а в случае осложнения международных отношений на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе – менее безопасным. Во-вторых, между СССР и КНР заключался договор о союзе, а между союзниками вопросы решаются прежде всего исходя из общих для них, взаимных интересов. Именно этой взаимосвязи интересов отвечало предоставление советскому правительству права переброски своих войск в Порт-Артур по КЧЖД, через китайскую территорию (Маньчжурию), поскольку порт-

⁴³ Там же, л. 38.

⁴⁴ Там же, л. 37–38.

артурская военно-морская база служила для защиты обоих государств – СССР и Китая – от внешней агрессии.

В ходе переговоров возникли расхождения сторон по вопросам, касавшимся управления совместно используемыми предприятиями и другими объектами, распределения долей капиталовложений сторон, объема поставок из Китая в СССР некоторых материалов – вольфрама, олова, сурьмы. Китайская сторона заявляла, что она не в состоянии самостоятельно эксплуатировать ряд промышленных и хозяйственных предприятий без помощи СССР, но вместе с тем требовала, чтобы в управлении смешанными компаниями, такими, как КЧЖД, судоремонтный завод в Дальнем и другие объекты, основная роль принадлежала китайцам, а пакет акций предлагала распределить в пропорции 51% : 49% в пользу Китая. Китайская сторона предлагала также сократить предусмотренные соглашениями от 14 августа 1945 г. сроки совместного использования КЧЖД и других объектов. Советская сторона пошла навстречу пожеланиям китайской стороны по всем вопросам. Более того, советское правительство по своей инициативе высказалось за отказ в пользу Китая от договоренностей 1945 г. по некоторым важным вопросам, например, советское правительство еще до образования КНР приняло решение о выводе советских войск из военно-морской базы Порт-Артур, о чем было сообщено руководству ЦК КПК Микояном во время его поездки с секретной миссией в Сибайпо.

Обе делегации вели усиленные переговоры по выработке текстов нового советско-китайского договора и соглашений, в том числе соглашения о взаимных поставках товаров. С советской стороны имелись в виду поставки в КНР в основном машинного оборудования и материалов, предназначенных для восстановления, реконструкции и строительства промышленных предприятий и других наиболее важных для Китая объектов. Обсуждались и согласовывались вопросы командирования в КНР советских специалистов, а также условия оплаты их работы. Советская сторона внесла предложение о запрещении концессий третьих стран на территории Маньчжурии и Синьцзяна. Китайская сторона выдвинула в связи с этим встречное предложение: о запрещении концессий третьих стран на советской территории – в Дальневосточном крае и среднеазиатских республиках.

Через несколько дней все документы были готовы, и 14 февраля 1950 г. в Кремле состоялась подписание Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР, а также Соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем, Соглашения о предоставлении Советским Союзом кредита правительству КНР. Одновременно с подписанием договора и упомянутых соглашений Вышинский и Чжоу Эньлай обменялись нотами о том, что заключенные 14 августа 1945 г. между Китаем и СССР договор и соглашения потеряли силу, и о том, что "оба правительства констатируют полную обеспеченность независимого положения Монгольской Народной Республики в результате референдума 1945 г. и установления дипломатических отношений с ней Китайской Народной Республики"⁴⁵.

Помимо вышеуказанных документов в Москве был подписан секретный документ – "Дополнительное Соглашение" – о "непредоставлении права на концессии" и о "недопущении деятельности промышленных, финансовых, торговых и иных предприятий, капитала третьих стран или граждан этих стран" на территории Дальневосточного края и среднеазиатских республик СССР, а также на территории Маньчжурии и Синьцзяна.

При подписании договора и соглашений Вышинский и Чжоу Эньлай выразили глубокое удовлетворение достигнутыми договоренностями. Чувства удовлетворения руководства КПК результатами переговоров были вполне понятны: Мао Цзэдун получал от СССР все, что он хотел получить для закрепления вырванной им из рук Гоминьдана власти в Китае. Советское правительство, Сталин добровольно и даже по своей инициативе отдавали все, что СССР получил по договору и соглашениям,

⁴⁵ Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. М., 1959, с. 217–224.

подписанным с правительством Китайской Республики 14 августа 1945 г., имея в виду огромные имущественные права России, которые были отняты Японией и за возвращение которых СССР вступил в войну против Японии в августе 1945 г. Какие были основания для выражения чувств удовлетворения итогами переговоров с Мао Цзэдуном у советского руководства – это особый вопрос, которого мы коснемся позже. А сейчас отметим хронику событий, последовавших за подписанием договора и соглашений.

14 февраля, после подписания договора и соглашений, посол КНР Ван Цзясян устроил прием в честь Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая. С советской стороны на приеме были Н.М. Шверник, В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, представители различных министерств и ведомств. Присутствовали также послы социалистических стран. Сталина на этом приеме не было.

16 февраля Сталин дал обед в честь Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая. Это был прощальный обед. Он проходил в весьма теплой, дружественной обстановке. На обеде вместе с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем с китайской стороны присутствовали заместитель председателя Маньчжурского регионального правительства Ли Фучунь, посол КНР в СССР Ван Цзясян, профессор Чэнь Бода, руководитель правительства провинции Синьцзян С. Азизов и другие лица, сопровождавшие Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая в их поездке в СССР.

С советской стороны на обеде у Сталина были Н.М. Шверник, В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян, Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, Л.М. Каганович, А.Я. Вышинский, маршал А.М. Василевский, А.А. Громыко, В.А. Зорин, Н.В. Рощин, генерал армии С.М. Штеменко, генерал-полковник П.Ф. Жигарев, адмирал И.С. Юмашев, торговый представитель СССР в КНР В.П. Мигунов и другие официальные лица. Присутствовали также послы социалистических стран Восточной Европы.

17 февраля Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай покинули Москву. На Ярославском вокзале, откуда отправлялся специальный поезд в Пекин, высоких гостей провожали Молотов, Микоян, Булганин, Вышинский и другие официальные лица. На вокзале Мао Цзэдун выступил с прощальной речью, в которой в частности заявил:

"Дорогие товарищи и друзья!

Будучи в Москве, я и тов. Чжоу Эньлай, а также члены китайской делегации встречались с Генералиссимусом Сталиным и ответственными товарищами из Советского правительства. Трудно передать словами то полное взаимопонимание и глубокую дружбу, которые созданы на основе коренных интересов наших великих народов Китая и Советского Союза. Все видят, что сплочение великих китайского и советского народов, закрепленное договором, является долговечным, нерушимым и непоколебимым. Это сплочение неизбежно повлияет не только на процветание великих держав Китая и Советского Союза, а также на будущность всего человечества и поведет к победе справедливости и мира во всем мире"⁴⁶.

Так закончился визит Мао Цзэдуна в СССР, который он так стремился посетить начиная с 1947 г. Тогда он не мог осуществить это потому, что его приезд в Советский Союз в качестве партизанского лидера, которым он являлся до образования КНР, мог создать для советского правительства массу политических неудобств. Теперь он посетил СССР как глава официального правительства провозглашенной Китайской Народной Республики. Каковы же итоги его визита в Москву? Как отмечалось выше, между договорами и соглашениями 1945 г., от которых отказалось советское правительство, и договоренностями, достигнутыми во время визита Мао Цзэдуна в Москву, были большие различия.

Договор о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г. заключался на 30 лет. Предусматривалось, что если за год до истечения этого срока одна из сторон не заявит о своем желании его денонсировать, то он останется в силе "на неограниченный срок".

⁴⁶ Известия, 18.11.1950.

Договор от 14 февраля 1950 г. тоже заключался на 30 лет. Предусматривалось, что если одна из сторон за один год до истечения этого срока не заявит о своем желании его денонсировать, то он остается в силе на пять лет и в соответствии с этим правилом пролонгируется⁴⁷.

Соглашение 1945 г. о КЧЖД заключалось на 30 лет. По истечении этого срока дорога со всем принадлежащим ей имуществом безвозмездно передавалась китайскому правительству. Председателем правления КЧЖД назначался гражданин Китая, заместителем председателя – советский гражданин. Управляющим дорогой назначался гражданин СССР, заместителем управляющего – гражданин Китая⁴⁸. Поскольку административно-распорядительные функции принадлежали управляющему дорогой, то это, по существу, означало передачу контроля над дорогой и ее эксплуатацией в руки советской стороны.

Соглашение же 1950 г. о КЧЖД предусматривало совместное использование дороги практически лишь в течение двух лет. Советское правительство обязалось безвозмездно передать правительству КНР все свои права по совместному управлению дорогой со всем принадлежащим ей имуществом непосредственно после заключения мирного договора с Японией, однако не позже конца 1952 г. Безвозмездно передававшееся китайской стороне имущество было огромным. Оно включало в себя паровозоремонтные, вагоноремонтные заводы, лесопромышленные предприятия, обеспечивавшие производство шпал и лесоматериалов для железнодорожных вагонов; угледобывающие предприятия и многие другие объекты, обслуживавшие железную дорогу, в которые Россией были вложены большие финансовые и материальные средства.

Кроме того, по соглашению 1950 г. до осуществления упомянутой выше передачи существенно менялось положение, касавшееся управления дорогой. Вводился новый принцип замещения должностей, устанавливался порядок чередования таких ключевых должностей, как председатель правления и управляющий дорогой. Это резко ограничивало права по управлению и эксплуатации дороги и обслуживавшего ее промышленно-хозяйственного комплекса, которыми пользовалась советская сторона по соглашению 1945 г.⁴⁹

Относительно Порт-Артура соглашение 1945 г. формально закрепляло совместное использование военно-морской базы военными кораблями и торговыми судами СССР и Китая. Но только формально. Оборона военно-морской базы, по соглашению, вверялась правительству СССР. Это позволило советской стороне в одностороннем порядке установить свой полный контроль и лишить права захода в зону порт-артурской базы военных и торговых кораблей Китая (заход кораблей других стран, кроме СССР и Китая, соглашением официально запрещался).

Для управления военно-морской базой соглашением 1945 г. создавалась смешанная советско-китайская военная комиссия в составе трех представителей от СССР и двух – от Китая. Председателем комиссии назначался представитель СССР, а его заместителем – китайский гражданин. Фактически же смешанная комиссия не функционировала даже в ограниченном для Китая составе. Управление базой и всей военной зоной Порт-Артура целиком находилось в руках советского военного командования. Правительству Чан Кайши это, естественно, не нравилось, но оно мирилось, так как не хотело ссориться с Москвой.

По соглашению 1945 г. советские войска могли находиться в Порт-Артуре в течение 30 лет. По истечении этого срока они выводились с территории Китая, а все оборудование военно-морской базы и общественное имущество, включая жилые помещения, различные объекты сферы бытового и культурного обслуживания личного состава военного гарнизона, безвозмездно передавались в собственность китайского правительства⁵⁰.

⁴⁷ Советско-китайские отношения, 1917–1957, с. 198, 222.

⁴⁸ Там же, с. 198–201.

⁴⁹ Там же, с. 221–222.

⁵⁰ Там же, с. 202.

В соответствии с новым соглашением 1950 г. о Порт-Артуре советские войска подлежали эвакуации из Маньчжурии (из военно-морской базы), а все сооружения, построенные на территории базы, передавались правительству КНР после заключения мирного договора с Японией, однако не позже 1952 г. При этом предусматривалось возмещение правительством КНР Советскому Союзу затрат по восстановлению и строительству сооружений, осуществленных советской стороной с 1945 г. Таким образом, не компенсировались затраты на строительство сооружений, произведенных до 1945 г., начиная с заключения в 1896 г. русско-китайского договора о союзе и строительстве Китайской Восточной железной дороги. А затраты России, включая строительство города Порт-Артур и его инфраструктуры, были колоссальными.

До передачи военно-морской базы правительству КНР советское командование лишалось монопольного права управления базой, которое было предоставлено СССР правительством Чан Кайши. В отличие от ранее установленного порядка формирования китайско-советской объединенной военной комиссии, при котором большинство членов комиссии по военным делам в районе Порт-Артур и председатель комиссии назначались из советских граждан, теперь, по соглашению 1950 г., в комиссию должно было входить равное число представителей от обеих сторон, а председательствование быть поочередным⁵¹.

Большие различия между договорами 1945 и 1950 г. имелись и в отношении порта Дальнего. Соглашением 1945 г. он объявлялся свободным портом, открытым для торговли и судоходства всех стран. Китайское правительство выделяло Советскому Союзу в аренду причалы и складские помещения на основе отдельного соглашения. Администрация в Дальнем принадлежала Китаю, начальником же порта назначался гражданин СССР. Товары, поступавшие из-за границы в порт Дальний и следовавшие в СССР по КЧЖД и в обратном направлении, освобождались от таможенных пошлин⁵².

Теперь вопрос о порте Дальний, о его статусе должен был быть подвергнут рассмотрению после заключения мирного договора с Японией. Другими словами, этот вопрос оставался открытым. Такая осторожная позиция была вызвана тем, что статус Дальнего как свободного порта был определен решением Крымской конференции и зафиксирован в Ялтинском соглашении, подписанном главами правительств СССР, США и Великобритании. Поэтому Москва и Пекин нарушать это соглашение не решались, опасаясь негативной реакции со стороны США и Великобритании.

Соглашением 1950 г. предусматривалось, что все имеющееся в Дальнем имущество, находившееся во владении или в аренде у советской стороны, должно было быть передано правительству КНР и эта передача должна была быть осуществлена в течение 1950 г.⁵³ Так же как и в Порт-Артуре, в имущество, безвозмездно передававшееся правительству КНР, были вложены огромные финансовые и материальные затраты России.

Как известно, правительства США, Великобритании и Китая неоднократно обращались к советскому правительству с просьбой о вступлении СССР в войну против Японии, и оно пошло навстречу их пожеланиям, но выдвинуло ряд условий. Эти советские требования были приняты и зафиксированы в Ялтинском соглашении, в советско-китайском договоре и в соглашениях, подписанных 14 августа 1945 г. В них предусматривалось восстановление всех имущественных прав, которые принадлежали России в Маньчжурии и были утрачены в результате японской агрессии. Сталин, обосновывая свои требования, указывал на то, что между СССР и Японией в 1941 г. был подписан пакт о нейтралитете и поэтому советскому народу будет непонятно, ради чего СССР должен вступать в войну против Японии и приносить в жертву жизни своих солдат.

---

⁵¹ Там же, с. 221–222.

⁵² Там же, с. 203.

⁵³ Там же, с. 222.

И вот теперь, когда советские солдаты выполнили свой воинский долг и война с Японией окончена, а все утерянные Россией и СССР территориальные и имущественные права восстановлены, Сталин на переговорах с Мао Цзэдуном решил не по просьбе Мао Цзэдуна, а по своей инициативе отказаться от упомянутых выше имущественных прав в Маньчжурии и от весьма важных стратегических позиций, которые были предоставлены СССР по договору и соглашениям, заключенным 14 августа с правительством Китайской Республики.

Попытаемся разобраться, что же побудило Сталина проявить такую беспрецедентную в международных отношениях щедрость. На политику Кремля в отношении гоминьдановского правительства после капитуляции Японии оказали влияние не "антисоветская политика" Чан Кайши, как это утверждалось в советских версиях⁵⁴, а совсем иные факторы. Отметим наиболее важные из них. Во-первых, негативную роль сыграло обострение международной обстановки в те годы, вызванное в значительной мере тем, что США овладели ядерным оружием, пустили его в ход против Японии и создали угрозу для безопасности других стран. Во-вторых, между странами-победителями во второй мировой войне развернулась борьба за то, чтобы из победы над Германией и Японией извлечь для себя наибольшую пользу. Всюду, куда вступали войска той или другой страны-победительницы, создавались режимы, более всего отвечавшие интересам этой страны-победительницы. Так поступали США и Великобритания. К закреплению своих позиций на занятых советскими войсками территориях стремилось и советское правительство. Эту цель преследовала политика Кремля в Маньчжурии после освобождения ее Советской Армией.

На послевоенную внешнюю политику СССР в отношении Китая большое влияние оказала поднявшаяся в результате разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии волна национально-освободительных движений в Азии, и в частности на Дальнем Востоке. Сталин исходил из того, что в случае прихода КПК к власти в Китае коммунистический Китай станет оплотом национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран. Кроме того, установление США в одностороннем порядке собственного контроля над Японией, находившейся в непосредственной близости от границ СССР, не могло также не волновать Сталина и требовало, естественно, от СССР принятия мер, направленных на укрепление безопасности СССР на Дальнем Востоке.

Опираясь на Ялтинское соглашение и советско-китайский договор от 14 августа 1945 г., Сталин решил превратить Маньчжурию в надежную опорную базу Советского Союза у его дальневосточных рубежей. Но Сталин опасался, что в силу ряда причин, в частности из-за тяжелого экономического положения Китая, внутривнутриполитического кризиса и т.д. гоминьдановское правительство пойдет на тесное сближение с США, откроет Китай, в особенности Маньчжурию, для широкой американской экспансии под флагом "политики открытых дверей". Как говорил Сталин, он не знал, "что может выкинуть Чан Кайши". Чтобы гарантировать прочность позиции СССР в Маньчжурии, Сталин решил передать ее в руки китайских коммунистов, которых он считал более надежными союзниками. Сталин помог коммунистам создать в Маньчжурии крупные вооруженные силы, оказал им военно-техническую, финансово-экономическую и другую помощь. Опираясь на Маньчжурию и широкомасштабную советскую помощь, КПК развернула вооруженную борьбу за захват власти во всей стране и за свержение официально признанного Москвой китайского правительства.

Для того чтобы получить от СССР всю необходимую помощь для победы, Мао Цзэду и ЦК КПК настойчиво внушали Сталину мысль о том, что коммунисты, придя к власти, установят "вечную и нерушимую дружбу" между Китаем и СССР. Они постоянно предлагали, чтобы Сталин, ЦК ВКП(б) давали им свои указания по всем вопросам внутренней и внешней политики, и твердо заверяли, что во всей своей деятельности КПК будет руководствоваться указаниями Москвы. Например, в

---

⁵⁴ История дипломатии, т. IV, М., 1975, с. 390.

докладе от 4 июня 1949 г., представленном на рассмотрение политбюро ЦК ВКП(б) делегацией ЦК КПК во главе с секретарем ЦК КПК Лю Шаоци, посетившей Москву в июне – августе 1949 г., отмечалось: "По вопросу об отношениях между ВКП(б) и КПК Мао Цзэдун и ЦК КПК считают: ВКП(б) является главным штабом международного коммунистического и рабочего движения, а КПК представляет лишь только штаб одного направления. Интересы части должны быть подчинены интернациональным интересам, а поэтому КПК подчиняется решениям ВКП(б) [...]. Если по некоторым вопросам между КПК и ВКП(б) возникнут разногласия, то КПК, изложив свою точку зрения, подчинится и решительно будет выполнять решения ВКП(б)"⁵⁵.

На полях этого доклада Сталин написал "Нет!", выразив таким образом свое несогласие с предлагаемым принципом "верховенства" Кремля. Тем не менее подобные клятвенные заверения Мао Цзэдуна и других руководителей КПК, по-видимому, убедили Сталина в том, что у СССР не будет никаких проблем в отношениях с Китаем, если к власти там придут коммунисты. И чтобы КПК действительно стояла на позициях "вечной и нерушимой дружбы" с СССР, как об этом неоднократно заявляли Мао Цзэдун и другие руководители КПК, Сталин решил в дополнение к помощи, предоставленной КПК для завоевания победы над Гоминьданом, преподнести в дар все имущественные и другие права, полученные ранее Россией и СССР в Маньчжурии по договорам и соглашениям с Китаем, которые руководителями КПК были признаны вполне равноправными. Как показали вскоре дальнейшие события, заверения Мао Цзэдуна носили конъюнктурный характер. Надежды Сталина на "вечную и нерушимую дружбу" между СССР и КНР не оправдались.

Визит Мао Цзэдуна в Москву и подписание 14 февраля 1950 г. нового договора и соглашений подвели окончательную черту под всей предшествующей историей отношений между СССР и Китаем и четко обозначили стартовый рубеж, с которого начался новый этап в советско-китайских отношениях.

---

⁵⁵ АП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 328, л. 11–50.

СВЕН ХОЛЬТСМАРК (Норвегия)

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И СКАНДИНАВИЯ. 1944–1947 гг. ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА МИД РФ

До начала второй мировой войны стратегические интересы СССР в Скандинавии были ограничены¹. Исключением являлся периодически возникающий интерес Советского Союза к Балтийским проливам², что, впрочем, не влекло за собой попыток изменить существовавшие там правила судоходства. Другим исключением были беспочвенные опасения СССР, что Швеция может объединиться с Финляндией, Литвой, Латвией и Эстонией с целью создания в балтийском регионе антисоветского "блока"³. Несмотря на эти опасения, связанные со сложными отношениями Советского Союза с Финляндией и тремя Прибалтийскими странами, Скандинавия явно оставалась на периферии советских внешнеполитических и стратегических интересов. Военные и внешнеполитические приоритеты СССР в Европе были направлены на создание системы политических гарантий безопасности советских границ на континенте. Советское государство не проявляло никаких экспансионистских намерений в регионе, где оно было не способно играть ведущей политической и военной роли.

В 1920–1930-е годы СССР постепенно создал мощные сухопутные и военно-воздушные силы, однако возможности его военно-морского флота оставались ограниченными. Последнее обстоятельство не оставляло Советскому Союзу иного выбора, кроме как смириться с преобладанием Великобритании и Германии в Скандинавии, в частности в Норвегии и ее арктических владениях (Шпицберген, острова Медвежий и Ян-Майен)⁴. Даже накануне второй мировой войны советский Северный флот состоял

Свен Хольтсмарк – научный сотрудник Норвежского института оборонных исследований, специалист по истории международных отношений середины XX в. Перевод статьи с английского выполнен к.и.н. Л.М. Троицкой.

От редакции. Недавно изданный в Норвегии сборник документов "Norgi og Sovjet Unionen 1917–1955": (Oslo, 1995), подготовленный совместно Институтом всеобщей истории РАН и Норвежским Институтом оборонных исследований, позволяет более широко рассмотреть освещаемые в данной статье вопросы. В настоящее время идет работа над русским изданием сборника.

¹ Согласно современной терминологии под Скандинавией подразумеваются Швеция, Норвегия и Дания. Финляндия и Исландия входят в состав более широкого сообщества северных стран. Нет необходимости говорить о том, что интересы СССР в Финляндии были иными по своей природе.

² См.: *Grzybowski K.* The Soviet Doctrine of Mare Clausum and Policies in Black and Baltic Seas. – *Journal of Central European Affairs*, v. XIV, 1954–1955, p. 344.

О дискуссии вокруг роли, которую играл вопрос о Балтийских проливах в советской политике в отношении Дании в 1920–1930-х годах, см.: *Holtmark S.G.* Enemy Springboard or Benevolent Buffer? Soviet Attitudes to Nordic Cooperation, 1920–1955. – *Forsvarsstudier/Defence Studies*. Oslo, 1992, p. 25–27.

³ См.: *The Baltic in International Relations Between the World Wars*, v. III. Stockholm, 1988; *Salmon P.* Perceptions and Misperceptions: Great Britain and the Soviet Union in Scandinavia and the Baltic Region 1918–1939. – *Contract or Isolation? Soviet-Western Relations in the Interwar Period*, v. VIII. Stockholm, 1991, p. 415–430.

⁴ В терминах "Шпицберген" и "Свальбард" наблюдается некоторая путаница. С 1969 г. в Норвегии под Шпицбергом подразумевают только самый большой остров архипелага. До этого он назывался Западный Шпицберген. По многостороннему парижскому договору 1920 г., определявшему международно-правовой статус Шпицбергена, весь архипелаг именовался Свальбардом, куда входил и отдаленный остров Медвежий, лежащий приблизительно на полпути между Шпицбергом и Нордкапом. В этом смысле использование норвежцами названия согласуется с буквой договора 1920 г. Важно иметь в виду, что в их понимании и в тексте договора Свальбард означает все острова, находящиеся в пределах территории, определенной этим документом. В англоговорящих странах больше предпочитают термин "Шпицберген", нежели незнакомое слово "Свальбард", хотя, например, в "Британской энциклопедии" даются названия в соответствии с их применением в Норвегии.

главным образом из кораблей береговой обороны и не был способен к наступательным операциям в открытом океане, не говоря уже о том, чтобы составить конкуренцию военно-морскому флоту Британии или Германии. Дания, похоже, оказалась между молотом и наковальней – германской мощью на суше и британским превосходством на море. Швеция в промышленном и военном отношении была намного сильнее своих скандинавских соседей и в меньшей степени склонна искать гарантии безопасности у великих держав. Впрочем, для СССР Швеция представляла стратегический интерес главным образом из-за ее мнимых претензий на роль региональной великой державы в Скандинавии и в балтийском регионе⁵.

Вплоть до 1939 г. Советский Союз проводил оборонительную политику в отношении Скандинавии, стремясь использовать свое ограниченное влияние на правительства этих стран с целью воспрепятствовать реальным или ложным попыткам усиления политического и военного преобладания других великих держав в регионе. С конца 1920-х годов и позднее советскую пропаганду занимал вопрос скандинавского или северного сотрудничества, которое до 1934–1935 гг. рассматривалось как инструмент британского, а затем германского военно-политического проникновения в регион⁶. За все это время СССР ни разу не предъявил претензий на ведущую роль в военной сфере как на территории Скандинавии, так и в омывающих ее водах.

Вторая мировая война и не в последнюю очередь использование Германией норвежской территории для атак на коммунистическую, связывавшие западных союзников с незамерзающими портами советского Севера, положили конец этому. Наступательные операции Красной Армии в 1943–1944 гг. резко расширили возможности СССР в Европе. В результате "скандинавский вопрос" переместился ближе к центру советских стратегических интересов. По мере того, как война в Европе подходила к концу, эти страны становились объектом более пристального внимания при разработке СССР планов послевоенного устройства континента.

Избегав военных разрушений, Швеция после окончания военных действий в Европе представляла собой островок политической и экономической стабильности. За время войны она сумела значительно укрепить обороноспособность. С точки зрения далеко идущих советских планов в Швеции открывались минимальные возможности. Ни реальное содержание политики СССР в отношении этой страны в первые послевоенные годы, ни доступные исследователям документы советских архивов не содержат и намека на существование планов, которые бы затрагивали территориальную целостность Швеции или ее статус нейтрального государства, не позволяющего размещать иностранные военные базы на своей территории. За исключением идеи об использовании экономического давления Советского Союза для обеспечения определенного политического влияния СССР на Швецию⁷, сторонником которой являлась, в частности, советский посланник в Стокгольме А.М. Коллонтай, нет никаких оснований утверждать, что выработка политической линии в отношении Швеции в первые послевоенные годы выходила за рамки оборонительной задачи противостоять усилению влияния Запада в этой стране.

В русской интерпретации Шпицберген (древнерусское название Грумант) означает "главный" архипелаг, тогда как остров Медвежий обычно вносится в реестры отдельно. См. использование терминологии в кн.: *Тимченко Л.Д.* Шпицберген: история и современность. Харьков, 1992.

Ян-Майен – остров в Норвежском море, лежащий примерно посередине между Норвегией и Гренландией. – не является частью островной группы Свальбард.

⁵ Советское руководство неправильно истолковало позицию Швеции. Несмотря на то, что в прошлом страна была сильной державой на севере Европы, шведские "активисты" оказывали ограниченное влияние на внешнюю политику государства. См.: *Lönroth E.* Den svenska utrikes politikens historia, v. V. Stockholm, 1959.

⁶ Вместе с тем в позиции Советского Союза обнаруживались некоторые противоречивые тенденции или образы мышления внутри советского внешнеполитического руководства. См.: *Holtsmark S.G.* Op. cit.

⁷ О реакции А.М. Коллонтай на шведское предложение, высказанное в конце 1944 г. о предоставлении советскому правительству кредита на сумму 1 млрд. шв. кр. для того, чтобы СССР смог осуществить закупки в Швеции, см.: Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). ф. 0140, оп. 29, п. 128, д. 14, л. 14–15. А.М. Коллонтай – НКВД, 30 ноября 1944 г.

Норвегия и Дания, напротив, привлекали пристальное внимание внешнеполитических и военных стратегов в Советском Союзе. Советские солдаты участвовали в освобождении части территории обеих стран, и советской дипломатии не была чужда идея использования присутствия Красной Армии для достижения в этих странах долгосрочных политических целей.

В данной статье будет рассмотрено, каким образом СССР определял и пытался претворить в жизнь свои стратегические и политические цели в Норвегии и Дании в 1944–1947 гг. В конечном счете эти планы не увенчались успехом. Амбициозные проекты постепенно уступили место традиционной, оборонительной по характеру политике, направленной на сдерживание роста западного влияния над скандинавскими странами.

Многу анализируется процесс принятия решений в рамках одной из государственных структур СССР, а именно, Наркоматом иностранных дел (НКИД), переименованным в Министерство иностранных дел (МИД) в марте 1946 г.⁸ Я считаю, что существовавшая в рамках НКИД/МИД система предоставляла сотрудникам среднего звена немалые возможности для разработки собственных предложений и претворения их во внешнеполитические инициативы. Очевидно, некоторые из этих сотрудников столь сильно привязывались к своим "детищам", что продолжали настаивать на их осуществлении даже столкнувшись с отсутствием интереса к ним или неодобрением со стороны политического руководства⁹.

Стратегические интересы СССР в Дании и Норвегии¹⁰ были связаны с необходимостью обезопасить линии коммуникаций, пролежавшие от советских внутренних вод до Атлантики, т.е. традиционной борьбой России за безопасные выходы в открытый океан. Внимание СССР к Дании было обусловлено ее ключевым местоположением на выходе в Балтийское море. Дания стерегла оба Бельтских пролива (Большой Бельт и Малый Бельт, оба в датских территориальных водах) – единственные, помимо Кильского канала, проходы в Балтийское море для крупных военных кораблей. Вместе со Швецией Дания контролировала пролив Эресунн. Советские стратегические интересы в Дании фокусировались также на острове Борнхольм, лежащем на подходах к узкой западной оконечности Балтийского моря¹¹. Что касается

---

⁸ Статья подготовлена на основе недавно рассекреченных документов Министерства иностранных дел РФ, собранных во время моих многократных и продолжительных визитов в Москву в АВП РФ. Я благодарен начальнику Историко-документального департамента МИД РФ И.В. Лебедеву, его заместителям и всем сотрудникам за помощь и содействие.

⁹ К сожалению, мои возможности ограничены недостатком документов, особенно по советской политике в отношении Дании, что в свою очередь не позволяет сделать широкие обобщения по проблеме процесса принятия в СССР внешнеполитических решений. Отсутствие доступа к архивам Сталина и Политбюро, а также Министерства обороны оставляет открытыми некоторые спорные вопросы. Я не предполагаю, что использованные материалы и высказанные в этой статье гипотезы являются образцовым исследованием политики СССР в отношении США или создания после второй мировой войны блока социалистических стран. Норвегия и Дания – эти небольшие государства – находились на периферии советских внешнеполитических интересов. СССР обращал на них определенное внимание по стратегическим соображениям, но разумнее предположить, что подача информации и инициативы, исходившие от сотрудников среднего звена из внешнеполитического ведомства, были заметнее при выработке политики СССР в отношении Норвегии и Дании, нежели в отношении крупных держав.

¹⁰ Я благодарен профессору университета г. Оденсе Б. Йенсену за его ценные замечания, сделанные по проблеме "СССР, Балтийские проливы и остров Борнхольм". Историк Б. Вейль опубликовал статью в датской газете о развитии датско-советских отношений в декабре 1944 г. – апреле 1946 г. См.: *Weil B. Russerne kommer. Diplomater i Moskva ville lade Den røde Hær besætte Danmark – men efter dansk invitation. – Politiken*, 16.X.1994. К сожалению, в ней нет ссылок на архивные источники.

¹¹ Вопрос о Балтийских проливах и острове Борнхольм рассматривается в литературе различных стран, посвященной советской внешней политике. См.: *Masny V. Russia's Road to the Cold War. Diplomacy, Warfare, and the Politics of Communism, 1941–1945. New York, 1979, p. 31, 269–270, 273, 278–279*. Не столь авторитетное мнение было высказано в книге: *Alexandersson G. The Baltic Straits. The Hague etc., 1982*. В наиболее полном виде освещение данной темы дается в следующих работах датских авторов: *Dau M. Danmark og Sovjetunionen 1944–49. Copenhagen, 1969; eadem. The Soviet Union and the Liberation of Denmark. – Survey. A Journal of Soviet and East European Studies, N 76, 1970, Summer, p. 64–81; Jensen B. Tryk og tilpasning. Sovjetunionen og Danmark siden 2. verdenskrig. Copenhagen, 1987*.

Норвегии, то СССР сосредоточил внимание на острове Медвежьем, далеком архипелаге Шпицберген, островах, расположенных на крайнем Арктическом Севере, и на восточной части области Финмарк на самом севере норвежской территории. Попытки СССР добиться контроля над выходами из Балтийского моря и над морскими путями между Атлантикой и российским Севером являлись составной частью плана по получению господства над входами в Черное море, которого придерживалась Москва с весны 1945 г.

В "Справке" НКВД СССР, подготовленной в октябре – ноябре 1940 г., отражены советские стратегические интересы в Дании: "Стратегическое значение Дании определяется ее ролью – страны, в руках которой лежит фактический контроль за плаванием через Проливы, являющиеся важнейшим звеном в общей стратегической обстановке Балтийского театра военных действий". Державы, контролирующие Балтийские проливы и Кильский канал, станут решать, будет Балтика открытым или закрытым морем¹².

Резонно предположить, что "Справка" была подготовлена в связи с визитом В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. В своих переговорах с Риббентропом Молотов поднял вопрос о Балтийских проливах, предложив каким-либо образом интернационализировать их. Германский министр иностранных дел отказался вступить в дискуссию по этому вопросу, напомнив Молотову, что "Германия воюет с Англией, и потому ряд вопросов не может быть решен в настоящее время". Очевидно, Молотов не стал настаивать¹³. После нападения Германии на СССР вопрос о Балтийских проливах стал одной из тем в рамках обсуждения советским руководством послевоенного устройства Европы. В ходе визита А. Идена в Москву в декабре 1941 г. Сталин намекнул, что хотел бы получить "гарантии некоторых держав относительно проходов в Балтийском море". За исключением вопроса о проливах, заметил Сталин, сама Дания СССР не интересует, и намекнул, что Великобритания, возможно, захочет разместить там военные базы после окончания войны. Остров Борнхольм на этих переговорах вообще не упоминался¹⁴.

Архивные источники за 1941–1944 гг. весьма скупо и неопределенно освещают место Дании в советских планах послевоенного устройства Европы. Тем не менее как только работа над этими планами была начата официально, проблема Балтийских проливов оказалась включенной в список вопросов для изучения. Одной из организаций, отвечавшей за подготовку позиции СССР на послевоенных международных переговорах, была Комиссия по подготовке дипломатических материалов (ее часто называли просто комиссией Литвинова). Созданная в начале 1942 г. под председательством Молотова, в 1943 г. она была переименована в Комиссию по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, а М.М. Литвинов был назначен ее председателем. Вряд ли эта комиссия оказывала прямое воздействие на принятие политических решений в Советском Союзе, но обсуждавшиеся там темы и приводимые при этом аргументы, несомненно, отражали позиции высокопоставленных чиновников внешнеполитического аппарата¹⁵.

¹² АВП РФ, ф. 085, оп. 30, п. 123, д. 24, л. 1–21. Справка Ждановой и Адамова "Балтийское море и балтийские проливы" (написана, вероятнее всего, в октябре – ноябре 1940 г.). См. о дискуссии вокруг этой темы: Miljan T. The Baltic Sea: Mare Clausum or Mare Liberum? – Cooperation and Conflict, 1974, v. IX, p. 19–28.

¹³ Запись беседы Молотова с Риббентропом от 13 ноября 1940 г. см.: Поездка В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. – Новая и новейшая история, 1993, № 5, с. 92–93. Немецкую запись той же беседы см. Documents on German Foreign Policy, Ser. D., v. XI; p. 562–569.

¹⁴ Public Record Office, Prem 4 3/8. Запись беседы Идена со Сталиным, состоявшейся 16 декабря 1941 г.

¹⁵ Насколько мне известно, не существует глубокой научной работы о комиссии, ее задачах и влиянии. Доклад А.М. Филитова "Формирование в годы второй мировой войны советской концепции послевоенного урегулирования" до сих пор является наиболее далеко идущим исследованием данной темы. Он был сделан на 9-м Международном коллоквиуме по проблеме "Советский Союз и Европа в период холодной войны (1943–1953)", организованном Фондом Фильтринелли в Кортоне (Италия) 23–24 сентября 1994 г. Комиссия собиралась под руководством Молотова лишь однажды в 1942 г.; только после реорганизации, когда ее возглавил Литвинов, она начала регулярно работать с сентября 1943 г. Кроме Литвинова, в состав комиссии

Весной 1942 г. специалист по международному праву проф. В.Н. Дурденевский подготовил для комиссии памятную записку о Балканских проливах¹⁶. Неясно, обсуждала ли комиссия этот документ. Когда же 8 сентября 1943 г. реорганизованная комиссия впервые собралась на заседание под председательством Литвинова, проблема проливов все еще фигурировала в списке вопросов, подлежащих обсуждению¹⁷. Однако первое пленарное заседание для обсуждения советских интересов в зоне Балтийских проливов и в западной Балтике состоялось лишь 22 июля 1944 г. Задача, по словам Литвинова, заключалась в выработке политической линии, способной обеспечить максимум безопасности балтийскому побережью СССР. С точки зрения Советского Союза, наилучшим вариантом было закрыть доступ в Балтийское море всем военным кораблям, кроме принадлежавших прибалтийским государствам, а также придать интернациональный статус как проливам, так и Кильскому каналу. Кроме того, Литвинов полагал, что Аландские острова следует передать СССР. Но он сознавал, что Советскому Союзу вряд ли удастся добиться всего этого. Особенно скептически он оценивал шансы СССР на участие в регулировании режима судоходства в проливах, прежде всего в решении вопроса о закрытии Балтики для военных флотов великих держав Запада¹⁸.

Замнаркома иностранных дел С.А. Лозовский доказывал, что Советскому Союзу необходимы военные базы¹⁹ на острове Борнхольм. Эта идея не упоминалась в первоначальной докладной записке, подготовленной для комиссии. По мнению Лозовского, СССР очень нужны дополнительные опорные пункты на Балтике в районе между Кильским каналом и Аландскими островами. Литвинов и Лозовский понимали, насколько трудно будет подвести правовой фундамент под требование о военных базах на Борнхольме, принадлежащем Дании, "с которой мы не воюем". В конце концов было решено одобрить текст записки, лежавшей в основе дискуссии, добавив туда предложение о возможности размещения советских военных баз на немецком острове Рюген²⁰.

Через несколько недель похожие идеи были представлены замнаркома иностранных дел В.Г. Деканозову заведующим 5-м Европейским отделом НКЖД П.Д. Орловым²¹. Последний отмечал наши "особые интересы... в Дании, контролирующей выход из Балтийского моря". Интересно, что записка Орлова основывалась на предположении, будто войска СССР примут участие в освобождении Дании²². Сотрудница 5-го Европейского отдела Т. Жданова еще откровеннее сформулировала цели СССР в отношении этой страны. Она предлагала пригласить Польшу (т.е. представителей Польского комитета национального освобождения, созданного в июле 1944 г. в Люблине) и Францию к подписанию межсоюзнической декларации по Дании. Идея о такой декларации, подписанной державами "Большой тройки", была высказана британцами.

входили высокопоставленные дипломаты Б.Е. Штейн и Я.З. Суриц, замнаркома С.А. Лозовский, бывший секретарь Коминтерна Д.З. Мануильский и историк Е.В. Тарле. Документы комиссии находятся в АВП РФ, ф. 0512.

¹⁶ Информацию о памятной записке Дурденевского см.: АВП РФ, ф. 0512, оп. 2, п. 8, д. 6, л. 6. Сама записка не обнаружена.

¹⁷ Там же, д. 4, л. 1–7, протокол первого заседания комиссии от 8 сентября 1943 г.

¹⁸ Там же, л. 89–98, протокол восьмого заседания комиссии от 22 июля 1944 г.

¹⁹ Конечно, Лозовский имел в виду военно-морские или авиационные базы, хотя в этом документе использовалось понятие "военные базы".

²⁰ АВП РФ, ф. 0512, оп. 2, п. 8, д. 4, л. 89–98, протокол восьмого заседания комиссии Литвинова от 22 июля 1944 г.

²¹ В 1944–1947 гг., о которых идет речь в данной статье, скандинавские дела находились в ведении 5-го Европейского отдела НКЖД. В разное время его возглавляли: П.Д. Орлов, М.С. Ветров (исполнявший обязанности заведующего) и А.Н. Абрамов.

²² АВП РФ, ф. 085, оп. 28, п. 120, д. 5, л. 17–19, П.Д. Орлов – В.Г. Деканозову, 15 августа 1944 г. В памятной записке критиковалась британская нота советскому правительству от 9 августа о выработке политики союзников при освобождении Дании. Орлов подчеркивал, что необходимо усилить авторитет Датского Совета Свободы и просить, чтобы эта организация взяла на себя управление страной, пока не будет восстановлена "конституционная власть".

Жданова считала, что привлечение польской стороны усилит советское присутствие в районах, сопредельных с Северным и Балтийским морями, и, таким образом, создаст там противовес "англо-американцам". Частью этого плана было возможное участие польской армии генерала Берлинга, действовавшей совместно с Советской Армией в операциях в Дании²³. Однако к декабрю 1944 г. решение о том, следует ли советским войскам участвовать в освобождении Дании, и если да, то в какой форме, еще не было принято. Накануне намеченного визита в Москву представителей Датского Совета Свободы (эмигрантского датского правительства в Лондоне), который так и не состоялся, Деканозов включил в список материалов, необходимых для переговоров, справку "по вопросу об отношении датчан к англо-американской оккупации Дании и к нашему участию в этом деле"²⁴. В беседах с представителем Датского Совета Свободы в Москве Т. Дессингом, В.Г. Деканозов и В.С. Семенов – заместитель Коллонтай в советском полпредстве в Стокгольме, неоднократно подчеркивали заинтересованность СССР в датских делах. В январе 1945 г. Деканозов намекнул Дессингу, что вопрос об освобождении Дании от нацистской оккупации и будущем политическом устройстве страны представляет интерес не только для западных держав²⁵.

Новые документы, недавно опубликованные в Дании, подтверждают, что с конца 1944 г. и вплоть до завершения войны М.С. Ветров (и.о. заведующего 5-м Европейским отделом), В.С. Семенов и другие дипломаты неоднократно предлагали руководству НКВД перейти к более жесткой линии в отношении Дании. С целью подготовки правовых оснований для участия советских войск в освобождении Дании они рекомендовали предложить Датскому Совету Свободы подписать соглашение о юрисдикции и гражданской администрации на освобожденной территории, аналогичное такому же соглашению между СССР и Норвегией, заключенному 16 мая 1944 г.²⁶

Таким образом, в советском внешнеполитическом ведомстве, похоже, была достигнута высокая степень единодушия по вопросу о необходимости изменения режима Балтийских проливов. Этот вопрос волновал не только дипломатов: в последние месяцы войны несколько статей в газете наркомата военно-морского флота "Красный флот" поднимали проблему безопасности в западной части Балтики. Кроме анализа значения проливов, в них подчеркивалась важность островов Борнхольм и Рюген для контроля над этим районом²⁷. В середине марта 1945 г. в отношении Борнхольма высказал Семенов. В письме к Деканозову он писал: "В связи с развитием военных действий в Померании целесообразно, чтобы Главный Морской Штаб изучил возможность высадки наших войск на датский остров Борнхольм. Такая операция, если она возможна с военной точки зрения, политически была бы вполне оправдана, поскольку остров оккупирован германскими войсками и используется как база против СССР. Но приняв таким путем участие в освобождении датской территории и держа остров в своих руках, мы приобрели бы равные права с союзниками в решении всех датских дел, участвуя в Контрольной Комиссии, если таковая будет создана... Англичане внушают датским политикам, будто Дания всецело находится в зоне операций и интересов западных держав и будто датские вопросы не интересуют и не касаются СССР. Между тем расположение зон оккупации в Германии и английский контроль над Кильским каналом для нас усиливает значение Дании с точки зрения обеспечения безопас-

²³ Там же, л. 16. Т. Жданова – П.Д. Орлову, 29 августа 1944 г.

²⁴ Там же, л. 22–23. В.С. Семенов и М.С. Ветров – В.Г. Деканозову, 15 декабря 1944 г. с рукописными комментариями В.Г. Деканозова.

²⁵ *Jensen B. Døssing og Dekanozov – set fra Moskva. – Struktur og funktion. Festschrift til Erling Ladewig Petersen. Odense, 1993, p. 283–284.* Статья основана на использовании советских записей беседы Дессинга с Деканозовым, состоявшейся 17 января 1945 г. По словам Дессинга, Деканозов сказал, что после войны Дания станет "непосредственным соседом" СССР и что "у Советского Союза не будет конкурентов в Балтийском море". См.: *Jensen B. Tryk og tilpasning, p. 48–49.* Изучив советские документы, Б. Йенсен ставит под сомнение достоверность донесения Дессинга о проведенных им беседах с советскими дипломатами в конце 1944 г. – начале 1945 г.

²⁶ *Weil B. Op. cit.*

²⁷ *Dau M. Danmark of Sovjetunionen, p. 107–109.*

ности нашего Балтийского побережья"²⁸. Из доступных для исследования фрагментов последующей переписки ясно, что Молотов не обсуждал этого вопроса с заместителем наркома, курировавшим "скандинавское направление". Деканозов поддерживал предложение Семенова. По указанию Молотова копия его письма была послана замнаркома обороны Н.А. Булганину²⁹. Ветров также поддержал идею Семенова. В письме Деканозову 2 апреля 1945 г. он доказывал, что военное присутствие СССР на Борнхольме создаст основу для заключения советско-датского соглашения, гарантирующего влияние СССР на политическую ситуацию в Дании³⁰.

К сожалению, дальнейший ход событий пока не ясен. Согласно советским источникам, 23 апреля нарком военно-морского флота Н.Г. Кузнецов предложил Генштабу провести операцию по захвату Рюгена и Борнхольма. Как утверждается в том же источнике, только 4 мая командующий Балтийским флотом получил наконец приказ о подготовке к освобождению Борнхольма³¹. 7 мая советское командование предложило немецкому гарнизону капитулировать. В тот же день советская авиация подвергла остров бомбардировке. 8 мая, после отказа немцев сдаться советским войскам³², налет был повторен. 9 мая на остров высадился небольшой советский отряд, который и принял у немцев капитуляцию. На Борнхольме были размещены части пехотной дивизии Советской Армии.

По советской официальной версии, оглашенной вскоре после высадки, остров был занят советскими войсками потому, что он лежал к востоку от разграничительной линии зон военных операций в Германии между СССР и западными союзниками. Советское командование получило указание сообщить датчанам, что военное присутствие СССР на острове временно и что войска будут выведены, как только "военные вопросы, связанные с Германией", будут окончательно разрешены. Это делалось с целью развеять возможные опасения датчан относительно намерений СССР на Борнхольме³³. Такие заявления делались в ходе встреч между советскими командирами и официальными датскими представителями, состоявшихся в первые несколько недель после освобождения острова³⁴, а затем были повторены в советской ноте от 24 июля.

Два документа, подготовленные в июле 1945 г., отразили точку зрения аппарата НКВД на советскую политику в отношении Дании. В записке за подписями Ветрова и Ждановой, адресованной заместителям наркома А.Я. Вышинскому и С.А. Лозовскому, вновь говорилось, что Советский Союз должен потребовать изменения режима проливов Большой и Малый Бельт, Зунд и Кильского канала, с тем чтобы закрыть Балтику для всех государств, кроме прибалтийских³⁵. Ветров и вновь назначенный посланник в Дании и бывший начальник скандинавского отдела НКВД А.И. Плахин в записке на ту же тему повторили эти рекомендации в части, касавшейся Кильского канала, но предложили иное решение вопроса о проливах. По их мнению, режим судоходства в проливах можно было бы установить путем подписания советско-датского договора, дающего право прохода торговым и военным кораблям СССР, но закрывающего его для военных судов стран, не входящих в балтийский регион. Соглашение должно было включать обязательство Советского Союза "оказывать помощь Дании в соблюдении установленного этим договором режима проливов".

²⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 32, д. 443, л. 2. В.С. Семенов – В.Г. Деканозову, март 1945 г.

²⁹ Там же, л. 1. Б. Подцероб – Н.А. Булганину, 12 марта 1945 г.

³⁰ Weil B. Op. cit.

³¹ Басов А. Десант на остров Борнхольм. – Военно-исторический журнал, 1966, № 5, с. 29–30.

³² 5 мая немецкие войска в Дании, в том числе и на Борнхольме, капитулировали перед британцами. Однако англичане умышленно не послали свои вооруженные силы на Борнхольм для принятия германской капитуляции.

³³ АВП РФ, ф. 085, оп. 30, п. 123, д. 24, л. 49–60. М.С. Ветров и А.И. Плахин – В.М. Молотову, 10 июля 1945 г.

³⁴ Dau M. Danmark og Sovjetunionen, p. 118.

³⁵ АВП РФ, ф. 085, оп. 30, п. 123, д. 24, л. 46–47. М.С. Ветров и Т. Жданова – А.Я. Вышинскому и С.А. Лозовскому, 2 июля 1945 г.

Рекомендовалось предложить другим балтийским государствам присоединиться к договору³⁶. И, наконец, в записке, датированной декабрём 1945 г., Литвинов повторил свои предложения, советуя добиваться международного статуса Большого и Малого Бельтов, Зунда и Кильского канала. Только СССР, Польша, Швеция и Дания должны осуществлять контроль над их режимом. "Через некоторый промежуток времени" к ним могли бы присоединиться Финляндия и Германия. Сколь угодно эффективный контроль за доступом в Балтийское море и в Кильский канал, добавлял Литвинов, должен подразумевать создание системы военных баз вдоль этих водных путей³⁷.

Идея о размещении постоянных советских баз на Борнхольме всплывала во вступительной переписке НКВД в течение всего 1945 г. Похоже, что решение о передаче контроля над Борнхольмом датскому правительству было принято лишь зимой 1945/46 гг. В записке на имя Молотова от 10 июля 1945 г. Ветров и Плахин подчеркивали важность Борнхольма с точки зрения безопасности СССР в балтийском регионе. Так как СССР делал успокоительные заявления в мае 1945 г. в отношении Борнхольма, советские войска могли бы оставаться на острове "продолжительное время" без риска "политических осложнений", утверждали Ветров и Плахин. Они предложили заключить с датским правительством соглашение о совместной советско-датской обороне Борнхольма, предусматривающее размещение на острове советских и датских военно-морских и военно-воздушных баз. Эти базы должны были служить двум целям. Они обеспечили бы интересы безопасности СССР в регионе и в то же время были бы важны для осуществления советского "влияния на внешнюю политику Дании". Переговоры по базам следовало начать до вывода советских войск – в такой ситуации датчане будут сговорчивее. Создание морских и авиационных баз на Борнхольме должно дополняться размещением баз на острове Рюген³⁸.

В декабре 1945 г. Литвинов предложил прозондировать почву на предмет возможного выдвижения требований по военным базам на Борнхольме и Рюгене с целью добиться большей уступчивости западных держав в отношении планов СССР об интернационализации Балтийских проливов и Кильского канала³⁹. По-видимому, отсрочка намеченного на сентябрь 1945 г. визита в Москву датской правительственной делегации свидетельствовала о том, что у советской стороны не было четкой позиции по основному вопросу взаимоотношений с Данией: проливам и Борнхольму. Доступные советские документы не дают прямого ответа на вопрос о причинах этой отсрочки. Тем не менее письмо, подготовленное 9 октября 1945 г. вновь назначенным заведующим 5-м Европейским отделом А.Н. Абрамовым и М.С. Ветровым, проливает некоторый свет на эти причины. В нем говорилось, что предположительно делегация из Дании захочет обсудить не только состояние торговых отношений, но и "политические вопросы, в частности о выводе советских войск с острова Борнхольм" и проблему репатриации. По решению политбюро ЦК ВКП(б) проезд делегации был отложен до весны 1946 г. Но датское правительство тем не менее продолжало убеждать Советский Союз принять в Москве двух своих представителей. Абрамов, Ветров и Плахин высказались за это предложение датчан, так как этот визит поддержал бы "демократические силы" в датской политике. Основной же причиной такой позиции Абрамова и Ветрова было стремление использовать проезд датчан для "предварительных переговоров о заключении договора о совместной охране безопасности западной части Балтийского моря (создание военных баз на острове Борнхольм и установление режима проливов)"⁴⁰. Результат известен: советская сторона решила не предъявлять датскому правительству требований ревизии режима

³⁶ Там же, л. 49–60. М.С. Ветров и А.И. Плахов. – В.М. Молотову, 10 июля 1945 г.

³⁷ Там же, л. 61–64. М.М. Литвинов – В.М. Молотову, 18 декабря 1945 г.

³⁸ Там же, л. 49–60. М.С. Ветров и А.И. Плахин – В.М. Молотову, 10 июля 1945 г.

³⁹ Там же, л. 61–64. М.М. Литвинов – В.М. Молотову, 18 декабря 1945 г.

⁴⁰ АВП РФ, ф. 085, оп. 29, п. 121, д. 8, л. 2, А.Н. Абрамов и М.С. Ветров – К.В. Новикову, 9 октября 1945 г.

проливов или совместной обороне Борнхольма. Хотя вопрос о Балтийских проливах был поднят Молотовым и Сталиным на конференции министров иностранных дел в Москве в декабре 1945 г., СССР не предпринял никаких попыток навязать решение в соответствии со схемой, предлагавшейся в многочисленных записках НКВД. Когда Сталин выразил озабоченность, что Советский Союз в случае войны окажется запертым в Балтике, британский министр иностранных дел Э. Бевин заявил, что англичане возражают против создания баз в этом районе. Сталин сказал, что он "вовсе не имел в виду базы", а хотел лишь поднять вопрос о свободном проходе судов через проливы⁴¹. Тем не менее 5-й Европейский отдел НКВД подготовил проект резолюции, где оговаривалось, что установление режима Балтийских проливов является прерогативой балтийских государств: СССР, Польши, Дании и Швеции⁴². Впрочем, этот проект, по всей видимости, не был представлен английским и американским представителям.

В конце концов, было принято решение о выводе войск с острова. 20 февраля 1946 г. датский посланник в Москве Дессинг в беседе с Абрамовым поставил вопрос о продолжавшемся советском присутствии на Борнхольме. Дессинг заявил, что воссозданная после войны датская армия теперь способна сама защищать свои территории без помощи войск союзников. Советские части на Борнхольме выполнили свою задачу и теперь должны покинуть остров⁴³. Неделий позже датчане передали советской стороне официальную ноту на ту же тему⁴⁴. На следующий день, 5 марта 1946 г., Молотов принял датского посланника и вручил ему советское заявление: "Если Дания в состоянии теперь же занять своими войсками остров Борнхольм и учредить на Борнхольме свою администрацию без какого-либо участия иностранных войск и иностранных администраторов, то советское правительство отзовет свои войска с Борнхольма и сдаст его датскому государству"⁴⁵. Столь быстрый ответ советского правительства позволяет предположить, что решение покинуть Борнхольм было принято еще до предпринятого датчанами демарша. К тому же вопрос уже обсуждался Вышинским и датским министром иностранных дел Г. Расмуссеном в начале февраля⁴⁶. В послании от 8 марта датское правительство согласилось с условиями советской стороны и 4 апреля 1946 г. последние советские части покинули остров⁴⁷. Таким образом, советская дипломатия ни разу не попыталась принудить датское правительство к пересмотру режима Балтийских проливов или к согласию на постоянное присутствие советских войск на Борнхольме.

Что касается советско-норвежских отношений, то они развивались по-иному: результатом внутриаппаратных разработок сотрудников НКВД стала попытка изменения международно признанного статуса архипелага Свальбард. С ноября 1944 г., когда Молотов впервые поднял этот вопрос на переговорах с норвежским министром иностранных дел Трюгве Ли, и до февраля 1947 г. дискуссии о Свальбарде являлись одним из основных элементов советско-норвежских отношений. Главными требованиями Молотова стали установление совместного норвежско-советского управления на Шпицбергене, а также передача СССР острова Медвежий. Нет необходимости

---

⁴¹ Eriksen K.E. Great Britain and the Problem of Bases in the Northern Area, 1945–1947. – *Scandinavian Journal of History*, 1982, v. VII, № 2, p. 152; *Dau M.* Danmark og Sovjetunionen, p. 122.

⁴² АВП РФ, ф. 085, оп. 30, п.123, д. 24, л. 66. Проект резолюции конференции министров иностранных дел.

⁴³ Там же, д. 32, д. 11–12. Запись беседы Абрамова с Дессингом, 20 февраля 1946 г.

⁴⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 8, п. 33, д. 518, л. 1–2. Нота Дессинга от 28 февраля 1946 г. была передана А.Я. Вышинскому 4 марта. Запись беседы см.: АВП РФ, ф. 085, оп. 30, п. 123, д. 30, л. 6–7.

⁴⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 8, п. 33, д. 518, л. 6–10. Запись беседы В.М. Молотова с Т. Дессингом, 5 марта 1946 г.

⁴⁶ Я благодарен Б. Йенсену, который сообщил мне об имевшей место беседе Расмуссена с Вышинским.

⁴⁷ Советские войска на Борнхольме состояли из одной стрелковой дивизии, имевшей 6600 человек личного состава, 170 орудий и минометов, 7500 тонн боеприпасов и провианта, а также необходимые транспортные средства. – АВП РФ, ф. 06, оп. 8, п. 33, д. 518, л. 16. А.И. Антонов – В.М. Молотову, 14 марта 1946 г.

повторять историю последующих норвежско-советских переговоров – она исследована уже во всех деталях⁴⁸. Я ограничусь лишь анализом возникновения и эволюции этой концепции в недрах советского внешнеполитического аппарата.

Идея изменения международного статуса Свальбарда в пользу Советского Союза возникла накануне второй мировой войны. До этого СССР преследовал на архипелаге экономические, а не стратегические цели. В 1939 г., однако, сотрудники советского консульства на Баренцбурге Шпицбергена предложили усилить контроль СССР над архипелагом, чтобы его не захватила Англия или Германия. Но в тот момент эти взгляды, по-видимому, не нашли отклика в Москве и не привели к серьезной переоценке экономического и стратегического значения Свальбарда⁴⁹.

Немецкая оккупация Норвегии весной 1940 г. подтвердила самые худшие опасения. Летом того же года скандинавский отдел НКВД решительно выступил в поддержку предложений консульства в Баренцбурге. В июне – июле сотрудники НКВД подготовили несколько записок по вопросу о Свальбарде, подчеркивая стратегическую важность региона и доказывая, что норвежские претензии на владение архипелагом, особенно островом Медвежий, безосновательны. Кульминация этой кампании пришлось на начало августа, когда и.о. заведующего скандинавским отделом Орлов рекомендовал занять архипелаг "частями Красной Армии" на все время войны вплоть до "полной нормализации международных отношений". К принятию этих мер настойчиво призывал советский консул на Баренцбурге П.И. Волнухин⁵⁰.

Усилия консула и скандинавского отдела не нашли поддержки у Молотова, хотя он, несомненно, должен был ознакомиться с их записками. Одной из причин такой позиции наркома, возможно, было то, что советские военные были куда менее дипломатов уверены в стратегическом значении Шпицбергена и острова Медвежий. Именно так обстояло дело летом 1941 г., уже после нападения Германии на СССР, когда Свальбард стал одной из тем дискуссий между союзниками. В ходе советско-норвежско-британских переговоров в июле – августе 1941 г. советская сторона не предприняла решительных попыток заручиться согласием союзников с ее планом разместить на Шпицбергене союзные войска и не намекала на возможность проведения собственных акций на архипелаге. Даже менее радикальная идея вооружить советское население Баренцбурга не имела никакого продолжения. Осенью 1941 г. СССР принял участие в эвакуации норвежского и советского гражданского населения со Шпицбергена⁵¹. В самом начале переговоров посол СССР в Великобритании И.М. Майский заверил А. Идена, что советское правительство "не имеет никаких территориальных претензий к Норвегии ни сейчас, ни в будущем"⁵².

Таким образом, инициатива Молотова в ноябре 1944 г. стала формально первой

⁴⁸ Более детальное освещение советской политики в отношении Свальбарда и северной части Норвегии во время и после второй мировой войны см. в *Holtmark S.G. A Soviet Grab for the High North? USSR, Svalbard, and Northern Norway 1920–1953.* – *Forsvarsstudier / Defence Studies*, Oslo, 1993. Роль Свальбарда в международной политике изучалась рядом авторов. Что касается периода до 1925 г., то он рассмотрен в фундаментальном исследовании: *Mathisen T. Svalbard i internasjonal politikk, 1871–1925.* Oslo, 1951. Период второй мировой войны подробнее всего исследован: *Riste O. "London – regjeringa". Norge i krigsalliansen 1940–1945, v. 2.* Oslo, 1979. К.Э. Эриксен наилучшим образом проанализировал политику в 1945–1947 гг.: *Eriksen K.E. Svalbardspørsmålet fra krig til kald krig.* – *Historiker og veileder. Festskrift til Jakob Sverdrup.* Oslo, 1989. Р. Тамнес в синтезированном виде показал место Свальбарда в стратегии великих держав в ее долгосрочной перспективе. – *Tamnes R. Svalbard og stormaktene. Fra ingenmannsland til Kald Krig, 1870–1953.* – *Forsvarsstudier / Defense Studies*, Oslo, № 7, 1991. Другим трудом, в котором использовался метод синтеза, является книга: *Udgaard N.M. Great Power Politics and Norwegian Foreign Policy. A Study of Norway's Foreign Relations November 1940 – February 1948.* Oslo, 1973. Последней работой, написанной на русском языке и посвященной проблеме Свальбарда с точки зрения перспектив международного права, является монография Л.Д. Тимченко, где всесторонне исследуется эта проблема. В различных своих работах В. Эстренг также пытается подойти к данной проблеме на основе метода синтеза.

⁴⁹ *Holtmark S.G. A Soviet Grab for the High North?* p. 36–38.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 38–43.

⁵¹ АВП РФ, ф. 0116, оп. 23а, п. 123а, д. 1, л. 1–12. Отчет П.И. Волнухина об эвакуации. См.: *Kitchen M. British Policy Towards the Soviet Union During the Second World War.* London, 1986, p. 87.

⁵² *Riste O. Svalbardkrisen 1944–1945.* – *Forsvarsstudier / Defense Studies*, Oslo, 1982, p. 32.

попыткой СССР на межгосударственном уровне изменить в свою пользу международный статус Свальбарда.

Когда Молотов поднял наконец эту тему на переговорах с Трюгве Ли в ноябре 1944 г., этот шаг, судя по всему, стал результатом принятого в последнюю минуту решения. Деканозов подытожил все аргументы в пользу этой позиции в записке, которая, похоже, была передана Молотову буквально за несколько часов до встречи с Трюгве Ли. В этом документе Деканозов главное внимание уделил экономическим интересам СССР на Шпицбергене, подчеркивая в то же время "исключительное стратегическое положение острова Медвежий как для обеспечения безопасности советских рудников на Шпицбергене, так и для охраны коммуникаций Советского Союза на севере". Деканозов рекомендовал не только немедленно восстановить законные права на Шпицбергене, но и договориться с норвежским правительством "о том, чтобы СССР имел право, в случае, если он признает это необходимым, организовать на самом архипелаге Шпицберген одну или несколько военно-морских и воздушных баз". Хорошо было бы достичь соглашения "об организации на острове Медвежем советской военно-морской базы, предназначенной для защиты наших прав на Шпицбергене и для обеспечения безопасности плавания советских судов Северного флота"⁵³.

Кульминацией последовавших норвежско-советских переговоров стало предложение посла Норвегии в Москве, сделанное НКВД 9 апреля 1945 г., подписать норвежско-советскую декларацию. В первой статье проекта декларации провозглашалось, что "защита Свальбардского архипелага является общим делом Норвегии и Советского Союза". С апреля 1945 г. и до лета 1946 г., когда Молотов вновь поднял этот вопрос, Москва не предпринимала серьезных усилий завершить выработку советско-норвежского соглашения по Свальбарду. Молотов, очевидно, решил, что добился согласия правительства Норвегии на самое главное требование – о советских военных базах на архипелаге.

Те сотрудники НКВД, которые стояли за "свальбардской инициативой", выдвинули и энергично отстаивали другую идею – о выделении СССР территории для военного плацдарма в Северной Норвегии. Эти предложения получили со стороны военного руководства гораздо большую поддержку, чем усилия сотрудников НКВД убедить свое начальство в необходимости завершения переговоров по Свальбарду.

В октябре 1944 г. Жданова подготовила справку, в которой вопрос о Свальбарде увязывался с советскими интересами в Северной Норвегии. По ее мнению, Шпицберген "является как бы другим берегом когда-то очень широкого, а теперь, с развитием авиации, значительно "суженного" канала, соединяющего Атлантику с нашей Арктикой. Таким образом, вопрос о пересмотре нашей границы с Норвегией, несомненно, связан и с пересмотром решения вопроса о Шпицбергене". Жданова считала, что факт передачи Финляндией Советскому Союзу Петсамо (Печенги) не означал решения проблемы "канала" в Атлантику. Таким образом, она в основном приводила те же аргументы, что и советский консул на Баренцбурге в 1939–1940 гг., добавив тезис о развитии современной авиации в качестве дополнительной причины необходимости изменения статус-кво на Крайнем Севере. Свои рассуждения Жданова заканчивала выводом: "Целесообразнее было бы, учитывая тот внешнеполитический актив, который мы приобрели в Скандинавии участием Красной Армии в освобождении норвежского севера от оккупации, воспользоваться насущнейшей потребностью норвежцев в создании за счет дружбы с СССР противовеса послевоенным английским попыткам "португализации" Норвегии, отданной ходом настоящей войны в почти полную власть Англии. Т.е. нам, по-видимому, не будет трудно договориться с норвежцами о совместном сотрудничестве по укреплению норвежского Севера – по постройке там морских и воздушных баз, нужных железных дорог и т.д. В противном

---

⁵³ АВП РФ. ф. 06, оп. 9, п. 62, д. 936, л. 40–48. "По вопросу о Шпицбергене и Медвежем острове". 11 ноября 1944 г.

случае всем этим займутся англичане. Установление такого тесного послевоенного советско-норвежского сотрудничества, обеспечивающее нам надлежащее постоянное влияние в Норвегии, позволило бы впоследствии, в более удобный момент, поставить вопрос об исправлении советско-норвежской границы"⁵⁴.

В последовавшие за проектом декларации от 9 апреля 1945 г. месяцы международные конференции и неотложные глобальные проблемы отвлекли внимание руководства СССР от вопроса о Свальбарде и отношениях с Норвегией в целом. Однако пока Молотов занимали более важные европейские и мировые проблемы, его подчиненные продолжали настаивать на проведении наступательной политики в отношении Норвегии. Сотрудники 5-го Европейского отдела НКВД неоднократно пытались убедить Молотова в необходимости завершения переговоров по Свальбарду. Их предложения шли в русле норвежского проекта декларации от 9 апреля 1945 г., т.е. идеи совместной советско-норвежской обороны Шпицбергена. Начиная с июня 1945 г. те же чиновники выступили с рядом инициатив с целью реанимировать предложение Ждановой о постоянном или частичном военном присутствии СССР в северных районах материковой части Норвегии. Главным сторонником этой идеи был Ветров.

Письмо начальника Главного морского штаба Военно-Морского Флота СССР вице-адмирала С.Г. Кучерова от 4 июня 1945 г. помогло Ветрову "протокнуть" идею более активного политического курса. Кучеров выразил озабоченность наличием крупной группировки немецких войск, оставшейся в Северной Норвегии, и тем, что норвежские военные власти подчиняются англичанам.

Основным предложением вице-адмирала было: "Создание специального аппарата в Норвегии, который мог бы немедленно приступить к работе для решения назревших там вопросов". В его состав должны были войти представители наркоматов обороны, военно-морского флота, иностранных дел и комиссии генерала Ф.И. Голикова по репарациям, которая уже приступила к работе в Норвегии⁵⁵. Следует отметить, что Кучеров не предлагал, чтобы СССР, исходя из стратегических или иных соображений, усилил свое военное присутствие в северной части этой страны за счет создания баз и расширения зоны, контролируемой советскими войсками.

Ветров, которому было поручено прокомментировать письмо Кучерова, сделал свои далеко идущие выводы. Утверждая, что норвежско-советское соглашение от 16 мая 1944 г. о юрисдикции и администрации на территориях, освобожденных союзниками, "не ограничивает пределов зон, которые могут быть заняты теми или иными союзными войсками", он поддержал план Кучерова по созданию группы советских представителей в Норвегии. Помимо этого, Ветров рекомендовал "дать указание Генштабу КА о немедленном продвижении частей стоящей на севере Норвегии 14-й Отдельной армии в северо-западную часть Норвегии по Нарвик включительно"⁵⁶. По собственной инициативе Ветров направил Молотову специальную справку о Свальбарде, предлагая послать на Шпицберген "военно-морские части... для несения гарнизонной службы" на острове. Целью этого должно быть "окончательное урегулирование шпицбергенского вопроса"⁵⁷.

Когда нарком угольной промышленности В.В. Вахрушев предложил направить на архипелаг группу специалистов для расконсервации шахт, Ветров, вероятно, понял, что этот куда более скромный план противоречит высказанным им соображениям. Молотов, однако, одобрил предложение Вахрушева, а Ветрову было поручено обеспечить выполнение⁵⁸. Молотов, судя по всему, никак не отреагировал на инициативу Ветрова.

⁵⁴ АВП РФ, ф. 116, оп. 28, п. 20, д. 5, л. 1–18. "Краткая справка к вопросу о русско-норвежской границе" подписана Т. Ждановой 27 октября 1944 г.

⁵⁵ АВП РФ, ф. 0116, оп. 27, п. 127, д. 11, л. 234–236. С.Г. Кучеров – В.Г. Деканозову, 4 июня 1945 г.

⁵⁶ Там же, д. 10, л. 15. М.С. Ветров – С.А. Лозовскому, 8 июня 1945 г.

⁵⁷ Там же, п. 128, д. 22, л. 5. М.С. Ветров – В.М. Молотову, 8 июня 1945 г.

⁵⁸ АВП РФ, ф. 0116, оп. 23, п. 123, д. 13, л. 6. В.В. Вахрушев – В.М. Молотову, 8 июня 1945 г.

Но последний предпринял еще одну попытку подготовить руководство к действиям в намеченном им направлении. В письме Лозовскому от 19 июня он подчеркивал, что его инициатива никак не связана с письмом Вахрушева и преследует скорее "политические", нежели "экономические" цели. Предпринимаемые меры по охране советских экономических интересов следует использовать "для проведения на Шпицбергене и Медвежьем мероприятий политического и военно-стратегического характера". Предостерегая против отрыва экономических интересов СССР "от вопроса организации на этих островах наших военно-морских баз и отправки туда наших гарнизонов", Ветров заканчивал письмо выводом о том, что выполнение плана Вахрушева следует отложить⁵⁹.

Несмотря на отсутствие ответа Молотова, сотрудники 5-го Европейского отдела НКВД продолжали предпринимать новые шаги в том же направлении. В одной из записок повторялись аргументы Ждановой, высказанные в октябре 1944 г., и ее заключение о том, что с норвежским правительством будет нетрудно заключить соглашение о совместной обороне Северной Норвегии, создании там военных баз СССР, строительстве стратегических железных дорог и т.д. Сумев закрепиться в Норвегии, советское правительство смогло бы в подходящий момент поднять и вопрос о пересмотре советско-норвежской границы⁶⁰. В отношении Свальбарда авторы записки полагали, что соглашение с Норвегией о совместной обороне архипелага должно быть наконец заключено и введено в действие⁶¹.

Вскоре Ветров и его коллеги получили одобрение и поддержку Генштаба по вопросу о необходимости изменения границы между СССР и Норвегией. В письме от 14 июля помощник начальника Генштаба генерал-лейтенант Славин указывал на "необходимость улучшения нашего стратегического положения" в северном приграничном районе. С точки зрения безопасности важных советских военно-морских баз и незамерзающих портов на Кольском полуострове оптимальным решением было бы перемещение границы СССР с Норвегией к реке Танаэльв и заливу Тана-фьорд, т.е. включение в состав Советского Союза всего полуострова Варангер и территории к югу от Варангер-фьорда. Вместе с советскими базами на острове Медвежий это позволило бы создать "большую сухопутную и морскую стратегическую зону прикрытия" от Шпицбергена до Кольского полуострова. В крайнем случае проблему могла бы решить аренда у Норвегии полуострова Варангер сроком на 25–30 лет⁶².

Когда советский посол в Норвегии Н.Д. Кузнецов направил в Москву тревожное донесение об активизации деятельности норвежцев на Шпицбергене, Ветров напомнил Лозовскому о своей оставленной без ответа предыдущей записке Молотову и заявил, что Советский Союз должен добиваться "немедленной отправки на Шпицберген нашего военно-морского соединения" для размещения там гарнизона⁶³. Но Молотов не был готов к принятию решения по совместной декларации о Шпицбергене или по стратегическим вопросам, затрагивавшимся в предложениях его подчиненных. 6 августа Ветров обратил внимание Лозовского на список "нерешенных вопросов", по которым требовались указания Молотова, включив в него свои более ранние предложения по Шпицбергену. По-видимому, ответом Молотова стало согласие на предложение Вахрушева об экспедиции на архипелаг⁶⁴. Эта экспедиция, имевшая, судя по доступным источникам, сугубо гражданский характер, была отправлена в середине сентября 1945 г.

⁵⁹ АВП РФ, ф. 0116, оп. 27, п. 127, д. 22, л. 7–8. М.С. Ветров – С.А. Лозовскому, 19 июня 1945 г.

⁶⁰ Там же, д. 5, л. 33–35. "К вопросу: о создании военно-морских и воздушных баз СССР в Северной Норвегии, как звена в общей системе безопасности", 3 июля 1945 г.

⁶¹ Там же, д. 22, л. 16–18. "К вопросу: об отмене Парижского договора о Шпицбергене и о совместной защите Шпицбергена и острова Медвежий Советским Союзом и Норвегией", 4 июля 1945 г.

⁶² Там же, п. 128, д. 20, л. 10–12. Записки Славина от 14 июля 1945 г.

⁶³ Там же, д. 22, л. 27–28. М.С. Ветров – С.А. Лозовскому, 21 июля 1945 г.

⁶⁴ Там же, л. 30. М.С. Ветров – С.А. Лозовскому, 6 августа 1945 г.; Там же, л. 31. М.С. Ветров – С.А. Лозовскому, 9 августа 1945 г.

В течение 1945–1946 гг. сотрудники 5-го Европейского отдела НКВД продолжали вносить предложения по всеобъемлющему решению проблемы Северной Норвегии и Свальбарда. Вместе с тем в самом внешнеполитическом аппарате росло понимание того, что действия, предлагаемые Ветровым и его коллегами, способны привести к негативным последствиям, выходящим за рамки советско-норвежских отношений. Политика СССР в отношении Норвегии стала испытывать все возрастающее влияние общих тенденций развития отношений между Востоком и Западом, и советская сторона постепенно осознала, что у нее слишком мало пространства для маневра. Планы по изменению линии советско-норвежской границы были окончательно отвергнуты зимой 1946 г., когда Молотов распорядился подготовить демаркацию новой границы между СССР и Норвегией по линии довоенной норвежско-финской границы. На двустороннем уровне вопрос о Свальбарде был заморожен в феврале 1947 г., когда норвежский парламент – стортинг отверг идею совместной советско-норвежской милитаризации архипелага. Несмотря на предложения, исходившие, в частности, от советского посла в Осло, принять приглашение норвежцев начать переговоры о ревизии договора о Шпицбергене, советская политика в отношении архипелага быстро изменилась в сторону сохранения там статус-кво. Первоначальная активность СССР в достижении стратегических целей в Дании и Норвегии постепенно уступила место традиционной, оборонительной в своей основе политике, направленной на сдерживание влияния и контроля западных держав над этими странами.

А.И. БОРОЗНЯК

ИСТОРИКИ ФРГ О НАЦИЗМЕ

"Преодоление прошлого" – это понятие середины 50-х годов прочно вошло в политический и научный лексикон ФРГ. Рожденная нравственными чувствами стыда и ответственности за преступления гитлеризма, стоящая в одном ряду с понятиями-символами "тоталитарная диктатура", "агрессия", "холокост", "Освенцим" формула "преодоление прошлого" стала знаком длительного, многопланового, внутренне противоречивого процесса "общенационального извлечения уроков" из истории "третьего рейха", призывом к моральному очищению, к восприятию и осмыслению правды о фашизме и войне. В процессе "преодоления прошлого" формируется иммунитет по отношению к любым формам расизма, экспансионизма и милитаризма.

"Преодоление прошлого" – категория, как и многие иные слова и словосочетания, попавшие в политический обиход, условная. Но дает ли это основания для того, чтобы объявить это понятие "модным словосочетанием" или даже "атавистическим лозунгом мести"¹? Речь ведь идет не об абстрактном далеком прошлом, но о кровоточащем времени национал-социалистического господства, не о пассивном отражении "прошлого", но о факторах, активно воздействующих на настоящее. Особенность проблематики "третьего рейха" состоит в том, что она не может оставить "сдержанным" или "отстраненным" ни ученого, ни читателя его работ. Ведь в XX в., как сказал мыслитель М. Мамардашвили, "со всеми нами случилось что-то, чего нельзя ни забыть, ни простить"².

В процессе "преодоления прошлого" вновь переживаемом каждым вступающим в жизнь германским поколением, можно вычлнить основные аспекты: политический – утверждение в обществе устойчивых антитоталитарных, демократических начал; юридический – расследование нацистских злодеяний и наказание преступников; педагогический – демократическое, антифашистское воспитание в школах и в системе политического образования; творческий – сохранение жестокой памяти о гитлеризме средствами художественной литературы и публицистики, кино и телевидения.

Предметом нашего рассмотрения является вклад немецкой исторической науки в дело "преодоления прошлого". Но мы выходим за привычные рамки последовательного разбора научных моделей "третьего рейха" и публицистических интерпретаций нацистского режима и вступаем в сферу эволюции установок массового исторического сознания, пытаюсь зафиксировать меняющиеся формы, в которых общество ФРГ воспроизводит и оценивает гитлеровский тоталитарный режим. Наша задача – постичь систему прямой и обратной связи между научными трактовками феномена национал-социализма и образами-стереотипами массового сознания.

Опираясь на безусловные достижения отечественной науки, внимательно и неравнодушно изучавшей ситуацию в историографии ФРГ, надо учитывать, что работы советских авторов были, как правило, запрограммированы на "разоблачение

Автор выражает признательность международному фонду "Культурная инициатива" за финансовую поддержку данного научного проекта.

¹ Kittel M. Die Legende von der "Zweiten Schuld". Berlin, 1993, S. 18; Jesse E. "Vergangenheitsbewältigung" und politische Kultur. – Politische Bildung, 1990, H. 3, S. 57.

² Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1982, с. 128.

буржуазных фальсификаторов истории". Мы стремимся воссоздать объективную картину того, как – через дискуссии и противоречия – опровергались и отвергались в ФРГ постулаты историков и публицистов, поставивших перед собой неблагоприятную задачу оправдания гитлеризма или отдельных его проявлений.

Победа СССР, стран антигитлеровской коалиции во второй мировой войне побуждала немцев к коренному повороту в жизни общества, очищению от скверны нацизма, к осмыслению его корней и последствий. Подавляющее большинство немцев восприняло окончание войны не как освобождение, но как национальную катастрофу. Доминанта общественного настроения оказала существенное влияние на творчество историков. "Немецкая катастрофа" – под таким названием вышло в 1946 г. сочинение старейшего германского историка Ф. Майнеке.

Внимательное изучение этой работы опровергает сложившееся в годы "холодной войны" в советской историографии мнение о "немецкой катастрофе" едва ли не как об апологии империализма. Ф. Майнеке, отстраненный гитлеровцами от преподавания, выступил как бескомпромиссный противник и обвинитель нацистского режима. "Третий рейх" явился, по его оценке, "величайшей бедой", несшей в себе "угрозу вырождения немцев". В книге можно найти немало фрагментов, сводящих трактовку фашизма к проявлению "сатанинского принципа всемирной истории" или "демонической подпочвы человеческой и исторической жизни". Но такие пассажи соседствуют с трезвыми, реалистическими оценками социальной сущности гитлеровской диктатуры. Крупные промышленники и финансисты были, с его точки зрения, "той исторической силой, которая в наибольшей степени содействовала созданию "третьего рейха". Майнеке однозначно указывал на вину прусско-германской милитаристской касты, безоговорочно поддержавшей Гитлера и развязавшей агрессивную войну. Немцам необходим, подчеркивал Майнеке, "радикальный разрыв с милитаристским прошлым". В книге Майнеке поставлен вопрос, который и ныне будоражит умы историков: был ли нацистский режим органичным продолжением германского прошлого или же случайным "выбросом" в истории страны?³

Достоинства работы Майнеке видны при сопоставлении "Немецкой катастрофы" с появившимися в 1946–1948 гг. публикациями представителя консервативного течения историографии Г. Риттера, который видел в фашистской диктатуре только воплощение "дьявольской воли" Гитлера и "слепого случая", но никак не "итог развития прусско-германского государственного разума"⁴. Идея единоличной ответственности Гитлера за катастрофу и непричастности к его преступлениям генералов вермахта легла в основу серии мемуаров бывших военачальников, на два-три десятилетия вперед определивших главную направленность западногерманской историографии второй мировой войны. Первой ласточкой здесь была брошюра генерал-полковника Ф. Гальдера "Гитлер как полководец"⁵. Начала формироваться легенда о "чистом вермахе", которая как нельзя лучше отвечала ситуации, сложившейся накануне и в период вступления ФРГ в НАТО. К перечню элит, якобы не связанных с гитлеризмом, впоследствии были добавлены высшие государственные чиновники, предприниматели, юристы, дипломаты.

В атмосфере "холодной войны" историческая наука ФРГ, по позднейшей оценке Г.-У. Велера, "оставалась доменом консерватизма"⁶ и все больше ориентировалась на установки, по существу оправдывавшие нацистский режим, игнорировавшие выводы Нюрнбергского трибунала. Не случайно Риттер, занявший пост председателя Союза германских историков, в 1949 г. резко выступил против создания Института современной истории в Мюнхене, научная проблематика которого была связана преимущественно с периодом "третьего рейха". Риттер опасался, что институт – в отсутствие

³ *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden, 1946, S. 5–7, 26, 28, 73, 154–156.

⁴ *Ritter G.* Geschichte als Bildungsmacht. Stuttgart, 1946, S. 23; idem. Dämonie der Macht. Stuttgart, 1947, S. 15; idem. Europa and die deutsche Frage. München, 1948, S. 193.

⁵ *Halder F.* Hitler als Feldherr. München, 1949.

⁶ *Wehler H.-U.* Historische Sozialwissenschaft und Geschichtsschreibung. Göttingen, 1980, S. 62.

"опытных специалистов" правого толка – станет "центром политических разоблачений"⁷.

Общественные настроения, порожденные "экономическим чудом", никак не способствовали научной разработке малопопулярной проблематики гитлеровской диктатуры. "Немцы, – отмечал впоследствии писатель Г. Бёлль, – все еще как бы и не проиграли войну, – то, что сейчас называют "поражением", "крахом", так и не дошло до их сознания и не было распознано как исторический шанс"⁸. В печати послевоенных лет задачу расчета с нацистским прошлым нередко сравнивали с мифической чисткой авгиевых конюшен. Однако, с горечью констатировал кельнский публицист Р. Джордано, немцы не располагали в ту пору "ни Гераклом, ни мощным потоком воды"⁹. Фактически был заключен мир с нацистами. Не был услышан голос философа К. Ясперса, предупреждавшего в 1949 г.: "Забыть – значит принять на себя вину. Надо все время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта опасность остается... Опасность здесь в нежелании знать, в стремлении забыть и в неверии, что все это действительно происходило"¹⁰.

Тревожное ощущение деформации исторической науки и исторического сознания не могло не волновать серьезных ученых. Гёттингенский профессор Г. Хеймпель, выступая в январе 1956 г. с докладом на съезде историков ФРГ в Ульме, говорил о "нависшей над современностью жестокой опасности забвения" гитлеризма, он призвал ученых выработать "необремененный тягой к оправданию взгляд на историю", помочь излечить "болезнь нашего времени", "преодолеть непреодоленное прошлое"¹¹. Именно тогда формула "преодоления прошлого" вошла в Германии в широкий обиход.

Результаты научных изысканий по проблематике фашистской диктатуры оказывались весьма скудными и односторонними. Определяющим стал контрпродуктивный подход, существо которого едва ли не классически сформулировал в 1955 г. один из его приверженцев Л. Дехио: нацистская диктатура – это "явление, находящееся вне исторических взаимосвязей"¹².

В 50-е годы в историографии ФРГ исправно действовал, как отмечал политолог К. Зонткаймер, "механизм искажения и забвения "нацистского прошлого"¹³. Исследования по проблематике "третьего рейха" ограничивались по преимуществу внешнеполитическими и военно-политическими аспектами, выдержанными, как правило, в духе "холодной войны". "Оставались в стороне, – указывал Г. Моммсен, – как социальные факторы, так и ответственность правящей элиты"¹⁴.

И все же тенденция к воссозданию исторической правды о "третьем рейхе" пробивала себе дорогу. В этой связи следует указать на вышедший в 1960 г. фундаментальный труд К.-Д. Брахера, В. Зауэра и Г. Шульца "Захват власти национал-социалистами"¹⁵. Происходили сдвиги и в массовом историческом сознании. В 1955–1957 гг. большим тиражом был издан "Дневник Анны Франк", в театрах ФРГ шли многочисленные инсценировки дневника погибшей от рук нацистских палачей еврейской девочки, судьба которой сказала многим немцам больше, чем гибель миллионов жителей Европы. В марте 1957 г. во время пасхальных каникул состоялась поездка двух тысяч гамбургских школьников на территорию бывшего концлагеря Берген-Бельзен, названная "крестовым походом детей против собственного прош-

⁷ Цит. по: *Schulze W.* Der Neubeginn der deutschen Geschichtswissenschaft nach 1945. – Deutsche Geschichtswissenschaft nach dem Zweiten Weltkrieg. München, 1989, S. 26.

⁸ *Бёлль Г.* Каждый день умирает частица свободы. М., 1989, с. 137.

⁹ *Giordano R.* Die weite Schuld oder von der Last Deutscher zu sein. Hamburg, 1987, S. 87, 161.

¹⁰ *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 163.

¹¹ *Heimpel H.* Kapitulation vor der Geschichte. Göttingen, 1956, S. 90.

¹² *Dehio L.* Deutschland und die Weltpolitik im 20. Jahrhundert. München. 1955, S. 155.

¹³ *Sonthheimer K.* Deutschland zwischen Demokratie und Antidemokratie. München, 1955, S. 155.

¹⁴ *Mommsen H.* Betrachtungen zur Entwicklung der neuzeitlichen Historiographie in der Bundesrepublik. – Probleme der Geschichtswissenschaft. Düsseldorf, 1973, S. 132.

¹⁵ *Bracher K.-D., Sauer W., Schulz G.* Die nationalsozialistische Machtergreifung. Köln, 1960.

лого"¹⁶. Казалось, и не только журналистам либеральной прессы, что "время забвения закончилось"¹⁷. Но такие заключения были преждевременными.

В рождественскую ночь 24 декабря 1958 г. в Кёльне были осквернены фашиствующими хулиганами только что отстроенная синагога и памятник жертвам национал-социализма. До конца января 1959 г. было отмечено еще 170 таких же выходов¹⁸. Общественность была встревожена, в январе и феврале 1959 г. были созваны специальные заседания бундестага. Раздавались призывы к удалению нацистов из государственного аппарата, и один из них, Г. Оберлендер, вынужден был покинуть пост федерального министра. Были арестованы несколько преступников-неофашистов, оказавшихся недавними выпускниками школ и профтехучилищ. В печати появились статьи, настоятельно требовавшие пересмотра в антифашистском духе системы преподавания истории.

Качественный сдвиг в ходе научного познания истории "третьего рейха" произошел в ФРГ в 60-е годы, что было связано и с накоплением эмпирического материала периода нацизма. Можно согласиться с историком К. Хильдебрандтом, полагающим, что изучение истории национал-социализма "по-настоящему началось только в 60-е годы"¹⁹.

После долгих проволочек в 1963–1965 гг. во Франкфурте-на-Майне был проведен вызвавший крупный общественный резонанс "Освенцимский процесс" над эсэсовскими палачами лагеря смерти. На суде были заслушаны многочисленные эксперты, в том числе крупные ученые, представлявшие Институт современной истории: Г.-А. Якобсен, Г. Краусник, М. Брошат, Г. Буххайм. Суду были представлены основанные на архивных материалах экспертные заключения о системе нацистских концлагерей, о геноциде по отношению к еврейскому населению Германии и оккупированных стран Европы, об организационной структуре и преступных действиях СС, о запланированном уничтожении миллионов советских военнопленных и роли вермахта в этом злодеянии. Материалы экспертизы были сведены в двухтомное издание "Анатомия государства СС"²⁰, ставшее классикой историографии ФРГ и серьезно повлиявшее на ее эволюцию.

В 1962–1965 гг. в научных кругах и массовой прессе Западной Германии развернулась дискуссия о книге гамбургского профессора Ф. Фишера "Рывок к мировому господству"²¹. Неопровержимые выводы ученого о вине германской империи за развязывание первой мировой войны возбудили продолжающийся и ныне спор о континуитете, т.е. о преемственности господства немецких хозяйственных и политических элит, об их ответственности за установление гитлеровской диктатуры, за вторую мировую войну. Фишер указывал позднее, что, хотя в его книге содержались лишь беглые замечания о "третьем рейхе", после дискуссии оказалось невозможным рассматривать гитлеровский период как "изолированный феномен, выпадающий из общего хода германской истории"²². Труд Фишера, обретший, по характеристике Г.-У. Велера, "взрывную силу", "активно содействовал катарсису, очищению общественного сознания в стране, где совершались нацистские преступления"²³.

Во второй половине 60-х годов в историографии ФРГ заметно вырос уровень теоретического осмысления феномена национал-социализма. Силами института современной истории в Мюнхене были предприняты обстоятельные документальные публи-

¹⁶ Bonner Rundschau, 19.III.1957.

¹⁷ Frankfurter Rundschau, 11.XI.1959.

¹⁸ Kittel M. Op. cit., S. 322, 423.

¹⁹ Hildebrandt K. Von Erhard zur Grossen Koalition 1963–1969. – Geschichte der Bundesrepublik Deutschland, Bd. 4. Stuttgart, 1984, S. 422.

²⁰ Anatomie des SS-Staates, Bd. 1–2. Frankfurt a.M., 1965.

²¹ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1961.

²² Nationalsozialistische Diktatur. Eine Bilanz. Bonn, 1986, S. 770.

²³ Wehler H.-U. Geschichtswissenschaft heute. – Stichwort zur "Geistigen Situation der Zeit", Bd. 1–2. Frankfurt a.M., 1979; Bd. 2, S. 728.

кации. Серьезные обобщающие труды по истории "третьего рейха" были выпущены К.-Д. Брачером и М. Брошатом²⁴. Э. Нольте принадлежала первая в ФРГ монография, содержащая сравнительный анализ истории фашистских движений и диктатур в странах Европы²⁵. Вышли в свет исследования, посвященные политической структуре гитлеровской диктатуры, роли НСДАП и органов насилия и контроля над обществом, экономической политике режима, его внешней политике накануне и во время второй мировой войны, в частности книги авторов, принадлежавших к новому поколению исследователей²⁶.

У студентов западногерманских университетов возник интерес к "коричневому" прошлому. По требованию академической молодежи были прочитаны курсы лекций по истории национал-социализма. Значительная часть студентов, вступивших в жизнь после войны, стремилась разобраться в истории своих отцов, овладеть знаниями, необходимыми в борьбе против нацизма и неонацизма.

"Во времена Аденауэра, – писал по этому поводу еженедельник "Шпигель", – родилась новая генерация, склонная анализировать и опрашивать... Ведь период 1933–1945 гг. выглядел, с их точки зрения, как огромная черная дыра"²⁷. Г.-У. Велер справедливо указывал, что совесть молодежи, ее "новая мораль не могли примириться с уклончивыми ответами, с продолжающимся вытеснением памяти о прошлом"²⁸. Непривычная самостоятельность студентов, их стремление к истине вызвали панику среди профессуры старшего поколения. Теолог Г. Тилике призывал "покончить с охотой на ведьм", с "постоянным копанием в прошлом", с "полосканием грязного белья на глазах у всего мира"²⁹. Необходимо, однако, отметить, что идеология студенческих антинацистских акций была достаточно путаной. Нередки были явно упрощенные оценки происхождения и характера нацистской диктатуры, а ФРГ понималась, чего не избежала, кстати, и советская публицистика той поры, чуть ли не как прямое продолжение гитлеровского рейха.

В обстановке, когда западногерманская представительная демократия оказалась в состоянии кризиса (активизация неонацистов, планы введения чрезвычайного законодательства), в обществе и в кругах историков-профессионалов вызвали значительный резонанс вышедшие практически одновременно (в 1966–1967 гг.) публикации философов К. Ясперса и Т. Адорно, психоаналитика А. Мичерлиха.

В книге "Куда движется ФРГ?" К. Ясперс рассматривал "третий рейх" как криминальный режим, с которым "человечество не может сосуществовать". Чтобы не допустить "повторения безумств прошлого", писал он, необходима "полная правда" о национал-социализме – "никакого обмана и двусмысленности". "Опасность забвения", указывал философ, должна быть преодолена, важнейшей нравственной и политической задачей западногерманских граждан остается "коренное изменение образа мышления", ясное понимание необходимости "прекратить преемственность от преступного государства". К. Ясперс призывал к формированию нового исторического сознания: "Мы должны в изучении своей, немецкой истории руководствоваться новыми принципами. Изменяются не сами факты, а их оценка... Решающей становится ясность нового познания истории"³⁰.

Эссе Т. Адорно "Воспитание после Освенцима", текст которого первоначально прозвучал по радио, посвящено проблемам, связанным с происхождением преступлений фашизма и с опасностью их повторения. Рассматриваются узлы переплетения социальных и психологических обстоятельств, которые формируют "авторитарную личность" и превращают человека в соучастника преступлений или в палача. Адорно

²⁴ Bracher K.-D. Die deutsche Diktatur. Köln, 1969; Broszat M. Der Staat Hitlers. München, 1969.

²⁵ Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963.

²⁶ Mommsen H. Beamtenum im Dritten Reich. Stuttgart, 1966; Hüttenberger P. Die Gauleiter. Stuttgart, 1969.

²⁷ Leinemann J. "Träume im Kopf, Sturm auf den Strassen". – Der Spiegel, 1988, Н. 19, S. 140.

²⁸ Wehler H.-U. Aus der Geschichte lernen? München, 1988. S. 49.

²⁹ Christ und Welt, 27.III.1964.

³⁰ Ясперс К. Куда движется ФРГ? М., 1969, с. 87, 98, 190, 218.

формулирует категорический императив современности: "Предотвратить возвращение Освенцима", создать "духовный, культурный и общественный климат, способный не допустить повторения, т.е. климат, в котором мотивы, приведшие к ужасу Освенцима, хотя бы в какой-то степени будут осознаны"³¹.

В книге А. Мичерлиха "Неспособность скорбеть" обоснованы социально-психологические факторы поворота общественного сознания Германии от забвения "третьего рейха" к "острой критической переоценке табуизированного прошлого", к восприятию "проблематики страха, вины и стыда", к "преодолению самих себя". Мичерлих предвидел, что процесс "расчета с прошлым" будет чрезвычайно сложным, что окажется невозможным в обозримом будущем сказать: "Достаточно извлекать уроки из прошлого, которое означало утрату жизни и счастья миллионов людей"³².

Вошедшая в ФРГ в широкий научный оборот в 50-е годы теоретическая конструкция тоталитаризма сыграла немалую позитивную роль в исследовании механизма национал-социалистической диктатуры, особенно в ходе анализа проблем подавления оппозиции, создания и функционирования аппарата насилия и всеобъемлющего контроля над личностью, идеологической унификации, способов мобилизации масс и их превращения в фундамент режима, путей формирования военно-централизованной экономики.

Однако уже к концу 60-х годов многим западногерманским ученым стало ясно, что доктрина тоталитаризма (даже если оставить в стороне ее политическую фразеологию в духе "холодной войны") отнюдь не может претендовать на универсальное объяснение феномена германского фашизма. В рамках доктрины оказалось невозможным дать научную интерпретацию причин и факторов эволюции режима, конкурентной борьбы между различными группировками нацистской элиты, соотношения модернизаторских и архаистических моментов в экономической политике национал-социализма.

Для российских историков, значительная часть которых увлечена этой концепцией, было бы, очевидно, полезно познакомиться с суждениями влиятельных историков ФРГ по поводу реальных познавательных возможностей и границ теории тоталитаризма³³.

"С понятием "тоталитаризм", – отмечал М. Брошат, – связаны чрезмерная обобщенность, окостенение, статичность образа политического режима, противоречащие его реальной истории, его неоднозначности, его изменениям, подлинной роли отдельных социальных групп"³⁴. С точки зрения председателя Исторической комиссии СДПГ В. Фауленбаха, теория тоталитаризма "скорее помешала, нежели способствовала критическому извлечению уроков истории и реалистической оценке политической ситуации в Германии"³⁵. "Теория тоталитаризма, – достаточно резко сформулировал свою мысль Г. Моммзен, – это миф, находящийся ante portas (за пределами. – лат.) – действительно научного объяснения исторических процессов, ведущих к утверждению фашистских режимов, к их дальнейшему развитию"³⁶. Характерно высказывание В. Виппермана, надеющегося на то, что общественное сознание "прекратит сбрасывать красных, зеленых и коричневых в один и тот же тоталитаристский котел"³⁷.

В исторической науке ФРГ шел поиск альтернативных тоталитаризму теоретических моделей национал-социалистической диктатуры. В 70-е годы развернулись

³¹ Адорно Т. Воспитание после Освенцима. – Новое время, 1993, № 5, с. 56–58.

³² Mitscherlich A. und M. Die Unfähigkeit zu trauern. München, 1967, S. 30, 40, 149.

³³ Тоталитаризм: что это такое? (исследования зарубежных политологов), ч. 1–2. М., 1993.

³⁴ Broszat M. Nach Hitler. München, 1988. S. 213.

³⁵ Faulenbach B. US-Interpretationen und Zeitklima. – Aus Politik und Zeitgeschichte, 1987, H. 22, S. 21.

³⁶ Totalitarismus und Faschismus. Kolloquium im Institut für Zeitgeschichte am 24. November 1978. München, 1980, S. 64–67.

³⁷ Wippermann W. Faschismustheorien in systematischer Perspektive. – Arbeiterbewegung und Faschismus. Essen, 1990, S. 15.

плодотворные дискуссии, в ходе которых выдвигались и оспаривались тезисы о степени применимости к истории "третьего рейха" таких дихотомических категорий, как "монархия" и "поликратия", "модернизм" и "антимодернизм". На съезде историков ФРГ, состоявшемся в 1976 г. и обсуждавшем проблему "Личность и структура в истории", были представлены различные точки зрения на роль Гитлера в системе нацистского общества и государства. К. Хильдебрандт – сторонник концепции "монархии" – утверждал, что "фюрер", воплотивший "тип эпохи", определял главное содержание политики режима. Такая позиция, по мнению Г. Моммзена, несет в себе опасность повторения тезисов фашистской пропаганды и затушевывает реальные проявления "поликратии", деструктивные антагонизмы политической системы "третьего рейха"³⁸.

Широкому распространению версии о модернизаторской функции нацистского режима немало способствовал успех масштабной биографии Гитлера, выпущенной в 1973 г. публицистом И. Фестом³⁹. Книга вызвала нарекания со стороны ведущих историков ФРГ. Критики справедливо упрекали Феста за то, что он не показал, "насколько велика была степень участия определенных экономических кругов и таких консервативных групп, как армия и церковь, в провале Веймарской республики и тем самым, по меньшей мере косвенно, в подъеме национал-социализма"⁴⁰.

Однако Фест был прав, полемически выступая против упрощения представлений о Гитлере как "агенте империалистических сил". При всех слабостях и недочетах книги было бы неверно обвинять ее автора в симпатиях к неонацизму. Причины широкого интереса к фигуре "фюрера" в массовой культуре ФРГ 70-х годов – так называемой "гитлеровской волны" – были неоднозначны. Сказалась ностальгия по "сильной руке" в условиях экономической и политической нестабильности в стране. Для ученых "гитлеровская волна" явилась индикатором кризиса системы прежних интерпретаций национал-социалистической диктатуры.

Западногерманские исследователи, заявляя об исчерпанности методов традиционного историзма, пытаясь осуществить комплексный подход к прошлому, обратились в 70-е годы к инструментарию экономической и социологической науки. Поворот к детальному изучению экономических аспектов нацистского режима, к проблематике "режим и крупный капитал" вызывал понятную тревогу историков консервативного крыла. Э. Нольте сетовал в 1978 г. на то, что уверенность в связях фашизма с капитализмом "распространяется среди академической молодежи как лесной пожар"⁴¹.

Обновление научной тематики происходило под воздействием историографии ГДР, которую – с ее идеологическими догмами и вместе с тем практическими достижениями – мы рассматриваем как интегральную часть германской исторической мысли второй половины XX в. «Исторической науке ГДР, – отмечал в 1976 г. В. Випперман, – принадлежит заслуга того, что она значительно интенсивней, чем западногерманские историки, давно уже занимается проблемой отношений национал-социализма и экономики, которая, безусловно, принадлежит к основным проблемам интерпретации "третьего рейха"»⁴². Ныне, когда в объединенной ФРГ зачастую третируются труды ученых восточной части страны, уместно привести слова В. Шульце, решительно выступающего против "тотального замалчивания историографии ГДР", которая – "при всей критике в ее адрес" – была "вызовом, обращенным к исторической науке Федеративной Республики Германии"⁴³.

³⁸ Mommsen H. Nationalismus oder Hitlerismus? – Persönlichkeit und Struktur in der Geschichte. Düsseldorf, 1977. S. 64–67.

³⁹ Fest J. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt a.M., 1973.

⁴⁰ Graml H. Probleme einer Hitler-Biographie. – Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 1974. H. I, S. 88.

⁴¹ Totalitarismus und Faschismus, S. 31.

⁴² Wippermann W. "Deutsche Katastrophe" oder "Diktatur aus Finanzkapitals"? – Die deutsche Literatur im Dritten Reich. Stuttgart, 1976, S. 22–23.

⁴³ Hure oder Muse? Stenogramm der wissenschaftlichen Konferenz. Klio in der DDR. Berlin, 1994, S. 171–172.

К числу основательных работ по экономической истории "третьего рейха" следует отнести книги историка и экономиста Д. Петцины⁴⁴. В 1974 г. было выпущено новое издание классического социологического труда американского ученого немецкого происхождения Р. Хальгартена по проблематике германского империализма. Анализ Хальгартена был продолжен на материале нацистского периода молодым исследователем И. Радкау⁴⁵. В Билефельдском университете сложилась под руководством Г.-У. Велера авторитетная школа социальной истории, сторонники которой попытались, по оценке Г. Моммзена, создать "собственную концепцию, преодолеть упрощения исторического материализма сталинского образца"⁴⁶.

Молодые западногерманские ученые обратились к неортодоксально-марксистским концепциям фашизма, прежде всего к установкам А. Тальгеймера, пытавшегося в 30-е годы приложить Марксову характеристику бонапартизма к анализу нацистского движения и нацистской диктатуры. При всех издержках, выводы Тальгеймера об "обособлении исполнительной власти", о "порабощении исполнительной властью всех общественных классов" явились для ученых ФРГ стимулом к дифференцированному анализу экономических и политических институтов "третьего рейха". Формула Тальгеймера о "союзе самостоятельных партнеров" – крупной буржуазии и фашистского государства – оказалась осью нескольких научных дискуссий. Центром марксистски ориентированных исследований проблем германского фашизма стал в этот период Марбургский университет, где под руководством В. Абендрота сформировалась известная научная школа. Из числа последователей Абендрота известны имена Р. Кюнля и Р. Опица⁴⁷. Однако работам этих историков и – в значительно большей степени – работам авторов леворадикального журнала "Аргумент" были органически присущи черты схематизма, что побудило Г.-У. Велера охарактеризовать их как "тибетские молитвенные свитки ортодоксальных марксистско-ленинских дефиниций"⁴⁸.

Понять процесс создания комплексной картины нацистского режима невозможно без учета резких перепадов в общественном сознании ФРГ. Едва утихло эхо "гитлеровской волны", а в январе 1979 г. более 20 млн. зрителей собрал американский художественный телефильм "Холокост", рассказавший потрясенным немцам о трагедии "окончательного решения еврейского вопроса" в нацистской Германии и в оккупированных странах Европы. Едва ли не впервые на массовом уровне западные немцы начали понимать, что, говоря словами Г. Моммзена, "груз национал-социалистического прошлого не сброшен, а исторические последствия "тысячелетнего рейха" не преодолены"⁴⁹.

Телесериал, подчеркивал публицист В. Хей, "сделал для развязывания дискуссии о национал-социализме больше, чем многие научные разработки, не достигавшие широкой публики"⁵⁰. Шок, вызванный телефильмом, побудил западногерманских ученых обратиться к проблематике геноцида по отношению к еврейскому народу, к созданию обстоятельных работ о "холокосте", среди которых выделяются книги В. Бенца и изданные под его редакцией коллективные труды⁵¹. Впоследствии публицисты нередко упрекали западногерманских историков в том, что они не создали исследований о преступлениях нацистов. Такие нарекания, очевидно, не во всем

⁴⁴ *Petzina D.* Autarkiepolitik im Dritten Reich. Stuttgart, 1968; idem. Die deutsche Wirtschaft in der Zwischenkriegszeit. Wiesbaden, 1977.

⁴⁵ *Hallgarten G., Radkau J.* Deutsche Industrie und Politik von Bismarck bis heute. Frankfurt a.M., 1974.

⁴⁶ *Mommsen H.* Betrachtungen zur Entwicklung der neuzeitlichen Historiographie in der Bundesrepublik. – Probleme der Geschichtswissenschaft, S. 124.

⁴⁷ *Kühnl R.* Der deutsche Faschismus in Quellen und Dokumenten. Köln, 1975; *Onumц P.* Фашизм и неофашизм, М., 1988.

⁴⁸ *Wehler H.-U.* Historische Sozialwissenschaft und Geschichtsschreibung, S. 26.

⁴⁹ *Mommsen H.* Die Last der Vergangenheit. – Stichworte zur "Geistigen Situation der Zeit", Bd. 1, S. 164.

⁵⁰ *Hey B.* Zeitgeschichte und Vergangenheitsbewältigung. – Zeitgeschichte und politisches Bewusstsein. Köln, 1986. S. 74.

⁵¹ *Die Juden in Deutschland.* München, 1988; *Benz W.* Herrschaft und Gesellschaft im nationalsozialistischen Staat. Frankfurt a.M., 1990; *Dimension der Völkermords.* München, 1991.

справедливы. Соответствующие труды были написаны и опубликованы. Но, как писал в 1986 г. историк К.-Э. Йеисман, "недостатка в информации не было, не хватало лишь готовности ее воспринять", общественное мнение "не было еще задето за живое"⁵².

К началу 80-х годов, по мере накопления и публикации документальных данных о периоде гитлеризма, по мере отработки методологического инструментария в исторической науке и в обществе ФРГ сложилось, при всех расхождениях в частных оценках, определенное согласие по поводу того, что преступления фашизма вытекали из сущности самого режима, а развязанная Гитлером война носила неприкрыто агрессивный характер.

Со страниц консервативных изданий, в речах консервативных политиков раздавались призывы воссоздать "национальную идентичность", "стать нормальной нацией", "выйти из тени Гитлера", "подвести черту под прошлым", "обезвредить" самый злоецид период германской истории, сформировать картину прошлого, не отягощенную эксцессами национал-социализма, избавить соотечественников от чувств стыда и ответственности.

Историком А. Хильгрубером в 1982 г. была опубликована книга под характерным названием "Хватит говорить о национал-социализме и второй мировой войне". Автор предлагал отказаться от "всеобъемлющей критики" режима, призывая немцев покинуть "школу памяти" и отдать предпочтение "школе забвения"⁵³. Широко распространение получили версии о том, что нацистские лагеря уничтожения были "плодом союзнической пропаганды", а Гитлер предстал в роли строителя автобанов и ликвидатора безработицы. Напомним, в силу демографических причин с конца 70-х годов большинство немецкого населения стало судить о "третьем рейхе" не по собственному опыту, а на основе интерпретаций, предложенных школой, средствами массовой информации и в значительно меньшей степени наукой.

Событием в духовной жизни страны стала речь президента ФРГ Р. фон Вайцзеккера, произнесенная им в бундестаге 8 мая 1985 г. и переведенная позднее на 20 языков. Выступлению президента предшествовала острая дискуссия в средствах массовой информации о смысле военного поражения нацистской Германии: "день траура" или "день освобождения"? Вслед за Ясперсом он исходил прежде всего из нравственной оценки "третьего рейха", мысля в категориях противостояния злу и насилию, защиты прав и достоинства человека. "Нельзя задним числом изменить прошлое, нельзя его отменить, – говорил президент. – Но всякий, кто закрывает глаза на прошлое, – становится слепым и к настоящему. Кто не желает помнить о бесчеловечности, тот становится восприимчив к новому заражению... Будем стараться, насколько это в наших силах, смотреть правде в глаза"⁵⁴.

Речь Вайцзеккера, вобравшая в себя в публицистически-философской форме многолетний опыт историографии ФРГ, была попыткой изложить программу антифашистского консенсуса для западногерманского общества. "Мужество постижения правды", – писала о содержании выступления президента газета "Зюддойче цайтунг"⁵⁵. Высшая государственная должность Вайцзеккера не предохранила его от резких нападок правой печати. Разноречивые оценки парламентского выступления президента стали предвестником большой научной и политической дискуссии, развернувшейся в 1986–1987 гг. и получившей название "Спор историков"⁵⁶.

Инициаторами дискуссии стали Э. Нольте и А. Хильгрубер. Э. Нольте предложил версию о "вторичности" фашистской диктатуры, ее преступлений, которые были-де всего лишь вынужденным "ответом на большевизм"⁵⁷. Криминальный характер

⁵² *Jeismann K.-E.* "Identitär" statt "Emanzipation"? – *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 1986, № 20/ 21. S. 3.

⁵³ *Hillgruber A.* Endlich genug über Nationalsozialismus und Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1982. S. 45, 85.

⁵⁴ *Вайцзеккер Р. фон.* Тайна спасения именуется памятью. – *Новое время*, 1990, № 40, с. 40–43.

⁵⁵ *Süddeutsche Zeitung*, 9.V.1985.

⁵⁶ Подробнее о "споре историков" см.: *Черкасов Н.С.* ФРГ: "спор историков" продолжается? – *Новая и новейшая история*, 1990, № 1.

⁵⁷ *Nolte E.* Vergangenheit, die nicht vergehen will. – *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 5.VI.1986.

национал-социализма оправдывался ссылками на преступления Сталина. В трактовке Хильгрубера гитлеровский режим выглядел, хотя бы в последний период его существования, как якобы необходимый "защитник Запада" от "азиатских орд", а поражение "третьего рейха" оказывалось равнозначным "поражению Европы"⁵⁸. Вновь появилась на свет легенда о "превентивном" характере нападения фашистской Германии на Советский Союз.

Но, вопреки ожиданиям правых политиков и журналистов, дискуссия привела к формированию широкого фронта историков и публицистов, которые, придерживаясь различных политических взглядов, объединились на общей платформе постижения исторической правды о "третьем рейхе" и его злодеяниях. Никогда прежде споры о "прошлом, которое не уходит", не достигали такой остроты, никогда не возникало столь сильного резонанса в обществе. Председатель Союза историков ФРГ К. Майер, выступая на открытии очередного съезда союза, сетовал на то, что произошел "неожиданный разлом льдины, на которой мы жили"⁵⁹.

Первым против суждений Хильгрубера и Нольте выступил известный философ Ю. Хабермас, опубликовавший в еженедельнике "Цайт" статью об "апологетических тенденциях в германской историографии новейшего времени"⁶⁰. Хабермаса активно поддержали авторитетные историки Г. Моммзен, Ю. Кокка, В. Вонвеч, Г.А. Винклер, К. Зонтхаймер, В. Моммзен, В. Ветте, Г. Юбершер⁶¹. К.-Д. Брачер, который отнюдь не принадлежал к числу резких оппонентов Хильгрубера и Нольте, писал по поводу их попытки спекулятивного применения концепции тоталитаризма: "Кровавые преступления одной диктатуры нельзя исторически оправдать путем сравнения с злодеяниями другой. Кроме того, сравнение диктатур вовсе не означает их отождествления"⁶².

Некоторые немецкие и иностранные ученые считают, что дискуссия 1986–1987 гг. была преимущественно политическим явлением и, как писал английский автор И. Киршоу, «не дала никаких новых материалов, которые вели бы к более глубокому пониманию "третьего рейха"»⁶³. Но результатом "спора историков" было нечто большее, чем "новые материалы": он надолго определил вектор развития германской историографии национал-социализма. Новое качество приобрели обобщающие труды о периоде 1933–1945 гг. В книгах последних лет органически сочетаются "история событий" и "история структур"⁶⁴.

В ходе "спора историков" неоднократно поднимались вопросы о характере нацистской агрессии против СССР. В историографии и в общественном сознании ФРГ начался демонтаж "образа врага", учеными были предприняты обстоятельные исследования агрессии гитлеровской Германии против СССР. Атмосфера "холодной войны", отмечают сотрудники мемориального музея второй мировой войны в Карлсхорсте П. Ян и Р. Рюруп, "не допускала возможности ощутить и разделить чужие страдания", "закрывала дорогу к самокритичным оценкам экспансии против Советского Союза"⁶⁵. Эта проблематика, совсем недавно вызывавшая аллергию и у историков, и у достаточно широких слоев населения, стала ныне, по оценке В. Ветте и Г. Юбершера, "объектом публичных дискуссий, объектом коллективного воспоминания". "Мы можем двигаться вперед, – утверждают ученые, – только располагая

⁵⁸ Hillgruber A. *Zweiterlei Untergang*. Berlin, 1986.

⁵⁹ Rheinischer Merkur, 10.X.1986.

⁶⁰ Habermas J. Eine Art Schadensabwicklung. – Die Zeit, 11.VII.1986.

⁶¹ Historikerstreit. München, 1987; Vergangenheit, die nicht vergeht. Köln, 1987.

⁶² Bracher K.D. Zeitgeschichtliche Erfahrungen als aktuelles Problem. – Aus Politik und Zeitgeschichte, 1987, H. II, S. 4.

⁶³ Kershaw I. Der NS-Staat. Reinbek, 1988, S. 323.

⁶⁴ Broszat M., Möller H. Das Dritte Reich. Herrschaftsstruktur und Geschichte. München, 1990; Düllfer J. Deutsche Geschichte, Führerglaube und Vernichtungskrieg. Stuttgart, 1992.

⁶⁵ Jahn P., Rürup R. Einleitung. – Erobern und Vernichten. Berlin, 1991. S. 17.

точными данными об ужасных событиях, только обладая мужеством высказать и воспринять правду"⁶⁶.

Существенный вклад в новое прочтение "война на Востоке" внесли ученые Центра военно-исторических исследований бундесвера ФРГ. Реализация плана "Барбаросса", указывает сотрудник этого Центра Ю. Фёрстер, была "военной кампанией, не похожей на предыдущие, это была тщательно подготовленная захватническая, истребительная война", в основе которой "симбиоз расчета и догмы, стратегии и идеологии, курса на мировое господство и расовой политики"⁶⁷.

Подавляющее большинство немецких ученых отвергло версию о "превентивном" характере нападения Гитлера на СССР, которую, по словам Г. Юбершера, поддерживают лишь "аутсайдеры от науки, вечно вчерашние, историки-любители и авторы из правоэкстремистского лагеря"⁶⁸. Что же касается столь популярной в России книги В. Суворова "Ледокол"⁶⁹, то ее оценка в ФРГ была в целом негативной. Приведем слова Б. Бонвеча: указанное сочинение, претендующее на документальность, принадлежит "вполне определенному жанру литературы, стремящейся снять с Германии вину за агрессивное нападение"⁷⁰.

Современные исследователи пришли к выводу о полной несостоятельности легенды о невинности немецких вооруженных сил в преступлениях, совершенных в России. Для М. Мессершмидта, который первым начал разработку этой нелегкой для немцев проблематики (его монография "Вермахт в нацистском государстве" вышла еще в 1969 г.⁷¹), "история вермахта и история гитлеровского режима совпадают друг с другом"⁷². В 1995 г. Институт социальных исследований в Гамбурге опубликовал под редакцией Г. Геера и К. Наумана фундаментальное коллективное исследование о злодеяниях вермахта в СССР⁷³. Чувствами стыда и вины проникнуты работы, посвященные трагической судьбе советских пленных. Среди них надо в первую очередь указать на выпущенную в 1982 г. и неоднократно переиздававшуюся монографию К. Штрайта "Они нам не товарищи"⁷⁴.

Могут ли историки Германии в России отыскать общую основу освещения сражений 1941–1945 гг., если "для каждого из бойцов Красной Армии они были частью справедливой, оборонительной войны", а для немцев – вопреки пропагандистскому туману – эпизодами захватнической, преступной истребительной войны"? Ведь в этом "фундаментальном различии", полагают В. Ветте и Г. Юбершер, "ничего не изменилось"⁷⁵. Но совместный базис исследований существует: восприятие войны как трагедии обоих народов, стремление к реконструкции правды о войне. Уже сделаны первые шаги к осуществлению совместных исследовательских проектов по проблематике второй мировой войны – выпущены научные сборники, среди авторов которых российские и германские историки⁷⁶.

Десятилетняя временная дистанция, отделяющая нас от "спора историков", позволяет прийти к выводу, что эта принципиальная дискуссия была, если применить

---

⁶⁶ *Ueberschär G., Wette W. Vorbemerkung zur Taschenbuchausgabe. – Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. Frankfurt a.M., 1991. S. 8–9.*

⁶⁷ *Förster J. Fünfzig Jahre danach. – Aus Politik und Zeitgeschichte, 1991, № 24, S. 11, 15.*

⁶⁸ *Ueberschär G. "Russland ist unser Indien". – Der Mensch gegen den Menschen. Hannover, 1992, S. 66.*

⁶⁹ *Суворов В. Ледокол. М., 1995.*

⁷⁰ *Bonwetsch B. Was wollte Stalin am 22. Juni 1941. – Blätter für deutsche und internationale Politik, 1989, № 6, S. 888.*

⁷¹ *Messerschmidt M. Die Wehrmacht in NS-Staat. – Herrschaft. Bonn, 1992, S. 403.*

⁷² *Messerschmidt M. Die Wehrmacht in NS-Staat. – Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonn, 1992, S. 403.*

⁷³ *Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Hamburg, 1995.*

⁷⁴ *Streit C. Keine Kameraden. Stuttgart, 1982.*

⁷⁵ *Ueberschär G., Wette W. Vorwort. – Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a.M., 1992, S. 14.*

⁷⁶ *Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М., 1994; Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). М., 1995; Gegen das Vergessen. Frankfurt a.M.*

термин российского физиолога П.К. Анохина, "опережающим отражением" неоднозначных процессов, которые происходят в историографии ФРГ и во всей политико-идеологической сфере страны после объединения Германии. Выросло влияние тех течений в исторической науке и в исторической публицистике, сторонники которых, выступая под флагом "нового немецкого национализма", пытаются "смягчить" оценки гитлеровского режима. "Подлинно тоталитарным государством" была, с их точки зрения, ГДР, а не нацистская диктатура (в ее недрах вдруг начали даже "открывать" элементы "гражданского общества"!), а "расчет с прошлым" следует практиковать исключительно по отношению к "германскому государству рабочих и крестьян".

"Новые правые" вполне укоренились в стенах исторического цеха. Их представители У. Бакес, Э. Йессе, Р. Цительман решительно выступают в пользу "сколь желаемой, столь и неизбежной историзации национал-социализма", которую они понимают как отказ от "черно-белых стереотипов", от "морализации", от "примата педагогических намерений над научно-историческими усилиями"⁷⁷. Профессор Боннского университета Г.-П. Шварц требует покончить с "балаганом преодоления прошлого"⁷⁸. Газета "Вельт" утверждает необходимость "специфически германского самосознания", "не отягощенной системой табу", а "Франкфуртер альгемайне" провозглашает: "Отвращением не является больше основным звеном политического сознания"⁷⁹.

Можно согласиться с опасениями отнюдь не сочувствующего левым И. Феста: на наших глазах происходит отказ от "последнего табу" старой ФРГ – от "морального вердикта по отношению к времени Гитлера"⁸⁰. Смогут ли реалистически мыслящие интеллектуалы ФРГ противостоять напору приверженцев "нового национализма", смогут ли они одержать верх в нынешней "зашедшей в тупик", по выражению Ю. Хабермаса⁸¹, дискуссии, развернувшейся на фоне вспыхнувшей ксенофобии и призывов к "германскому величию"?

Поток литературы по проблематике истории гитлеровского режима не иссякает. В 1995 г. была опубликована "Библиография национал-социализма" – фолиант, насчитывающий более чем тысячу страниц и содержащий сведения о 20 тыс. работ⁸². С течением времени меняются вопросы, которые ставит и на которые отвечает германская историография. Но "расчет с прошлым" по-прежнему остается в ФРГ осью развития исторической науки и исторического сознания.

Подводя некоторые итоги длительному и, как показывает опыт, зигзагообразному процессу извлечения уроков из истории гитлеровской диктатуры, мы приходим к выводу, что "преодоление прошлого" стало существенным фактором послевоенной жизни Германии, связанным и с переходом к демократии, и с противоречиями этого перехода. Обнаруживается четкая связь между постулатами исторической науки, моральным климатом общества, его политическими ориентирами. Прав был А.И. Солженицын, утверждавший, что новый облик послевоенной Германии был определен "нравственным импульсом", "облаком раскаяния", которое "наполнило ее атмосферу"⁸³.

В ФРГ в течение полувека сложилась модель многомерного исторического объяснения нацистского прошлого, модель, основанная, отмечал Г.-У. Велер, как на моральном неприятии "третьего рейха", так и на "известном согласовании конкурирующих интерпретаций", на "убедительном синтезе результатов исследований", на непременно учете результатов научных дискуссий. Необходим, по мнению

⁷⁷ Backes U., Jesse E., Zitellmann R. Was heisst: "Historisierung" des Nationalsozialismus. – Die Schatten der Vergangenheit. Berlin, 1990, S. 27, 30.

⁷⁸ Die Welt, 29.XI.1991.

⁷⁹ Die Welt, 29.VI.1991; Frankfurter Allgemeine Zeitung. 27.II.1991.

⁸⁰ Beck U. Zurück in die Zukunft. – Der Spiegel, 1993, H. 47, S. 56–59.

⁸¹ Habermas J. Bemerkungen zu einer verworvener Diskussion. – Die Zeit, 3.IV.1992.

⁸² Ruck M. Bibliographie zum Nationalsozialismus. Köln, 1995.

⁸³ Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение. – Из-под глыб. Париж, 1974, с. 124.

Г.-У. Велера, "исторический синтез", иначе вакуум будет заполнен "популярно-научным суррогатом"⁸⁴. Не актуально ли для современной отечественной историографии предупреждение немецкого ученого?

Переход России и Германии от тоталитарных режимов к демократическому устройству – это разорванные в историческом времени и в историческом пространстве акты единой планетарной драмы. Однако опыт Германии⁸⁵ пока еще не востребован в нашей стране. Непредубежденное, неконъюнктурное освещение этого опыта может принести немалую пользу и российской исторической мысли и отечественному общественному сознанию.

---

⁸⁴ *Wehler H.-U. Aus der Geschichte lernen?* S. 54.

⁸⁵ Недавно эту проблему И.В. Млечина осветила с позиции историка культуры: *Млечина И. Уроки немецкого. Век XX. М., 1994.*

**НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА ЭРНСТА ТЕЛЬМАНА
И.В. СТАЛИНУ И В.М. МОЛОТОВУ
(1939–1941 гг.)**

№ 7
[февраль 1940 г.]¹

На основании трех последних информационных от 1.III, 16.IV и 15.VIII т.г.² можно было логически прийти к заключению, что я ничего не хочу знать о согласии и дружбе между Советским Союзом и Германией. Но это не так.

Исходя из советской внешней политики времен Литвинова и его последователей я не мог прийти к иным умозаключениям, так как мои сведения опираются только на сообщения прессы. Но это отнюдь не значит, что будто бы я имел убеждения, что со времени прихода к власти Гитлера Советский Союз якобы занял по отношению Германии явно враждебную позицию.

Прежде всего, сидя здесь, в четырех стенах камеры, я вообще не знал, что Гитлер неожиданно изменил свой курс по отношению к Советскому Союзу на 180°. Конечно, это верно и логично и само собой понятно, что благодаря коренным изменениям положения в мировой политике и положения в Европе, а также и в Азии, главным образом благодаря кризисам в капиталистическом развитии главнейших капиталистических стран появились новые факторы, которые стали отправными пунктами для современной советской внешней политики.

Сговор и сделку в Мюнхене можно рассматривать как кульминационный пункт агрессивной политики Германии по отношению к Советскому Союзу, но одновременно они породили и новое положение, результатом чего было, с одной стороны, расторжение германского политического договора о союзе с Польшей Гитлером на основе требований относительно Данцига и польского коридора и английские попытки создать политику окружения против Германии.

Для полного уяснения поставлю еще два вопроса, на которые я хочу тотчас ответить.

Первый вопрос: "Что я знаю?".

1) Что, несмотря на кампанию лжи и оскорблений, проводимую Германией против Советского Союза, внешняя политика Советского Союза имела твердый курс на то, чтобы договориться с Германией.

2) Что отношение Германии к Польше, связи Советского Союза с другими европейскими государствами, антикоминтерновская политика Германии, политика Лиги Наций, испанский вопрос и, что не самое последнее, соглашение в Мюнхене не являлись препятствием для этого постоянного курса Советской внешней политики по отношению к Германии.

3) Что скверные взаимоотношения Советского Союза с Японией и его политика сильного сближения с США затрудняла этот курс.

4) Что наличие затруднений в товарообороте между Советским Союзом и

---

¹ Продолжение. Начало см. № 6 нашего журнала за 1996 г. Письма датированы по содержанию.

² См. документы № 2, 3, 4, 5.

Германией были препятствием к благоприятному форсированию советской внешней политики по отношению к Германии.

5) Что многолетняя кампания лжи и оскорблений в Германии, особенно на Нюрнбергских съездах, по отношению к Советскому Союзу и его наиболее выдающимся вождям не могла соответствовать требованиям курса улучшения взаимоотношений.

6) Что одновременно с назначением нового русского посла в Берлин³, назначением Микояна руководителем Комиссариата Внешней Торговли и уходом Литвинова из Комиссариата Иностраных Дел активный курс советской внешней политики по отношению к Германии был избран и планомерно форсирован.

7) Что с конца февраля с.г. кампания лжи и оскорблений против Советского Союза как в прессе, так и по радио была почти совершенно прекращена.

Эти факты и сообщение Молотова в Верховном Совете от 25-го мая о новых торговых переговорах с Германией⁴ сигнализировали известное взаимное сближение и улучшение взаимоотношений.

8) Что договор о ненападении и дружбе, заключенный в сентябре 1933 года (сроком на 5 лет), был молчаливо продлен на последующие 5 лет и что очень благоприятный торговый договор заключен недавно между Советским Союзом и Италией⁵.

9) Что неразрешенные и спорные вопросы между Советским Союзом и Германией не создают ни в коем случае положения прямого противоречия между ними в европейских и мировых вопросах и что в этих вопросах имеются серьезные обострения между Советским Союзом и Англией⁶.

10) Что нерешительная двойственность и проникнутая недоверием политика правительства Чемберлена по отношению к Советскому Союзу неоднократно подтверждалась во время переговоров в Москве⁷.

11) Что вступление Советского Союза во фронт окружения Германии было связано с риском войны против Германии и Италии и что Советский Союз в случае войны должен был бы нести главную тяжесть на восточном фронте.

12) Что во время дипломатических, а возможно, и военных переговоров в Москве позиция Польши и Румынии к Советскому Союзу была почти враждебная или по меньшей мере весьма сдержанная.

Второй вопрос: "Чего я не мог знать?".

1) Что после аннулирования германско-польского договора о ненападении и немедленного поворота после этого английской политики к формированию фронта окружения Германии для Германии единственной мерой явился план немедленного соглашения с Советским Союзом.

2) Что все прошлое: известные агрессивные тенденции против Советского Союза, намерения Германии в Мюнхене – были так быстро сняты и забыты в германской внешней политике.

3) Что гитлеровская внешняя политика сделала такой крутой поворот исключительно с целью прийти возможно скорее к соглашению с Советским Союзом.

³ С сентября 1939 г. по ноябрь 1940 г. советским полпредом в Германии был А.А. Шкварцев.

⁴ Выступая на третьей сессии Верховного Совета СССР, проходившей в Москве 25–31 мая 1939 г., Молотов напомнил слова Сталина о необходимости бдительности и осторожности, дабы не дать "втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками", что было воспринято Берлином как сигнал к сближению с Москвой. 22 июля 1939 г. возобновились советско-германские переговоры по экономическим вопросам, завершившиеся заключением 19 августа 1939 г. торгово-кредитного соглашения, по которому Германия предоставляла СССР долгосрочный кредит на сумму 200 млн. марок.

⁵ Советско-итальянский пакт о дружбе, ненападении и нейтралитете был подписан в Риме 2 сентября 1933 г.

⁶ 23 марта 1939 г. премьер-министр Великобритании Чемберлен заявил, что правительство Великобритании не намерено вступать в блоки со странами, имеющими специфический внутренний режим. Заявление Чемберлена означало, что Лондон воздерживается от сближения с Москвой по соображениям идеологического порядка. Между Англией и СССР существовали серьезные противоречия по вопросу о гарантиях Польше и Румынии.

⁷ Англо-франко-советские переговоры о заключении пакта о взаимопомощи трех держав проходили в Москве в марте-августе 1939 г. и закончились неудачей.

4) Что проблемы, выдвинутые Советским Союзом как в европейских, так и в мировых вопросах (дальневосточный вопрос), нашли гораздо больше понимания в германской внешней политике, чем они могли найти отзвуков и одобрения в английской внешней политике.

5) Что в вопросе о Польше понятия Советского Союза и Германии почти совпали (или должны были совпасть) и что в Балтийском вопросе⁸, вопросе об Аландских островах⁹ и в общей восточной проблеме¹⁰, во всех их возможностях было найдено взаимное понимание и одинаковые мнения. Что в бессарабском вопросе¹¹ не было также установлено никаких серьезных противоречий.

6) Что вопреки весьма напряженным отношениям между Советским Союзом и Японией, между Советским Союзом и Германией было проведено соглашение в этом направлении (примечание: сомнительно, чтобы таковое имело бы значение после образования нового японского кабинета).

7) Что переговоры о торговом договоре находились в такой благоприятной для Советского Союза стадии.

8) Что отношения Советского Союза к Англии и Франции были так обострены и так уже ухудшились.

9) Что пять дней спустя после сообщений прессы о том, что в феврале 1940 г. будет заключен антикоминтерновский союз трех держав между Германией, Римом и Токио, будет заключен пакт о ненападении и взаимной консультации между Советским Союзом и Германией.

Решающий фактор для решения Советского Союза – не вступать в военный тройственный союз с Англией и Францией, а избрать путь соглашения с Германией, лежал в том, чтобы не втянуть русский народ в войну в интересах Англии, заставить его бороться за чужие интересы и проливать за них кровь. Понятно, что существует еще ряд революционных факторов, которые также были приняты во внимание. Заключение договора о ненападении и о взаимной консультации между Советским Союзом и Германией было величайшей неожиданностью со времен объявления мировой войны и, одновременно, мировой сенсацией. Настоящее и серьезное оживление в немецком народе, вызванное решением Гитлера и Советского Союза, можно было наблюдать почти везде, и царила большая радость по поводу умело проведенной, предусмотрительной и испытанной игры Советского Союза при длившихся в течение месяца переговорах в Москве.

Большой конфуз английской и французской военной миссии добавился к этому и был также оценен. При этом еще умелое сохранение в тайне и поразительно быстрое окончание переговоров (понятно, что имели место долговременные тайные переговоры, в которых все до мелочей уже было установлено и предусмотрено).

Заключение этого пакта было воспринято как мастерски проведенное дипломатическое государственное искусство. Престиж Советского Союза в Германии и Италии несравненно возрос, и большинство признает, что Советский Союз оказал большую помощь Германии заключением договора. Лживые высказывания и фальшивки против Советского Союза на прошлых нюрнбергских партийных съездах почти уже забыты. Национал-социалистические теории уничтожены, упали и свержены.

Так например:

1) Теория о том, что политика Советского Союза и Коминтерна одно и то же.

2) Теория о том, что Советский Союз и его политика основана только на подкреплении их угрозой войны, подготовкой к войне и самой войне.

---

⁸ Речь, по всей видимости, идет о дальнейшей судьбе прибалтийских государств – Латвии, Литвы, Эстонии. В августе 1940 г. они вошли в состав СССР.

⁹ Группа островов в Балтийском море, население которых в основном составляют шведы. Аландские острова принадлежат Финляндии и долгое время являлись предметом международного спора.

¹⁰ Имеется в виду политическая ситуация в Восточной Европе.

¹¹ Бессарабия до 1918 г. входила в состав России, затем была аннексирована Румынией. В июне 1940 г. присоединена к Советскому Союзу. Значительная часть ее территории отошла к Молдавии.

3) Теория о том, что буржуазная демократия и большевизм – одно и то же.

4) Теория о том, что Советский Союз запуган кризисами и что существующий советский режим не стабилен.

5) Теория о том, что Советский Союз – величайшая аграрная страна – не может больше удовлетворить в достаточной степени продуктами питания свое собственное население. (Сегодня Советский Союз внезапно стал страной, снабжающей зерном, и о голоде населения больше нет речи.)

6) Теория о том, что совершенно достоверным является то, что советский режим распадается в собственном разложении и т.д., и т.д.

На месте всех этих фальшивых теорий, лживых и неправдивых, стали господствовать мысли о величии, о значении и силе этой гигантской страны и о ее большой роли в жизни народов. В последние дни появились разные голоса, сомневающиеся в честном выполнении Советским Союзом обязательств, взятых им на себя по отношению к Германии, в силу его шаткого положения между войной и миром. Но это в порядке дня, так как сейчас это в духе времени, легко дающего повод к различным сомнениям.

Теневой стороной заключения этого договора, его отзвуками в мнении населения других государств нельзя пренебрегать. Во Франции, Англии, а возможно, и в США (а также в Польше и Румынии) есть мнение, что Советский Союз отступил и что положение нашей коммунистической партии в этих странах особенно слабо. Как долго продержится это мнение, зависит от общего положения, а также вспыхнет или нет война и от активности самих коммунистических партий.

Но для наших партий, так или иначе, это очень тяжелая, нелегкая задача. Возвратить свой престиж, полученный в массах населения, – это задача дня, доказательства тому, что Советский Союз всегда в первых рядах добивался мира для народов, будет легче оказывать свое пропагандистское влияние, если и на этот раз удастся избежать возникновения войны. В противном случае коммунистические партии, так или иначе, стоят перед угрозой запрещения их деятельности.

В конце еще вопрос о моем освобождении из долголетнего (6 1/2 лет) тюремного заключения. Я почти убежден в том, что освобождение моей персоны было одним из пунктов переговоров, и надеюсь, что достигнуто удовлетворительное соглашение. Я имею в этом внутреннее убеждение и твердую надежду, что я скоро буду освобожден. Кроме того, я перед всеми уполномоченными здесь, так же как в прошлом, реабилитирован, как политически, так и морально-политически. Моя непреклонность и непоколебимая сила убеждения в непрестанной защите дела Советского Союза были правильными и дали впечатление у всех врагов и колеблющихся. Они думают – это был крепкий и непреклонный коммунист в течение шести с половиной лет. Теперь я морально-политический победитель по отношению ко всем, ранее перенесенным клетническим нападкам.

Большой и исторический акт совершен Советским Союзом. Его заметное действие скажется позже, когда взгляд вождя будет изучен более подробно и станет яснее. Советский Союз с решимостью создал свою собственную новую позицию, укрепил ее и не позволит ее никому нарушить безнаказанно¹².

№ 8

5 марта 1940 г.

Дорогой товарищ...!

Если я, в виде исключения, обращаюсь к тебе таким способом, то это с уверенностью в том, что мои пожелания и указания ты не только примешь, но будешь готов их выполнить.

¹² Архив Президента Российской Федерации (далее – АП РФ), ф. 3, оп. 20, д. 117, л. 31–38 перевод, л. 39–42 подлинник.

Прежде всего моя горячая и революционная благодарность за действительную помощь, которую ты оказал моей семье, а этим и мне самому.

Скорей бы пришло время, когда это только будет возможно отблагодарить тебя революционным рукопожатием.

А теперь к некоторым вопросам и указаниям.

1) Я убедительно и серьезно прошу тебя немедленно лично получить у моей жены старые материалы и озаботиться о дальнейшем руководстве у моего друга Сталина, Молотова и других.

2) Относительно передачи заявления гитлеровскому правительству, которое приписывается мне на основе многократных вызовов в прошлом. Находится между прочим среди этих материалов также мое высказывание по этому поводу.

Это подлинно верное воспроизведение противоположных высказываний и одновременно важнейший исторический документ, на тщательное сопоставление которого с позднейшими воспоминаниями я возлагаю самую большую надежду. Кроме того, это для вас всех безупречная информация, достоверное изображение моей судьбы.

3) К проблеме освобождения Тельмана еще некоторые новые указания.

3 марта 1940 г. исполнится год, как я заключен под строгую стражу, и семь лет, как я беспрерывно в одиночной камере. Только в последнее время моего тюремного заключения даются мне некоторые льготы, но с особой целью, чтобы таким образом технически нелегальным и невидимым способом испробовать стойко-революционного борца и изучить его.

Возможно, что в обманутой надежде достичь цели капитуляции. Но оба способа были тотчас разгаданы и соответствующим образом оценены.

Гестапо и ее порученцы в составе дирекции тюрьмы испробовали тогда другой способ. После заключения договора о ненападении и дружбе между Советским Союзом и Германией гестапо и ее доверенное лицо в особе главного директора здешней тюрьмы с целью повлиять на меня применило обман: что моя много раз высказанная надежда на Сталина и Молотова относительно моего освобождения – напрасна. Что действительность доказывает, что мои прежние друзья меня теперь забыли и друг Сталин и Молотов не говорили ничего о моем освобождении, на которое я питал надежду, при переговорах в Москве.

Но эти злодейские попытки и способ шпионажа были напрасны. Однажды попытались прощупать, не имею ли я связи через посредство моей жены с русскими друзьями, и вторично сделали попытку таким коварным способом поколебать твердую уверенность. Когда после этого в течение целого месяца моя жена не получала по почте из-за границы никаких денег, гестапо использовало и этот случай, в грязной связи с упомянутым выше обманом.

а) Однажды моя жена была внезапно вызвана гамбургским гестапо (вероятно, по поручению общегосударственного гестапо) и допрошена о том, на какие средства она теперь живет и откуда они. Моя жена дала ловкий и удачный ответ на это, который не дал гестапо никаких поводов для сомнения.

б) Тогда было испробовано другое давление на меня, ссылкой на то, что теперь совершенно ясно, что друг (иронически сказано) Сталин и Молотов не только меня забыли, но даже не заботятся о наших денежных делах. И этот утонченный способ не произвел никакого действия. Да, я могу добавить, что даже если бы это была правда, я ни на секунду не поколебался бы и остался бы таким, каким я был.

4) Есть ли на сегодняшний день путь, который может привести к освобождению Тельмана?

От активного вмешательства моих русских друзей ожидается единственный и только решающий успех в деле моего будущего освобождения.

Следующий вопрос, в случае моего возможного освобождения, возможно и мыслимо ли мое пребывание в Германии, я считаю ясным. В этом случае я буду поставлен под такое наблюдение, под непрерывную слежку и полицейский надзор, что пребывание

под контролем и надзором теперешнего режима будет фактически означать продолжение прежних страданий.

Поэтому я, так или иначе, в зависимости от событий, буду принужден искать себе новую родину. Для меня уже сегодня ясно, что Советский Союз будет для меня этой новой родиной.

Весьма сомнительно, чтобы в случае моего возможного освобождения мне назначили как место жительства город, где я родился и рос – Гамбург, так как они ничего не боятся больше, как авторитета личности, которая не состоит безусловно в их лагере и которая поэтому во время возможного волнения обозначает опасность.

Итак, вспоминайте о вашем храбром борце и несгибаемом революционере, который твердо и незыблемо держится святой идеи коммунизма и который выполняет свой долг даже здесь, в темнице, тем, что противостоит всей лжи и нападкам на социалистическую систему. С величайшей страстью и подавляющими аргументами убеждал всех нападающих, открытых и скрытых противников Советской системы, а также недоумевающих людей эффективно и часто с более или менее хорошими последствиями.

Во время моего длительного пребывания в темнице я защищал социалистическое и всеобщее грандиозное развитие Советского Союза с горячим и неугасающим воодушевлением, так что теперь почти всюду здесь в тюрьме говорят об этом с уважением.

С глубокой любовью и неизменной верой вспоминаю я о гениальном вожде в Советском Союзе и отражаю, где это только для меня возможно, все нападки на моего дорогого друга, энергично и бесцеремонно.

5) Короткое дополнение к вопросу, каково в настоящее время общественное мнение и оценка в Н.С.Д.А.П. и в других кругах немецкого народа Советского Союза и его вождей?

Гитлер и Риббентроп честно и прямо стоят за продвижение и дальнейшее укрепление дружбы между Германией и Советским Союзом.

30-го января 1940 года Гитлер оценивал в своей большой речи Советский Союз и Италию как почти равных партнеров Германии. В последней гитлеровской речи, в подвале пивного завода, в Мюнхене. Италия и Советский Союз были выпячены даже по сравнению с Японией, но основное внимание в дальнейшем было устремлено на Италию. Это объясняется внутрипартийными причинами, или же существуют ныне мне неизвестные, решающие причины. Пожелания счастья Сталину в день его 60-летия Гитлером было, без сомнения, большой сенсацией.

Доктор Геббельс лично и его аппарат (в большей части), а также многие из друзей Геббельса несогласны с русским договором, но умышленно молчат об этом или работают втихую для того, чтобы изменить линию политического поведения в обратную сторону.

Вот несколько доказательных примеров:

а) Новогодняя речь д-ра Геббельса была, в основном, ретроспективным взглядом на 1939 год. Все важные политические события 1939 года были им упомянуты и оценены, но он ни одним словом не упомянул о немецко-советско-русском договоре о дружбе. Это умышленно, а не случайно.

б) Также в реферате¹³ на массовом сообщении¹⁴ в Познани 18-го или 19-го января 1940 г., с которым выступал д-р Геббельс, не было ничего упомянуто о значении Советского Союза, несмотря на то, что он там давал оценку всему польскому вопросу и проблеме войны. (От человека, выдвинувшего теорию, что большевизм и буржуазная демократия одно и то же, и который за обман и ложь против Советского Союза не раз получал первую премию и золотую медаль, нельзя ожидать, чтобы он отдал дань правде.)

в) На товарищеском вечере одной запасной роты пропаганды в Потсдаме 10/1 тек. года, по случаю окончания военного обучения, присутствовали между прочим: д-р

¹³ В докладе (неточность перевода).

¹⁴ Собрании (неточность перевода).

Геббельс, д-р Лей, генерал-майор Шредер, полковник фон Вюльфен и другие. Кроме того, присутствовал руководитель отдела немецкой прессы в министерстве народного просвещения и пропаганды, советник министерства Фриче. В прессе, между прочим, говорится, что солдаты из "П.К." (так называют новых солдат – военных корреспондентов) выступали между прочим как "хор фальшивых донских казаков" (!!!) Почему же не постановка на тему "Борьба против Англии", "Государство грабителей – Англия" или "Интеллидженс сервис"? (Примечание: Солдаты рот пропаганды сухопутной армии, флота и воздушного флота понятно восприняли наследство своего руководителя и великолепно, утонченно умеют врать).

г) В прессе не опубликованы новые данные о росте продукции, в особенности общие данные роста производства средств производства в Советском Союзе за 1939 год. В прошлые годы, когда взаимоотношения между Германией и Советским Союзом были напряженными, для меня была возможность найти почти все русские виды производства в печати, а также сравнить с предыдущими, вплоть до 1926 года.

Теперь при дружеских взаимоотношениях между Советским Союзом и Германией в моей едва тлеющей здесь статистике получилась брешь, т.е. данные о росте продукции в заключении 1939 года не приведены ни в "Берлинер Бёрзен Цейтунг", ни в "Дойче Альгемейне Цейтунг". В то время как статьи из "Известий" и "Правды", благоприятные для Германии, печатаются постоянно, отсутствуют данные о продукции Советского Союза и никаких даже общих данных о росте и развитии продукции. Так что теперь стало в этой отрасли хуже, чем было даже раньше, и даже в изданных германскими издательствами брошюрах, как, например "Schlag nach über Russland"¹⁵, даны далеко не полные статистические данные, взятые из старых газет.

д) В маленькой статье "Новый Дизраэли" в "Дойче Альгемейне Цейтунг" от 8/1 с.г. сказано между прочим: "Новый Дизраэли", который остался один после окончания эры Блюма¹⁶ и отставки Литвинова у кормила власти жаждущих войны, "третий еврей" сделал все для него возможное, чтобы оправдать надежды, возложенные на него его друзьями по расе и мыслям".

Комментарии излишни:

(Председатель советской комиссии по переселению Литвинов был позже торжественно и сердечно принят губернатором д-ром Франком¹⁷ в Кракове, и тогда немецкая пресса вообще неохотно или следуя приказу опубликовала эту фамилию.) Это отдельные примеры деятельности министерства просвещения и пропаганды.

От Розенберга и его ближайших друзей нельзя ожидать, чтобы они выражали интерес и согласие с германо-советским договором. Гестапо (и, весьма вероятно, и его руководство) также совершенно не воодушевлены этим новым развитием (отношений) с Советским Союзом. Эти мне знакомые и довольно значительные главные мнения относительно Советского Союза внутри Н.С.Д.А.П. снова отражаются более или менее четко во всей партии.

Антибольшевистская и антирусская политика еще сильно засела внутри Н.С.Д.А.П.

В то же время интересен факт, что в немецкой прессе уже в течение многих месяцев не пишут и не проводят совсем открыто борьбу против большевизма и марксизма. (Эти понятия трактуются, как известно, в германской прессе и в политике Н.С.Д.А.П. как отдельные.) Только 30 января текущего года было сделано послабление в этом.

Напротив, к сожалению, большая часть оставшихся непоколебимыми социал-демократических функционеров и их окружение настроены против Советского Союза и его вождя.

а) Они твердо верят в то, что Советский Союз виновен в войне Германии с Анг-

¹⁵ Справочник по России.

¹⁶ Второе правительство лидера французских социалистов Леона Блюма продержалось у власти всего три недели в марте–апреле 1938 г.

¹⁷ Нацистский лидер, возглавивший созданное в 1939 г. "Польское генерал-губернаторство".

лией и Францией, так как Советский Союз пришел к соглашению о союзе с Германией.

Далее они утверждают: если бы Советский Союз не пришел к соглашению с Германией, Германия не пришла бы к войне в разрешении польского вопроса. Вероятность того, что Англия и Франция могли бы начать войну против Германии, они отрицают. Даже вопрос о том, что Германия могла бы возобновить неразрешенный польский вопрос спустя 3–4 года, со всеми последствиями, они также отрицают.

Старая социал-демократическая идеология, хотя и в новой форме, снова ясно бросается тут в глаза. Уверенность в нападении национал-социалистического режима – одна из движущих сил этой антибольшевистской концепции.

б) В финском вопросе они упорствуют исходя из такой озлобленной точки зрения: Советский Союз в этом вопросе поступил по отношению к Финляндии так же агрессивно, как Германия в австрийском, чехословацком и польском вопросе. Даже тактические различия, которые имелись в соответствующем образе действий этих двух великих держав в основе переговоров с их противниками, они не хотят считать вероятными и не признают их. Но еще меньше они понимают (вернее сказать, не хотят понимать) основные черты и мысли той политики, так как они никогда не понимали коренной разницы между постановкой вопроса об обеспечении, укреплении и расширении социалистической системы и вопроса об обеспечении, укреплении и расширении капиталистической системы с ее империалистической экспансией. К сожалению, они в этом неисправимы и не признают, что их точка зрения, хотя бы и невольно, является капиталистической. У бывших коммунистов, к сожалению, на счет этих двух кардинальных вопросов существует неясность, которая выражается в форме упорного отклонения от общепринятого мнения.

Но в целом подавляющее большинство немецкого народа выражает свое согласие и одобрение советско-германскому соглашению о дружбе. Да, кроме того, он имеет сильное и настоящее дружеское чувство к Советскому Союзу и к его вождям, в особенности к Сталину и Молотову, которых он смог узнать с хорошей стороны в течение последних месяцев.

Я позволю себе сделать некоторые предложения исходя из теперешнего политического положения, без того, чтобы иметь притязание считать их полными и исчерпывающими или неизменными. Но они могут быть использованы и дать возбуждение как общие отправные пункты для определенных, соответствующих политических руководящих мероприятий.

Во-первых: К популяризации развития Советского Союза в Германии.

Вся новая немецкая литература, которая мне известна на сегодняшний день, написанная доброжелательно к Советскому Союзу, так бедна в освещении действительной жизни социалистической системы и не дает существа развития Советского Союза, как, например: грандиозное развитие строительства социализма и как оно было осуществлено с помощью Сталинских пятилетних планов (в цифрах из различных отраслей за последние 10 лет).

Раскупаемая сейчас книга "Schlag nach über Russland"¹⁸, изданная специальным отделением библиографического института в Лейпциге (цена – 50 пфенигов), представляет из себя только весьма поверхностную перепечатку из устаревшей статистики немецких газет. (Частично неверные данные о продукции), в ней полностью отсутствуют данные о всевозрастающем развитии строительства Советского Союза. Она совершенно недостаточна и в целом плоха. Несмотря на это, как говорила мне жена, при продаже в книжных магазинах в Гамбурге книга шла нарасхват и издательство высылает ее уже в 4-й раз, чтобы удовлетворить запрос на нее. Очевидно, спрос германского народа на эту дешевую немецкую социальную литературу растет сейчас повсюду.

¹⁸ Справочник по России.

Поэтому я предлагаю обсудить и провести в жизнь следующее:

а) предпринять издание или передать его какому-либо большому немецкому издательству дешевой книги или лучше дешевых брошюр с заголовком:

"Говорит Советская Россия" или "Здесь говорит Советский Союз" или "Действительное положение в Советской России".

Она должна содержать все новейшее, изложенное коротко и ясно, и должна быть написана живо и с народной свежестью. В содержании должен быть энергично поставлен вопрос, что она предназначена для того, чтобы перебросить мост дальнейшей дружбы между Советским Союзом и германским народом.

б) Организовать передачу каким-либо советским учреждением всех новейших и важнейших данных продукции и других кратких фактов из действительности Советского Союза библиографическому институту для обновления и оживления содержания вышеупомянутой изданной им брошюры.

в) Принять соответствующие меры против ослабления доброжелательного отражения в печати развития Советского Союза и заставить заботиться немецкие газеты об освежении материалов.

г) Настоять на скорейшей демонстрации лучших русских фильмов.

Дальше: На ложное утверждение, выдвигаемое то тут, то там, о том, что Советский Союз виновен в том, что Германия попала в войну с Англией и Францией, можно дать большевистский ответ путем интервью Сталина или Молотова. Также и по финляндскому вопросу¹⁹. Вы должны снова возобновить в новой другой форме в печати и еще раз напомнить официальную аргументацию, которая убедительно изложена по этому вопросу в речи Молотова²⁰.

Чего достигла тогда речь Молотова?

Кто знает эту блестящую аргументацию по финскому вопросу?

Кто ее еще помнит и кто сегодня вспоминает ее трактовку по финскому вопросу?

Может быть, Молотов должен изложить в форме интервью в какой-либо немецкой газете абсолютную правоту Советского Союза в этом вопросе?

Если я в виде указаний и предложений пробую поддержать Вас отсюда и помочь улучшению общественного мнения о Советском Союзе, то это потому, что я думаю, что наши руководящие товарищи хорошо осведомлены о том, что значит пропаганда о Советском Союзе в Германии, где годами длилась кампания ненависти и лжи против Советского Союза, и они это учтут.

Время и обстоятельства чрезвычайно благоприятствуют и должны быть интенсивно использованы. Чтобы закончить отдельные замечания, перейду к менее приятному для меня вопросу – к регулированию денежных отношений с моей женой. В то время, когда деньги пересылались моей жене почтой из Парижа, гестапо не имело почти никаких или очень малые подозрения о том, что моя жена имеет какую-либо побочную связь с заграничными или внутренними пунктами. Когда же с половины августа 1939 г. в течение месяцев не поступило денег из Парижа, гестапо стало подозрительным и в конце января 1940 г. моя жена была внезапно вызвана. Были подозрения, что моя жена теперь получает деньги из какого-либо пункта нелегальным путем, но великолепный ответ, данный моей женой гамбургскому гестапо на вопрос, на какие средства она теперь живет и т.д., рассеял сомнения предполагаемого подозрения. Вскоре после этого перевод денежной суммы одной датской товаркой²¹ через издательство в Стокгольме (400 шведских крон – 236,50 рейхсмарок) повел к новому успокоению гестапо. Гестапо, как известно, в моем случае имеет такую установку, что до сих пор не поднимало никаких возражений против посылки денег из заграницы моей жене, т.к. пересылка этих денежных сумм моей жене с самого начала шла легальным и официальным путем. Еще на сегодняшний день у гестапо суще-

¹⁹ Имеется в виду советско-финляндский вооруженный конфликт, продолжавшийся с 30 ноября 1939 г. до 12 марта 1940 г.

²⁰ Речь идет о выступлении Молотова на сессии Верховного Совета СССР.

²¹ Подругой (неточность перевода).

ствуует эта установка, что видно из того, что была допущена последняя пересылка денег даже с письмом партийного содержания.

Поэтому возможно будущее упорядочение и самое лучшее – это совершенно легальный и абсолютно официальный путь. Какие возможности существуют для этого теперь?

а) Легальной почтой из заграничного пункта какого-либо нейтрального государства, где еще не введены ограничения по переводу валюты.

или б) Легальной почтой официально и непосредственно из Москвы, понятно с предпосылкой, что это допустимо и разрешено внешнеполитическими и другими политическими отношениями между Советским Союзом и Германией. Возможно, даже с соответствующим предварительным извещением гестапо, чтобы таким образом беспрепятственно и регулярно посылать их из Москвы моей жене. (Это был бы самый большой и ощутимый удар лживому обману гестапо о том, что Сталин и Молотов меня теперь забыли.)

или в) Путем регулярных ежемесячно проводимых сборов в учреждениях Советского Союза, находящихся на германской территории, и совершенно легально-официальная пересылка этих денег почтой с извещением гестапо.

Эти многочисленные указания, которые я дал и изложил по этому вопросу, вовсе не направлены к тому, чтобы сделать Вам упрек или ставить какие-либо требования. Нет, этого у меня нет. Я прав и не поднимаю об этом вопроса. Так как раньше, чем я узнал от своей жены, что ты и мои друзья готовы к тому, чтобы помочь мне, я предоставлял Вам эти предложения в надежде, что по обоюдному согласию эти возможности в будущем так упорядочатся, что далеко отбросят с дороги все тормозящие неприятности и основания вроде упомянутых для подозрений у гестапо.

Последняя информация. Моя жена надежна и прежде всего молчалива, в течение долгих лет моего заключения многому научилась, собрала много сведений из области нелегалщины, так что ты можешь с полной уверенностью и без опаски поговорить с ней также обо всех остальных вопросах²².

№ 9

30 апреля 1940 г.

Дорогой товарищ!

Если я обращаюсь к тебе таким необычным путем, то только в надежде и уверенности, что ты примешь во внимание и так или иначе исполнишь мое серьезнейшее желание.

1. Я убедительно прошу тебя со всей серьезностью освободить мою жену от старых перенесенных материалов, так как опасность, которой она подвергается, сохраняя эти материалы, в силу нужды нося эти материалы с собой, должна быть устранена. В силу непредвиденного несчастного случая с этими материалами может что-либо случиться, тем более что мы сейчас живем в Германии в обостренных условиях военного времени. Уже в силу моего письменно изложенного отношения к многочисленным требованиям, предъявляемым ко мне, готов ли я дать заявление, немедленная отправка этих материалов не только является вполне понятной, но даже является актом глубочайшей революционной солидарности.

2. Для немедленного урегулирования денежного вопроса, который меня мучает и мне неприятен, я предлагаю следующее:

а) Если невозможно установить официальную передачу денег моей жене из Москвы путем взаимоотношений с другими учреждениями, то мне остается последняя возможность сделать такого рода предложение.

²² АП РФ, ф. 3, оп. 20, д. 116, л. 81–93 перевод, л. 94–99 подлинник.

б) Моя жена сообщит гестапо, что она вчера рано утром в ее квартире получила от совершенно незнакомого ей человека некоторую сумму денег (соответствующая сумма денег при этом прилагается). Мужчина тотчас же ушел, не сообщив своего имени и не сделав никаких других заявлений. Он только сказал, что друзья из Советского Союза переслали мне эту сумму денег, так как они считают, что я нахожусь в денежной нужде. Он перевел данную сумму денег в рейхсмарки и немедленно ее передал. Относительно внешнего вида и одежды этого человека жена сумеет ответить на поставленные ей вопросы. Если ты имеешь возражения против такого предложения, то есть еще один выход.

с) Пребывающая сейчас в Германии хозяйственная делегация под председательством Тевосяна²³ передает жене совершенно официально соответствующую сумму денег или один из представителей экипажа русского парохода, находящегося в Гамбургской гавани, передаст ей эту сумму денег от имени русских друзей. (Русские пароходы должны находиться в Гамбургской гавани, так как с 10 мая Гамбургская гавань снова открывается.) Во всех этих случаях я считаю необходимым, чтобы моя жена на следующий день поставила в известность гестапо для того, чтобы она в денежных делах не находилась бы больше под подозрением гестапо и была бы от него освобождена. Примет ли гестапо к сведению эти сообщения без того, чтобы не сделать из них выводов, нельзя заранее предусмотреть. Но продолжать далее так, как оно делается сегодня, нельзя ни в коем случае. Я заранее тебе благодарен, что ты исполнишь мои вынужденные желания и, глубоко благодаря тебя, сердечно жму твою руку.

Верные и революционные приветы тебе и всем друзьям²⁴.

№ 10

Э. Тельман – [Р. Тельман]
середина июня 1940 г.

К политической информации для тебя и отдельных твоих, оставшихся верными, товарищей

Когда я на днях ретроспективно вспомнил политическое положение в Германии, его развитие в последние годы до захвата власти Гитлером и при этом бросил взгляд на теперешнее положение в Европе с его логическими последствиями в будущем, мне стали еще более ясными отдельные политические замечания, которые верные тебе товарищи распространили и сообщили.

И когда ты в последний раз во время посещения сказала, будучи настроенной против меня: что подумают и скажут эти товарищи, когда они от меня узнают, как ты оцениваешь теперешнее положение, верь мне, они тогда будут полностью и во всем отчаиваться. Или, сказав на чистом немецком языке, они желали бы услышать от меня лучше мечты и утопии, чем узнать реальное, правда, горько звучащее обсуждение грядущего хода событий. При этом я ставлю тебе для полного уяснения следующий вопрос: почему у меня, несмотря на семилетнее заключение при неполном, но верном представлении о действительности, не возникли подобные сомнения? Простой, но ясный ответ дает вам объяснение: я мыслю революционно, коммунистически и одновременно логически, без того, чтобы предаваться мечтам в рассмотрении международного положения, исхожу из твердых основ и в вопросах коммунизма и в обсуждении внешней политики Советского правительства не могу допустить никаких колебаний и отклонений. Но подумай только хоть раз, разве это не понятно, если эти товарищи, подверженные скептицизму и с неясным мышлением уже

²³ И.Ф. Тевосян – в 1939–1940 гг. нарком судостроения, в 1940–1948 гг. – нарком (министр) черной металлургии СССР.

²⁴ АП РФ. ф. 3, оп. 20, д. 116, л. 120–121 перевод, л. 122 подлинник.

только на основе своих несбывшихся мечтаний, будут отчаиваться. Предположим, что мой взгляд на положение вещей тоже неясен, но тогда они в случае несовпадения моего – в данном случае – неправильного высказывания будут еще больше отчаиваться. Хорошо, что это не так!

Сказать правду в большинстве случаев трудно, если она горька и неприятна, но все-таки лучше ее высказать, чем, будучи заключенным, наблюдать, как другие прозябают в плену своих фата-моргана.

Теперь отдельные замечания о политическом развитии в Германии в годы до вступления во власть Гитлера.

Чтобы хоть раз говорить в ортодоксальном смысле, я хочу рассмотреть вопрос загадки, нельзя ли Тельмана как вождя Компартии Германии обвинить в том, что Компартия Германии не затруднила наступление и подъем Н.С.Д.А.П.

Во время нашего последнего разговора с тобой наедине, ты употребляла выражения "радикальный" или "левый". В капиталистическом партийном движении эти слова употребляются очень часто. В нашем же движении эти понятия применимы только для специального обозначения оппозиции внутри партии или для уклонов и т.п. от партийной линии. Так как в основах коммунистической партии нет ни "радикализма", ни тем более "левизны" в отношении политики официального партийного руководства. Понятно, и тогда были оппозиционно настроенные партийные товарищи, которые в скрытой форме были против единства с Компартией Германии. Даже в вопросе дальнейшего развития Н.С.Д.А.П. так называемые "радикалы" были так "сверхрадикальны", что, например, один из них, а именно Гейнц Нейманн²⁵, проповедовал контрреволюционную теорию, что "победа пролетарской революции в Германии придет только после установления фашистской диктатуры" (понимай, после захвата власти Гитлером), или, как пропагандировали тогда вожди СДП Германии²⁶, "что фашизм в Германии должен скомпрометировать себя". Таким образом, Гейнц Нейманн и социал-демократические вожди выдвигали тезис: "Допустить фашизм к власти, наша жатва придет потом". Успехи этой жатвы в Германии нам слишком хорошо знакомы. Нельзя найти слов, чтобы описать это бессовестное развитие. После этого появляется теория отчаявшихся товарищей: "что после военной победы Гитлера придет пролетарская революция". Все три упомянутые здесь теории представляют собой чистой бессмыслицу и совершенно неверны. Первые две являются открыто контрреволюционными, а все они вносят опасные иллюзии в наши ряды и ослабляют одновременно революционное стремление к борьбе.

Уже тогда грозившая пролетарскому движению в Германии опасность со стороны Н.С.Д.А.П. более или менее недооценивалась как нами, так и, частично, нашими друзьями, и только в 1932 году мы ее уяснили, когда это было слишком поздно. Когда тогда, в сентябре 1932 года, на пленуме исполкома²⁷ был изменен на 180° политический курс по отношению к социал-демократии и устремлен непосредственно на пролетарскую революцию, он рассматривался обеими сторонами как стратегический поворот, но, к сожалению, слишком поздно, так как тогда "наци" были слишком сильны и повсюду в Германии организованы отряды СА и СС, а во-вторых, СДПГ не желала вступить вместе с нами в открытую борьбу с "наци". Предположим, что мы еще в 1926–1928 гг. заключили бы союз с СДПГ в вопросе относительно образования общего правительства? Изменился ли бы тогда существенно ход событий в Германии по сравнению с тем, как он прошел? Понятно, ответить на этот вопрос не трудно. Это

²⁵ Гейнц Нейманн (Нойманн) – член КПГ с 1919 г. Выполнял ответственные задания исполкома Коминтерна в Люксембурге (1922 г.) и в Испании (1932–1933 гг.). Корреспондент и редактор газеты КПГ "Die Rote Fahne" – "Красное знамя". В 1924–1928 гг. представлял ЦК КПГ в ИККИ, был инструктором Коминтерна. С 1929 г. член ЦК, кандидат в члены политбюро, член секретариата ЦК КПГ. В 1930–1932 гг. депутат рейхстага. Нейманн расходился с Тельманом по ряду стратегических и тактических вопросов, был обвинен в "сектанстве и фракционности" и в 1932 г. снят с руководящих постов в КПГ. С 1935 г. работал переводчиком в издательстве товарищества иностранных рабочих в Москве. В 1937 г. был репрессирован.

²⁶ Социал-демократическая партия Германии.

²⁷ Речь идет о XII пленуме Исполкома Коминтерна, проходившем в августе – сентябре 1932 г. в Москве.

зависело, главным образом, от того, хотела ли СДПГ подвергнуть свою прежнюю политику коренному изменению. Интересная проблема, которая в значительной степени могла бы повлиять на ход событий в Германии! Мы изменили нашу политику в отношении к СДПГ (уже за несколько лет до прихода к власти Гитлера), но не нашу принципиальную политику. Но социал-демократия логически должна была изменить ранее принятую ею принципиальную политику, если бы должна была проводиться совместная активная и решительная борьба против капитализма. Возможно, что теперь отдельные личности могут сказать, что СДПГ не всегда была готова выступить за победу социализма, а следовательно, не желала победить капитализм?

Нет! Она хотела, особенно в Германии, осуществить социализм в рамках капитализма (так же, как это якобы, но ложно делают "наци", хотя и в другой форме). Или, как это высказал, когда мы говорили с ним, Бандлер²⁸, изложивший перед государственным судом в Лейпциге почти ту же теорию, следующее: "Он хотел бы провести пролетарскую революцию на основе конституции".

КПГ, напротив, имела ясную программу: не в рамках капитализма или на основе конституции, или с капиталистическим хозяйством (наци ложно утверждают – "с их социалистическим") ведет дорога к победоносному социализму, но только путем свержения капитализма в благоприятной, т.е. революционной, ситуации.

Так как, чем грознее опасность приближения пролетарской революции для капитализма, тем сильнее будет он пытаться объединить все политические силы, находящиеся на основе капитализма, чтобы бросить их в бой против формирующихся сил пролетарской революции. После спокойного и уверенного в себе размышления, я сегодня прихожу к заключению, что совместное наше движение, при заключении союза с СДПГ, привело бы еще в прошлом, при практическом осуществлении и при выполнении революционных задач, к коллизии между программой КПГ и программой СДПГ. Это значит, что если бы СДПГ была бы готова извлечь уроки из исторического развития, то что являлось бы тогда задачей ее прежней программы? Хотела ли и могла ли СДПГ принести свою программу в жертву революционному движению или даже снять ее совсем? Я утверждаю – "нет!" Она всегда хотела оставаться правящей и оппозиционной партией в рамках капитализма. Она и не думала о том, чтобы изменить свою политику применительно к тактически изменившейся политике КПГ. Даже из большого урока исторического хода событий в Германии, приведшего к победе национал-социализма, международная социал-демократия, к сожалению, не извлекла необходимых следствий и выводов, в то время, как это случилось и было проведено, в значительной степени, в политике Коминтерна. Ее гибельная политика, которая в Германии привела к тому, что фашизм победил, находит свое продолжение в международном масштабе и в дальнейшем, в несколько измененной форме. Пара небольших примеров этого должны быть здесь проиллюстрированы и разобраны:

1) Немедленно после занятия Дании германскими войсками социал-демократический премьер-министр Стаунинг расширил свое правительство, состоявшее из социал-демократов и демократов, путем включения в него представителей оппозиции – по три от консерваторов²⁹ и от "Венстре"³⁰ вопреки социал-демократам и демократам, которые имеют подавляющее большинство в правительстве.

---

²⁸ Опечатка в переводе. Речь идет о Генрихе Брандлере, с декабря 1920 г. секретаре ЦК КПГ, с февраля 1921 г. сопредседателе КПГ, с ноября 1921 г. по август 1922 г. представителе КПГ в Москве в Исполкоме Коминтерна, с 1922 г. члене президиума ИККИ. По возвращении в Германию Брандлер был секретарем, затем председателем политбюро ЦК КПГ. В октябре 1923 г. – член рабочего правительства Саксонии. С 1924 г. он вновь находился в СССР, работал в ВСНХ, в "Крестьянском Интернационале". В 1925 г. на расширенном пленуме ИККИ он был обвинен во фракционной деятельности и снят с руководящих постов. В 1928 г. Брандлер основал оппозиционную коммунистическую партию Германии, которой руководил до 1933 г. Тельмановское руководство КПГ обвинило Брандлера в "правом уклоне". В 1933–1947 гг. Брандлер находился в эмиграции во Франции, на Кубе, в Англии. С 1948 г. жил в Западной Германии.

²⁹ Консервативная народная партия.

³⁰ Название левой либеральной партии.

2) В Швеции впервые 1-е Мая 1940 года праздновалось как "государственный день гражданина" и социал-демократы демонстрировали совместно с двумя правыми партиями и всеми остальными буржуазными партиями.

3) Вместе с отставкой правительства Чемберлена в начале мая 1940 года стало известно, что кабинет будет образован Черчиллем. Новое правительство в Англии во главе с премьер-министром Черчиллем, включая государственного секретаря, состоит из: 29 консерваторов, 11 лейбористов (т.е. социал-демократов), 4 представителей группы Сеймона³¹, 3-х оппозиционных либералов, 1 представителя национальной рабочей партии и 7 человек, не принадлежащих ни к какой партии.

В консервативном кабинете можно найти руководящих лиц лейбористской партии: Эттли, Гринвуда, Бевина, Моррисона, Александера и Дальтона.

В военном кабинете консерваторов рядом с Черчиллем и Чемберленом сидят: председатель лейбористской партии – социал-демократ Эттли, а с ним вместе его товарищ по партии – Бевин, председатель английского трэд-юниона.

Необходимо напомнить здесь одно высказывание Сталина, произнесенное еще 14 лет тому назад (т.е. в 1926 году): "Есть одна сила, которая может разрушить английскую империю и непременно ее разрушит. Это – английские консерваторы. Это и есть те силы, которые неизбежно толкают британскую империю к крушению".

В то время, как до сих пор в большинстве случаев вожди социал-демократии уклонялись от проведения совместно с коммунистами революционной борьбы и неоднократно заявляли о своем пацифизме в деле революционной борьбы, они вовсе не стыдятся активно разрешать бок о бок и совместно с реакционными зачинщиками войны задачи войны.

Международные социал-демократы и сегодня якобы хотят осуществить социализм в рамках капитализма и даже совместно с реакционными представителями буржуазии. Они ничему не научились или не хотят научиться из истории хода событий в течение последних десятилетий. Два больших и исторически важных урока имеют наибольшее значение, это – победоносная пролетарская революция в России в 1917 году и ее грандиозное развитие в подлинно социалистическое государство, с одной стороны, и национал-социалистический переворот в Германии в 1933 году с его реакционным развитием и фашистскими последствиями – с другой. Для каждого честного марксиста и социалиста теперь должно быть понятно, что победа русской, единственно пролетарской революции, одержанная в борьбе под руководством большевистской партии, была осуществлена и достигнута только путем радикального свержения капитализма.

Можно ли серьезно предположить, что тогда социал-демократическое руководство, а с ним и значительная часть их функционеров была достаточно склонна и решительна, чтобы принять наступательный курс в Германии, который при особом учете национальных особенностей и понимания уроков, опыта и законов движения соответствовал бы победоносной русской революции?

Я утверждаю – нет и никогда!

Это и есть та историческая трагедия, которая вместе с тем привела к тому, что национал-социализм победил в Германии!

Даже в международном масштабе политика социал-демократии, несмотря на германские уроки, почти не изменилась. Из ее ложных программных установок по отношению к буржуазно-капиталистическому общественному строю и ее соответствовавшей этим установкам политики по отношению к капиталистическим государственным системам само собой проистекает и ее ложная позиция по отношению к победоносной Октябрьской революции в России. Ошибочное отношение к социалистическому Советскому Союзу является логическим следствием этой ложной политики.

Почему германские социал-демократы вновь атакуют внешнюю политику Советского Союза? Потому что они не признают или не хотят признать, что Советский Союз, где под руководством большевистской партии посредством пролетарской рево-

³¹ Джон Олсбрук Саймон – один из сторонников мюнхенского сговора 1938 г.

люции удалось свергнуть капитализм, осуществил освобождение рабочего класса от капитализма и провел свободное развитие социализма на практике. Они не хотят принять это вызывающее удивление грандиозное социалистическое развитие этой системы, где почти осуществлены самые смелые мечты марксистов. Великое значение этого исторического развития становится теперь еще более понятным, когда после военных побед Гитлера в Европе неизбежно насильное расширение фашизма. Уже хотя бы поэтому каждый честный марксист должен признать, что каждое изменение во внешней политике Советского правительства, дающее этой стране усиление военной безопасности и новые территориальные приобретения с стратегически улучшенными позициями ко всеобщей пользе СССР, даже тогда являются правильными и должны быть поддержаны, когда Советское правительство достигло и осуществило эти успехи путем целеустремленных союзов с фашистски ориентированными государствами. Сталинская политика мира и укрепления границ требовала необходимых последствий, так как проведенные, а возможно, и проводимые в будущем мероприятия для обеспечения мирной и счастливой жизни народов Советского Союза будут в будущем полезны для мирового революционного движения.

Как маловерны и односторонне глупы бывают иногда даже революционные люди, когда они не понимают этих действий и не имеют необходимого представления о них. Просмотрим еще раз современное положение без всякой сентиментальности и добавим три ссылки, которые делают многое значительно более понятным:

1) Предположим, что если бы Сталин пошел бы вместе с Англией и Францией – возможно ли в этом случае, что Германия одержала бы победу над Францией, а следовательно, и над Англией? Ответить на вопрос – победила бы ли тогда Германия против Советского Союза – также более чем сомнительно? Несмотря на это, Советский Союз в этом случае, по сравнению с теперешней исключительно благоприятной и улучшившейся позицией, избрал бы меньшее. Советский Союз в данном случае не мог бы использовать благополучие мира и посвятить себя внутреннему подъему своего государства, война продлилась бы несомненно дольше, к этому надо добавить еще потерю престижа благодаря союзу с побежденными. И, наконец, возникла бы грозная опасность, что в ходе войны Германия попыталась бы напасть на Советский Союз с Балтийского моря и с Финского залива, из Польши, Литвы, Эстонии, Латвии и, возможно, из Финляндии.

2) Вопрос о том, что даже после подавления Франции и Англии имеется база для нападения Германии на Советский Союз, совершенно верен, только с той немаловажной разницей по сравнению с прежним, что на сегодняшний день стало значительно труднее напасть на Советский Союз с территорий, над которыми теперь господствует Германия. Так как: во-первых – благодаря исключительно улучшившемуся военному и стратегически укрепленному положению Советского Союза в его новых границах, во-вторых – благодаря использованию мирного времени, во время которого выиграно преимущество во всех отраслях военного управления, стране обеспечено существенное укрепление ее военной мощи.

3) Заключенный с Германией торговый договор дал Советскому Союзу уверенность в возможности продолжения социалистического построения в прежнем темпе, что было совершенно невозможно при совместном движении с Францией и Англией?

4) С исключением двух великих держав из сферы европейского континента возможно было бы известное ослабление Советского Союза, если бы он вступил тогда в союз с этими державами? Это не способствовало бы марксистскому движению в Европе и в остальном мире, так как стабильность социалистического Советского Союза пострадала бы от этого?

5) Длившаяся годами политика окружения Советского Союза, проводимая вместе с антикоминтерновской политикой под руководством Германии, прорвана и взорвана этой внешней политикой Советского Союза. Общее изменение во внешней политике Советского правительства и внешнего политического курса, который был принят летом 1939 года с готовностью к заключению тесного русско-германского соглашения,

заставляет нас еще раз признать великую гениальность государственного человека и революционера, каким является Сталин. Он, который в тайне, вместе со своим ближайшим и верным другом и партийным товарищем Молотовым предвидел уже тогда этот уничтожающий для Франции и Англии ход событий и победу Германии, поступил умно и решительно, в интересах мирового революционного движения, причем он умело использовал преимущества для Советского Союза даже тогда, когда он вступил во временную связь с фашистским чертом без того, чтобы идти на какие-либо уступки. Народы Советского Союза чествуют Сталина, который как марксист и революционер нашел дорогу к рулю управления историей России, и его взгляд государственного мужа, обнаружившийся в том, что он сумел направить историю народов социалистического Советского Союза по единственно верному пути. Наши колеблющиеся в этом вопросе товарищи поступят хорошо, если отбросят непроизвольно проникшие в них социал-демократические тенденции и решатся выразить свою полную солидарность с народами социалистического Советского Союза и его большевистскими вождями, так как упорство в их ошибочных и ложных утверждениях приведет их к противоречиям.

К этому один из многих примеров: когда советские войска вступили в Финляндию, среди некоторых наших до тех пор крепких людей создалось мнение, что Советское правительство поступает в данном случае так же, как поступает Гитлер в других частях Европы. Но даже тогда, когда двое делают одно и то же, как Вы это ложно утверждали, то это не всегда одно и то же. Этого Вы не признали и не поняли, так как сегодня Вы говорите, движимые сердечной симпатией к Советскому Союзу, что когда Гитлер победит Францию и Англию, то тогда все они вместе двинутся на Советский Союз. Но если Сталин в мудром предвидении такого возможного хода событий хотел улучшить военные и стратегические позиции Советского Союза в различных местах в непосредственной близости от новых владений Гитлера, то тогда это, по Вашему мнению, одно и то же, что сделал Гитлер в других местах. Нет, мои милые товарищи, это две совершенно различные вещи, о чем я здесь толковал. Если Вы мыслите логически и революционно, Вы немедленно признаете, что это, рассматривая его перспективно, исходило из противоположностей. Так как то, что Советское правительство сделало и провело для военного обеспечения Советского Союза при умелом использовании теперешнего положения, – это новая стратегическая база с новопостроенными морскими, военно-воздушными и другими опорными пунктами, которые затруднят, если не сделают совсем невозможным, вторжение неприятельских сил в случае войны против Советского Союза. Все, что провел Советский Союз в этой области за последнее время, случилось в согласии с Германией, но это не исключает того, что эти новые оборонительные и наступательные базы Советского Союза имеют стратегическое значение против Германии. Лучшим мудрым выводом будет – не рассматривать эти факты, как мелкий буржуа, но как революционер и без всяких колебаний.

Я надеюсь, что Вы по ознакомлении с этим письмом, полностью убеждены в необходимости проведенных мероприятий, так как эти действия Советского правительства полностью отвечают Вашим революционным традициям и Вашему, в целом правильному, представлению о коммунизме и о Советском Союзе³².

№ 11

Конец июня 1940 г.

Из области важнейших мировых событий здесь необходимо осветить отдельные короткие примеры вновь появившихся форм как на фоне всеобщего хода событий, так и в направлении хода событий, обрисовать их, причем в некоторых случаях делаю заключения, но оставляю их также читателю этих строк.

³² АП РФ, ф. 3, оп. 20, д. 116, л. 132–143 перевод, л. 144–149 подлинник.

Длющаяся уже почти три года война Японии против Китая, проводящаяся на северо-востоке и востоке Азии, военно-политические события в восточной и западной Европе и в районе Средиземного моря – события исторического значения. Они являются поворотным пунктом в мировом развитии, а политические формирования, которые создаются эпохами, уже можно распознать сегодня.

В то время как ход военных действий на азиатском Востоке не дает еще возможности определить, какая из двух воюющих сторон выйдет победителем, на европейском континенте выигрыш в войне пал на сторону Германии и Италии.

Интересной и исключительно поучительной является политика Советского правительства, проводимая в рамках этого уже ясно видимого хода развития войны, без того чтобы быть серьезно вовлеченным в этот конфликт, несмотря на то, что фронты военных действий распространились до далеко простирающихся границ Советского Союза как на азиатском Востоке, так и на европейском Западе. При двойственном и частично осложненном положении, в котором находился в это время Советский Союз, Советскому правительству удалось достичь путем наступательной и смелой, а позже и военным путем проведенной внешней политики значительных успехов, увеличить свой престиж и благодаря существенному улучшению своих внешнеполитических позиций занять важные военно-стратегические позиции и морские опорные базы, стратегически-военное значение которых для безопасности, защиты и дальнейшего укрепления Советского Союза будет иметь важнейшее значение. Также на юго-востоке Европы Советский Союз внезапно осуществил свои неоднократно высказанные исторические претензии на Северную Буковину³³ и Бессарабию. Румыния, которая до сих пор была связана и шла на поводу в своей политике у Франции и Англии, должна была бы теперь избрать путь благоразумного разрешения вопроса, главным образом благодаря созданным обстоятельствам. Это разрешение, понятно, было болезненнее, чем спокойное, понятное соглашение, которое она сама отвергла.

Во время того как пишутся эти строки, части Красной Армии заняли эти территории, возвращения которых так давно уже требовали. Таким образом мирным путем разрешен спорный конфликт между Советским Союзом и Румынией и вхождение в состав Советского Союза этих стародавних русских областей будет осуществлено в кратчайший срок. В наших собственных рядах я вновь слышу сентиментальные голоса: должно ли было это так произойти и нельзя ли было уладить дело без военной силы? Если наши, оставшиеся верными знамени, последователи иногда частично не сразу могут понять и осознать эту активную и одновременно революционную политику, то только потому, что они попали в заблуждение, сомневаются и отчаиваются благодаря создавшемуся общему положению. Если бы они мыслили логически, диалектически и последовательно революционно, то они должны были бы решительно и со смелым воодушевлением присоединиться к этой политике.

Я вспоминаю при этом старую ганзейскую пословицу: "Нужно думать глубже, чем тянет селедка!"³⁴. Уже следующая набросанная здесь глава даст выводы из европейской войны и о том, какое значение имеет Советский Союз в рамках этого рода событий и какие революционные и тяжелые задачи поставлены перед ним.

Окончательные результаты этой революционной и наступательной мудро проведенной политики проявятся еще глубже в дальнейшем, причем во внешнеполитическом курсе Советского правительства благодаря новому положению в Европе мыслимы и весьма возможны напряженные отношения. Недавно улаженные напряженные отношения Советского Союза с Италией, которые, вероятно, связаны с Балканским и Черноморским вопросами, с Турцией и проблемой о Дарданеллах, являются современным примером.

1) О ходе войны в Европе.

³³ В июне 1940 г. Северная Буковина, находившаяся в составе Румынии, была передана СССР. Населенная преимущественно украинцами, она была включена в состав Украинской ССР.

³⁴ Дословный перевод. Смысл этой пословицы передает русское выражение "зри в корень".

Новое стратегическое положение, создавшееся в ходе войны на европейском континенте, не дает еще возможности со всей ясностью признать, что Германия является теперь бесспорно самой могущественной капиталистической державой и победителем на европейском материке. Немецкое оружие создало новые политические изменения. Компьен³⁵, место подписания договора о перемирии между Германией и Францией, за подписанием которого немедленно последовало подписание перемирия между Италией и Францией³⁶, является началом нового европейского развития. Создается новая Европа, фашистская Европа, так как другие политические реальности нельзя признать. Начинается новая эпоха в мировой истории Европы, это общее чувство в настоящее время. Трагедией истории является то, что благодаря военной мощи Германии на континенте, ход развития насильно направлен к фашизму. Так как теперешняя война является больше насильственным изменением политической жизни, чем войной. Армии 1789 года приносили вместе с французской оккупацией идеи буржуазной революции. С тех пор как французские революционные войска 1789 года перешли границы с задачей принести миру свободу, эта миссия являлась важной составной частью французской идеологии и пропаганды. Немецкие армии 1940 года несут с собой меч национал-социализма. После уничтожения идей 1789 года Германия пытается провести свои политические формы жизни в Европе. Буржуазная демократия старого стиля этим закончена, и новый режим занимает ее место. Поражение, испытанное Францией на поле битвы, является не только внешним поражением по отношению к немецким солдатам, но одновременно, а это не менее важно, является внутренним поражением тех, кто вел французский народ и его страну к поражению. Внутренние причины военного поражения Франции являются неопровержимыми упреками тому, кто управлял историей Франции в течение последних лет. Франция стоит перед осознанием изменения ее политического мышления, которое пробует освободиться от устарелых методов распавшейся демократической системы, но не в коммунистическом направлении, а, к сожалению, в направлении к фашизму. Правительство Петэна³⁷, как первый продукт этого горького развития, является не только послушным Германиии, но одновременно и расчищающим фашизму путь правительством.

После военного крушения Франции Германия занимает в Европе позицию, которую в стратегическом отношении никто не может оспаривать, позицию государства, которая дает третьей империи при данных условиях [возможность] проводить политический контроль почти без сопротивления во всех европейских государствах. "Сердечное согласие" между Францией и Англией окончательно сломлено. Вся система союзов западной демократии разрушена. Третья империя пробует осуществить в новой форме старую немецкую мечту о тотальной и хозяйственной гегемонии над Центральной и Восточной Европой и даже значительно больше, чем эту мечту. Пангерманизм в новой форме вновь активно выступил на арену.

Обе великие фашистские державы в Европе торжествуют, сильный военный блок "оси" готовится навсегда сломить мощь Англии. Отечество английской империи становится полем военных действий, и части его мировой державы втянуты в военные операции. Возможно, что Англия не протянет руку перемирия, что английское правительство после военной оккупации и поражения Англии на ее островах попробует продолжать вести войну против Германии и Италии из Канады. В этом случае война, хотя она и будет закончена на европейском континенте, распространится на другие части мира и морская война будет также продолжаться. Уже в ближайшие дни выяснится, решится ли Англия на жестокий и горький мир с Германией и Италией или она будет продолжать войну вплоть до катастрофы. Никогда еще правительство Англии во всей истории не стояло перед такими трудными и решительными часами и решениями, как именно теперь.

³⁵ 22 июня 1940 г. в Компьене было подписано франко-германское соглашение о перемирии.

³⁶ 24 июня 1940 г. в Риме было подписано франко-итальянское соглашение о перемирии.

³⁷ *Маршал Анри Филипп Петэн* – глава французского правительства Виши, подписавший с Германией Компьенское соглашение о перемирии.

Отдельные выводы и указания из европейского конфликта должны быть кратко даны здесь:

Переговоры Гитлера с Муссолини в Мюнхене в течение этого месяца и их результаты дают возможность сделать некоторые исторические сравнения с мюнхенской конференцией в 1938 году. После последовавшего в сентябре 1938 года в Мюнхене соглашения Гитлера с Муссолини, с одной стороны, и Чемберлена и Даладе – с другой, вся капиталистическая пресса и пропаганда начала говорить о новом переустройстве Европы. Тогда эта проблема ставилась без соучастия Советского Союза и обсуждалась в явной оппозиции к Советскому Союзу.

Если Мюнхен 1940 года и был эпизодом в общем комплексе всеобщего политического развития, то "постановка проблемы" о "новом порядке в Европе" была значительно важнее.

Во время заключения пактов о дружбе и о ненападении между Советским Союзом и Германией и даже несколько месяцев спустя "постановка проблемы" о "новом порядке в Европе" имела снова место, но на этот раз не без Советского Союза, а везде как в немецкой, так и в международной прессе звучало, что Германия, Советский Союз и Италия должны провести новый порядок в Европе. (Вместо длившейся годами ругани против Советского Союза, якобы пытающегося разрушить новый порядок в Европе, возникла хвалебная песнь о том, что он поддерживает совместно с Германией и Италией новый порядок в Европе и призван вместе с ними взять в свои руки народы Европы.)

Такова капиталистическая пресса и пропаганда.

Но этот политический курс в капиталистической пропаганде теперь снова изменился. Он не изменился по отношению к своим странам, а только в вопросе о включении Советского Союза.

Мюнхен 1940 года создал новые факты. На самом же деле в пропаганде возобновляют старый политический курс, который проводился во времена Мюнхена 1938 года, правда, без Англии и Франции, но совершенно упуская из внимания сотрудничество Советского Союза. Теперь повсюду говорят: Германия и Италия являются государствами, призванными выполнить перестройку Европы. Да, одна из газет на днях осмелилась написать: "Оба государства будут щитоносцами Европы в будущих столетиях". "Пополо ди Ромо" писал в конце июня м-ца следующее: "Сегодня Гитлер и Дуче призваны заложить на континенте новое территориальное состояние и даже более того – создать континентальное единство на обломках старой демократии".

"Реляциони интернационали" 26 июня писал о будущем Франции: "В этой войне дело идет не только о торжестве справедливости в международных отношениях, но и о справедливости в социальной области и в области внутренней политики.

Это революционный закон войны, которую ведут Италия и Германия". Комментарии к этому излишни. Необходимо все-таки отметить тот факт, что то, что выдвигалось несколько месяцев тому назад пропагандой на передний план, сегодня или является нежелательным или не ставится на повестку дня – это участие Советского Союза в европейской проблеме. При этом нам совершенно понятно, что если фашисты проповедуют переустройство Европы, то они имеют в виду фашистское переустройство, а большевизм они очень хотели бы видеть умершим и погребенным. Но напрасно, для этого теперь слишком поздно. Это гордое движение нельзя умертвить и истребить, несмотря на все "переустройство" фашистов в Европе. До этого фашисты никогда не доживут. До тех пор, пока в Советском Союзе существует руководство такое, как теперешнее, поступающее мудро и гениально, своевременно отрешившееся от осужденных историей на крушение Англии и Франции и с этим одновременно взявшее открытый, самостоятельный курс во внешней политике, до тех пор, пока это руководство старается улучшить и построить стратегические позиции и опорные пункты этого государства-гиганта у ворот великих фашистских государств Европы, а во внутренней политике избирает курс введения 8-ми часового рабочего дня

и 6-ти дневной недели с лозунгом: больше металла, больше угля, больше нефти, больше пушек, больше танков, больше самолетов, больше паровозов, больше автомобилей, поднять продукцию на высший уровень и дальнейшие всеобщие мероприятия: по введению званий генералов для высшего командного состава, введение ответственности и мер по повышению дисциплины в Красной Армии и Флоте, все это, являющееся действительными примерами пробивной силы внешней и внутренней политики Советского Союза, до тех пор мечты фашистов похоронить большевизм есть и останутся фата-морганой.

До тех пор, пока эта социалистическая страна стремится вперед в своем построении социализма и не только отстаивает свое место под солнцем, но сознательно его расширяет, до тех пор, пока новый состав вождей и новое поколение коммунизма высоко держат и защищают знамя Ленина и Сталина и без самодовольства, без гуманистической дряблости всюду улучшают и создают свои стратегические позиции, до тех пор, пока эта гордая нация не терпит никаких слабостей и устраняет их быстро и безболезненно и во имя нового развития во всех областях общественной жизни подымает и улучшает свои успехи в количественном и качественном отношении, до этих пор все фашисты, включая сюда и фашистов "оси", будут ломать свои зубы о гранит каменной скалы и бояться применять свои острые когти против колосса большевистской России.

И до тех пор, пока эта единственная во всем мире социалистическая страна имеет на своей стороне повсюду верных и крепких солдат коммунизма и пролетарской революции, которые, несмотря на все притеснения и опасности, не колеблются, которые везде выполняют свой долг, даже если только в области пропаганды, до тех пор существуют достаточные гарантии для того, чтобы эти деревья фашизма не доросли до неба.

Кто поступает так, как поступало Советское правительство в последнее время, поступает революционно. Кто же предполагает, что оно должно было применять во время последних событий гуманные или так называемые правовые методы, тот не понимает современности и всеобщего хода развития. Только открытые фашисты и их подручные должны быть против этого, и они знают, почему они против.

Отдельные стратегические и внешнеполитические проблемы, как Финляндия и балтийский Восток с вопросами Балтийского моря и Финского залива, Западная Белоруссия и Волынь, Бессарабия и Северная Буковина, расчищены и благоприятно разрешены. На днях Советскому Союзу удалось заключить соглашение о границе без каких-либо уступок. Таким образом Советский Союз не играл роль зрителя во время войны, но избрал путь действий. Он выполнил сначала близкие задачи, другие задачи стоят на повестке дня в ближайшее время. Кроме далеких целей, геополитическое направление развития которых направлено на Азию и на Дальний Восток, имеются еще невыполненные, но близкие цели в области турецкой территории, в области Черного моря и в вопросе о Дарданеллах.

Часть наших приверженцев защищают теперь ту точку зрения, что после того, как Германия победила военным путем Польшу, Норвегию, Голландию, Бельгию, Францию и наконец Англию, они все вместе под гегемонией Германии двинутся против Советского Союза. Если эту точку зрения можно на сегодняшний день рассматривать как иллюзию, то все-таки в этом утверждении есть капля правды. Военные победные походы, которые Германия провела в короткий срок, побуждают к новым действиям. И так как Александр Великий вторгся в глубину Азии, так как Наполеон пытался победить Россию, то мы сегодня еще не знаем, что замышляет Гитлер сделать в ближайшие 5–10 лет.

Советский Союз готовится к этому и провел все предупредительные мероприятия, он готов ко всему и вооружается на современной основе. Все проведенные последние мероприятия во внешней и внутренней политике заставляют признать это совершенно ясно. Это мирное время дает Советскому Союзу значительный новый подъем и прогресс.

Поэтому я хочу сделать одно правильное предложение. В проведении программы вооружения и перевооружения было бы очень целесообразно все старое и дряхлое из военных материалов и другого технического оборудования, даже если оно только вчера вышло из оружейных мастерских социалистической индустрии, переплавить в кратчайший срок в домнах. Все старое, даже хорошо сконструированное оружие должно исчезнуть. При использовании военных и технических уроков и многостороннем исследовании этой переворачивающей весь мир войны должны быть обеспечены и вооружены на абсолютно современных основах войска, воздушный и морской флот лучшими материалами и новейшей моторизованной техникой. Все новое из новейшего должно принадлежать Красной Армии, Красному воздушному и морскому флоту, так как исторический час требует этого технико-политического перелома во всех областях военного искусства.

Общее военно-политическое управление, введенное Германией в занятых ею областях, проходит не без затруднений. Так часто защищаемая национал-социалистами в их пропаганде национальная проблема, которую они выдвигали на передний план в первые годы своего правления, стоит теперь все труднейшей проблемой перед правительством Гитлера. К этому надо добавить еще новые заботы о питании в течение будущей зимы этих народов. Недостаток продуктов питания и предметов первой необходимости будет неизбежен. Не обойдется без голодной катастрофы в опустошенной войной Польше и густонаселенной Бельгии. Норвегия и Дания уже теперь ощущают недостаток в продуктах питания. Распростертая ниц Франция в эту зиму не будет в состоянии запастись продуктами даже для собственного потребления. Во всей Европе благодаря мобилизации (за исключением Германии и некоторых малых государств) проведение полевых работ было затруднено.

Надо предполагать, что возникнут континентальные эксцессы.

Как последний вероятный вывод этой главы: как обанкротилась буржуазная демократия и капиталистическая точка зрения на государство, так же придет время, когда фашистская система устареет. Историей предопределено такое развитие фашизма.

Раньше чем я рассмотрю вопрос о ходе войны между Японией и Китаем и ее последствия, я хочу здесь в сжатой форме совершенно кратко проанализировать хозяйственно-политическую сторону хозяйственной политики "большого пространства", проявляющуюся в ходе развития этой войны.

Проснулись новые мысли о планировании пространства и образовании хозяйственных блоков.

Весь мир уяснил уже себе, что все ведение хозяйства и мировая картина будущей хозяйственной жизни благодаря войне в Европе и на Дальнем Востоке получает другой вид. В Европе вводятся идеи и методы так называемого хозяйственного нового порядка из центра континента. На горизонте вырисовывается образование континентального хозяйственного "большого пространства", так же как и перераспределение европейских колониальных владений, и, как это кажется, Америка занимает такую же позицию и при этом возникает идея панамериканского хозяйственного блока.

Политика хозяйства "большого пространства" Германии и Италии в континентальной Европе началась непосредственно перед войной. Четырехлетний план в Германии и план автаркии в Италии являются предпосылками для фундамента новой политики хозяйства большого пространства держав "оси" в Европе. Цель этой хозяйственной политики в отношении попыток Германии установить гегемонию в Европе была облегчена войной в Европе. Основы создания этой политики "больших пространств" укреплены и улучшены войной. Хозяйственные позиции, которыми владели в Европе Англия и Франция, перешли в руки Германии и перестраиваются все более и более в ходе развития событий. Все находится в новом состоянии и самые смелые планы в этой области могут быть осуществлены. В подробности этого уже годами проводимого развития я не хочу входить.

Соединенные Штаты Америки пытаются выступить как равноценный противник в деле создания европейского "большого пространства". Они планируют американский хозяйственный блок с включением в него Канады; должен быть образован пан-американский картель. Они предусматривают возможность прийти к хозяйству "большого пространства" в продукции важнейших материалов, не только для таких продуктов, как пшеница, маис, хлопок, шерсть, мясо, кофе и сахар, но и минералов, как медь и другие металлы. Для этого должны быть созданы общие организации по продаже, так называемые сырьевые и хлебные картели. Американские планы до известной степени направлены против политики хозяйства "большого пространства" держав "оси" в Европе, но, с другой стороны, это новое оружие против японской политики хозяйства "большого пространства" в Азии и на Дальнем Востоке, которые я подробно рассмотрел в одной из предыдущих глав.

Я хочу удовлетвориться тем, что поставлю здесь пару конкретных вопросов, освещающих полностью всю проблему:

Может ли Южная Америка, которая уже теперь превратилась в колоссальный склад сырья, возместить чем-либо потерю европейского рынка? Готовы ли Соединенные Штаты Америки перенять южно-американские запасы и излишки продукции?

Разрешение этой проблемы чрезвычайно затруднено. Готовы ли взять Соединенные Штаты этот большой риск на себя, выяснится в соответствующих переговорах со странами Южной Америки.

Исключая большое хозяйственное пространство СССР, где Советское правительство проводит полностью независимую от капитализма, самостоятельную социалистическую хозяйственную и внешнеторговую политику, в капиталистическом мире все более и более вырисовываются три больших хозяйственных пространства: европейское – под руководством держав "оси", американское – под руководством США и азиатское, включающее Китай, – под контролем Японии.

Мы, коммунисты, знаем, а политическая диалектика достаточно нас научила тому, что, с образованием новых комбинаций держав и в их борьбе за новый передел мира и его сырьевых областей, с обострением конкуренции за захват новых и удержание старых рынков все более обостряются противоречия в политике капиталистических блоков государств. Результатом являются новые программы вооружения и перевооружения высшего масштаба, все время возрастающая опасность войны и неизбежность возникновения новой великой войны. Например: японская политика хозяйства "большого пространства" на Дальнем Востоке, особенно на прежней территории Китая, и политика Соединенных Штатов Америки с их новыми планами хозяйства "большого пространства" уже сегодня сталкиваются самым серьезным образом. Отношения между Японией и США обостряются прямо на глазах.

На фоне этих обостренных хозяйственных отношений стоит набросать исключительную роль социалистических республик. С помощью и под постоянным контролем социалистической монополии внешней торговли Советский Союз распространяет свои хозяйственные отношения и так или иначе свое большое хозяйственное пространство на все капиталистические блоки государств. Его торговые отношения с Германией и Италией, с Соединенными Штатами Северной Америки и, наконец, с Японией хорошо знакомы. Но он проникает также во все остальные капиталистические хозяйственные каналы и улучшает там свои хозяйственные отношения, как, например, в балтийских странах, в Финляндии, в Швеции и Дании и особенно на юго-востоке Европы. Соглашения и договора с Болгарией, Югославией и др. надо рассматривать как предпосылки новой эры в торговой и хозяйственной политике Советского Союза. Эти многосторонние торговые отношения во всем мире дают, кроме того, Советскому правительству возможность укрепить свои культурно-политические связи. Эти немногие примеры дают возможность уяснить, что Советский Союз и на этой основе умеет оценить свое значение и соответственно с этим и свою ценность. Он является спокойным полюсом по отношению к хаосу капиталистического хозяйства, и его са-

мостоятельная и социалистическая хозяйственная политика является лучшей гарантией для построения, улучшения и укрепления социалистических позиций в стране.

Обменом произведенных в стране продуктов на таковые, произведенные капиталистическим хозяйством, Советский Союз обеспечивает свой рост и построение, свои военные позиции и кроме этого свою социалистическую программу во всех областях³⁸.

№ 12

Середина июля 1940 г

[Продолжение письма от середины июля]³⁹

К постановке вопросов, упомянутых в письме от конца июля т.г. на страницах I–XIV, добавляю еще отдельные отклики прессы и цитаты из речи Розенберга от 10 июля 1940 года перед представителями немецкой и иностранной прессы.

В речи Розенберга на тему "Северное пространство и новая Европа" между прочим сказано:

"Во время съезда в Любеке я говорил о северном, восточном и дунайском пространствах, которые могут в конце концов прийти в живые отношения друг с другом, и при этом указал на тот факт, что такие отношения хозяйственного и культурного роста осуществимы только через германскую империю..."

"Этим создается континентально-европейская область интересов, основа для всеобщей континентальной общности судьбы, внутри которой особая задача выпадает на долю великогерманского пространства..."

"Судьба теперь захотела, чтобы германская империя взяла под свою охрану все пространство, из которого в былые времена вышли германские народы. Само собой, понятно, в какой форме будет осуществлена защита этого единого великогерманского пространства, чтобы Германская империя больше могла бы не принимать во внимание защиту этого пространства от такого нападения, какое пробовала провести Англия против Германии в апреле 1940 года через Норвегию.

Речь идет здесь об одной ясной жизненной необходимости для всех германских народов: образовать общий политический и хозяйственный внешний фронт, это требуют осуществить интересы каждого из них, так как исполнение интересов каждой отдельной нации означает общее усиление всеевропейского континента и наоборот..."

"Внутри большой военно-политической и обладающей пространством системы создается живая совместная работа родственных культур в этом большом германском единстве северо-восточного пространства".

"Когда-то датчане господствовали над Востоком, потом норвежские викинги создавали государства в Нормандии, Англии и Сицилии, после этого Швеция под руководством Густава Адольфа и Карла XII-го напала на континент. Сегодня государство Адольфа Гитлера приняло на себя миссию старогерманского королевского и имперского государства, но в более углубленном, слишком даже углубленном виде. Борьба сил в драматическом процессе привела к его разрешению, то, что началось тысячу лет тому назад, и разрешено теперь частично в другом направлении. Мы осознали этот путь судьбы и надеемся, что все германские народы понимают этот исторический час, так же как мы понимаем его, и совместно с нами будут помогать строить новую будущую Европу".

Из откликов прессы: "Воche д'Италия" пишет: "Духовная связь Италии с Германией и ударная сила их оружия направляет нас к высшим решениям и одновременно к созданию новой политической организации в Европе".

³⁸ АПРФ, ф. 3, оп. 20, д. 116, л. 150–163 перевод, л. 171–173 подлинник.

³⁹ Так в тексте. Вероятно, должно быть "продолжение письма от середины июня".

"Пополо ди Рома" называет визит Чиано в Берлин новым этапом великого дела, которое история поставила задачей перед национал-социалистской Германией и фашистской Италией.

"Карьера делла Сера" пишет: "Благодаря военным победам Германии и Италии и торжеству внешней политики "оси", благодаря навязанной им западными державами войне восторжествовало единство идей и программ политического и социального переустройства Европы, над которым совместно работают Италия и Германия".

Испанская газета "АБЦ" пишет: "По сравнению с триумфами, которых добился фюрер в кратчайший срок, бледнеют все другие победы истории. Понятно, что легко привыкнуть к мысли, что величайший из всех людей живет в нашу эпоху и до известной степени в нашей среде. Фюрер достиг величайших триумфов в течение нескольких недель и готовится теперь предпринять величайшее дело: нападение на Англию. Гитлер достиг того, что всего несколько недель тому назад казалось невероятным, невозможным и непредставляемым. Мы находимся теперь на поворотном пункте истории Европы. Старые духовные системы, из которых родился миф о демократии, идеи классовой борьбы и французской революции окончательно уничтожены. На их место становится новая система – порядка и дисциплины, правосудия и человечности".

"Стампа" пишет: "Военное содружество между Италией и Германией найдет на днях свое применение. Совсем не случайно то, что имперское правительство пригласило в эти знаменательные дни итальянского министра иностранных дел приехать в Берлин. Как во время первого периода глубина союза "оси" доказала всю свою политическую и военную мощь, так в будущем динамика юных сил достигнет успехов во всех областях и при всех случаях.

Горизонт начинает проясняться, и Европа начинает ориентироваться на тот новый порядок, который происходит из политики Рима и Берлина. В конечной фазе войны Германия и Италия будут бороться плечом к плечу. Можно быть уверенным, что эта борьба кончится победой Германии – Гитлера и Италии – Муссолини".

[Середина июля 1940 г.⁴⁰]

Перехожу теперь к заключительной главе письма от конца июня 1940 года о положении японско-китайской войны. Я сошлюсь сначала на мои прежние толкования в этом вопросе, в которых я исчерпывающе рассмотрел положение в Восточной Азии.

Теперь только отдельные короткие добавления:

Во время как в Европе военная победа держав осей более или менее обеспечена, положение в Восточной Азии следующее: трехлетняя война в Китае не разрешилась ни в чью пользу. Юго-Западный Китай почти весь находится в руках Чан Кай-ши. Северо-Западный Китай – страна с неопределенными государственными формами. Она находится, если можно так сказать, в воле случая. Восточный Китай занят японскими войсками и подчинен образованному в Нанкине и опирающемуся на японскую помощь правительству Ван Цзин-вэя⁴¹. Его авторитет среди собственного населения слаб, построение государственного аппарата находится только в начальной стадии. Его государственная власть покоится на силе японского оружия. Регулярные сражения между Японией и Чан Кай-ши уже не имеют больше места. Железные дороги Ханькоуская и Кантонская наполовину находятся в японских руках, так что 5 крупных экспедиционных корпусов (а вместе с ними до 12 меньших) могут быть снабжены всеми видами довольствия только водным путем. Япония сравнительно бедная страна, в этом состоит затруднение теперешнего похода, но трудности,

⁴⁰ Продолжение письма.

⁴¹ Ван Цзинвэй – лидер прояпонской группировки в гоминдане. В 1940 г. возглавил созданное на оккупированной Японией территории Китая марионеточное правительство в Нанкине.

вызванные этим конфликтом, еще только растут. В начале своего похода японцы просчитались, рассчитывая на быстрое крушение Чан Кай-ши.

Если теперь японцы рассчитывают на молниеносное продвижение на Чунцин или на быстрое продвижение вдоль границы Индо-Китая и английского протектората – Бирмы, то это невозможно по той причине, что такие операции ввиду чрезмерной длины коммуникационных линий потребуют огромных масс войск. Нет, это не случится еще и потому, что японцы в первую очередь хотят очистить от партизан и организовать занятую уже ими территорию. Полное занятие Китая возложит на Японию непомерную военную, а в первую очередь финансовую и административную тяготу.

Но твердое обладание важнейшими гаванями обещает позиции, благодаря обладанию которыми Япония может контролировать морские таможи и оказывать на Китай давление как хозяйственное, так и политическое. Японские воинские части блокируют Чан Кай-ши через Гонконг и др. порты. Транзит через французский Индо-Китай прекращен. Блокада восточного побережья Китая сплошная. Хозяйственное и финансовое положение Японии нестабильно. Военные расходы растут непомерно. Растущая инфляция, вызывающая трения между ценами и заработком, обостряет как внутреннее положение, так и финансовые заботы правительства. К этому надо прибавить еще засуху, поразившую в этом году Японию. Ввиду малого количества осадков, выпавших с осени прошлого года, города и села полностью иссушены. Снабжение сырьем ослабело, подвоз из Америки стоит под угрозой аннулированного торгового договора, подвоз из Британской империи почти прекращен, и возникает недостаток в сырье в стране. Японское хозяйство сильно затронуто аннулированием торгового договора с Соединенными Штатами Америки. Американско-японские отношения напряжены. Соединенные Штаты Америки поддерживают Чан Кай-ши и остро противостоят японской политике в Китае.

С облегчением смотрят японцы на военные победы Гитлера в Европе, но с горечью смотрят они на то, как Америка ставит одну за другой преграды в их восточно-азиатской политике и как раз теперь, когда события в Европе могли бы принести им известное облегчение. Тон американской печати по отношению к Японии является тоном еле прикрытой ненависти. Вашингтон и Токи обмениваются многочисленными заявлениями через Тихий океан относительно Нидерландской восточной и западной Индии. Американский флот, впервые за его историю, находится на неопределенное время у Гавайских островов, так сказать, перед дверьми Японии. Благодаря русско-немецкому соглашению и устранению напряженности, бывшей между Японией и Советским Союзом, исходные позиции Японии улучшились. С каждой немецкой победой растут японские надежды на поражение Англии, которое одновременно означает обогащение Японии и направляет взгляды островного государства на британские позиции в Азии. Если бы Япония не увязла сейчас в конфликте с Китаем, она имела бы в Азии и на Тихом океане превосходную и блестящую позицию. Теперь за спиной Англии стоит Северная Америка и защищает также и английские позиции против Японии, чем затрудняет всякое активное продвижение Японии на Тихом океане. Отношение Советского Союза к правительству Чан Кай-ши мне совершенно неизвестно, и нужно предполагать, что на основе соглашения Советского Союза с Японией и другими событиями на территории Китая эти взаимоотношения ухудшились. Военное положение Чан Кай-ши в целом обеспечено, но благодаря блокаде путей снабжения, ведущих на его территорию, за исключением идущих через Бирму и Советский Союз, его военное положение несколько ухудшилось. Этим же очень ослаблена импортная и экспортная торговля, благодаря чему хозяйственное положение малоутешительно. Но, что необходимо твердо установить, это то, что Чан Кай-ши твердо держит в своих руках свою колоссальную территорию. И до тех пор пока будет длиться война на китайской территории, правительство Чан Кай-ши будет помехой и военным противником для Японии. Он не побежден!

[Середина июля 1940 г.]⁴²

Еще несколько отдельных вопросов и общих фактов: 1. Визит венгерских премьер-министра и министра иностранных дел в Германию и их переговоры в Мюнхене с Гитлером и Чиано служат доказательством, в первую очередь, будущего изменения государственных границ в Дунайском бассейне и на Балканах. После ликвидации Версальской системы все остальные прежние договоры (Сен-Жерменский, Трианонский, Нейский) аннулируются. Под контролем Германии и Италии и по их инициативе перекраивается вся юго-восточная Европа. Венгрия передаст территории, где говорят по-немецки, великой Германии. Трансильвания, которой сейчас владеет Румыния, и, вероятно, часть Югославии будут возвращены Венгрии. Также стоит на повестке дня вопрос о возвращении Южной Добруджи Румынией Болгарии, и кто знает, что стоит еще на повестке дня этой большой перекройки. Пришло ли уже время для создания русско-болгарской зоны вдоль побережья Черного моря или этот вопрос отложен на более поздние времена? Эта вся ревизия пространства юго-востока Европы производится мирным способом.

2. Немецко-русские отношения, по всей видимости, стали холоднее начиная с последних месяцев 1939 года. Возможно, что это только внешнее впечатление, не подкрепленное никакими фактами. Но немецкая пропаганда о Советском Союзе значительно ослабела и почти совсем прекратилась. Ее место заняла усиленная пропаганда в пользу своего партнера по союзу – Италии.

Причины этого изменения мне неизвестны.

3. При исключительном недостатке в коммерческом тоннаже было бы желательно, чтобы Советский Союз везде, если он имеет возможность, покупал ценные коммерческие суда. По окончании этой войны коммерческие суда сильно возрастут в цене.

Принесенная мне моей женой книга под названием "Загадка русской души" недавно вышла в свет в Германии. Книга по своему содержанию мелкобуржуазная и сентиментальная. Нас интересуют только своеобразные описания и биографии известных личностей в этой книге, как, например: Ленин, Сталин, Петр Великий и другие, и помещенная в конце книги парижская афера с Плевицкой⁴³. Четыре пятых этой книги – только сенсации и головокружительная ложь.

Если вопреки хорошим отношениям между Германией и Советским Союзом может еще иметь место такая отвратительная литература, то это можно только установить как факт⁴⁴.

№ 13

Конец июля 1940 г.

О проблемных вопросах с конца июня до середины июля 1940 года в кратком обзоре:

1) В происходящих сейчас встречах государственных людей под руководством Германии и Италии (конечно, по соглашению с Советским Союзом) подробно обсуждаются в рамках будущей новой структуры дунайского и балканского пространства вопросы реорганизации и переселения народных групп, проживающих там. Несмотря на то, что в прессе не имеется еще никаких сведений о ведущихся переговорах, можно уже сегодня установить, что проводится полная ревизия мирных договоров – Сен-Жермена, Трианона и Нейи. Возможно, что населенные немцами районы с Прессбургом⁴⁵ и районами южнее его (принадлежат Словакии и Венгрии) будут присоеди-

⁴² Продолжение письма.

⁴³ Проживавшая накануне второй мировой войны во Франции русская певица Надежда Плевицкая, жена белогвардейского генерала Н.В. Скоблина, была, как и ее муж, связана с советской разведкой. Имена Плевицкой и Скоблина упоминаются в связи с "аферой Тухачевского" и похищением руководителя "Российского общевойскового союза" генерала Миллера. Плевицкая погибла в тюрьме в Страсбурге, когда Франция была оккупирована нацистами.

⁴⁴ АПРФ, ф. 3, оп. 20, д. 116, л. 164–170 перевод, л. 171–181 подлинник.

⁴⁵ Немецкое название столицы Словакии Братиславы.

нены к гор. Вене и Венской области, и город Вена, который по сравнению с прошлыми временами сейчас почти мертвый город, превратится в большой хинтерланд (район, тяготеющий к центру). Кто знает, останется ли в этих условиях Словакия самостоятельным государственным образованием? Кроме того, Семиградье (принадлежит Румынии) и часть территории в Южной Буковине (принадлежит Румынии) будут либо присоединены к Венгрии, или же будет произведено всеобъемлющее переселение немцев, там проживающих. Переселение из Словении и Южной части Штирии (принадлежит Югославии), которые в большей своей части принадлежали старой Австрии, – также спорные проблемы, которые трудно разрешить мирным путем. Южную Добруджу⁴⁶ (принадлежит Румынии) и известную часть Македонии (принадлежит Греции) проектируется, по всем признакам, присоединить к Болгарии. И, наконец, прибавляется предстоящее переселение немцев из Северной Буковины и Бессарабии, принадлежащих ныне Советскому Союзу. Сейчас еще нельзя предположить, будут ли державы оси вести подобные переговоры с Турцией и Грецией. Если переговоры Германии и Италии с представителями этих государств должны найти приемлемое решение спорных вопросов, то они внесут в Дунайское пространство известное успокоение. Тогда в этом пространстве произойдут большие изменения, которые можно будет приравнять почти к историческому перевороту.

2) К японо-китайскому военному положению прибавились еще два новых решающих факта:

а) образование открыто фашистского кабинета в Японии под руководством князя Коноэ;

б) запрещение провоза оружия, боеприпасов и горючего через Бирму и Чунцин, где находится центральное правительство Чан Кай-ши. Компромисс Англии и Японии относительно Бирмы⁴⁷ символизирует упадок мирового британского могущества.

3) Окончательное суждение о существующих отношениях между Германией и Советским Союзом, как оно было изложено в моем последнем письме, несмотря на высказывания Гитлера в немецком рейхстаге, сохраняет свою силу и на дальнейшее время. А также благоприятный отчет из кругов Русского Комитета относительно планомерного и гладкого осуществления немецко-русского хозяйственного соглашения и высказывания имперского министра хозяйства Функа о хозяйственных делах с Россией, в правильности которых я не сомневаюсь, не могут изменить моей позиции (точки зрения).

(О речи Гитлера в другом месте сегодняшнего письма).

4) К случаю, ряд интересных сообщений о покупке торговых пароходов:

а) на рейде в Буэнос-Айресе в последнее время находится интернациональный флот в количестве 32 пароходов, общим водоизмещением в 160 тыс. тонн. Здесь дело идет главным образом о судах, которые до последнего времени фрахтовались Англией для перевоза зерна и которые не плавают больше в британских водах из-за угрозы гибели (Гамбург, 17.7.)

б) Американские власти объявили о продаже многих пассажирских пароходов. Среди них находятся также бывший немецкий пароход "Георг Вашингтон" (водоизмещением в 23.788 тонн) и "Америка" (водоизмещением в 21.300 тонн), а всего подлежат продаже пароходы общим водоизмещением в 80 тыс. тонн. Англия употребляет сейчас охотнее мелкие пароходы, так как они менее подвержены германским нападениям. (Гамбург, 17.7.)

в) "Таймс" опубликовал статистику, где м[ежду] п[рочим] говорится, что в 1933 году цена за морской пароход водоизмещением в 7.500 тонн составила 32 тыс. английских фунтов. В конце 1939 года, т.е. после четырех месяцев войны, цена поднялась до 119 тыс. фунтов. В середине этого года такой пароход стоил 139 тыс. фунтов. (23.7.)

⁴⁶ 7 сентября 1940 г. был заключен румыно-болгарский Крайовский договор о возвращении Болгарии Южной Добруджи.

⁴⁷ 18 июля 1940 г. были подписаны англо-японские соглашения о временном закрытии Бирманской дороги.

5) Одно из важнейших событий – это исключение английского фунта стерлингов из главной международной валюты. Этим самым предоставляется случай выйти на первое место американскому доллару. Распался и так называемый стерлинговый блок, в который входили в 1938 году кроме Британской империи 16 стран. Сейчас в этот блок кроме Британской империи входят в качестве членов только Египет и Ирак. Влияние доллара особенно заметно после начала войны. Когда страны – участницы стерлингового блока вышли из него, большинство из них стали исчислять свою валюту в американских долларах. Золотой и финансовый центр мира, который находился до сего времени в Лондоне, переместился в Вашингтон.

б) В заключение – отдельные высказывания прессы и государственных деятелей:

а) В официальной японской газете "Ници-Ници" требуется заключение немецко-итальянско-японского альянса⁴⁸ как политической необходимости для будущего. Одновременно другие японские газеты предлагают японской дипломатии заключение союза с Германией и Италией. Взаимоотношения Японии с Москвой должны строиться с учетом немецко-русского договора о ненападении. (15.7.)

б) Датский корреспондент "Берлинер Бёрзенцейтунг" пишет в комментариях к одной статье из "Политикен" м[ежду] п[рочим] следующее: "Новая континентальная Европа под руководством Германии и Италии, без английского влияния и английского участия, с ясным разграничением интересов Советской России". (15.7.)

в) Болгарский корреспондент "Берлинер Бёрзенцейтунг" пишет в своем сообщении из газеты "Слово" следующее:

"Отношения между тремя великими державами – Германией, Италией и Россией явятся основой нового порядка. Это успокаивает малые народы, которые стремятся к быстрейшему миру". (17.7.)

г) Испанская газета "Арриба" пишет м[ежду] п[рочим]: "Во время гражданской войны в Испании люди разделились на две партии, одна из которых характеризовала эту войну как абсолютно справедливую. Теперь приближается решающая битва против всех сил, которые в Испании боролись за красную партию". (22.7.)

д) "Токио Асахи Синьбао" приветствуют нового министра иностранных дел Мацуока, под испытанным руководством которого Япония примет участие вместе с Германией и Италией в новом разделе мира". (24.7.)

е) "Джорнале д'Италия" пишет о регулировании хозяйства в новой Европе м[ежду] п[рочим] следующее:

"В итальянском жизненном пространстве, так же как и в Германии, должны быть основные сырьевые ресурсы для промышленности и необходимые зерновые и др. культуры для удовлетворения потребности населения в продуктах питания. В Новой Европе поэтому должен быть изменен ряд политических систем и границ, в Новой Европе не должно быть хозяйственной гегемонии старой, разрушающейся плутократической системы". (27.7.)

В "Берлинер Бёрзенцейтунг" № 332 от 16.7.40 г. помещена статья генерала артиллерии Пауля Гассе под названием "Мировая война и нынешняя война", где серьезно обсуждаются события войны.

В речи по радио, которую произнес японский премьер-министр князь Коноэ 23.7. относительно внешней политики, он заявил следующее: "Японская внешняя политика, вместо того чтобы смотреть на образование нового мира, должна принять участие в этом преобразовании. Японская внешняя политика не должна находиться под влиянием нынешнего положения, а должна смотреть на 10–20 и даже 50 лет вперед. С этой целью необходимо освободить Японию от зависимости чуждых стран. В этом смысле совместная хозяйственная деятельность Японии, Китая и Маньчжоу-Го имеет большое значение"⁴⁹.

⁴⁸ 27 сентября 1940 г. такой альянс между Германией, Италией и Японией – Тройственный пакт – был заключен.

⁴⁹ АПРФ. ф. 3, оп. 20, д. 117, л. 4–8 перевод, л. 9–11 подлинник.

№ 14
Конец июля 1940 г.

Я хочу здесь высказать свое мнение по двум пунктам речи Гитлера в рейхстаге:

- 1) О мирном призыве к Англии⁵⁰.
- 2) О немецко-русских отношениях.

К 1) Какие основания и причины дали повод Гитлеру обратиться к Англии с мирным призывом?

а) Он был заранее убежден в том, что правительство Черчилля отклонит его мирное предложение.

б) Тактический ход должен был служить ему для того, чтобы переложить всю ответственность за продолжение войны на английское правительство.

в) Этим самым он снова заявил по вопросу ответственности, что не он, Гитлер, виновен за дальнейшие последствия, уничтожающие против Англии с ее многочисленными жертвами как с немецкой, так и с английской стороны, но исключительно и только английские поджигатели войны.

г) Он слагает с себя всякую вину и ответственность за те тяжелые последствия, которые будут в результате военного поражения Англии на своей родной земле, т.к. ему ясно, что 46-миллионный народ будет подвергнут большим лишениям и жертвам.

д) Положительный исход этой тяжелой задачи Германии и военный разгром Англии на ее родной земле приведет, возможно, к исключению возможности продолжения войны Англией из Канады.

е) Успех предложения не меняет дела. Если предложение будет Англией принято, то условия Германией будут продиктованы такие, как если бы были полностью уничтожены английские вооруженные силы.

ж) Само предложение дало Гитлеру благоприятную возможность выступить перед германским населением и частично перед мировой общественностью в качестве посредника мира. Это предложение не принесло Гитлеру никакой выгоды, но при отклонении его создало ему известный престиж.

К 2) В речи Гитлера о немецко-русских отношениях этот вопрос поставлен так, что он не дает повода для части своих антирусски настроенных партийных товарищей. Это не должно, однако, означать, что он сказал что-нибудь неправильное и второстепенное. Ни в коем случае. Он обсуждал и осветил существующие отношения таким образом, что это соответствовало действительности и фактам. Но случайно ли это, что он пропустил при этом выражение дружеских чувств к Советскому Союзу? И характер обсуждения этого вопроса и ранговый порядок в его речи дает повод к размышлению!

У меня сложилось такое впечатление, что Гитлер рассматривает блестящее развитие Сов. Союза и его внешнеполитические успехи во время войны с известным недоброжелательством и политической завистью, чем можно наряду с другими важными причинами объяснить нынешнее отношение Гитлера к Сов. Союзу⁵¹.

№ 15
Середина августа 1940 г.

Как значительное событие последних 14 дней следует отметить большую внешнеполитическую речь Молотова. Речь внешнеполитически ясная и сильная, в целом твердая, уверенная в своих силах.

---

⁵⁰ 16 июля 1940 г. Гитлер подписал директиву о подготовке операции "Морской лев" (высадка в Англию). 13 августа начались массированные налеты германской авиации на Англию ("Битва за Англию").

⁵¹ АПРФ, ф. 3, оп. 20, д. 117, л. 12-13 перевод, л. 14 подлинник.

Если я позволю себе проконспектировать основные моменты речи Молотова, то я прихожу к следующим выводам:

1) Сжатый обзор внешней политики Советского правительства в связи с современной международной обстановкой и о взаимоотношениях Советского Союза с отдельными европейскими и неевропейскими государствами, причем в первую очередь указывается на взаимоотношения с германской империей.

2) Внешнеполитический курс и политика Советского правительства активны и решительно направлены к улучшению отношений с бывшими антикоминтерновскими державами (за исключением Испании), но в особенности с великой Германией.

3) Указание на большие военные успехи Германии и на их влияние на происходящий военный конфликт.

4) Общие перспективы как результат этого всемирно-политического баланса для Англии – потрясающи. В мире великих держав она, за одним исключением, изолирована.

5) Указание на империалистические желания США и на малоудовлетворительные отношения Советского Союза с США и Англией.

6) Значение присоединения трех балтийских государств к Союзу Советских Социалистических Республик и значение включения в Советский Союз Бессарабии и Северной Буковины.

7) Укрепление внутренних и внешних позиций Советского Союза.

8) Постоянная мобилизационная готовность всего советского народа и усиленная бдительность Советского Союза против всех врагов.

Моя нынешняя установка касательно отношений Германии к Советскому Союзу очень мало изменилась после речи Молотова, так как внешнеполитическая ориентация и установка руководящих личностей Советского Союза на благоразумное улучшение отношений с Германией были мне известны из всех ставших мне известными речей Сталина и Молотова еще задолго до заключения советско-германского договора о ненападении и договора о дружбе. Так как в оценке большой политики я являюсь не утопистом, а реалистом, то так сильно подчеркнутый в речи Молотова курс на дальнейшее улучшение дружественных отношений Советского Союза с Германией является и для меня с точки зрения внешнеполитической и хозяйственно-политической само собой разумеющимся. Несмотря на это, мои размышления об отношении Германии к Советскому Союзу не устранены, так как определенные основания к этому еще не исчезли из мира фактов. Некоторые ложные настроения об отношении Советского Союза к Германии, которые в последнее время распространяются английскими поджигателями войны, либерал-демократическими продажными шведскими журналистами, троцкистами и, кто его знает, еще кем, – не находят никакого места и доверия в моем рассмотрении. Я сознательный революционер и в области политики тщательно, самостоятельно, реально анализирую все политические факторы и факты. Если же я Вам сообщил, например, о настроениях честных и правильно настроенных товарищей, но временно запутавшихся в русско-немецком вопросе, то только потому, что был уверен, что это будет правильно понято. Это хорошо, если Вы будете знать об этих настроениях и не понимать их неправильно, если вы будете встречаться с ними в письмах товарищей, от которых моя жена получила известия. Товарищи, которые отравляются национал-социалистическим ядом через прессу и радио и лишены в течение многих лет какой бы то ни было коммунистической литературы и политического руководства, не могут быть сравнимы с оппозиционерами и уже совершенно не могут быть сравнимы с противниками, которые сознательно разделяют заграничные враждебные настроения. Так после речей Молотова и Гитлера о немецко-русском вопросе есть еще здесь, в округе Ганновер, различные национал-социалистические функционеры, которые не боятся высказывать в разговорах свое недоверие немецко-русским отношениям, а некоторые осмеливаются даже говорить о правительствах. Если бы меня спросили, как я настроен в отношении немецко-русских взаимоотношений (и этот вопрос в последнее

время часто обращали ко мне), то я всегда с воодушевлением говорил, что советско-германские отношения отличны и настоящие двухсторонние отношения хороши и что товарообмен идет все время по восходящей линии. Но язык, которым я с Вами говорю, однако, другой, т.е. язык революционной обязанности, он есть закон верности, как он должен был бы существовать среди братьев и друзей. Если вы поэтому сдержанны и, возможно, даже злы, кто виноват в этом? Политическим друзьям, к которым я имею политическое доверие, а также преданность, целесообразно и правильно, когда они все время плачут, подносить вино, и даже тогда, если это, рассматривая всегда политически, в настоящий момент и не по вкусу им. Выдержим мы это вино немного, и придет время, когда он пройдет, политический опыт, и с еще большим удовольствием будем пить. Конечно, кто имеет дело с большой политикой и определяет свое отношение к решающим вопросам политики, встречается с опасностью известного заблуждения в своих политических размышлениях. Но эта опасность тем меньше, если она не избегает спорных вопросов, а осмеливается их уяснить и обсуждать проблему. Для того, чтобы устранить всякое возможное ложное представление о моем отношении к немецко-русским взаимоотношениям, я хочу еще раз, в связи с речью Молотова, в сжатой форме вернуться к этому вопросу.

Какие факты и прочие факторы мне известны:

а) Внешнеполитический курс Советского правительства был уже в течение ряда лет активно направлен на улучшение отношений с Германией.

б) Современное положение в Европе, а также во всем мире требует углубления отношений Советского Союза к Германии, которые были почти год тому назад определены договорными соглашениями.

в) Хозяйственные отношения улучшились и взаимный товарооборот находится в настоящем на подъеме.

г) Перспективы внешней политики Советского правительства направлены на улучшение отношений с бывшими антикоминтерновскими державами (Италия, Япония, Венгрия), причем, отношения с Англией все ослабевают и будут все ослабляться и ухудшаться. Современные отношения с США находятся перед видимым улучшением.

д) Речь Молотова особенно выделила этот курс Советского правительства и поставила на первый план будущих внешнеполитических задач.

е) Культурные отношения между Советским Союзом и Германией малорадостны, если не совсем холодны.

Какие частично отрицательные факты с немецкой стороны можно установить:

1. Сравним речь Молотова, произнесенную в Верховном Совете, и незадолго до этого произнесенную в рейхстаге речь Гитлера. Две речи, в которых обсуждаются отношения двух великих держав. Значит, две речи по одному и тому же вопросу и все же совершенно различные в постановке проблемы этого вопроса.

2. В Советском Союзе Германия стоит на твердом и первом месте, на переднем плане внешнеполитических соображений. В Германии, напротив, военный партнер Италия стоит на первом плане внешнего и внутривнутриполитического рангового порядка среди всех великих держав.

3. Возьмем отношение ВКП(б) и НСРПГ⁵² к названным двусторонним взаимоотношениям. Здесь, без сомнения, можно установить разницу. В ВКП(б) – твердая и дисциплинированная, уверенная позиция относительно советско-германских отношений, в НСРПГ и ее организациях – сдержанная и менее твердая позиция относительно немецко-русских отношений, а в отдельных кругах НСРПГ даже враждебная России тенденция.

4. Отношение посольств правительств можно тоже соответственно оценить.

5. Несмотря на наличие тесной дружбы Советского Союза и Германии с целью дальнейшего углубления взаимных отношений остается противоречие между комму-

---

⁵² Имеется в виду Национал-социалистская рабочая партия Германии – НСДАП.

нистическим и национал-социалистским мировоззрением в своей самой острой форме. И это хорошо. Причины враждебных Советскому Союзу тенденций внутри НСРПГ надо искать в конце концов в этих непримиримых противоречиях. (И несмотря на это отлично понимают друг друга граф фон дер Шуленбург и Молотов. Понимали бы так друг друга доктор Геббельс и Литвинов – сомнительно и менее вероятно).

Проверка этих фактов теперь Вам вполне ясна, и я надеюсь, что кое-что пойдет на пользу революционному делу. Успеха следует уверенно ожидать. В области пропаганды немецкой прессой Советского Союза в течение последнего времени многое улучшилось, наступил заметный поворот.

Имперский министр хозяйства Функ в последнем специальном выпуске журнала "Труд и оружие", к немецкой восточной ярмарке, во вступительном слове, м[ежду] п[рочим], писал:

"Мощная великая германская империя стоит, как господствующая сила континента в своей мощи и величии. Ей предстоит выполнить задачу строительства хозяйства мирного времени, задачу строительства мирового хозяйства. Существом и основой этого нового хозяйства будет национал-социалистская Германия и ее выдающиеся производительные силы и активность".

Имперский министр хозяйства Функ через германскую и иностранную печать о новом европейском хозяйстве: "Само собой разумеется, война будет иметь влияние и на неевропейское мировое хозяйство. Мы будем с союзной Италией проводить тесную совместную работу во всех областях и привлечем немецко-итальянскую хозяйственную мощь к строительству новой Европы".

С революционной гордостью и революционной преданностью поздравляю Вас с советскими Эстонской, Литовской и Латышской республиками и с присоединением их к Союзу Советских Социалистических Республик. Это триумф большевизма, что бывшая родина Альфреда Розенберга стала советской республикой.

Я политически не понимаю Вашей осторожности и Вашей скупости в денежном деле для моей жены⁵³.

Окончание следует

---

⁵³ АПРФ, ф. 3, оп. 20, д. 117, л. 16–22 перевод, л. 25–29 подлинник.

К письму приложены копия постановления "народной судебной палаты" Берлина от 1 ноября 1935 г., согласно которому для обвиняемого Тельмана "сохраняется в силе приказ об аресте только ввиду подозрения в попытке к бегству с дальнейшим продолжением следствия. Обвиняемый обязуется в случае, если он будет отпущен на свободу, ежедневно один раз сообщать местному полицейскому участку свое местожительство", и приказ берлинского управления гестапо от 1 ноября 1935 г. об интернировании Тельмана. – Там же, л. 23–24.

© 1997 г.

В. О. ПЕЧАТНОВ

США: СКРЫТЫЕ ДЕБАТЫ ПО "РУССКОМУ ВОПРОСУ" ВЕСНОЙ 1945 г.

Апрель – май победного 1945 г. оказались своего рода "инкубационными" месяцами кризиса советско-американских отношений: хотя на поверхности еще мало что предвещало распад военного союза, скрытые трещины в нем уже наметились.

Основные вехи и роль ключевых действующих лиц этого подспудного перехода документально описаны в американской и отечественной историографии¹. Однако в архивах США есть еще немало интересных документов того времени, которые до сих пор не введены в активный научный оборот, даже в самих США. Между тем они проливают дополнительный свет на сложный процесс вызревания новых внешне-политических установок США в духе "холодной войны", который развивался через борьбу идей, личностей и конкретных действий. Для предлагаемой публикации нами отобраны документы, выпукло представляющие две основные противоборствующие тенденции в мышлении представителей политических верхов США по "русскому вопросу": продолжение "по нисходящей" рузвельтовского курса на сохранение партнерства с СССР и набиравшая силу "жесткая линия" на "сдерживание" вчерашнего союзника. И хотя авторы документов не вели прямой полемики друг с другом, их аргументы дают наглядное представление о содержании и диапазоне "больших дебатов" об отношениях с СССР, которые развернулись тогда внутри внешнеполитического истеблишмента США.

Немного об авторах и обстоятельствах появления на свет публикуемых документов. Первый из материалов был подготовлен в недрах предшественника ЦРУ военных лет – Управления стратегических служб (УСС) США и является плодом совместного творчества двух ведущих аналитиков этого ведомства – директора Управления исследований и анализа американского историка-европеиста У. Лэнгера и главы Советского отдела этого же управления, известного историка-русиста Дж. Робинсона. Оба они принадлежали к блестящей когорте видных американских ученых, собранной в годы войны под крышей УСС на службу американской разведке².

Меморандум Лэнгера–Робинсона не упоминается в официальном реестре докладов Управления исследований и анализа, видимо, потому, что был подготовлен по личному заказу генерала С. Эмбика – одного из главных армейских планировщиков, председателя Объединенного комитета стратегического планирования (ОКСП) при Объединенном комитете начальников штабов (ОКНШ). Главной задачей ОКСП – этого "совета старейшин" при ОКНШ – было совмещение военного и политического плани-

¹ См.: *Борисов А.Ю.* СССР и США: Союзники в годы войны 1941–1945. М., 1983, с. 225–236; *Мальков В.Л.* "Манхэттенский проект". Разведка и дипломатия. М., 1995, с. 65–92; *Yergin D.* Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security State, ch. III, IV. Boston, 1947; *Leffler M.* The Preponderance of Power. National Security, the Truman Administration and the Cold War, ch. 1. Stanford, 1992.

² Подробнее о работе ученых Управления исследований и анализа УСС см.: *Katz B.* Foreign Intelligence. Research and Analysis in the Office of Strategic Services, 1942–1945. London, 1989.

рования для высшего военного командования США³. Меморандум датирован 2 апреля 1945 г., 4 апреля был представлен директору УСС генералу У. Доновану и тогда же отправлен заказчику.

Документ представлял собой серьезный аналитический материал, содержащий новые политические ориентиры для всей глобальной стратегии США на послевоенное время. По своему содержанию он предвосхищал стратегию "сдерживания" СССР как главной потенциальной "угрозы" интересам США в послевоенном мире и создание "центров силы" в Европе и Азии под американской эгидой как путь противодействия этой угрозе. Основное различие между этим ранним наброском и позднейшими модификациями доктрины "сдерживания" состояло в том, что Лэнгер и Робинсон не рассматривали в качестве таких "центров силы" Германию и Японию, отводя им нейтральный статус.

Другое заметное отличие от последующей политики заключалось в том, что авторы призывали опираться на социальные реформы, на левые и либеральные силы в Европе как главный противовес распространению коммунизма. Характерно, что в документе прослеживается отказ от попыток продолжения сотрудничества с СССР, хотя Лэнгер и Робинсон признавали, что послевоенная Россия может предпочесть "внешней экспансии внутреннее развитие", если получит твердые гарантии своей безопасности от Запада. Тем не менее они предлагали заранее готовиться к худшему, нежели стремиться к реализации лучшего из этих вариантов.

В ОКНШ в те апрельские дни как раз обсуждался вопрос об отношениях с СССР в связи с поступившими из Москвы призывами посла А. Гарримана и главы американской военной миссии генерала Дж. Дина ужесточить позицию США, в частности в вопросе о поставках по ленд-лизу. Гарриман предлагал активнее использовать экономические рычаги США для восстановления Западной Европы и предотвращения "советского доминирования в мире"⁴. Эти рекомендации перекликались с рекомендациями Лэнгера – Робинсона.

Однако пока они не возымели действия: ОКНШ, отметив все "за" и "против", перенес вопрос на рассмотрение возглавлявшемуся Эмбиком ОКСП, заключение которого от 5 апреля 1945 г. было однозначным: "Сохранение единства союзников в ведении войны должно оставаться важнейшей, основополагающей целью нашей военно-политической линии с Россией. Приведенные в ОКНШ № 1301 примеры отказа русских от сотрудничества, способные вызвать раздражение и непонимание, если рассматривать их изолированно, являются сравнительно второстепенным делом... Ответные действия с нашей стороны не приведут к желаемому результату и лишь усилят подозрения и недобрые чувства; они также могут спровоцировать новые шаги русских, которые, в конечном счете, приведут к разрыву союзного единства"⁵.

Решающее значение при этом имела позиция президента Ф. Рузвельта, который вплоть до последних часов своей жизни пресекал все попытки Гарримана и Дина ревизовать существовавшую политику: обоим, в частности, было отказано в приезде в Вашингтон для личных разъяснений⁶.

Со смертью Рузвельта 12 апреля ситуация быстро изменилась: плохо подготовленный к роли лидера страны, но инстинктивно тянувшийся к более однозначной политике

---

³ Об эволюции взглядов С. Эмбика и роли его комитета см.: *Stoler M. From Continentalism to Globalism: General Stanley D. Embic, the Joint Strategic Survey Committee, and the Military View of American National Policy During the Second World War. – Diplomatic History, v. 6, № 5, Summer 1982. p. 303–321.*

⁴ "Cancellation of Convoy to North Russia", 3 April 1945, Joint Chiefs of Staff (JCS) 1301/1, National Archives (NA), Record Group 218 (Records of the Joint Chiefs of Staff), Geographical File 1942–1945, Combined Chiefs of Staff (CCS) 092 (USSR) (3–27–45), Sec. 1; A Harriman to the President, 2 April 1945. – Franklin D. Roosevelt Library, Map Room File, Box 23; A. Harriman to E. Stettinius, 4 April 1945. – Foreign Relations of the United States, 1945, v. V, p. 817–820.

⁵ "Arrangements with the Soviets", Report by the Joint Strategic Survey Committee, 5 April 1945, NA, Record Group 218, Geographical File 1942–1945, CCS 092 (USSR)(3–27–45), Sec. 1.

⁶ *Мальков В.Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988, с. 316–318.*

Г. Трумэн прислушивался к доводам адвокатов "жесткой линии" из госдепартамента, разведки и Пентагона; Гарриман и Дин были вызваны в Вашингтон для консультаций. 20–23 апреля произошла серия симптоматичных событий: ОКНШ, заслушав доклад Дина, пересмотрел свое решение двухнедельной давности⁷; Гарриман внушал руководству госдепартамента и лично президенту мысль о "непримиримых различиях в целях Советского Союза и Соединенных Штатов", после чего Трумэн на второй встрече с В.И. Молотовым 23 апреля устроил знаменитую "головомойку" советскому вице-премьеру и министру иностранных дел, прибывшему на открытие конференции Объединенных наций в Сан-Франциско⁸. Сама конференция началась со столкновений по вопросам членства и скрытых противоречий на переговорах министров иностранных дел "большой тройки", прежде всего по "польскому вопросу". В газетах появились домыслы о предстоящем конфликте с СССР в Европе, подогревавшиеся высказываниями деятелей администрации, в частности Гарримана, на закрытых брифингах для американской прессы⁹.

О грядущей войне с СССР заговорили уже и на седьмом – начальственном – этаже госдепартамента. Замещавший тогда часто отсутствовавшего в Вашингтоне госсекретаря Э. Стеттиниуса его первый заместитель – ветеран американской дипломатии Дж. Грю в середине мая распространил среди доверенных лиц частный меморандум о неизбежном конфликте с СССР в случае продолжения рузвельтовской "политики умиротворения" (в последующем Грю с небольшими купюрами привел этот документ в мемуарах как образец "предвидения"¹⁰). Однако больший интерес, чем этот "крик души" старого ненавистника СССР, представляла реакция на него "внутренних рецензентов" – советника госдепартамента Ч. Болен и А. Гарримана, о которой Грю в своей книге умалчивал. Болен пару лет спустя после этих событий в частном письме Грю так описал свои и Гарримана тогдашние впечатления от его меморандума: "Ни Гарриман, ни я не расходились с Вами по сути изложенных в документе взглядов, исключая, возможно, Ваш тезис о "неизбежности" войны с Советским Союзом... Что касается предлагавшихся Вами практических шагов по части стратегических авиационных и военно-морских баз, а также общего "ужесточения политики в отношении Советского Союза", то такие меры принимались уже и тогда. Фактически Аверелл (Гарриман. – В.П.) при моем содействии ответственен за проведение совещания в Белом доме 23 апреля, на котором президент принял решение о более жесткой политике"¹¹.

Этим-то изменением обстановки и решил, видимо, воспользоваться Донован для повторного захода с меморандумом Лэнгера–Робинсона: в начале мая он разослал его узкому кругу высших деятелей администрации, включая и самого президента. В приписке для Трумэна Донован особо выделил следующий вывод меморандума – опять-таки перекликавшийся с геополитическими доводами Гарримана и превосхищавший суть "сдерживания": "Предлагается, чтобы мы делали все возможное для поощрения и поддержки становления в Западной Европе экономически процветающих демократи-

⁷ *Clemens D. Averell Harriman, John Deane, the Joint Chiefs of Staff, and the "Reversal of Cooperation" with the Soviet Union in April 1945.* – *The International History Review*, XIV, № 2. May 1992, p. 301–303.

⁸ *Foreign Relations of the United States, 1945, v. 1, p. 839–842; Memorandum of Meeting at the White House, 23 April 1945.* – Harry S. Truman Library. President's Secretary File, Box 187; Запись беседы В.М. Молотова с президентом США Гарри Трумэном, 23 апреля 1945 г. – Архив внешней политики (далее – АВП) РФ, фонд Молотова, оп. 7, п. 43, д. 877, л. 50–51.

⁹ *Steel R. Walter Lippmann and the American century.* Boston, 1980, p. 359.

¹⁰ *Grew J. Turbulent Era. A Diplomatic Record of Forty Years, 1904–1945, v. 2.* Boston, p. 1145–1146. По истории судьбы помощника Грю по связям с общественностью как раз в те же дни докладывали ему о растущей озабоченности рядовых американцев "сообщениями из Сан-Франциско о том, что влиятельные граждане США, включая некоторых наших официальных представителей, на приемах и коктейлях поговаривают о неизбежности войны с Россией в будущем" – притом, что 75% американцев, по данным госдепартамента, выступали за продолжение сотрудничества с СССР. – A. McLeish to J. Grew, May 26, 1945, NA, RG59 (Records of the State Department), Decimal File, 1945–1949, Box 711.615–2645.

¹¹ Ch. Bohlen to J. Grew, 2 August 1947. – NA, Record Group 59, Ch. Bohlen Papers, General Correspondence, Box 1.

ческих режимов, которые в сотрудничестве с Великобританией и Соединенными Штатами могли бы стать противовесом России"¹².

У нас нет данных о реакции Трумэна и его окружения на этот документ. Учитывая неприязненное отношение президента к директору УСС¹³, он вполне мог и не придать ему особого значения. Тем не менее документ интересен не только сам по себе, но и как свидетельство доселе остававшейся неясной позиции УСС в это критическое время советско-американских отношений.

Надо отметить, что путь продолжения сотрудничества с СССР и после войны как залог прочного мира еще оставался открытым. Его сторонники, улавливая перемену настроений в Вашингтоне, старались сделать все от них зависящее, чтобы эти изменения не переросли в пересмотр внешнеполитического курса в целом. Они реагировали на каждый – даже скрытый шаг в сторону ужесточения отношений.

Бывший посол в СССР Джозеф Дэвис – доверенный эмиссар Рузвельта в отношениях с Москвой, во время своей первой беседы с Трумэном 30 апреля был "поражен и встревожен" рассказом того о последней встрече с Молотовым неделю назад. Дэвис, согласно записи в дневнике, пытался убедить президента в том, что "тактика выкручивания рук с русскими не сработает" и является "очень опасной игрой"¹⁴. Одновременно он старался успокоить Молотова, заверяя его в том, что Трумэн способен продолжать рузвельтовскую политику по мере установления личного контакта со Сталиным¹⁵. Для себя он, однако, к этому обнадеживающему письму сделал тревожную приписку: "Если он (Молотов. – В.П.) столкнется с таким же "ать-два" обхождением в Сан-Франциско, а это, боюсь, очень вероятно в нынешней атмосфере, я опасуюсь, что Советы придут к твердому убеждению, что у них больше нет друзей в правительстве Соединенных Штатов"¹⁶.

10 мая Дж. Дэвис, узнав о предстоявшем назначении государственным секретарем Дж. Бирнса, писал в доверительном письме: "Я встревожен и озабочен русской ситуацией, которая ухудшается устрашающе быстро... Будет трагично, если после того, как Советы доверяли нам настолько, чтобы сотрудничать и вместе побеждать в войне, они будут вынуждены "действовать в одиночку" в идеологически и религиозно враждебном мире. Это толкнет их к созданию "санитарного кордона" не только в Европе, но и на Тихом океане благодаря стараниям наших горячих голов и других предвзятых людей, которые проповедуют неизбежность войны между Россией и США и тем самым «сеют зубы дракона»¹⁷. Те же мысли Дэвис развивал и в личном письме Трумэну от 12 мая – на следующий день после того, как тот подписал злополучный указ о немедленном прекращении поставок по ленд-лизу: если толкнуть русских на путь конфронтации, предупреждал он, "возникнет огромная потенциальная военная угроза всему остальному миру"¹⁸.

Другой близкий советник покойного президента – член Верховного суда Ф. Франкфуртер в те же дни, беседуя с друзьями, также выражал тревогу в связи со "стучанием кулаком по столу" в Овальном кабинете и "взрывоопасной ситуацией" в союзнических отношениях¹⁹. Влиятельные журналисты У. Липпман и Р. Свинг, возмущенные агрессивным тоном гарримановского брифинга и озабоченные общим ухудшением отношений, не скрывали своих чувств в корреспонденциях из Сан-Франциско и доверительных беседах в госдепартаменте. Свинг, в частности, на встрече с Ч. Боленом и

¹² W. Donovan to Rose Sonway (The White House), 5 May 1945. – NA, Record Group 226 (Records of the Office of Strategic Services), Entry 180, Reel 87.

¹³ См. Ranelagh J. The Agency. The Rise and Decline of the CIA. New York, 1987. p. 100.

¹⁴ First Talk with Truman. Journal, 30 April 1945. – Library of Congress. J. Davies Papers, Chronological File, Container 16.

¹⁵ Д. Дэвис – В. Молотову, 2 мая 1945 г. – АВПРФ, ф. Молотова, оп. 7. п. 43. д. 670, л. 30.

¹⁶ Letter to Molotov, Diary, 2 May 1945. – J. Davies Papers, Chronological File, Container 16.

¹⁷ Letter to Jim Byrnes, 10 May 1945. – Ibidem.

¹⁸ Letter to the President, 12 May 1945. – Ibidem.

¹⁹ Sustaining Opinion from Justice Frankfurter, Journal, 13 May 1945. – Library of Congress, J. Davies Papers.

помощником госсекретаря А. Мак-Лишем говорил, что у него "сложилось следующее впечатление: мы (администрация. – В.П.) стали исходить из того, что русские понимают только жесткость и что нашей единственной политикой стал набор очков против русских. Такой настрой является разрушительным"²⁰.

Именно в русле этой кампании давления со стороны представителей "ялтинской школы" следует рассматривать появление второго из публикуемых документов. Он принадлежит Оскару Коксу – фигуре сравнительно малоизвестной широкой американской публике, но сыгравшей заметную роль в практическом налаживании американо-советского сотрудничества в годы войны. Занимая неприметные посты заместителя генерального стряпчего США, а в 1943–1945 гг. – юрконсультанта Администрации по внешнеэкономическим делам, Кокс был правой рукой специального помощника президента Г. Гопкинса по юридическим аспектам американо-советских отношений: именно он составил обоснование распространения ленд-лиза на СССР летом – осенью 1941 г., а затем активно участвовал во многих двусторонних переговорах по экономическому и торговому сотрудничеству. Он был негласным и преданным советником Гопкинса, а через него и самого президента по советским делам в целом, убежденно отстаивая курс на тесное сотрудничество в СССР в годы войны и после нее²¹.

Поддерживая дружеские связи с Ф. Франкфуртером, Г. Моргентау, У. Липпманом и другими близкими по духу людьми, Кокс был осведомлен о настроениях в этой среде и выражал не только свое мнение. Публикуемый меморандум написан по его собственной инициативе и является как бы наказом новой администрации, который он, судя по черновикам и дневниковым записям, вынашивал с конца апреля, дорабатывая в ходе бесед с Липпманом, издателем газеты "Вашингтон пост" Ю. Мейером, сотрудником Советского отдела госдепартамента Л. Томпсоном, и, наконец, с самим Э. Стеттиниусом²².

Окончательный вариант документа был надиктован Коксом 15–16 мая во время Сан-Францисской конференции, в работе которой он принимал участие как советник американской делегации. Это было в отеле "Фэйрмонт", где тогда размещались участники конференции, кипели горячие споры, разворачивалась дипломатическая и разведывательная деятельность, шли официальные и закулисные переговоры. Отсюда 14 мая Кокс отослал больному Гопкинсу первый, а 16 мая – окончательный вариант меморандума со следующей припиской: "Дорогой Гарри... Уверен, что ты до всего этого додумался сам – и гораздо лучше, чем я. Но судя по тому, что я слышу здесь, проблемы эти действительно выходят на первый план. Если ты еще этого не сделал, стоило бы переосмыслить обстановку и обсудить ее с президентом Трумэном и Стеттиниусом до следующей встречи "большой тройки" или министров иностранных дел"²³. Одновременно Кокс послал копии меморандума Стеттиниусу и своему непосредственному шефу Э. Кроули, а 29 мая через министра финансов Дж. Снайдера передал его президенту²⁴.

Документ не нуждается в подробных комментариях, отметим лишь его комплексный характер: рекомендации Кокса для американской политики логично вытекали из его общей оценки интересов обеих стран – как преимущественно гармонических, целей советской политики как в целом оправданных и естественных и существовавших угроз союзному единству, из которых он, как и Дэвис, выделял подталкивание СССР на путь односторонних, антизападных действий.

Эти рекомендации представляют собой целостную программу действий по укреплению

²⁰ Memorandum of Conversation with W. Lippmann, 23 May 1945; Memorandum of Conversation with R. Swing, 22 May 1944. NA, Record Group 59, Decimal File, 1945–1949, Box 711. 61/5–2345, 711. 61/5–2245.

²¹ Подробнее об этой роли Кокса см.: *Мальков В.Л.* Франклин Рузвельт. с. 212.

²² O. Cox Diary, 10, 12, 14, 15 May 1945. Franklin D. Roosevelt Library. J. Cox Papers.

²³ O. Cox to H. Hopkins, 14 May 1945, FDR Library, H. Hopkins Papers, Sherwood Collection, Book 10, Folder 2.

²⁴ O. Cox Diary, 29 May 1945, FDR Library, O. Cox papers.

нию американско-советских отношений на базе учета законных интересов СССР в области безопасности, послевоенного урегулирования и торгово-экономического содействия. Центральное место в этой программе закономерно занимает германский вопрос и здесь обращает на себя внимание близость рекомендаций Кокса к предложениям СССР по германскому урегулированию, включая ключевое положение – интернационализацию Рурской области²⁵. Взятая в совокупности эта программа является как бы проекцией позитивного ядра рузвельтовского курса на послевоенные годы. Кокс не был одинок ни в общем подходе к проблеме, ни в своих конкретных предложениях. Так, авторитетный американский юрист-международник Г. Кларк, входящий в вашингтонские коридоры власти, почти в те же дни обратился к Трумэну с предложением по развязке главного "узла" американско-советских отношений – вопроса о будущем Европы. Неопубликованное доселе письмо Кларка заслуживает подробного изложения.

"Упорная советская политика по созданию буферной зоны против Германии в виде "дружественных" или зависимых государств вызывает много жалоб и опасений, – писал Кларк. – При этом плохо понимается, что эти защитные меры являются для России логичными и необходимыми следствиями ее опыта и опасений в условиях отсутствия каких-либо обязательств США по оказанию помощи в предотвращении или подавлении третьей по счету агрессии со стороны Германии.

Как бы это ни было трудно, мы должны постараться поставить себя на место русских. В обеих мировых войнах они подтвердились германскому вторжению через Польшу. В обоих случаях объединенных усилий России, Англии и Франции было недостаточно для разгрома Германии и ее союзников: помощь США служила необходимым довеском на чаше весов. Но с точки зрения русских, США в обоих случаях появлялись на сцене в самый последний момент: в 1917 г. после того, как Россия воевала 32 месяца и была фактически сломлена; в 1941 – после 26 месяцев войны против Англии и Франции, когда немцы были в 30 милях от Москвы.

Другой фактор огромного значения – колоссальные потери России в обеих этих войнах: миллионы убитых в 1914–1918 гг. и, вероятно, около 5 млн. солдат и по крайней мере столько же мирных жителей в этой войне.

Теперь, когда Россия вернула себе уверенность и военную мощь, стоит ли удивляться тому, что, не имея твердых гарантий помощи от США – либо напрямую, либо через предлагаемый в Сан-Франциско устав ООН, – она ищет других путей самозащиты? Думаю, что не стоит; напротив, это естественно и неизбежно".

Для исправления положения Кларк, как и Кокс, предлагал заключить договор о военном союзе с Россией по образцу советско-английского договора 1942 г. Такой договор – желательно с последующим присоединением к нему Великобритании и Франции, – по мнению Кларка, помог бы предотвратить "дальнейшее утверждение сфер влияния и складывание нового баланса – выстраивание Восточного блока против Американско-западноевропейского, что, судя по опыту прошлого, чревато увековечиванием условий, ведущих к огромным военным конфликтам". Тем самым такой союз, заключал он, "обеспечит необходимый фундамент тесного взаимопонимания между нами и Россией на будущее, столь необходимого для мирового порядка"²⁶.

Иными словами, Кларк и Кокс, как и аналитики УСС, ясно видели перспективу раскола Европы; но в отличие от последних усматривали в нем не естественное состояние, к которому нужно стремиться, а угрозу, которую нужно и еще можно предотвратить.

Как и в случае с меморандумом Лэнгера-Робинсона, нам неизвестно о реакции Белого дома на послание Кокса. Судя по тому, что в архиве последнего нет даже обычного в таких случаях формального подтверждения его получения адресатом,

²⁵ См. *Кышин Г.* Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании, 1944–1945 гг. – Новая и новейшая история, 1995, № 4, с. 132.

²⁶ G. Clark to the President, 2 June 1945, FDR Library, H. Hopkins Papers, Sherwood Collection, B. 10, Box 337.

оно вполне могло и не дойти до президента. Да и вряд ли диссидентское мнение отходящего от дел советника покойного Рузвельта (в августе 1945 г. Кокс ушел в отставку) могло всерьез заинтересовать Трумэна. Правда, лейтмотив меморандума Кокса о сохранении единства "большой тройки" прозвучал в одном из выступлений Стеттиниуса на Сан-Францисской конференции, как с удовлетворением отметил в дневнике автор документа²⁷. Однако это были уже затухающие колебания, апогеем которых стала процальная миссия Гопкинса в Москву в конце мая – начале июня 1945 г. Последним всплеском внутренних дебатов об уступках интересам безопасности СССР стали выкладки того же Эмбика при подготовке Потсдамской конференции, который аргументированно доказывал обоснованность и приемлемость для США советских запросов по пересмотру режима черноморских проливов и Кильского канала²⁸. На сей раз Эмбик оказался в явном меньшинстве²⁹. Конец войны и начало "атомной дипломатии" подводили черту под боевым союзом США и СССР.

В заключение – несколько слов об актуальности этих, казалось бы, канувших в Лету дебатов. Если снять их конъюнктурный слой, то за ним обнаружится столкновение двух основных принципиальных подходов, которые прослеживаются в политике США по отношению к России и по сей день, наиболее выпукло они проявились в нынешних американских дебатах о расширении НАТО на восток.

Первый из них, развивающий традиции "ялтинской школы", исходит из возможности и целесообразности интеграции России в систему безопасности Запада, равноправного сотрудничества с нею как важнейшим фактором международной стабильности. Второй, в духе аналитиков-геополитиков из УСС, считает Россию не решением, а проблемой, силой, имманентно чуждой западной цивилизации, и, соответственно, ставит во главу угла новое "сдерживание" ее считающихся извечными "агрессивных" и "экспансионистских" позывов³⁰. При всей очевидной преемственности содержания этого спора есть, однако, и большая разница между его объективным контекстом сегодня и полвека назад.

Тогда речь шла об отношениях с тоталитарным СССР, сильнейшей военной державой мира, резко укрепившей свои геополитические позиции к концу войны. Теперь речь идет о новой России, которая стала на путь демократических реформ и сближения с Западом, при том, что ее мощь и влияние в мире резко сократились.

Вывод, казалось бы, напрашивается сам собой: если даже тогда, как лишний раз свидетельствуют публикуемые документы, дипломатия США имела некоторую альтернативу "холодной войне", то у современных американских "ялтинцев" должно быть явное преимущество над своими оппонентами. Ответ на то, почему этого не происходит, требует специального рассматривания, но так или иначе именно сегодня особенно поучительно вновь вернуться к истории этого вопроса.

В.О. Печатнов

доктор исторических наук,

главный научный сотрудник Института США и Канады РАН

²⁷ О. Cox Diary, 28 May 1945. FDR Library, O. Cox, Papers. Любопытно, что эта речь Стеттиниуса понравилась и В.М. Молотову, см.: В.М. Молотов Э. Стеттиниусу, 30 апреля 1945 г. – АВП РФ, ф. В.М. Молотова, оп. 7, п. 43, д. 670, л. 22.

²⁸ US Policy Concerning Dardanelles and Kiel Canal (Ref. JCS 1418), Report by Lt. General S. Embick and Major-General M. Fairchild of JSSC. NA, Record Group 165, Executive 17, Item 21A.

²⁹ Colonel T. Roberts, Memo for General Lincoln, 16 July 1945 (Comments of JCS 1418/I), NA, Record Group 165, ABC, 093 Kiel (7–6–45) Sec. I–A.

³⁰ Срав., например, две противоположные по взглядам статьи: *Kissinger H. Beware of Russia.* – Newsweek, 17.VI.1996; *Matlock J. Jr. Dealing with a Russia in Turmoil.* – Foreign Affairs, May/June 1996.

ПРОБЛЕМЫ И ЦЕЛИ ПОЛИТИКИ США

2 апреля 1945 г.³¹

Новые горизонты

Соединенные Штаты объединились с Великобританией и Советской Россией в великой войне дабы остановить экспансию Германии в Европе и Японии в Азии и предотвратить установление господства этих стран на двух континентах. После достижения этих целей США столкнутся с ситуацией потенциально наиболее опасной за всю свою историю. Россия выйдет из войны самой мощной державой Европы и Азии, способной, если США останутся в стороне, господствовать в Европе и в то же время установить свою гегемонию в Азии. В недалеком будущем Россия по своему военному потенциалу вполне может обойти даже США.

Цели и намерения Советской России невозможно предсказать с уверенностью. [...] Если предложить России тщательно продуманные гарантии с соответствующим механизмом их реализации, она может удовлетвориться сферой контроля в Восточной Европе и на северных границах Китая, иметь примерно равное с Западом влияние в Германии, Китае и Японии, а также направить свои усилия на внутреннее развитие и улучшение уровня жизни. В таком случае она вполне может не представлять угрозы другим европейским государствам или США. С другой стороны, она может вернуться к хищнической традиции царских времен или к политике Коминтерна, проводя политику экспансии, нацеленную на подчинение себе всей Европы, а, возможно, и Азии. И если она преуспеет в этом, Россия станет для Соединенных Штатов самой страшной угрозой из всех возможных. [...] На сегодняшний день решение этого вопроса в основном зависит от одного-единственного человека, который не знает внешнего мира из личного опыта. Даже если сам он и окажется апостолом умеренности, мы ничего не можем сказать о его преемнике и нет никаких гарантий того, что в России не появится новый завоеватель.

Проблема для США

[...] Мы ничего не выиграем ни от бездумного антагонизма по отношению к России, ни от покорного согласия с ее политикой и целями. Наша задача – убедить Россию в неагрессивности наших намерений и готовности понимать и учитывать ее проблемы, одновременно демонстрируя решимость защищать наши собственные интересы. [...]

Ни один из этих путей (сотрудничества "большой тройки" и деятельности ООН. – *В.П.*) не может гарантировать безопасность США. Оба они предполагают со стороны России стремление к миру и готовность к серьезным компромиссам. С другой стороны, если Россия встанет на путь экспансии – будь то из-за недоверия к союзникам или ради самой экспансии – у США не будет иного выбора, кроме как принять все возможные контрмеры в предвидении новой мировой войны. С принятием ряда этих мер мы никак не можем ждать до полного прояснения российской политики. Главное вынуждающее к тому обстоятельство – будущий военный потенциал России и та огромная угроза, которая возникнет для США, если России удастся подчинить себе ресурсы Европы и Азии. [...] В этом суть всей проблемы, диктующей необходимость срочных мер для предотвращения или хотя бы замедления приобретения господства над Европой и (или) Азией со стороны такой уже мощной державы, как Россия. [...]

Не делается никакого секрета из советских намерений держать под контролем весь пояс государства к западу и юго-западу от России. В этих районах она проводит

---

³¹ National Archives, Record Group 334 (Records of the U.S. Military Mission to the USSR), Subjects Files, Box 18, OSS General Folder.

территориальное и внутреннее переустройство, не обращая особого внимания на мнение своих союзников. Ясно, что во всех приграничных государствах Россия как минимум будет настаивать на "дружественных" к ней режимах, что означает по меньшей мере их внешнеполитическую зависимость от России. Короче, русская экспансия уже достигла предела, требующего контрмер со стороны США, если мы хотим ограничить дальнейшее продвижение России на запад. [...] В Восточной Европе Соединенные Штаты уже мало что могут сделать для изменения ситуации, но следующей на очереди может оказаться Германия. Если России удастся установить там коммунистический режим или добиться своего преобладания другими способами, то ее контроль над европейским континентом будет обеспечен, а будущее Великобритании, – а в конечном счете, и самих США – окажется под серьезной угрозой. [...]

Американская программа

США выходят из войны гораздо менее истощенными, чем Россия, обладая намного большим производственным потенциалом.

[...] Россия в следующие 10–15 лет будет стремиться избежать еще одного большого конфликта, а европейские народы ориентируются на США и Запад в целом для укрепления своей демократии и национальной независимости. [...] Только создание уравновешивающего сильные позиции России в Восточной Европе американо-западноевропейско-средиземноморского блока даст реальный шанс предотвратить доминирование России на всем континенте. [...]

В ситуации, когда Советский Союз предлагает Европе динамичную и заманчивую философию, США не могут себе позволить поддерживать монархические и консервативные режимы. Единственный шанс на создание западноевропейско-американской силовой системы, не уступающей русскому блоку в мощи и жизненной силе, состоит в том, чтобы поощрять прогрессивные народные движения и настаивать на формировании демократических правительств, предусмотренных ялтинскими соглашениями. [...]

Германия – это отдельная от Западной Европы и одновременно самая критическая проблема континента. Россия, доминирующая в Германии, будет господствовать во всей Европе. С другой стороны, Россия почти наверняка силой воспротивится установлению в Германии западного контроля. Остаются две другие возможности: полный раздел Германии на восточно- и западноевропейскую сферу или образование социал-демократической Германии, уравновешенной между западным и восточным блоками, но не присоединившейся ни к одному из них. Последнее явно предпочтительней, но, учитывая потенциал конфликта внутри Германии и в германской политике Запада и Востока, достижение такого компромисса потребует решимости, предвидения и детального планирования, а также чрезвычайно искусного воплощения.

Эти предложения по Германии и западному блоку отнюдь не означают, что надо уязвлять Россию или проявлять враждебность к ней. Задача состоит в разработке германского урегулирования, приемлемого как для СССР, так и для США, и одновременно в консолидации сферы США – Западная Европа в качестве противовеса России. Если в интересах США не допустить российского преобладания в Европе, то мы должны объединить усилия со странами, имеющими тот же интерес подчас в еще более острой форме. Нам следует подталкивать Великобританию к изложенному выше курсу и поддерживать ее только в той мере, в которой она будет ему следовать. Кроме того, нам следует сделать все возможное для возрождения Франции как великой державы. Будучи сейчас более ослабленной, чем Великобритания, Франция, однако, пользуется мощным интеллектуальным влиянием в Европе; она или Великобритания могут служить ядром западноевропейского блока, поддерживаемого Соединенными Штатами.

В этой связи США также должны осознать свою заинтересованность в сохранении британской, французской и голландской колониальных империй. При этом нам следует поощрять либерализацию колониальных режимов для их выживания и противо-

действия советскому влиянию в возбуждении антиколониального протеста. В настоящее время мы не заинтересованы в ослаблении и ликвидации этих империй или в расширении международной опеки, которые могут спровоцировать беспорядки и распад колоний и в то же время – оттолкнуть от нас европейские страны, в чьей помощи мы нуждаемся для уравнивания советской мощи.

Даже за 10–15 лет мира в Европе западноевропейские государства смогут значительно укрепить свое положение. Тем не менее факт остается фактом, что ни Франция, ни Англия, ни обе они вместе даже при поддержке других стран Западной Европы не смогут противостоять России в ее нынешнем виде. А если она и далее будет развиваться теми же темпами, что и в последние четверть века, ее относительная мощь в сравнении с другими в предстоящие годы возрастет еще больше. Если, несмотря на все усилия достичь компромисса по Германии и создать западный блок, Россия продвинет сферу своего контроля к западу от центра Германии, то США окажутся перед выбором: отвечать на этот вызов в Европе или оставить континент, а с ним и Англию, и занять оборону Западного полушария.

Очевидно, что лучше по возможности воевать за своими рубежами, несмотря на растянутость коммуникаций, поскольку в таком случае мы не можем рассчитывать хотя бы на какую-то поддержку других государств. [...] Оставить Европейский континент мы можем только в случае, если поймем, что наших собственных сил в сочетании с силой наших союзников недостаточно для того, чтобы остановить продвижение русских на запад. Если мы уйдем из Европы сейчас, это откроет России дорогу к Атлантике и тем самым увеличит риск того, что нам придется иметь дело с Россией, подчинившей себе всю Европу. Если же, с другой стороны, мы попытаемся создать западный союз в противовес России, то мощь этого блока может стабилизировать всю ситуацию в Европе. Если и этот курс в конце концов окажется неэффективным, нам придется оставить Европу русским; но, по крайней мере, эта ситуация будет не хуже той, которую мы рискуем навлечь на себя сами, если отдадим сейчас Европу безо всякой попытки создать там линию обороны. Таким образом, у нас нет серьезных оснований делать сейчас выбор, который можно отложить, и выбирать изоляцию, которую вполне можно будет избежать.

Суммируя европейскую часть проблемы, наша политика должна состоять в следующем:

- 1) предотвратить столкновение России и Западной Европы своевременными и конкретными шагами к компромиссу;
- 2) отстаивать наши права и интересы в германском урегулировании и попытаться достичь демократического компромисса, который уравнивает Германию между западной и восточной силовой системой.
- 3) сделать все возможное для поощрения и поддержки развития в Западной Европе независимых, экономически процветающих, демократических режимов, которые в сотрудничестве с Великобританией и США служили бы противовесом русской мощи и преградой на пути дальнейшей экспансии России. [...]

Положение на Тихом океане и в Азии

Поскольку военные операции в Тихоокеанском регионе проводились почти исключительно американскими силами, наше положение там примерно соответствует положению России в Восточной Европе. Преобладание России в Восточной Европе практически невозможно оспорить, поскольку Россия завоевала этот регион, который оккупирован ее войсками. То же самое можно сказать о США на Тихом океане. То, что у нас в руках, мы можем удержать, если захотим. Последнее, естественно, зависит от развития соотношения сил в Азии.

В Азии, как и в Европе, нашей главной заботой должна быть Советская Россия. После разгрома Японии положение России в Азии чрезвычайно усилится. Хотя Китай в определенном смысле и может заменить Японию в качестве ведущей державы Востока, у него еще меньше шансов в одиночку противостоять России, чем у Вели-

кобритании и Франции в Европе. Ресурсы Китая, несмотря на его размеры и людские ресурсы, весьма ограничены, а внутренняя ситуация настолько неустойчива, что любые эффективные и широкомасштабные действия с его стороны являются делом весьма отдаленного будущего. О целях и намерениях России в Китае нам мало что известно. Одно, тем не менее, ясно: Россия может воспользоваться возможностями, создаваемыми коммунистами на севере Китая, и путем вмешательства в китайскую гражданскую войну привести дело к созданию зависимого от себя коммунистического государства. Как минимум, можно предполагать, что Россия сделает все возможное, дабы предотвратить возникновение в Китае режима, находящегося под американским или английским влиянием и способного стать потенциальным конкурентом в борьбе за господство в нерусской части Азии.' В любом случае Россия еще долгие годы будет сильнейшей державой в Азии, и, если мы "умеем руки", она вполне может добиться реорганизации Китая в качестве своего эффективного союзника. Если же Россия станет доминировать как в Германии, так и в Китае, ее мощь будет представлять серьезную угрозу для США.

Как действовать в этой ситуации, сказать нелегко, поскольку здесь сохраняется много неопределенностей. Мы, например, еще точно не знаем, каков будет вклад России в разгром Японии (и будет ли он вообще); хотя, вероятнее всего, она вступит в войну с расчетом оккупировать Маньчжурию еще до прекращения военных действий. Так или иначе, следует ожидать, что Россия будет настаивать на активном участии в дальневосточном урегулировании. Она может потребовать и аннексии Маньчжурии, если виды на появление дружественного Китая будут для нее недостаточными. Корея, в свою очередь, неизбежно попадет в орбиту влияния государства, прямо или косвенно контролирующего Маньчжурию. Что же касается Японии, то здесь ясно, по крайней мере, одно – Россия будет так же противостоять контролю США над Японией, как мы, англичане или французы противились бы русскому контролю над Германией. В течение полувека Япония является для России занозой в Восточной Азии. Россия наверняка захочет, чтобы мощь Японии была подорвана, но, вполне вероятно, не до такой степени, чтобы Япония не смогла противостоять давлению других государств. Она даже может усматривать в поверженной Японии будущего потенциального союзника под эгидой "дружественного" правительства.

Поэтому мы не можем рассчитывать на решение японской проблемы только в соответствии с нашими интересами. Но еще в меньшей степени мы можем позволить себе игнорировать тот факт, что после поражения Японии мощь России и ее способность контролировать этот огромный континент со временем намного превзойдут то, чем когда-либо располагала Япония.

В этих условиях интересы Соединенных Штатов, по всей видимости, требуют проведения политики, сходной с рекомендованной выше для Европы. Мы должны стремиться:

1. Укрепить остальные "центры силы" в Азии. Будущее Китая остается загадкой, но отнюдь не предопределено, что он должен стать коммунистическим или что китайские коммунисты непременно подпадут под русский контроль. По крайней мере, следует попытаться помочь Китаю в установлении и укреплении демократического, независимого режима, при котором российское и американско-английское влияние будут примерно сбалансированы. Если Америка не проявит инициативу в разработке компромиссной программы американско-российских действий в Китае и не заручится согласием на нее России, эта страна может вполне скатиться к гражданской войне, в которой Россия будет поддерживать коммунистов и через них добьется преобладания по всей стране.

По аналогичным причинам американская политика должна быть нацелена на уравновешивание Японии между Россией и Америкой. Если мы пойдем дальше и займем там доминирующую позицию, русские, вероятно, сделают свою заявку на господство в Азии за счет возвращения союзника в лице Китая, который будет гораздо сильнее Японии. [...]

2. Развивать и укреплять наши отношения с Австралией и Новой Зеландией. Будущая безопасность этих государств, так же как и Латинской Америки, во многом зависит от нашей поддержки. В наших интересах воспользоваться этой ситуацией и обеспечить себя передовыми бастионами в юго-западной части Тихого океана.

Документ № 2

МЕМОРАНДУМ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ США И СССР³²

1. Дружественные отношения между США и СССР необходимы для обеспечения мира для последующих поколений.

2. Национальные интересы США и СССР практически нигде не сталкиваются напрямую. Однако косвенные расхождения этих интересов при их использовании странами, находящимися в прямом конфликте с СССР – пусть даже потенциальном, – могут привести к ситуации или перегруппировке сил, ведущим к серьезному столкновению интересов США и СССР.

3. Так, интересы Великобритании и Британской империи заключают в себе потенциальный источник серьезных конфликтов с СССР. В силу традиции и политической инерции Соединенное Королевство, зачастую не формулируя и даже не осознавая этого, рассматривает свои интересы на Ближнем Востоке, Средиземноморье, Балканах, Индийском океане и т.д. как безусловно сталкивающиеся с интересами СССР. Аналогичным образом у СССР есть потенциал прямых конфликтов с Китаем вокруг Маньчжурии и других районов Дальнего Востока.

Поэтому маловероятно, что Великобритания и Китай будут предпринимать шаги, способствующие укреплению американо-советских отношений. Напротив, эти страны – зачастую почти инстинктивно – будут, вероятно, склонны к натравливанию СССР и США друг на друга.

Кроме того, в Западной Европе есть деятели, обладающие политическим и экономическим влиянием, которые уже выражают страх перед распространением коммунизма по всей Европе при поддержке и направляющей роли российского руководства. Такие разговоры усиливают опасения СССР, что некоторые западноевропейские страны в возможном будущем конфликте между СССР и Германией либо примут сторону Германии, либо откажутся помогать России. Да и в самих США немало криво толков, основанных на аналогичном страхе перед коммунистической угрозой.

4. Опасность состоит в том, что в совокупности эти противоречия и подозрения подтолкнут СССР к большему изоляционизму, несговорчивости и заинтересованности в распространении своего влияния с целью защиты собственного существования. Если не принять позитивных мер для исправления этой тенденции, СССР может прийти к заключению, что его единственный выбор состоит в проведении более националистической и имперской политики путем распространения своего влияния и контроля на большую часть Европы, а также значительную часть Азии и Ближнего Востока.

В этой связи не стоит забывать, что советские лидеры формировались как революционеры, мало бывали за пределами СССР и имеют слабое представление о западном и в особенности американском общественном мнении. Многие из нынешних советских лидеров приучены с юных лет воспринимать капиталистические страны в качестве заклятых врагов Советского Союза. Некоторые из них и сегодня крепки в этой своей вере в той же степени, как и те на Западе, кому с детства внушали, что Советы являются источником коммунистической угрозы для них и всего мира. Многие

---

³² Franklin D. Roosevelt Library, Harry L. Hopkins Papers, Sherwood Collection, Book 10, Box 337, Post-Yalta Deterioration (folder 2).

советские руководители и поныне не забыли о попытках ряда демократических стран задушить их революцию. Многие не забыли отношения к СССР со стороны членов Лиги наций. Советы до сих пор не забыли о Мюнхене. Вероятно, поэтому недавние споры в Сан-Франциско в связи с вопросом о приглашении Аргентины вызвали у Советов ассоциации с действиями Лиги наций.

В этом смысле неудивительно, что Советы не разбираются в общественном мнении США и не особенно о нем пекутся. Инцидент вроде недавнего ареста 16 польских деятелей (речь идет о руководителях Армии Крайовой. – В.П.) наглядно показывает, как одна и та же акция может вызвать шок в США и Великобритании, тогда как СССР осуществляет и обосновывает ее, исходя из сугубо прагматических соображений. Это лишь предвестник ситуаций, которые будут возникать постоянно, если не принять эффективных мер по их предупреждению. В противном случае они в совокупности будут вести к прогрессирующему ухудшению американско-советских отношений и серьезной угрозе для нашей национальной безопасности.

5. В силу сказанного необходимо и желательно заново оценить основополагающие аспекты советской политики с тем, чтобы принять меры по укреплению отношений между США и СССР в интересах всемирной безопасности.

6. В сегодняшней обстановке цели СССР выстраиваются по степени их важности следующим образом:

а) Восстановление заводов и других предприятий, разрушенных немцами или самими Советами в рамках тактики "выжженной земли".

[...] Судя по многим источникам, представляется очевидным, что Советы считают задачу восстановления самой приоритетной. Что же касается американской политики в этом отношении, то мы уже давно и неоднократно повторяем советской стороне, что для оказания помощи в финансировании их нужд в восстановлении необходимо, чтобы конгресс принял специальное законодательство. В то же время нами ничего не предпринято в этом направлении с тех пор, как Советы впервые подняли этот вопрос. Как у людей и без того подозрительных и неуверенных в нашей обязательности, у советских деятелей, естественно, возникли сомнения в том, что мы действительно намерены предоставить им кредиты. [...]

б) Стратегическая безопасность границ. Поскольку Советы более всего опасаются объединения других стран с Германией для новой агрессии против СССР под тем предлогом, чтобы остановить дальнейшее распространение коммунизма, они, разумеется, стремятся обеспечить свою безопасность, безапелляционно настаивая на том, чтобы правительства таких стран, как Польша, Финляндия, Чехословакия, Югославия, Румыния, Болгария и другие, были бы безусловно дружественными по отношению к СССР. Это, вероятно, во многом объясняет их поведение в "польском вопросе", их действия в отношении Чехословакии и Югославии, их политику в Финляндии и оккупационные меры в Румынии и Болгарии.

в) Требования по черноморским проливам и Персидскому заливу. Представляется очень вероятным, что по тем же самым причинам – из соображений национальной безопасности, продиктованных опасением перед новой агрессией со стороны Германии в союзе с другими странами – русские могут потребовать полной свободы прохода через черноморские проливы и Персидский залив. Они, видимо, аргументируют это ссылкой на горький опыт нынешней войны, стоившей многих тысяч, а то и миллионов жизней в силу того, что существующий режим Проливов заставлял их удлинять маршруты снабжения на тысячи миль по сравнению с тем, что они могли бы иметь при свободном проходе через них. Аналогичным образом они, по-видимому, будут настаивать на том, что, не имея маршрута снабжения через Персидский залив, они будут серьезно ущемлены в [случае новой] войны с Германией.

г) Двусторонние пакты о взаимопомощи. При отсутствии более широких и эффективных мер советские политики продолжают курс на заключение договоров о взаимопомощи наподобие пактов СССР с Чехословакией и Францией. Назначение таких договоров, несомненно, состоит в дополнительном обеспечении безопасности наряду с

требованиями дружественных режимов вдоль своих границ и свободного прохода через проливы и Персидский залив. На практике, однако, Советы вряд ли особенно полагаются на подобные соглашения, поскольку без реального участия в них Соединенных Штатов они не будут иметь решающего значения. Советы хорошо помнят, как Франция, Великобритания и отчасти Чехословакия отказались от своих договорных обязательств после Мюнхена, хотя пакт о взаимопомощи тогда еще сохранял свою силу.

д) Организация всеобщей безопасности. Советы надеются на создание всемирной организации, способной обеспечить мир. В том случае, если удастся сделать ее работоспособной, она станет дополнительной гарантией к их собственным национальным, региональным и специальным мерам безопасности. Однако в свете опыта взаимодействия с Лигой наций Советы вряд ли особо оптимистичны в отношении новой всемирной организации и вряд ли дают ей больше 20–30% шансов на успех в предотвращении потенциальных крупных конфликтов.

7. Возможные действия по укреплению американо-советских отношений.

Если Советы придут к заключению, что мы на деле осознаем суть их глубинных побуждений и интересов и готовы в той или иной форме помочь им, можно будет, по всей видимости, достичь серьезного прогресса в наших отношениях и избежать целой серии малых конфликтов. В этой связи, возможно, был бы крайне полезен разговор с глазу на глаз, главное внимание в котором уделялось бы основополагающим интересам СССР. В то же время нам следует прямо и откровенно изложить советской стороне свое понимание того, что мы ожидаем от нее для защиты наших общих интересов и укрепления наших отношений. При этом можно подчеркнуть, что наши краткосрочные и долгосрочные интересы в Польше, на Балканах и других регионах по большому счету не сталкиваются с интересами СССР. Для такого разговора один на один – без участия на первый раз Великобритании и Китая – можно было бы предложить следующие основные вопросы:

а) Кредиты на восстановление. В случае достижения согласия по другим проблемам США могли бы объявить Советскому Союзу о готовности в соответствующий момент запросить у конгресса полномочия для предоставления СССР кредитов на согласованный период для оказания помощи в восстановлении хозяйства. В этом отношении было бы разумно оговорить, что речь идет о полномочиях, позволяющих, к примеру, выделять ежегодно по два миллиарда долларов в течение минимум трех лет. Политически это, вероятно, станет возможным после вступления СССР в войну с Японией, если таковое произойдет.

б) Договор о демилитаризации Германии. Как ранее, так и сейчас на Сан-Францисской конференции, СССР указывал, что решительно настаивает на выделении вопросов мирного урегулирования в Германии из сферы компетенции Совета Безопасности всемирной организации. Это, в частности, со всей очевидностью вытекает из поправки, предложенной им к разделу о региональных организациях разработанного в Думбартон-Оксе проекта. [...]

Договор о демилитаризации Германии, подписанный и Соединенными Штатами, несомненно, устранил большую часть советских опасений относительно того, что Германия – одна или в комбинации с другими странами – через одно или два поколения снова пойдет войной на СССР. Такой договор в своем первом разделе о целях мог бы подтвердить курс ялтинских договоренностей по Германии, а затем предусмотреть обязательство по использованию в течение определенного периода силы, если это будет необходимо для реализации названных целей и предотвращения ситуации, когда Германия вновь смогла бы использовать свою волю, мощь и потенциал для развязывания войны (проект такого договора прилагается к меморандуму).

8. Другие практические меры в отношении Германии. СССР, по всей видимости, намерен отделить от Германии территории к востоку от Одера вместе с верховьем Нейсе и Верхней Силезией, превратив ее в часть новой, дружественной себе Польши. Эти территории располагают значительными ресурсами, важными как в случае военных действий, так и для мирного развития.

Если США, Франция, Великобритания, Бельгия и Голландия проявят готовность к отделению от Германии Рурской области и предоставят СССР возможность реального экономического и политического участия в управлении этой интернационализированной территорией с одновременным отделением от Германии части Рейнской области и Саара, это, вероятно, уменьшит озабоченность Советского Союза способностью Германии в одиночку или вместе с другими странами развязать против него агрессию. Указанные районы содержат большую часть запасов угля и других стратегических ресурсов довоенной Германии. Без них она вряд ли окажется способной успешно вести войну в будущем, если только не произойдет неожиданных и радикальных изменений в военной технологии. Столь масштабная мера отразится не только на способности немцев к ведению войны, но и на их психологической и волевой готовности к этому. [...]

10. Интернационализация прохода через Дарданеллы и доступ к портам Персидского залива.

Следует подумать о решении этой проблемы в рамках Объединенных Наций. Это, в частности, сделает такое решение более понятным и приемлемым для американского народа. Да и Великобритании, которая скорее всего будет сильно противиться любой советской монополии на эти коммуникации, будет сложнее выступать против равноправного доступа к ним всех Объединенных Наций.

11. Устранение причин для взаимных подозрений.

С учетом различий в традициях, идеологии и формах правления двух стран проблема взаимоотношений между их народами, безусловно, является крайне трудной. По сути мы в наших взаимоотношениях сталкиваемся с различиями между демократической и коммунистической системой.

Тем не менее СССР мог бы предпринять некоторые шаги для улучшения взаимоотношений. Так, он имеет возможность при желании воспрепятствовать проникновению коммунизма в таких странах, как США, и проследить, чтобы там не велась коммунистическая пропаганда, будь то через американских коммунистов или по иным каналам.

Каждое из наших двух государств должно уважать политические, экономические и социальные институты другого, подтверждая свою убежденность в праве суверенных народов выбирать и развивать свои собственные институты по своему усмотрению и в соответствии с целями, разработанными в Думбартон-Оксе.

Ослаблению взаимного непонимания может способствовать и больший обмен людьми, а также – свободный доступ к информации. Такие обмены среди инженеров и техников уже начались. Этому хорошему начинанию следовало бы дать больший ход, особенно по частным каналам. [...]

Все вышесказанное – это лишь часть многочисленных принципиальных и сложных проблем, которые надлежит решить, дабы избежать роста конфликтов с СССР в будущем. Что еще важнее, выработка конструктивного, подлинного государственного подхода к решению этих коренных проблем в большей степени, чем что-либо другое, будет способствовать обеспечению безопасности во всем мире.

© 1997 г.

А.А. РОДИОНОВ

ЗАПИСКИ ПОСЛА СССР В ПАКИСТАНЕ В 1971–1974 гг.

ВСТРЕЧА С А.А. ГРОМЫКО. НАЗНАЧЕНИЕ В ПАКИСТАН

10 мая 1971 г. мне позвонил по кремлевскому телефону министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко и попросил приехать к нему. В самой этой просьбе не было ничего необычного: в то время я являлся министром иностранных дел РСФСР и встречи с министром иностранных дел СССР входили в круг моих обязанностей. К Андрею Андреевичу мы, дипломаты, относились с уважением. Высокообразованный человек, доктор экономических наук, он великолепно знал проблемы международных отношений, четко представлял себе интересы советского государства и умел их отстаивать. Он избегал пустых протокольных бесед, переговоры вел свободно, без бумажек и переводчика, поскольку хорошо знал английский язык. И в стране, и за границей Громыко с полным основанием считался одним из самых влиятельных государственных деятелей СССР.

Громыко встретил меня приветливо. "Хочу обрадовать вас, – объявил он, – 6 мая на политбюро ЦК КПСС вы назначены чрезвычайным и полномочным послом СССР в Пакистане. Нас очень беспокоит внутривнутриполитическая обстановка в этой стране, как и в регионе в целом".

Я стал обстоятельно изучать обстановку в Пакистане. С самого возникновения в 1947 г. на Индостанском полуострове двух независимых государств, Индии и Пакистана, между ними не было мира. Само разделение Британской Индии на два государства по религиозному признаку сопровождалось кровавыми столкновениями. Мусульмане бежали из Индии в Пакистан, спасая свою жизнь. Раздел оставил в наследство двум странам незаживающую рану – Кашмир, где основная масса населения – мусульмане, а власть принадлежит индусам. Неоднократные попытки решить кашмирскую проблему войной оказались бесплодными. Головной болью Пакистана стало также разделение его на Западную и Восточную части, между которыми пролегло 1200 км индийской территории.

По-разному сложились и исторические судьбы этих двух государств. Индия встала на путь демократического развития. Ее отношения с СССР год от года развивались и укреплялись. В Пакистане господствующую роль играла земельная аристократия, формировавшая командные кадры армии. У власти там находились генералы, которые ориентировались на авторитарные методы управления во внутренней политике, а во внешней – на западные государства, прежде всего на США и Великобританию. Вписываясь в послевоенную стратегию этих государств, стремившихся окружить СССР

Алексей Алексеевич Родионов родился в 1922 г., чрезвычайный и полномочный посол в отставке, на дипломатической работе с 1962 по 1991 г. В 1962–1964 гг. – слушатель Высшей дипломатической школы МИД СССР, в 1964 г. – советник в Министерстве иностранных дел СССР, в 1964–1966 г. – советник-посланник в Индии, в 1966–1968 гг. – посол СССР в Бирме, в 1968–1971 гг. – министр иностранных дел РСФСР и член Коллегии МИД СССР, в 1971–1974 гг. работал послом СССР в Пакистане, в 1974–1983 гг. – посол СССР в Турции, в 1983–1991 гг. – посол СССР в Канаде, с 1991 г. – в отставке.

военными базами, Пакистан вошел в военные блоки СЕНТО и СЕАТО. В 1960 г. с территории Пакистана – с аэродрома вблизи Пешавара – поднялся американский шпионский самолет "У-2", сбитый советской ракетой над Уралом. Это событие получило большой международный резонанс, так как сорвало намеченные в Париже переговоры лидеров великих держав. Оно получило отклик и в Пакистане, где народные массы поднимались к политической жизни и где односторонняя ориентация Пакистана на Запад вызывала все большее раздражение и непонимание.

У власти в то время в Пакистане находился режим генерала Аюб Хана. Учитывая господствовавшие в стране настроения, он начал постепенно менять свое отношение к СССР. В 1966 г., когда вспыхнул очередной конфликт с Индией из-за Кашмира, Аюб Хан принял советское предложение о посредничестве и приехал на переговоры в Ташкент, где вместе с председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным встретился с премьер-министром Индии Л.Б. Шастри. Переговоры в Ташкенте были трудными, но позволили избежать войны. В итоге стороны подписали Ташкентскую декларацию, в которой обязались разрешать свои разногласия мирными средствами.

Ташкент дал мощный импульс развитию советско-пакистанских отношений. В сентябре того же года было подписано соглашение об экономическом и научно-техническом сотрудничестве двух стран. В апреле 1968 г. Пакистан посетил с официальным визитом Косыгин, были подписаны контракты и соглашения о строительстве металлургического завода, двух тепловых электростанций, линии электропередач.

В стране тем временем нарастала политическая активность народных масс. В Западном Пакистане большую популярность завоевала Пакистанская Народная партия (ПНП), которую возглавил Зульфикар Али Бхутто. В Восточном Пакистане главной политической силой стала Народная лига, лидером которой был признан Муджибур Рахман. Обе партии выражали стремление народа к социально-экономическим реформам. Народная лига, объединявшая бенгальцев, выступала против господства в стране западнопакистанской аристократии и откровенной эксплуатации ею Восточного Пакистана.

Апогей выступлений народных масс совпал с десятилетием правления Аюб Хана. В 1968 г., было много кровавых столкновений с полицией. Аюб Хан, перенесший инсульт, объявил по радио, что отказывается от власти. Однако военные не захотели отдавать власть, и под их давлением Аюб Хан передал полномочия главнокомандующему вооруженными силами Пакистана генералу Яхье Хану. В стране было введено военное положение, парламент – Национальное собрание – и провинциальные законодательные собрания распущены. Западный Пакистан был объявлен зоной "А", Восточный – зоной "Б". Обе зоны управлялись военными администраторами. Но генералы не могли игнорировать настроение народа. Они пообещали демократические выборы и, в конце концов, вынуждены были согласиться на их проведение.

7 декабря 1970 г. в стране впервые в ее истории прошли всеобщие выборы в Национальное собрание. Из 55 млн. избирателей в них приняло участие 75%. Было избрано 300 депутатов. Результаты выборов ошеломили военное руководство. 151 депутат был избран от Народной лиги и 82 – от ПНП. Успех обеих партий объяснялся тем, что они обещали широкие социально-экономические преобразования в интересах народных масс. Рахман требовал проведения Пакистаном независимой внешней политики, выхода из военных блоков, нормализации отношений с Индией, максимальной автономии Восточного Пакистана, федерального устройства страны с передачей всех функций внутреннего управления в руки зональных правительств, подотчетных парламенту. Бхутто же выступал за первоочередное решение кашмирской проблемы в пользу Пакистана, критиковал Ташкентскую декларацию и призывал к дальнейшему укреплению отношений Пакистана с Китаем. Его внутренняя политика определялась лозунгом: "Ислам в идеологии, демократия в политике, социализм в экономике". С Народной лигой он соглашался только в двух вопросах: федеративное устройство страны и подотчетность правительства парламенту.

За этими разногласиями стояли противоречия прежде всего западнопакистанской и бенгальской буржуазии. Первая не хотела сдавать своих господствующих позиций в стране, вторая хотела освободиться от гнета первой. Большинство, полученное Народной лигой в Национальном собрании, давало возможность Рахману принять новую конституцию и реализовать свою программу. Это серьезно беспокоило Яхью Хана, но он надеялся на компромисс. В середине января 1971 г. он объявил о созыве Национального собрания в Дакке, которое должно было сформировать правительство во главе с Муджибуром Рахманом. Господствующий слой Западного Пакистана – 22 семейства крупнейших пенджабских помещиков, банкир и промышленник, верхушка армии и государственной бюрократии – встретил это известие в штыки. Лидеры западнопакистанских партий заявили, что не поедут в Дакку и не примут участия в работе Национального собрания. Этим поспешил воспользоваться Яхья Хан. Он объявил, что ввиду разногласий между ведущими политическими партиями открытие Национального собрания откладывается на неопределенное время.

Руководство Народной лиги ответило на это призывом провести кампанию гражданского неповиновения. В Восточном Пакистане начались демонстрации, забастовки, столкновения между бенгальцами и населением Западного Пакистана – урдуменами. Яхья Хан ввел в городах комендантский час. Обстановка накалялась: государственные учреждения прекратили работать, закрылись учебные заведения, население отказывалось платить налоги. Жизнь в провинции стала регламентироваться декретами рабочего комитета Народной лиги. Фактически сложилась обстановка двоевластия.

Лидеры политических партий Западного Пакистана призвали Яхью Хана пойти на уступки Народной лиге и разрешить противоречия мирным путем. Власти сделали вид, что согласны пойти на удовлетворение бенгальских требований: войска были отведены в казармы, подверглись расследованию факты столкновений армейских частей с населением. Однако военное положение сохранялось. В генеральном штабе было принято решение разгромить Народную лигу.

В тайне от общественности в Восточный Пакистан начали перебрасывать войска, снаряжение, боеприпасы, горючее. Военным транспортом оттуда вывозились формирования, состоявшие из бенгальцев, которым командование не доверяло. В конце февраля – начале марта 1971 г. бенгальцы, служившие в частях ВВС, были отстранены от полетов. Большую группу бенгальских морских офицеров и матросов списали на берег. Бенгальцев, служивших в штабах армии и в полиции, заменяли пенджабцами и пуштунами. Все это стало известно руководству Народной лиги.

В Дакке и других городах Восточного Пакистана бандиты вырезали целые семьи, ужесточились репрессии властей. Спасаясь, миллионы людей уходили в Индию. В ответ на карательные меры пакистанских военных в Восточной Бенгалии стали возникать отряды "Мухти бахини" – силы освобождения, использовавшие в качестве опорной территории Индия. Беженцы и отряды "Мухти бахини" еще более осложнили пакистано-индийские отношения, создавая новую угрозу миру.

Таким образом, к лету 1971 г. в Пакистане в один узел жестокого кризиса завязались пакистано-индийские разногласия, межнациональные внутренние противоречия и резкое обострение социально-экономических проблем.

"Мы с пристальным вниманием следим за обстановкой, складывающейся в Пакистане, – говорил, провожая меня, Громыко. – Мы приветствуем стремление руководителей Пакистана избежать кровопролития и решить возникшие сложные внутривнутриполитические проблемы путем переговоров с лидерами основных политических партий". Характеризуя внутривнутриполитическое положение Пакистана, Андрей Андреевич подчеркнул, что Народная лига исходит из сохранения единства государства, хотя и выдвигает задачу предоставления автономии его частям. Касаясь советской позиции, он заметил: "Мы исходим из желания внести посильный вклад в поиски такого решения, которое наилучшим образом отвечало бы интересам пакистанского народа".

Осложнение пакистано-индийских отношений и широкие советско-индийские дружеские связи стали поводом для начала в части пакистанской прессы шумной антисоветской кампании. Указав на нее, Громыко сказал: "Некоторые круги хотели бы представить дело так, будто наша позиция – это вмешательство во внутренние дела Пакистана. Но мы лишь призываем к прекращению кровопролития и убеждены, что это полностью отвечает интересам всех народов страны. Мы руководствуемся исключительно гуманными целями, и такая позиция применима была бы к любой стране, если бы там происходили подобные события. Наша последовательная политическая линия состоит в том, чтобы две соседние страны: Индия и Пакистан жили в мире. Что касается политического устройства страны, то это внутреннее дело народа, и никто другой не должен в это вмешиваться".

Все это было сказано накануне моего отъезда в Пакистан, когда события на субконтиненте еще не достигли своей кульминации. Вспоминая слова Громыко, не могу не отметить, насколько точен был его политический анализ. К сожалению, Яхья Хан сделал все, чего не надо было делать. Его попытка подавить освободительное движение бенгальцев силой привела к серьезным социальным потрясениям, страна распалась на два независимых государства, он начал войну с Индией и позорно проиграл ее, способствовал крайнему обострению советско-пакистанских отношений.

ВОЙНА

Наш самолет подлетал к Исламабаду в полдень 1 июля 1971 г., куда в 1959 г. из Карачи была перенесена столица Пакистана.

Исламабад – утопающий в зелени город, окаймленный цепью гор, имеющей форму полумесяца. Он прекрасно спланирован с использованием опыта строительства таких известных столиц мира, как Бразилиа, Канберра, Нью-Дели. Воздух здесь чистый, климат благоприятный. Жара, наступающая в июле, продолжается всего несколько недель. В это время большинство населения отправляется в места отдыха, расположенные в горах – Марри, Натхиагали, Аботтабад. Когда выбирали место для новой столицы, то это обстоятельство тоже принималось во внимание. Но главное все же в другом: Пакистан хотел иметь совсем новую столицу, в которой ничто не напоминало бы о колониальном прошлом.

Население столицы едва достигало 100 тыс. человек. Это, главным образом, члены правительства, парламентарии, чиновники, бизнесмены, военные, дипломаты.

В 15 км от города, в Равалпинди, расположились президентский дворец с его многочисленными канцеляриями, некоторые министерства, главные полицейские и иммиграционные службы. Там же проходили и сессии Национального собрания.

6 июля 1971 г. я вручил верительные грамоты президенту Пакистана генералу Аге Мохаммеду Яхье Хану. В сопровождении начальника протокольного отдела министерства иностранных дел Пакистана я прибыл в президентский дворец. Адъютант президента пригласил меня в зал, где должна была состояться церемония вручения верительных грамот. Яхья Хан вышел мне навстречу: пожилой человек, маленького роста, полноватый, с широким, одутловатым лицом и густой шевелюрой волос мышино-серого цвета. Он был в темном костюме и ярком галстуке. Подал мне руку, Яхья Хан попытался изобразить на лице приветливость, но удалось ему это с большим трудом. Да и эта наигранная любезность исчезла, как только мы уселись за круглый стол и начали беседу. Я понимал, что президента одолевали куда более серьезные проблемы – режим военной диктатуры в стране вступил в полосу кризиса, и перед Яхье Ханом во всей остроте встал вопрос о том, как удержаться у власти.

Мной была подготовлена речь, которая обычно произносится при вручении верительных грамот, но на этот раз она мне не понадобилась. Я сказал, в частности, что советское правительство возложило на меня высокую миссию представлять мою страну в Пакистане. Я выразил надежду на дальнейшее расширение и углубление сотрудничества между СССР и Пакистаном, что отвечало бы не только интересам народов наших стран, но и служило делу укрепления мира и стабильности во всем

прилегающем районе. Между СССР и Пакистаном, отметил я, нет спорных вопросов, и имеются основания для того, чтобы наши страны жили в мире и добром согласии.

Яхья Хан ответил, что Пакистан тоже выступает за дружественные добрососедские отношения с СССР. Я попытался затронуть в беседе некоторые международные проблемы, но президент не проявил к ним интереса. Он выразил озабоченность серьезной обстановкой, сложившейся в стране, причиной которой стали, главным образом, волнения бенгальцев в Восточном Пакистане, подогреваемые, по его мнению, враждебными силами извне, и напряженность в пакистано-индийских отношениях.

На следующий день пакистанская пресса сообщила о вручении советским послом верительных грамот Яхье Хану. В газетах подчеркивалось, что СССР стремится к улучшению своих отношений с Пакистаном, свидетельством чему является и то, что послом в Исламабад назначен опытный дипломат, занимавший в Москве высокий пост – министра иностранных дел РСФСР.

Тем временем обстановка в стране стремительно ухудшалась. Назревала война с Индией. Вряд ли можно найти еще две страны, которые вели бы друг с другом столько переговоров и подписали так много соглашений, как Индия и Пакистан. Их было сотни. К ним следует прибавить более 100 заседаний Совета безопасности ООН по кашмирскому вопросу, 800 встреч представителей Индии и Пакистана по вопросам демаркации границы между Восточным Пакистаном и индийскими штатами Ассам, Западная Бенгалия и округом Трипура.

Несмотря на интенсивные усилия, направленные на согласование спорных вопросов, отношения между Индией и Пакистаном были сложными. Оставались нерешенными: кашмирская проблема, вопрос о водах оросительных каналов, прежде всего бассейна реки Инд, финансовые претензии, многочисленные пограничные споры.

На состоявшейся вскоре пресс-конференции Муджибур Рахман заявил: "Президент в одностороннем порядке прервал переговоры и, покинув Дакку, вылетел в Карачи. Нам стало известно, что пакистанские подразделения по всей провинции, которую мы называем Бангладеш (страна бенгальцев), начали занимать стратегические позиции. Дороги перерезаны, бенгальские полицейские заперты в казармы. Я обратился к населению с призывом сохранять спокойствие, не поддаваться на провокации, устраиваемые пакистанскими спецслужбами и экстремистами. Со своей семьей я остаюсь в Дакке, что бы ни случилось".

26 ноября Яхья Хан давал прием в честь китайской экономической делегации. Он был при всех орденах, в военной форме. Чокнувшись с гостями, подошел с бокалом виски к журналистам. "Вниманию прессы, – сказал он. – На днях через индийского посла я предпринял новую попытку выяснить отношения с индийским правительством. Я предложил конструктивный и компромиссный план урегулирования восточнопакистанской проблемы. Да, я согласен вступить в переговоры с Народной лигой и так называемым правительством Бангладеш, находящимся в Калькутте. Но Индия осталась глуха. Я предупреждаю, что в случае войны с Индией Пакистан не будет одинок. На нашей стороне великий Китай с его победоносной армией".

С самого начала событий Пекин заверял пакистанских руководителей, что он поддерживает их в конфронтации с Индией, и поощрял на развязывание военных действий. Заключение в августе 1971 г. советско-индийского договора о мире, дружбе и сотрудничестве Пекин воспринял как удар по своей политике в Южной Азии и ответил усилением антисоветской и антииндийской пропаганды.

Во всех городах Западного Пакистана расклеивались плакаты: "Сокрушим Индию", "Объявим священную войну индийскому империализму". Везде проходили митинги и собрания в поддержку политики борьбы с Индией. Каждый вечер объявлялись воздушные тревоги, города погружались в темноту. Вечером 3 декабря 1971 г. по радио было передано экстренное сообщение: ВВС Пакистана атаковали ряд аэродромов и стратегических узлов Индии. В Кашмире пакистанские части перешли линию перемирия.

Началась война. Генеральное консульство СССР в Дакке, с которым мы поддерживали непрерывную связь, стало свидетелем ожесточенных боевых действий в Восточном Пакистане. Били зенитные орудия, один за другим раздавались взрывы. Горели морской порт Дакки, аэродром. Индийские ВВС предпринимали одну атаку за другой. Бравурная музыка из репродукторов сменялась сигналом воздушной тревоги, снова раздавался треск зенитных установок. Госпитали не вмещали раненых. Улицы были запружены народом.

В Исламабаде, несмотря на удаленность от зоны боевых действий, война также ощущалась на каждом шагу. Ревели репродукторы: "Индия, теперь ты ответишь за все!", "Покончим с Индией и русскими агентами!", "Победа! Победа!" По исламбадскому радио выступил Яхья Хан. Подчеркнуто сурово и торжественно обвинив в агрессии Индию, заявил о войне до победного конца. "Солдаты, вперед и только вперед! Сокрушим Индию! Да поможет нам Аллах в этой справедливой войне".

Тон газет воинственный: победные репортажи, снимки захваченных танков, сбитых самолетов, подробное перечисление трофеев. Командующий пакистанскими силами в Восточном Пакистане генерал Ниязи заявлял, что индийцы войдут в Дакку только через его труп. По телевидению офицер из военной контрразведки давал советы по разоблачению и поимке шпионов.

Сводки с фронтов шли разноречивые. Военный в полковничьих погонах из министерства информации сообщал, что в Восточном Пакистане армия отбросила за государственную границу индийские части, идет успешное освобождение Кашмира, индийские ВВС понесли значительные потери в результате налета пакистанских самолетов.

В то же время все радиостанции мира сообщали, что военные действия складываются неблагоприятно для Пакистана: наступление в Кашмире захлебнулось, индийские десанты уже под Даккой, на западном фронте пакистанцы отступили. Все иностранные представительства решили эвакуировать семьи своих сотрудников.

В Исламабаде бесчинствовали мародеры. Они грабили военные склады, избивали владельцев кафе, отелей, баров, ресторанов, охотились за автомашинами. Не обошли они своим вниманием и нас.

Построенное в 1971 г. советское посольство находилось на окраине Исламабада, на территории нового дипломатического квартала, на улице Кьятан Сухраварди, названной в честь первого премьер-министра Пакистана. Пустырей и котлованов пока что здесь было больше, чем дипломатических миссий; единственный сосед – посольство Кувейта.

Советское посольство – здание из стекла и бетона, построенное по проекту архитектора А.И. Богданова, вступило в эксплуатацию в 1971 г. Оно располагалось на территории четырех гектаров и было обнесено высокой металлической оградой. Непосредственно в здании посольства располагались: просторный, красивый зал для приемов, удобные рабочие кабинеты, канцелярия, различные службы. На третьем этаже была обширная терраса, с нее открывался великолепный вид на столицу. Террасу мы часто использовали для просмотра фильмов, собраний, отдыха. С левой стороны посольского здания размещалась резиденция посла с небольшой гостиной, столовой внизу, спальней и рабочим кабинетом наверху. На территории также находились: трехэтажный жилой дом наших работников, консульский отдел с входом в него с улицы, начальная школа, где кроме наших детей, учились дети работников посольств социалистических стран, бассейн, резервуар с большим запасом пресной воды, хорошо оборудованный гараж. Это был целый дипломатический городок, управлял им заведующий хозяйством Владимир Алексеевич Бреднев, мастер спорта, известный в стране футболист, игравший сначала за "Торпедо", а потом в советской сборной. Он отличался скромностью, деловитостью, ответственностью за порученное дело. В посольстве его любили за доброту и отзывчивость.

В течение нескольких недель наше посольство было блокировано огромной толпой разъяренных националистов, наркоманов, хулиганов, преступных элементов. Они пы-

тались прорваться на территорию посольства, забрасывали камнями здание и появлявшихся людей. Ежедневно в приемную посольства поступали телефонные звонки, письма с угрозой расправы. Наши сотрудники – коллектив посольства был небольшой, в нем насчитывалось около 70 человек – держались мужественно, предпринимая все возможные меры для защиты. Из ряда официальных учреждений, из министерства иностранных дел, нас предупреждали: "Поменьше ходите по улицам. Сегодня советские не в почете".

Из наиболее стойких, смелых сотрудников, способных в любое время дать отпор провокаторам, был создан штаб по защите посольства и проживавших на его территории людей. В него вошли: офицер безопасности И.Т. Стельмашок, заведующий консульским отделом Л.В. Рябченяк, атташе посольства Ю.В. Грацианский и В.А. Бреднев. На случай возможной блокады посольства были созданы запасы продуктов питания, воды, горюче-смазочных материалов для автопарка и дизельных установок аварийного энергоснабжения. Все ответственные участки: приемный зал, рабочие кабинеты, канцелярия, квартира посла, котельная, гараж и другие – были забаррикадированы столами, стульями, различными щитами – всем, чем было возможно. В посольстве было введено круглосуточное дежурство. Кроме комендантов дежурили также дипломаты. Была установлена постоянная связь с министерством иностранных дел и полицией Пакистана, а также с дружественными посольствами.

В связи со сложной обстановкой в Пакистане мы получили указание из Москвы об отправке на Родину женщин, детей и специалистов, работавших в пакистанской государственной корпорации по развитию нефтяной и газовой промышленности. Эвакуация была назначена на 12 декабря. В этот день за советскими гражданами должны были прибыть два специальных самолета "Ил-18".

В министерство иностранных дел Пакистана первому заместителю министра Султан Хану¹ была отправлена нота, извещающая об отъезде из Исламабада советских граждан, и была изложена просьба об обеспечении безопасности в проведении эвакуации.

12 декабря утром колонна наших машин направилась в аэропорт. Во главе колонны шла моя машина с советским флагом. Уже на улицах нам приходилось прорываться через толпы бесчинствовавших людей, которые бросались под машины, преграждая им путь, забрасывали их камнями, выкрикивали ругательства. Ни одного полицейского по пути мы не встретили.

Наиболее опасная обстановка сложилась в аэропорту. Группа хулиганов рвалась к моей машине, пытаясь сорвать с нее советский флаг. Нас окружила тысячная обезумевшая толпа, надвигаясь на нас и забрасывая камнями, яблоками, огурцами – всем, что попадало под руку. По территории аэропорта разъезжали автомашины, оборудованные громкоговорителями, и сидевшие в них люди выкрикивали грязные ругательства. Женщин и детей нам пришлось укрыть в автобусах, в которых они находились в течение трех часов, пока не прилетели наши самолеты.

Толпа разъяренных людей хлынула на летное поле. Они окружили самолеты и пытались прорваться внутрь по специально подготовленным для этих целей трапам. Работники посольства хотели связаться с министерством иностранных дел Пакистана и попросить защиты, но сотрудники аэропорта заявили, что телефоны якобы не работают. Лишь после длительных переговоров руководство аэропорта разрешило советским самолетам подняться в воздух.

Вечером меня посетил начальник протокольного отдела министерства иностранных дел Пакистана. Он принес извинения и выразил сожаление по поводу случившегося, заверил, что официальные власти, мол, никакого отношения к хулиганским выходкам не имели. Я заявил решительный протест начальнику протокольного отдела и в этот

---

¹ Министром иностранных дел был Яхья Хан. Яхья Хан возглавлял кабинет министров, ведал министерствами обороны, иностранных дел, плановой комиссией, департаментом экономики, департаментом кадров.

же день направил официальную ноту протеста первому заместителю министра иностранных дел Пакистана.

16 и 20 декабря были учинены погромы советских учреждений в Пакистане: Дома дружбы, Бюро Агентства печати "Новости", представительства Аэрофлота и демонстрационного зала торгпредства в Карачи.

В Исламабаде остались моя жена и еще восемь женщин. Им выпала нелегкая доля: они обеспечивали тогда всем трехразовое питание, в чистоте и порядке содержались все служебные помещения посольства. Несмотря на то, что на все посольские осталась одна машинистка – молодая и красивая Светлана Костенко, все служебные документы печатались своевременно. Прекратилась доставка советских газет и журналов, тем не менее в коллективе регулярно проводились информации, лекции, доклады, демонстрировались фильмы.

В области внешней политики Пакистан традиционно ориентировался на США, но пакистано-американские отношения тогда складывались сложно.

Усилия американской дипломатии в Пакистане сосредоточивались на том, чтобы Пакистан сохранил свое единство, авторитарный режим и продолжал оставаться членом СЕАТО и СЕНТО. Именно поэтому администрация Никсона не прекращала оказания экономической помощи правительству Яхья Хана. Продолжались американские военные поставки. С марта по август 1971 г. США предоставили Пакистану военного снаряжения на 3,6 млн. долл. Американское оружие продолжало поступать в Пакистан от частных фирм третьих стран.

Что касается Восточного Пакистана, то, с одной стороны, США уклонялись от открытого осуждения действий правительственных войск в Восточном Пакистане. Они даже пошли на досрочный отзыв своего генерального консула из Дакки, поскольку он своим поведением дал основание полагать, что США сочувствуют бенгальскому национальному движению. С другой стороны, США продолжали оказывать продовольственную помощь населению Восточного Пакистана и наращивали гуманитарную помощь на содержание в Индии восточнопакистанских беженцев. Помощь беженцам достигла 130 млн. долл.

Американцы негласно поощряли Яхью Хана в его усилиях не допустить к власти Бхутто. Последнего в США недолюбливали еще с 60-х годов, когда Бхутто, занимая пост министра иностранных дел в администрации Аюб Хана, умело балансировал между тремя великими державами: СССР, США и КНР.

Американская дипломатия стремилась подорвать позиции СССР в Пакистане. Как аргумент против СССР активно использовался только что подписанный советско-индийский договор о мире, дружбе и сотрудничестве. Особо обыгрывался девятый пункт этого договора, в котором говорилось, что, в случае вооруженного нападения на одну из договаривающихся сторон третьей страны, другой партнер должен был прекратить какую-либо помощь нападающей стороне.

Проводившаяся американцами линия устраивала правящие круги Пакистана. Развернутая в стране широкая антисоветская пропаганда на страницах печати, по радио и телевидению оказала большое влияние на широкие слои населения.

18 декабря 1971 г. утренние газеты опубликовали сообщение о прекращении военных действий на всех фронтах. Печать выделяла слова из приказа Яхьи Хана: "Предложение о перемирии нами принято. Война не решила проблем, стоящих перед Пакистаном". Для Яхьи Хана война, которую он развязал, обернулась против него. В плену на территории Бангладеш и Индии осталось 100 тыс. из 365 тыс. солдат и офицеров пакистанских вооруженных сил, чиновники различных правительственных ведомств. Пакистанскими спецслужбами был схвачен и заточен в тюрьму Муджибур Рахман.

Военный режим Яхьи Хана отражал интересы монополистических группировок буржуазии, земельных магнатов, реакционного мусульманского руководства и армейской верхушки. Вооруженные силы Пакистана традиционно играли важную роль в жизни страны. После поворотного поражения в войне с Индией начальник генераль-

ного штаба Гуль Хасан и командующий ВВС Рахим Хаң отстранили от власти Яхью Хана и заставили его передать власть председателю ПНП Бхутто.

20 декабря 1971 г. специальным самолетом Бхутто прилетел из Нью-Йорка, где он представлял Пакистан на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В тот же день он принял полномочия президента. Новый президент выступил по радио и телевидению, заявив, что ответственность за судьбу страны берет на себя Пакистанская народная партия, и призвал все национально-патриотические организации сотрудничать с ней в деле обновления страны. Последствия войны с Индией – это результат правления военного режима, подчеркнул он. Пакистан пойдет по пути прогресса, будет развивать отношения дружбы и сотрудничества со всеми странами – большими и малыми.

Яхья Хан был взят под арест. Бездарность, коррупция, участие в преступных планах военщины – основные обвинения, выдвигавшиеся против военной верхушки. Было смещено все руководство службы безопасности. Освобождались политические заключенные.

БХУТТО У ВЛАСТИ

Приход Бхутто объективно открывал возможности для развития Пакистана по буржуазно-демократическому пути, что в условиях того времени отвечало интересам не только пакистанской городской и сельской средней буржуазии, но и, до известной степени, интересам трудящихся масс. Поэтому режим Бхутто в историческом отношении был явлением прогрессивным.

В свои 30 лет Зульфикар Али Бхутто был известным политическим деятелем. Родился он в январе 1928 г. в синдском городке Ларкане, в богатой семье. Учился в Калифорнийском университете, а затем в Оксфорде и получил образование юриста. В Карачи он преподавал в юридическом колледже. На него обратили внимание в правительстве, стали привлекать к работе в различных комиссиях, нередко он выезжал с делегациями за рубеж.

Когда в 1958 г. пришел к власти Аюб Хан, Бхутто был назначен министром торговли, а затем министром информации. Он выделялся ораторскими способностями, обширной эрудицией в вопросах международного положения. Высказываясь за развитие отношений с СССР и другими социалистическими странами, Бхутто неоднократно подвергал критике американскую внешнюю политику, обвиняя правительство США в использовании экономической помощи как средства политического давления на Пакистан, и высказывал сожаление, что его страна в прошлом не рассматривала СССР в качестве друга.

Личность Бхутто и его деятельность стали предметом споров уже с начала 60-х годов. Одни его восхваляли как народного героя, спасителя страны и ее надежду, другие подвергали критике, третьи распускали о нем ложные слухи и клевету.

Почитатели Бхутто отмечали в нем многие положительные качества: образован, талантлив, энергичен, работоспособен, демократичен, блестящий оратор, хороший организатор, смел, решителен. Он действительно выделялся среди других пакистанских политических деятелей незаурядным умом, постоянно и много читал, сам являлся автором ряда книг, вызвавших интерес не только в Пакистане, но и за рубежом. Ему был чужд бюрократический стиль в работе. Он равнодушно относился к правилам протокола, держался одинаково с людьми любого положения, был свободен от чванства и высокомерия, которые были присущи людям его круга – крупным земельным магнатам. О политической смелости Бхутто свидетельствовал хотя бы тот факт, что в марте 1961 г. он подписал в Москве соглашение о разведке нефти и газа вопреки воле Аюб Хана, не имея от него соответствующей санкции.

Организаторские способности Бхутто проявились в 1966–1970 гг., когда он с небольшой группой единомышленников сумел, несмотря на противодействие военной администрации Яхья Хана и ряда правых партий, в беспрецедентно короткий для Пакистана срок создать и привести к внушительному успеху на всеобщих выборах в декабре 1970 г. ПНП.

В предвыборном манифесте партии, определявшем ее основные задачи, объявлялось конечной целью построение в Пакистане социализма, а затем бесклассового общества. Партия обещала уничтожить "гниющий капиталистический строй" в Пакистане и построить в стране социализм, поскольку только на путях социализма возможно разрешение всех стоявших перед народом и страной острейших проблем. Особо подчеркивалось, что эти проблемы являются экономическими, политическими и социальными, но отнюдь не религиозными. Для достижения поставленной цели партия намеревалась провести в жизнь широкую программу коренной перестройки всех сторон жизни страны.

Во время предвыборной кампании Бхутто постоянно разъезжал по стране. Бывали случаи, когда он выступал на нескольких митингах в двух-трех городах за один день. Его выступления собирали, как правило, гораздо больше слушателей, чем предвыборные речи других политических деятелей.

Противники Бхутто распространяли слухи, будто он злоупотреблял спиртными напитками, имел любовниц; но никто не видел его в нетрезвом состоянии и тем более в обществе женщин легкого поведения. Многие обвиняли Бхутто в прокитайской ориентации на том основании, что по его инициативе были установлены хорошие отношения с КНР и что в выступлениях он цитировал китайские изречения. Другие видели в Бхутто проамериканского политика только потому, что он выхлопотал одной из своих родственниц стипендию для учебы в США.

Бхутто обвиняли в демагогии и беспринципности. Он и в самом деле придерживался правила: "В политике нет принципов, а есть интересы", и в этом смысле был беспринципен, хотя правильнее было бы говорить о таком качестве, как политический прагматизм.

Наше отношение к Бхутто было сложным и противоречивым. В 1960–1966 гг., когда он выступал за нормализацию и развитие отношений с СССР, мы активно с ним сотрудничали и считали его прогрессивным деятелем. Но как только он вышел из правительства Аюб Хана и начал критиковать Ташкентскую декларацию 1966 г., мы от него отвернулись и обвинили в прокитайских настроениях. Неприязнь к Бхутто автоматически перенеслась и на созданную им партию.

Бхутто и другие деятели ПНП постоянно искали контактов с работниками советского посольства. Однажды в частной беседе Бхутто заявил, что готов встретиться с любым советским дипломатом, чтобы довести до СССР свои взгляды по основным проблемам внутренней и внешней политики. Но инициатива ряда работников советского посольства по завязыванию контактов с деятелями ПНП пресекалась. За недозволенный контакт с Бхутто в 1967 г. один из советских дипломатов даже получил взыскание.

Отношение к Бхутто с нашей стороны стало меняться после победы его партии на выборах в декабре 1970 г. Советские дипломаты стали встречаться с ним. В Москву пошли интересные донесения о его планах прихода к власти, программном переустройстве Пакистана, о намерении установить прочные отношения с СССР. Первую тропинку к Бхутто проложил первый секретарь посольства Э.К. Колбенов, опытный дипломат, хорошо знавший обстановку в стране, свободно владевший английским и урду. Однако прежняя линия Москвы на бойкотирование Бхутто привела к тому, что с приходом ПНП к власти мы не имели с ней прочных и устойчивых связей.

Одна черта Бхутто заслуживала особого внимания – он был убежден, что будущая судьба Пакистана зависит от налаживания хороших, прочных отношений с СССР, высказывался за установление надежных экономических связей, советско-пакистанского политического диалога на высшем уровне, подчеркивал огромное влияние советского руководства на решение проблем южноазиатского континента, и в этих условиях на него можно было бы оказывать влияние, в рамках его основных концепций.

20 декабря 1971 г., в день когда Бхутто вступил на президентский пост, во второй половине дня он позвонил мне в посольство и попросил встретиться с ним, если возможно, в 19 часов в особняке "Пенджаб хауз" – доме для представительских целей

правительства штаба Пенджаб: Яхья Хан к этому времени еще не успел освободить президентский дворец. Это была моя первая встреча с ним, ранее мы никогда не встречались с Бхутто. В сопровождении второго секретаря посольства Г.И. Слепенкова я выехал на встречу заранее, поскольку обстановка в городе была чрезвычайно сложной. Исламабад находился на военном положении. По улицам шли воинские части, танки, бронемашины, другая военная техника. Город был затемнен. Шел сильный дождь. То и дело мы натыкались на военный или полицейский патруль. Машина то и дело останавливалась – то по требованию патрулей, то для того, чтобы спросить как проехать к "Пенджаб хауз".

Бхутто принял нас сразу же в небольшой комнате на втором этаже особняка. Вся мебель в комнате состояла из маленького круглого столика и нескольких кресел. Было холодно, и от включенного электрического камина толку было мало. Бхутто – подтянутый, высокого роста, тогда ему было около 45 лет, – держался дружелюбно. Кроме него в помещении никого не было. Приняв нас, Бхутто больше ни на что не отвлекался, говорил только по существу, речь его была спокойной, чистой, ясной, без претенциозности и самолюбования. Он казался сосредоточенным, видимо, осознавал, какой тяжелый и ответственный груз взвалил на свои плечи, ясно представляя, каким путем идти и что делать.

Бхутто подчеркнул, что в отличие от Аюб Хана и Яхьи Хана является первым президентом страны, представляющим волю народа. Он сообщил, что в формируемом кабинете вопросы обороны и внешней политики оставит за собой. Выразил намерения осуществить широкую демократизацию общественно-политической жизни в стране и провести важные социально-экономические реформы. Он отдал распоряжение о смещении семи генералов, ответственных за политику прежнего военного режима и за поражение Пакистана в войне с Индией. Перед правительством, отметил Бхутто, стояла исключительно трудная задача – "собрать страну по кускам" и сделать ее сильной и сплоченной. Он проводил мысль о том, что в беде, постигшей Пакистан, в значительной мере виновен прежний военный режим во главе с Яхьей Ханом. Послу СССР, продолжал Бхутто, должно быть известно, какие большие усилия прилагались лично им в ООН для прекращения огня на субконтиненте. Однако эти усилия оставались тщетными, поскольку СССР трижды накладывал вето на резолюции Совета Безопасности ООН, призывавшие к немедленному прекращению огня между Индией и Пакистаном.

Хотя уже было достигнуто прекращение огня, Пакистан, исходя из интересов мира на юге Азии, был заинтересован в том, чтобы оно получило юридическое оформление со стороны такого авторитетного органа, как Совет Безопасности ООН. Делегации Сомали, Бурунди, Японии, Сьерра-Леоне, Аргентины и Никарагуа внесли на рассмотрение Совета Безопасности проект резолюции, предусматривавшей прекращение огня между Индией и Пакистаном, а также отвод войск в пределы государственных границ соответствующих стран и за линию прекращения огня в Джамму и Кашмире. Разумеется, сказал Бхутто, этот проект резолюции не полностью удовлетворял Пакистан, поскольку не проводил различия между агрессором и жертвой агрессии, не содержал протеста против расчленения суверенного государства Пакистан, но на данном этапе резолюция – в случае принятия в Совете Безопасности – способствовала бы нормализации обстановки на субконтиненте и служила делу мира в этом регионе. Поэтому Пакистан убедительно просит СССР не препятствовать на этот раз принятию резолюции.

Я обещал незамедлительно передать в Москву высказанные президентом соображения. Подчеркнул, что СССР всегда выступал и выступает за установление прочного мира и безопасности на Индостанском полуострове. Однако наша страна всегда выступала за то, чтобы мир и стабильность на полуострове были достигнуты на основе справедливого политического урегулирования с должным учетом законных интересов населения Восточной Бенгалии. Я выразил сожаление, что бывший военный режим во главе с Яхьей Ханом не прислушался к дружественным советам и пожела-

ниями советских руководителей в этом отношении, что привело к печальным последствиям. Что же касается позиции СССР в ООН, то она строилась в строгом соответствии с политикой СССР, направленной на восстановление мира на Индостанском полуострове.

В заключение беседы президент просил передать советским руководителям, что его правительство будет прилагать усилия к развитию и укреплению дружественных отношений и всестороннего сотрудничества с СССР, отвечающих национальным интересам народов обеих стран. Президент выразил готовность встречаться со мной в любое время, когда появится необходимость в этом.

Прошел один день, и 22 декабря 1971 г. мне позвонили из канцелярии президента и сообщили о намерении Бхутто посетить меня в посольстве для обсуждения ряда вопросов, представляющих взаимный интерес. Встреча состоялась в тот же день в 9 часов вечера. Бхутто сопровождали генеральный секретарь министерства иностранных дел Пакистана А. Ахмад, губернатор Пенджаба М. Кхар, входивший в окружение Бхутто, специальный советник президента Р. Раза.

Президент выглядел элегантно: на нем был темный костюм в белую полоску, галстук в горошек. У него было приподнятое настроение. Со всеми, кто присутствовал при встрече, он дружелюбно поздоровался за руку. Несмотря на насыщенный до предела рабочий день, был полон энергии. Я пригласил Бхутто и сопровождавших его лиц за круглый стеклянный стол – украшение приемной комнаты. Угощали гостей русской икрой, креветками, разными сладостями. Спиртного не было. Подавали чай.

Приступив к беседе, президент сказал, что нарушил все правила традиционного пакистанского протокола и лично приехал в советское посольство для встречи с послом. Он сделал это потому, что придает исключительно важное значение отношениям Пакистана с СССР. Новое пакистанское руководство преисполнено решимости действовать в направлении развития и укрепления дружественных отношений и взаимовыгодного сотрудничества с СССР и намерено сделать все возможное для сближения Пакистана с СССР. При этом оно исходит из твердого убеждения в том, что развитие всестороннего сотрудничества и поддержание добрососедских отношений между нашими странами отвечает национальным интересам их народов, делу укрепления мира. Бхутто подчеркнул, что не видит каких-либо существенных причин, которые препятствовали бы пакистано-советскому сближению. "У нас нет, – сказал он, – абсолютно никаких спорных проблем – ни политических, ни экономических, ни территориальных". Президент сообщил, что в подкрепление своих слов он уже предпринял некоторые конкретные шаги: в частности, уже отдал распоряжение прекратить недружественную СССР пропаганду в средствах массовой информации Пакистана.

Выступая за развитие отношений дружбы и сотрудничества между двумя странами в политической, экономической и культурной областях, Пакистан, по его словам, придает важное значение восстановлению личных контактов между руководителями обеих стран. Это, по мнению президента, в значительной мере способствовало бы установлению доверия и взаимопонимания между нашими странами и народами. Исходя из этого, Бхутто хотел бы осуществить официальный визит в СССР в самое ближайшее время. В ходе этого визита он имел в виду обсудить вопросы двусторонних пакистано-советских отношений, обстановку, сложившуюся на южноазиатском субконтиненте, а также ряд актуальных международных проблем, представляющих взаимный интерес. Бхутто подчеркнул, что во время визита в Москву он сумеет убедить советских руководителей в искренности своих намерений.

Я сказал президенту, что рассматриваю его посещение советского посольства как честь для себя и сотрудников посольства, что стремление Пакистана к развитию дружественных, добрососедских отношений с СССР будет с пониманием встречено в Москве, и все шаги пакистанской стороны в этом направлении найдут у нас полную поддержку. Я отметил, что на дальнейшее развитие советско-пакистанских отношений будет, очевидно, оказывать влияние обстановка на Индостанском полуострове. В СССР искренне приветствуют достижение договоренности о прекращении военных

действий в Восточном Пакистане. С удовлетворением воспринято, что Пакистан положительно ответил на инициативу правительства Индии, которое приняло решение в одностороннем порядке прекратить 17 декабря огонь на всем протяжении границы между Индией и Западным Пакистаном. Окончательное прекращение военных действий, несомненно, отвечает интересам всех народов, населяющих Индостанский полуостров. Я выразил надежду на то, что со стороны Пакистана будут предприняты шаги в сторону дальнейшей нормализации обстановки на субконтиненте.

Бхутто сказал, что Пакистан готов предпринять необходимые меры по нормализации отношений с Индией и по созданию условий для ликвидации последствий вооруженного конфликта между двумя странами. Однако он отметил, что мир и стабильность на субконтиненте могут быть обеспечены только в том случае, если и со стороны Индии будут предприниматься соответствующие конструктивные шаги в этом направлении. Президент высказал просьбу к советским руководителям информировать индийское руководство о готовности Пакистана вступить в переговоры с Индией относительно мер, связанных с послевоенным урегулированием на субконтиненте. Бхутто далее сказал, что в Пакистане вызывает серьезную озабоченность обстановка, создавшаяся в Восточном Пакистане. По имеющимся у пакистанской стороны данным, там сейчас царит разгул террора: губернатор Восточного Пакистана А.М. Малик, министры его кабинета, ряд гражданских высокопоставленных служащих арестованы спецорганами Бангладеш, их жизнь находится в опасности. Полувоенные формирования "Мухти бахини" убивают без суда и следствия всех, кто сохраняет лояльность к правительству Бхутто. Он выразил надежду, что СССР использует свое влияние и обратится к правительству Индии с тем, чтобы обеспечить безопасность указанных лиц.

Со своей стороны, продолжал президент, стремясь проявить добрую волю и учитывая неоднократные пожелания руководителей СССР, высказанные в посланиях Яхье Хану, он имеет в виду предпринять необходимые меры по освобождению законно избранного президента Бангладеш М. Рахмана и предоставлению ему возможности вернуться в Дакку. Яхья Хан уже лично распорядился о приведении в исполнение приговора военного трибунала о смертной казни М. Рахмана. Однако, как сказал президент, он через верных ему людей успел перевести Рахмана в другое место, и его жизнь была таким образом спасена. Передавая власть 20 декабря, генерал Яхья Хан сказал Бхутто: "Единственное, о чем я сожалею, так это то, что я не успел повесить предателя М. Рахмана". Бхутто сообщил, что в ближайшее время он намерен встретиться с Рахманом, провести с ним переговоры и освободить его. При этом он исходит из того, что Рахман является избранным представителем народа Восточного Пакистана и имеет право на то, чтобы возвратиться в Дакку.

Я сказал президенту, что освобождение Рахмана и предоставление ему возможности вернуться в Дакку отвечало бы чаяниям населения Восточной Бенгалии, а также интересам нормализации обстановки на Индостанском субконтиненте. Такая гуманная акция со стороны Пакистана встретила бы поддержку и удовлетворение в СССР и в других миролюбивых странах мира.

Накануне Нового года, 31 декабря 1971 г., я получил из Москвы послание советских руководителей президенту Пакистана, явившееся ответом на соображения и просьбы, изложенные Бхутто в беседах со мной 20 и 22 декабря. Мне надо было немедленно передать его президенту, который в это время совершал поездку по стране. Узнав о том, что он находится в Лахоре, я созвонился с ним по телефону и попросил его о встрече. Бхутто сказал, что готов принять меня в Лахорском аэропорту перед его вылетом в Карачи. Я вылетел в Лахор.

Мне не пришлось долго ждать президента, он появился со своей свитой в аэропорту приветливый, как всегда, внешне подтянутый, энергичный. Мы уединились в комнате для почетных гостей, где состоялась беседа. Я передал президенту послание советских руководителей. В нем, в частности, указывалось, что в Москве с пониманием отнеслись к высказываниям президента о его желании действовать в направлении

развития и укрепления дружественных отношений с СССР. Президент, говорилось в послании, может рассчитывать на понимание и полную поддержку с советской стороны его шагов, направленных на установление подлинно добрососедских отношений между двумя странами, на устранение препятствий, существующих на этом пути в Пакистане.

В Москве также готовы рассмотреть практические вопросы развития сотрудничества в политической области, а также в области экономических, торговых и других отношений между СССР и Пакистаном. В послании также обращалось внимание на необходимость принятия конкретных мер по урегулированию обстановки на субконтиненте.

Внимательно выслушав, Бхутто поблагодарил за послание и сказал, что оно является свидетельством искреннего стремления советской стороны к развитию дружественных отношений с Пакистаном и заботы советских руководителей об упрочении мира и стабильности на южноазиатском субконтиненте. Бхутто сказал далее, что высоко ценит советы и пожелания советских руководителей в отношении решения послевоенных проблем в Южной Азии и в своей практической деятельности будет стремиться следовать им. В частности, просит передать в Москву, что Пакистан готов предпринять все от него зависящее для нормализации отношений с Индией. В этих целях он выражает готовность приступить в любое удобное для индийской стороны время к переговорам на любом уровне для решения основных послевоенных проблем, существующих между двумя странами.

Президент сообщил также, что 27 декабря он имел встречу и продолжительную беседу с Рахманом. Бхутто принес ему свои извинения за причиненные ему бывшей военной администрацией страдания, просил забыть прошлое и сосредоточить свое внимание на вопросах будущих отношений Западного и Восточного Пакистана. По словам Бхутто, Рахман во время пребывания в пакистанской тюрьме был изолирован от всех источников информации и не имел ни малейшего представления о развернувшихся после его ареста событиях. Бхутто подробно информировал его об этих событиях. Рахман с пониманием отнесся к возникшим в связи с поражением Пакистана в войне с Индией проблемам. Бхутто просил передать в Москву, что он уже принял решение освободить Рахмана и предоставить ему возможность возвратиться в Дакку.

Касаясь развития пакистано-советских отношений и сотрудничества, президент выразил благодарность советской стороне за ее готовность рассмотреть практические вопросы сотрудничества с Пакистаном. В своей внешней политике Пакистан будет неизменно придерживаться линии на установление добрососедских отношений и укрепление дружбы с великим Советским Союзом. Бхутто сказал, что в подтверждение этих слов он сию же минуту сделает соответствующее публичное заявление.

Уже был вечер. Мне надо было возвращаться в Исламабад, самолет президента был готов к полету в Карачи. Попрощавшись, я направился к выходу. Бхутто пошел меня провожать. При выходе из аэропорта мы оказались на площади, заполненной тысячами пакистанцев. В руках у них были флаги, портреты Бхутто, транспаранты. Увидев Бхутто, собравшиеся встретили его бурей приветствий. Смотрел я на эту массу людей, и мне казалось, что это бушующее море. Президент Бхутто пригласил меня к трибуне, которая была установлена на подмостках. Аплодисменты, здравницы в его честь продолжались с неистовой силой.

Президент, обратившись к народу, взял меня за руку, поднял ее кверху и сказал: "Рядом со мной вы видите посла нашего великого друга – Советского Союза. СССР является нашим соседом, и мы будем всячески стремиться к укреплению дружбы с ним. Да здравствует дружба между Пакистаном и Советским Союзом!". Эти слова президента были восторженно встречены собравшимися на площади людьми.

Я возвратился в Исламабад, когда сотрудники посольства уже собрались за праздничным столом. Все с нетерпением ждали результатов моей встречи с президентом Пакистана. Поэтому значительная часть моего новогоднего тоста была посвящена итогам моей беседы с Бхутто. Присутствующие встретили их с удовлетворением.

ПОЕЗДКА В МОХЕНДЖОДАРО

В 1856 г. на северо-западе полуострова Индостан у небольшой деревушки Хараппа археолог Александр Каннингам нашел загадочный предмет: на камне цвета слоновой кости были высечены изображение горбатого быка и неизвестные знаки, напоминающие иероглифы. Холм, где обнаружилась находка, был "сложен" из красного обожженного кирпича. Английская компания, строящая в то время стратегическую железную дорогу на север, разрушала остатки древних строений, используя кирпич как балласт для железнодорожного полотна. Много лет брали отсюда даровой строительный материал и крестьяне окрестных деревень. Так исчезал с лица земли один из уникальных городов древности, куда в 1921 г. приехал археолог Р. Сахни.

Не прошло и года, как мировая научная пресса запестрела сенсационными сообщениями о существовании древнейшей цивилизации долины Инда. Важнейшим тому свидетельством было открытие еще одного города – Мохенджодаро, отделенного от Хараппы расстоянием в 400 миль, но имевшего со своим собратом много общего. Индийские ученые Сахни и Баерджи откапывали улицы городов-близнецов: одинаковые прямоугольные кварталы с четкой планировкой, застроенные кирпичными домами. Поражало сходство архитектуры, строительных приемов и материалов. Разница была лишь в том, что Мохенджодаро не был расхищен предприимчивыми подрядчиками, а поэтому сохранился гораздо лучше.

В январе 1972 г. правительство Пакистана по инициативе президента Бхутто организовало поездку иностранных дипломатов в Мохенджодаро.

В поезде, специально оборудованном и вычищенном, ехали послы, их жены, работники министерства иностранных дел Пакистана.

Мимо окон проносились возделанные клочки земли, красновато-бурая земля, холмы, выветренные саманные домики, высохшие реки. Через сутки рано утром поезд прибыл в Ларкану, город на правом берегу Инда с населением около 100 тыс. жителей. Город внешне ничем не примечателен, обычный для Пакистана пейзаж, полуколонизальная архитектура. На улицах – пыли по колено. Здесь находилось поместье президента и премьер-министра Бхутто – "отца народа", главы первого гражданского правительства, которое пришло к власти месяц с небольшим назад, после краха военного режима.

Вышли на перрон станции, украшенный коврами и шатрами. За многолетнюю историю Ларкана не видывала столько высоких гостей. Из-за забора выглядывали любопытные. По всему городу развешаны лозунги: "Да здравствует Бхутто!", "Да здравствует народное правительство!". По программе с утра предстояла экскурсия в Мохенджодаро. На нескольких автобусах через полчаса добрались до всемирно известного памятника человеческой цивилизации. Глубоко поражало искусство людей, живших пять тысячелетий назад. Пересекающиеся под прямыми углами улицы, двух-трех этажные дома из обожженного кирпича, благоустройство зданий, городская канализация (водостоки, коллекторы) создавали впечатление, что только недавно жители города его покинули.

В музее неподалеку от раскопок показывали высокохудожественную скульптуру из глины и камня, изображения людей и животных, металлические орудия, аппарат для очистки воды и многое другое. Недоумеваешь, что принесло гибель этой цивилизации, почему была прервана связь веков, ведь уровень жизни жителей пакистанских поселков и деревенок вокруг Мохенджодаро намного ниже тех условий, в которых жили их предки пять тысячелетий назад.

Основная проблема, которая волновала пакистанские власти, – это борьба с засоленностью почвы. Вдоль дороги, бегущей к раскопкам, простирались огромные болота и озера, которые подмывали древний памятник, грозя уничтожить за несколько лет то, что до нас дошло за 50 веков. Везде на развалинах домов, улиц были видны отложения солей, разъедающих древние камни.

По оценкам видных ученых ЮНЕСКО, на сохранение памятника требовались многие миллионы долларов. При ЮНЕСКО была создана специальная комиссия по

сохранению этого памятника. Пакистанские власти уделяли этому значительное внимание, в частности с этой целью здесь проводился в январе 1973 г. специальный симпозиум. Эти усилия стоят того, чтобы замечательный памятник – свидетель цветущей цивилизации на нескольких тысячах квадратных километров долины Инда – был сохранен. Ведь он принадлежит величайшей цивилизации человечества.

Оставшаяся часть дня прошла с калейдоскопической быстротой: ланч от имени губернатора провинции Синд, потом концерт народной музыки. Исполнители играли на доселе невиданных инструментах, особенно всех поражал своей необычностью и виртуозной техникой ударник на глиняных кувшинах. Вечером был устроен обед от имени президента. Присутствовали министры центрального и провинциального правительства, бизнесмены, представители интеллигенции. На приеме царила непринужденная обстановка, играла музыка, организовались танцы. Послы и некоторые министры принимали в этом активное участие. Президент подсел к нашему столу, где сидели мы с женой – Аллой Ивановной, поинтересовался, довольны ли мы поездкой, спокойнее ли нам стало жить в Исламабаде. Сказал о том, что пакистанская сторона придает исключительно большое значение предстоящей поездке правительственной делегации в Москву, поделился своими мыслями по тем вопросам, которые он намерен обсудить с советским руководством. В это время к нам подошли музыканты и сыграли "Подмосковные вечера", "Очи черные", "Катюшу". На следующий день газеты в подробностях сообщали о том внимании, которое было оказано русским.

Прием закончился. Каждый стремился подойти к Бхутто и поблагодарить его за великолепно организованную поездку. Где-то в полночь автобусы отвезли всех на железнодорожную станцию, откуда специальный поезд должен был вернуть нас в столицу. Уставшие, мы разошлись по купе, собираясь лечь спать, и вдруг – стук в дверь. Посыльный со станции прибежал сообщить, что звонят из посольства, видимо, что-то случилось. Наспех оделся и поспешил к телефону. Выяснилось, что мне поручено срочно посетить президента и передать послание советских руководителей. Я догадался, что речь пойдет о признании Бангладеш. Встреча с президентом обещала быть нелегкой: он ведь заявлял, что порвет отношения с теми странами, которые признают Бангладеш. В подтверждение своей решимости Пакистан уже порвал отношения с Болгарией, выступившей с таким признанием. Наше правительство до поры до времени отсрочило установление дипломатических отношений, учитывая пожелания Бхутто, но пришло время, когда оттяжка стала недопустимой. Я понимал всю ответственность поручения: наше правительство проявляло жест доброй воли, информируя пакистанцев заранее о намерении признать Бангладеш. Все это должен был понять Бхутто. Я пожалел только о том, что не мог передать послание полчасика назад, ведь я был рядом с президентом.

Мне и атташе посольства Б.Н. Базилевскому пришлось покинуть специальный поезд, и дипломатический корпус уехал в Исламабад без нас. Позвонив со станции в резиденцию президента, я узнал, что он уже отправился в аэропорт и держит путь в Карачи, откуда через день должен вылететь в страны Ближнего и Среднего Востока с официальным визитом. Власти провинции по моей просьбе связались с Бхутто по телефону и информировали меня, что президент готов встретиться со мной в карачинском аэропорту перед отлетом за границу. У меня чуть отлегло от сердца – все-таки поручение будет выполнено вовремя, президент вернется из поездки только через неделю, а за это время многое может произойти.

Итак, у меня в запасе день, в течение которого надо успеть добраться до Карачи. Но как? Ларкана – провинциальный город, самолеты отсюда летают только два раза в неделю. Можно было бы вызвать машину из нашего генконсульства, но до Карачи 700–800 км; проделать водителю такой путь в два конца не только крайне утомительно, но и опасно, учитывая "порядок", царивший на пакистанских дорогах. Единственный выход – поезд. Нашли представителя протокольного отдела пакистанского министерства иностранных дел, попросили помочь в отправке поездом в Карачи и

столкнулись с удивительным равнодушием: нет, дескать, билетов. Тем не менее решимость нас не покидала. У кондиционированного вагона встретились с начальником протокольного отдела министерства иностранных дел Пакистана, который ехал в Карачи и должен был сопровождать Бхутто в поездке за границу. Он закивал в ответ и с улыбкой объявил, что ничем помочь не может – билетов нет. В душе мы кляли "нашего друга" и думали, что в Москве протокольный отдел так бы не поступил. Впрочем, такое отношение едва ли можно было назвать странным, поскольку еще месяц назад на улицах вслед нам звучало "русские собаки".

Вдруг к нам подошел небогатый одетый пакистанец. "Я слышал, что советскому послу надо безотлагательно ехать в Карачи, и готов уступить ему место", – с этими словами он провел нас к вагону второго класса. Внутри он напоминал наш общий вагон, если в него высыпать пару машин мусора: на полу валялись окурки, корки от апельсинов, на железных лавках, стенах – пыль в палец толщиной. Вытиралась она лишь пассажирами, которые расстелили свои тряпки на полу, на лавках и под ними. В вагоне стоял удушливый запах пота... Однако, несмотря на эту неприглядную картину, отношение к нам со стороны простых пакистанцев было совсем иное, чем со стороны мидовских чиновников, в чьи обязанности вменялось проявлять внимание к иностранным гостям. Нам сразу же освободили одну лавку, кто-то расстелил свою простыню. Кое-как уселись, и поезд тронулся. Вначале мы старались не прислоняться к стенам, но в конце концов усталость взяла свое, и мы уже не обращали внимания ни на пыль, ни на грязь. Подложив чемодан под голову, мы накрылись плащами и, кое-как пристроившись, задремали. Незаметно к утру поезд прибыл в Карачи.

На следующий день в карачинском аэропорту состоялась беседа с Бхутто. Он встретил нас с улыбкой. Я передал ему послание советских руководителей о признании Народной Республики Бангладеш. Бхутто с пониманием отнесся к посланию, заявив, что Пакистан не может позволить себе разорвать отношения с СССР. Это был один из важных шагов президента в сторону нормализации обстановки в данном регионе. Он стал возможен только благодаря огромному авторитету СССР, влиянию его политики на ход мировых событий.

БХУТТО В МОСКВЕ

Первый официальный визит Бхутто в СССР состоялся 16–18 марта 1972 г. В поездке его сопровождала супруга Бегам Нусрат Бхутто. В Москве делегации Пакистана был оказан теплый прием. В аэропорту его встречали А.Н. Косыгин с дочерью Людмилой Алексеевной Гвишиани, – представители советского руководства – К.Т. Мазуров, А.А. Громыко, Н.С. Патоличев, А.В. Сидоренко и другие официальные лица. Аэродром украшали государственные флаги Пакистана и СССР, был почетный караул трех видов вооруженных сил, исполнялись государственные гимны двух стран.

В автомашине с аэродрома до резиденции президента Пакистана сопровождал Косыгин, супругу – Людмила Алексеевна Гвишиани. Автомашину Бхутто в поездках по Москве сопровождал эскорт мотоциклистов. В Кремле в честь пакистанской правительственной делегации был дан обед от имени Президиума Верховного Совета СССР и правительства СССР. Бхутто и его супруга возложили венки к мавзолею В.И. Ленина и на могилу Неизвестного солдата. Высокие гости посетили Большой театр СССР. В центральной ложе, украшенной государственными флагами Пакистана и СССР, вместе с Бхутто и его супругой находились Косыгин с дочерью. Перед началом спектакля были исполнены государственные гимны Пакистана и Советского Союза. В театре зрители аплодисментами приветствовали пакистанского президента.

16 марта начались переговоры. С советской стороны их вел Косыгин. Бхутто был принят председателем Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневым.

Переговоры проходили в дружественной, откровенной обстановке. С нашей стороны в беседах подчеркивалась необходимость принятия со стороны Бхутто практиче-

ских шагов для быстрой нормализации обстановки в Пакистане, признания реальностей сегодняшнего дня на континенте и, в частности, существования независимого государства Бангладеш. Руководители СССР высказывались за организацию в возможно ближайшее время переговоров между правительствами стран Индостана для поиска политического урегулирования в духе доброй воли.

Бхутто заявлял в беседах, что он с пониманием относится к позиций СССР во время событий 1971 г. на Индостане, выражал признательность советским руководителям за содействие в деле нормализации отношений между Пакистаном и Индией во время Ташкентской встречи 1966 г. и в последующие годы. Он обратился с просьбой оказать возможное содействие быстрейшему урегулированию индийско-пакистанских отношений и в настоящее время. Президент заверял, что будет прилагать все усилия к тому, чтобы не только нормализовать отношения с Индией, но и придать им подлинно дружественный, добрососедский характер.

Бхутто высказывался за проведение в ближайшее время встречи с премьер-министром Индии Индирай Ганди. Он говорил, что рассматривает такую встречу в качестве предварительной и в ходе ее не имеет в виду вести переговоры по основным проблемам отношений между Индией и Пакистаном. По мнению Бхутто, на встрече с Ганди можно было бы условиться об основной встрече в верхах, согласовать дату и повестку дня будущих переговоров. Как он считал, предварительная встреча с Ганди способствовала бы разрядке напряженности в отношениях между Пакистаном и Индией, создала бы условия для пробуждения дружественных чувств в отношении Индии и ускорила бы процесс нормализации обстановки на Индостанском полуострове. Бхутто заявлял о своей заинтересованности во встрече с Рахманом.

Я присутствовал на всех переговорах. Обсуждались весьма острые принципиальные вопросы, но беседы проходили в спокойной, доброжелательной обстановке, в духе взаимопонимания. Несмотря на сложность положения, запутанность обстановки, неясность выхода из тупиковой ситуации, Бхутто четко излагал свои планы, свое видение решения проблем, не имея перед собой ни единой бумажки, никогда не пользовался шпателькой. Впрочем, это в равной степени относилось и к Косыгину.

В начале беседы Косыгин сказал: "Согласны с вами, что население Пакистана сейчас возбуждено, но в Бангладеш и в Индии наблюдается то же самое. Во всех этих странах кипят страсти. У нас нет готовых рецептов. С чего, по вашему мнению, следует начинать? Может быть, с нормализации отношений Пакистана с Бангладеш, которую признало уже более 50 государств. Признание Бангладеш – признание реальности, хотя этот вопрос не простой". Были подробно рассмотрены двусторонние отношения, в частности торгово-экономические связи. Удалось достигнуть договоренности о строительстве в Карачи металлургического завода.

Для супруги президента программа пребывания в Москве была составлена с учетом ее пожеланий. Н. Бхутто осматривала город, соборы Кремля, посетила Третьяковскую галерею, Алмазный фонд. Ее сопровождали Л.А. Гвишиани и А.И. Родионова.

Госпожа Бхутто родилась в 1929 г., происходила из именитой шиитской семьи, ее предки являлись выходцами из Ирана, была верным другом и соратником президента. Это был второй брак президента. Бхутто женился на Нусрат по любви и имел в браке четырех детей. Первая жена Бхутто – Амир, на которой его женили по существующим обычаям в возрасте 13 лет, проживала в Ларкане.

Нусрат часто появлялась с Бхутто на различных общественных мероприятиях, любила светскую жизнь, стремилась быть на виду, прекрасно умела вести беседу, демонстрируя образованность и начитанность. Стройная, высокая, обаятельная женщина, она великолепно одевалась, внимательно следила за модой. Ее невозможно было дважды увидеть в одном и том же платье или костюме. Н. Бхутто оказывала мужу большую помощь при создании ПНП, являясь ее активным членом. Нусрат Бхутто была одним из авторов предвыборного манифеста Пакистанской народной партии. В 1970 г. избиралась депутатом Национального собрания. Полностью разделяла взгляды мужа на построение нового Пакистана, гордилась им, интересовалась

государственными делами. По поведению и взглядам была вполне современной европеизированной женщиной. В 1964 г. она открывала первый в Пакистане фестиваль советских фильмов по поручению мужа, который тогда был министром иностранных дел Пакистана. Произнесла теплую, дружественную, содержательную речь об СССР.

24 марта перед отлетом в Пакистан я встретился с Косыгиным. Он был удовлетворен итогами советско-пакистанских переговоров. Косыгин сказал, что в наших отношениях с Пакистаном мы будем придерживаться той линии, которая определена в ходе переговоров и которая закреплена в совместном коммюнике. Однако по возвращении из Москвы Бхутто на многолюдном митинге в Лахоре допустил ряд недружественных высказываний в адрес СССР. Косыгин не хотел драматизировать ситуацию, ведь Бхутто находился в очень сложном положении, и с этим следовало считаться. По мнению Косыгина, при встрече с Бхутто следовало бы в мягкой форме сказать, что не стоит сосредоточиваться на критике прошлого, возбуждающей население и провоцирующей правительство на нежелательные для последнего шаги. Индире Ганди не легче, заметил Косыгин, она тоже испытывает давление со стороны реакционных сил.

Косыгин посоветовал в беседах с Бхутто держаться как в Москве: не давить на него, не проявлять навязчивости, а также следить за развитием событий, информировать о планах Бхутто. Мы, отметил Косыгин, готовы рассматривать любые вопросы, а торговые и экономические отношения надо развертывать немедленно.

ПАКИСТАНО-ИНДИЙСКИЙ ДИАЛОГ

В курортном местечке Марри, расположенном в горах на высоте 2400 м над уровнем моря, в 40 километрах от Исламабада, начались пакистано-индийские переговоры на уровне экспертов. Марри славится богатыми особняками, пышной растительностью, чистым горным воздухом, тишиной, уютом. Летом, когда термометр в Исламабаде достигал 40 °С, в Марри ртутный столбик показывал 22–24 °С. Здесь находилась летняя резиденция президента Пакистана, рядом располагалась дача нашего посольства – советская собственность. Там нередко проходили встречи с Бхутто. Из окон дачи открывался живописный вид на бескрайнюю Кашмирскую долину, покрытую дадами.

Переговоры должны были предшествовать встрече в верхах. В беседе со мной, состоявшейся в начале мая 1972 г., Бхутто сообщил, что переговоры идут трудно, продвижение в них незначительно. Бхутто серьезно относился к предстоящей встрече с Ганди и стремился к установлению с Индией прочных мирных отношений. Первым шагом к этому, как заявлял президент, должен быть взаимный отвод войск на линию государственной границы, т.е. освободить районы, занятые войсками Индии и Пакистана в ходе военных действий в ноябре – декабре 1971 г. Пакистан считал бы чрезвычайно важным последующий отвод войск обеих стран на согласованное расстояние от границы в глубь собственной территории. По мнению Бхутто, если бы этот отвод войск состоялся, был бы положен конец военному противостоянию Индии и Пакистана, которое продолжалось 25 лет. Результатом стал бы перелом в настроениях общественного мнения двух стран, была бы затруднена пропаганда войны, получили бы благоприятные возможности для действий сторонники мирных отношений между Индией и Пакистаном. И, наконец, должен быть произведен обмен пленными. В этом вопросе, заявил Бхутто, он не может идти ни на какой компромисс, так как подвергается чрезвычайно сильному давлению со стороны общественного мнения Пакистана, особенно в Пенджабе и Северо-Западной пограничной провинции. Заключение соглашения по упомянутым трем вопросам давало бы возможность заключить прочный мирный договор между Индией и Пакистаном, открыло бы дорогу к восстановлению дипломатических отношений, развитию экономических и иных связей между двумя странами.

Наконец-то были согласованы место и время встречи в верхах. Она должна была состояться 28 июня 1972 г. в Симле, расположенном в горах на крайнем севере страны. Первый раз мы с Аллой Ивановной приехали в Симлу в мае 1965 г. В Дели было очень жарко, влажно, начинались муссонные дожди. В Симле мы застали сухую теплую погоду, с температурой немногим выше 20 °С. Город нам понравился: тихий, небольшой. Красоту его приумножили прекрасные особняки, роскошные сады и рощи фруктовых деревьев с множеством водоемов, источников ключевой воды. Мы знакомились с Симлой, посетили обезьяний питомник. Он располагался значительно выше уровня Симлы в сосновом бору, покрытом тогда снегом.

За день до отъезда президента в Симлу пришло поручение из Москвы встретиться с Бхутто и передать ему послание советских руководителей. В послании обстоятельно объяснялась позиция СССР, подчеркивалась мысль о необходимости приложить все усилия для успешного исхода индо-пакистанской встречи в верхах. Передать это послание нужно было незамедлительно, оно действительно могло стать одним из факторов, решающих итог переговоров. Президент был в это время в 280 милях от Исламабада – в Лахоре.

Звоню в Лахор во дворец губернатора. Мне отвечают, что у президента идет важное совещание. Советуют позвонить через полчаса. Наконец состоялся разговор с президентом. Я изложил ему просьбу о неотложной встрече, сообщив, что получено важное послание советских руководителей. "Прилетайте, рад буду Вас встретить, но успеете это сделать до моего отлета в Симлу", – шутливо ответил Бхутто.

Ближайшим авиарейсом я отправился в Лахор.

Там с доверительным посланием из Москвы, стараясь не привлекать внимания, я в сопровождении Б.Н. Базилевского сел в самолет, и через несколько минут "Фоккер" оторвался от взлетной полосы и взял курс на восток. Мы уже радовались, что все вроде бы началось неплохо и никто на нас не обратил внимания; вдруг капитан корабля объявляет по радио, что он рад приветствовать на борту советского посла и желает ему счастливого полета. Конспирация пошла прахом, и ничего не оставалось, как любезно улыбаться в ответ на любопытные взгляды пассажиров.

Как только самолет приземлился в Лахоре, вездесущие журналисты окружили меня плотным кольцом и забросали вопросами. Едва отделившись от репортеров, мы добрались до машины и отправились в резиденцию губернатора Пенджаба.

В аэропорту, на площадях, на улицах, на стенах древних зданий были развешаны флажки, разноцветные фонарики: город готовился встретить радостные сообщения из Индии о том, что оба государства решили пойти вместе по пути мира и сотрудничества.

Машина въехала на территорию дворца. Вокруг здания жизнь не замирала ни на минуту. Губернаторы, министры, помощники президента, депутаты входили и выходили, садились в машины, уезжали и возвращались вновь. Солнце находилось в зените, воздух дрожал от жары, однако предстоявшие события вынуждали пакистанцев изменить своим привычкам и вместо полуденного сна готовиться к встрече с индийскими представителями.

Адъютант президента встретил нас у входа и провел в приемную, оформленную в старом английском колониальном стиле. Весь дворец, мебель, картины напоминали о бывшем величии владычицы морей. В этом здании проживали в свое время английские лорды и вице-короли, приезжавшие с берегов туманной Темзы править Индией – "бриллиантом в английской короне". Сейчас в нем расположился губернатор Пенджаба. Здесь же останавливался президент во время приездов в Лахор.

Наша встреча с президентом была назначена на вечер. Бхутто выглядел уставшим, озабоченным, постаревшее лицо, на лбу морщины. Видимо, сказалось переутомление. Сам он признался, что плохо себя чувствует, работать пришлось всю ночь, однако от этого занятость его не уменьшилась. Мы сразу приступили к главному. Я подробно изложил послание советских руководителей, президент внимательно слушал, затем я передал ему текст, который Бхутто прочитал несколько раз. Он с воодушевлением

говорил о своей решимости добиться взаимопонимания с Индией, высказывал глубокую признательность советскому руководству за помощь и поддержку народов субконтинента в их стремлении добиться мира и спокойствия в этом богатом на бурные события районе.

Встреча Бхутто с Ганди 28 июня – 3 июля 1972 г. в Симле и подписанное там пакистано-индийское соглашение, наметившее основные пути и методы урегулирования существующих между двумя странами проблем, явились выдающимися событиями, способствовавшими созданию благоприятного политического климата для нормализации обстановки на субконтиненте.

Индия и Пакистан выражали решимость положить конец конфликтам, урегулировать свои разногласия путем двусторонних переговоров или с помощью других мирных средств. Они заявили, что предпосылкой для примирения, установления добрососедства и прочного мира между ними является приверженность двух стран принципу мирного сосуществования. Стороны обязались в соответствии с Уставом ООН воздержаться от угрозы силы или ее применения друг против друга.

Была достигнута договоренность о мерах по восстановлению почтовой, телеграфной и других видов связи, воздушного сообщения, возобновлению торговых связей и сотрудничества между двумя странами в экономической и других областях.

Правительства Индии и Пакистана договорились о взаимном отводе вооруженных сил. Что касается Джамму и Кашмира, то Индия и Пакистан достигли договоренности уважать новую фактическую линию контроля, образовавшуюся в результате прекращения огня 17 декабря 1971 г., по которой проходило разграничение между сторонами.

Оба правительства заявили, что сделают все от них зависящее для предотвращения враждебной пропаганды друг против друга. Они согласились, что руководители обеих стран вновь встретятся в удобное для них время и что их представители продолжат обсуждение вопросов, связанных с установлением прочного мира и нормализации отношений, в том числе репарацией военнопленных, окончательным урегулированием проблем Джамму и Кашмира и восстановлением дипломатических отношений.

10–15 июля в Национальном собрании Пакистана состоялись дебаты по Симлскому соглашению. Собрание подавляющим большинством голосов его одобрило и ратифицировало.

За соглашением в Симле последовали и конкретные шаги, договоренность между Пакистаном и Индией об определении линии фактического контроля в Джамму и Кашмире и взаимный отвод войск в пределы государственных границ. Это позволило обеим сторонам перейти к решению спорных проблем, и без преувеличения можно сказать, что в этом была частица и нашего труда. Однако мы отдавали себе отчет в том, что положено хорошее начало, но еще больше предстоит сделать. Обстановка на субконтиненте продолжала оставаться напряженной.

Окончание следует

© 1997 г.

Академик Г.Н. СЕВОСТЬЯНОВ

ВТОРАЯ КВЕБЕКСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. 1944 г.

Встреча Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля в Квебеке осенью 1944 г. – важная страница в дипломатической истории второй мировой войны, антигитлеровской коалиции и во взаимоотношениях США и Великобритании. Она неоднократно привлекала внимание исследователей. Одни из них акцентировали внимание на военных, другие – на внешнеполитических аспектах конференции¹. Иногда ход и решения конференции излагались в самой общей форме. В результате у читателя не создавалось полного впечатления о характере переговоров глав двух правительств, разногласиях между ними по военным и политическим вопросам.

В данном очерке сделана попытка документально проанализировать историю подготовки к конференции, ее работу и принятие решений, оценив их значимость и влияние на дальнейшее развитие международных отношений. Основное внимание будет сконцентрировано преимущественно на проблемах послевоенного устройства в Европе.

ПОДГОТОВКА К КОНФЕРЕНЦИИ

Лето 1944 г. ознаменовалось двумя крупными событиями: высадкой англо-американских войск в Северной Франции и широким наступлением Советской Армии в Белоруссии. По своим масштабам, смелости и стратегическим целям это были беспрецедентные военные операции, обозначившие вступление второй мировой войны в новый этап. Война в Европе приняла коалиционный характер. С Востока и Запада на Германию одновременно обрушились сокрушающие удары.

Успешная высадка и продвижение войск союзников в Нормандии вызвали растерянность в ставке Гитлера. Фельдмаршал Э. Роммель считал дальнейшую борьбу безнадежной, полагая, что предотвратить прорыв союзников в Германию невозможно.

---

¹ Из последних работ отметим: *Коновалов А.И.* Позиция США по германскому вопросу на Квебекской конференции в сентябре 1944 г. – Американский ежегодник. 1981. М., 1981; *его же.* Квебекская конференция 1944 г. – США: экономика, политика и идеология. 1981. № 11; *Израэли В.Л.* Дипломатия в годы войны. М., 1985; *Мальков В.Л.* Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988; *его же.* "Манхэттенский проект". Разведка и дипломатия. М., 1995; Союзники в войне 1941–1945. М., 1995; *Kimball W.* Swords of Ploughshares? The America's Alternative Series. Philadelphia, 1976; *idem.* The Juggler. Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991; *Clark R.* Anglo-American Economic Cooperation in War and Peace 1942–1947. Oxford, 1982; *Matloff M.* Allied Strategy in Europe, 1939–1945. (Makers of Modern Strategy: From Machiavelli to the Nuclear Age). Princeton, 1986; *Gardner L.C.* Spheres of Influence. The Great Powers. Partition Europe from Munich to Yalta. Chicago, 1993.

По его мнению, надо срочно отводить войска, дабы немецкий фронт не развалился. 29 июня он вместе с фельдмаршалом Г. Рундштедтом призвали Гитлера положить конец войне. 15 июля Роммель направил рейхсканцлеру еще одну откровенную телеграмму: неравная борьба подходит к завершению и необходимо незамедлительно сделать серьезные выводы². 20 июля последовало покушение на Гитлера.

Критическая для Берлина обстановка складывалась и на Востоке. 21 июня 1944 г. И.В. Сталин уведомил Ф.Д. Рузвельта о предстоящем крупном летнем наступлении советских войск с участием 130 дивизий. В телеграмме отмечалось: это будет серьезная поддержка англо-американских войск во Франции и Италии³. Вскоре в Вашингтон и Лондон стали поступать сообщения о стремительном наступлении советских войск и быстром их продвижении на запад, окружении крупных немецких сил под Минском.

В мире заговорили о скором поражении Германии и приближении конца войны. В июле помощник президента Гарри Гопкинс в письме Рузвельту констатировал: "Каждый считает войну уже законченной". Однако это преждевременно и крайне нежелательно, отмечал он, ведь впереди американский народ еще ждут большие испытания⁴.

Сложившаяся военная и внешнеполитическая обстановка побуждала правительства США и Англии к созыву конференции для обсуждения и согласования общей позиции по дальнейшему ведению военных действий и выработке политической линии в отношении Германии после ее поражения.

16 июля Черчилль спрашивал Рузвельта: "Где мы встретимся и когда? То, что мы должны встретиться, не вызывает сомнения. Было бы неплохо, если бы дядюшка Джо – Сталин приехал тоже"⁵. Возможным местом для встречи он называл Касабланку, Тегеран, северошотландский город Инвергордон. Больше всего ему хотелось встретиться именно в Шотландии.

19 июля Рузвельт писал Сталину: "Поскольку события развиваются так стремительно и так успешно, я думаю, что в возможно скором времени следовало бы устроить встречу между Вами, премьер-министром и мною"⁶. Встреча возможна между 10 и 15 сентября в Северной Шотландии, добавлял он. С таким же предложением 20 и 22 июля обратился к Сталину и Черчилль, назвав место встречи – Северная Шотландия и время – сентябрь⁷.

Советское правительство не возражало против самой идеи встречи, однако время для нее было признано неподходящим в связи с крупными сражениями в Белоруссии и Западной Украине, требовавшими присутствия Сталина в стране.

22 июля Сталин телеграфировал Рузвельту, что не может "покинуть страну и отойти на какое-либо время от руководства делами фронта". Через четыре дня глава советского правительства ответил то же самое и Черчиллю, заметив, что нет возможности выехать из СССР даже на самое короткое время⁸.

Гопкинс советовал Рузвельту встретиться с Черчиллем, хотя без Сталина, полагал он, многие вопросы трудно решить. К тому же мировая общественность, отмечал Гопкинс, может расценить это как отстранение России от мировых дел. В крайнем случае, советовал он, пусть Черчилль приедет в США, а президенту не следует ехать в Англию⁹.

² Ширер У. Взлет и падение третьего рейха, т. 2. М., 1994, с. 430–433.

³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг., т. 1–2. М., 1976; т. 2, с. 155.

⁴ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. 2. М., 1958, с. 509.

⁵ Foreign Relations of the United States (далее – FRUS). The Conference at Quebec. 1944. Washington, 1972. p. 10.

⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР.... т. 2, с. 158.

⁷ Там же, т. 1, с. 286, 288.

⁸ Там же, с. 291; т. 2, с. 159, 161.

⁹ Шервуд Р. Указ. соч., т. 2, с. 511; FRUS. The Conference at Quebec. 1944. p. 12.

Согласившись с мнением своего ближайшего советника, президент счел возможным еще раз напомнить Сталину о желании и необходимости встречи "Большой тройки". 28 июля он писал ему: "Ввиду происходящего сейчас быстрого развития военных событий я могу вполне понять трудность Вашей поездки на совещание с Премьер-министром (Черчиллем. – Г.С.) и со мной, но я надеюсь, что Вы будете помнить о таком совещании и что мы можем встретиться так скоро, как это будет возможно"¹⁰. Примечательно, что в своем послании президент откровенно указывал, что эта встреча помогла бы ему и во внутренних делах. Он имел в виду президентскую избирательную кампанию, уже широко развернувшуюся к лету 1944 г.

Как видим, Рузвельт проявлял большую заинтересованность во встрече с главой советского правительства для обсуждения вопросов ведения войны и послевоенного устройства мира. Он знал, что без СССР трудно, а подчас и невозможно решать многие проблемы мировой политики. И все же он хотел предварительно выяснить позицию Великобритании и постараться договориться с Черчиллем по назревшим проблемам военной стратегии в Европе, на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

Рузвельт отказался ехать в Шотландию, предложив Черчиллю встретиться на Бермудских островах. Недовольный премьер отклонил это предложение и изъявил готовность встретиться в Квебеке (Канада). В Вашингтоне не возражали. Напомним, ровно год назад, в августе 1943 г., именно в Квебеке состоялась встреча Черчилля с Рузвельтом¹¹.

Однако с тех пор многое изменилось, и обстановка требовала новой встречи, новых подходов и решений. За прошедший год еще больше возросла роль Советского Союза в мировой политике. Нельзя было не считаться с тем, что летом 1944 г. советские войска продвинулись от Днепра до Вислы на глубину около 700 км и приблизились к границам Польши. В этой связи Гопкинс, размышляя о военных событиях в Европе, 26 июня телеграфировал Рузвельту: "Что касается дяди Джо, то он, очевидно, хочет отложить предстоящую встречу с Вами до тех пор, пока Германия потерпит крах"¹². Дипломатия Сталина порождала много вопросов. В Вашингтоне и Лондоне хотели приблизиться к ее разгадке, обсудить планы и намерения Москвы.

Согласовав место встречи, в обеих столицах приступили к подготовке конференции.

23 августа Рузвельт сообщил послу СССР А.А. Громыко о предстоящей встрече с Черчиллем в Квебеке для обсуждения военных операций во Франции и Италии и вопросов экономического порядка. Во Франции, заметил президент, уже 2 млн. американско-английских войск¹³. Однако он не упомянул о намерении обсудить на конференции послевоенные проблемы Германии.

Президент Рузвельт уведомил губернатора Квебека Маккензи Кинга о численности американской и английской делегаций – примерно по 15–20 человек в каждой. Иные планы были у начальников штабов обеих стран, которые заявили, что американцы придут в составе 200 человек, а англичане – 225¹⁴. Следовательно, штабы готовились к дебатам и, по их мнению, военные вопросы должны были быть основными. Однако политики и дипломаты полагали, что наступило время, когда надо обсуждать уже и проблемы послевоенного устройства мира.

В Вашингтоне еще в мае 1942 г. была создана совещательная комиссия по проблемам послевоенной внешней политики из представителей госдепартамента и других правительственных ведомств, а также обеих палат конгресса. Комиссия проделала в 1943 г. значительную предварительную исследовательскую работу. Европейская Консультативная Комиссия (ЕКК), созданная по решению Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г.,

¹⁰ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 2, с. 161.

¹¹ См. Севостьянов Г.Н. Квебекская конференция 1943 г. – Новая и новейшая история, 1996, № 2.

¹² Шервуд Р. Указ. соч., т. 2, с. 411.

¹³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы в 2 т., т. 2. М., 1984, с. 184–185.

¹⁴ Шервуд Р. Указ. соч., т. 2, с. 513.

приступила к подготовке союзниками согласованных проектов условий капитуляции Германии и принципов ее оккупации тремя державами. С марта по сентябрь 1944 г. комиссия разработала, в частности, проект военной оккупации Германии. Английской делегацией был внесен меморандум, предусматривавший размещение союзных оккупационных сил в трех главных зонах Германии. Одновременно район Большого Берлина был выделен как совместная зона оккупации союзными силами. Американская делегация также представила в комиссию меморандум с изложением условий капитуляции Германии, где говорилось о признании безоговорочной капитуляции, роспуске всех нацистских организаций и оккупации ее союзными войсками на неопределенный срок¹⁵.

В мае 1944 г. комиссия США по изучению германской проблемы под председательством заместителя государственного секретаря Э. Стеттиниуса высказалась за "федерацию Германии" и ослабление полномочий ее центрального правительства¹⁶.

31 июня военный министр Г. Стимсон, Г. Гопкинс и Э. Стеттиниус составили меморандум, в котором была изложена совместная межведомственная платформа. В ней предусматривались оккупация Соединенными Штатами Южной Германии и распространение их контроля над нею¹⁷. Между тем государственный секретарь К. Хэлл полагал, что расчленение территории государства станет причиной возникновения недовольства немцев и со временем может привести к нарушению экономической стабильности Европы в целом. Хэлл выступал за ограничение развития военной экономики Германии и против ее участия в международных экономических организациях. Он предупреждал президента о необходимости неопременного сотрудничества США с Великобританией и СССР в деле обеспечения безопасности Европы. Германия, отмечал он, может угрожать миру, только если поссорятся Англия с Советским Союзом, однако допустить этого нельзя¹⁸.

5 августа Комитет по послевоенному планированию подготовил меморандум "Послевоенное устройство Германии". В предисловии к нему отмечалось, что основными вопросами являются: организация эффективного военного управления, ликвидация нацистской партии, разоружение и демобилизация немецкой армии, реорганизация экономики, изъятие репараций. Эксперты спрашивали: поддержат ли предложение о расформировании армии Великобритании и СССР? В меморандуме подчеркивалась необходимость запрещения нацистской партии, численность которой составляла 5 млн. человек¹⁹. 14 августа госдепартамент одобрил меморандум об экономической политике США в отношении Германии. В документе отмечалось: американская политика должна быть направлена на устранение экономического превосходства Германии в Европе, при этом важно поставить ее экономику в зависимость от мировой. За две недели до конференции в Квебеке Стимсон, посетив госдепартамент, бросил фразу: "Теперь надо спешить", ибо армии опережают политиков. Последним следует наверстывать упущенное²⁰.

28 августа Хэлл представил Рузвельту еще один меморандум с рекомендациями по вопросам послевоенного устройства Германии. В документе говорилось о лишении власти промышленных и финансовых концернов. Большие земельные имения должны быть расчленены. Германия должна подвергнуться военной оккупации со стороны США, Великобритании и СССР. Вооруженные силы Германии подлежали ликвидации. Нацистская партия запрещалась²¹.

1 сентября в госдепартаменте был составлен меморандум, озаглавленный "Поли-

¹⁵ FRUS. The Conference at Quebec. 1944, p. 61.

¹⁶ Ibid., p. 128.

¹⁷ FRUS. The Conference at Quebec. 1944, p. 151, 153–155, 227; *Stimson H.L., Bundy McG.* On Active Service in Peace and War. New York. 1948, p. 578–579; *Feis H.* Churchill, Roosevelt and Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1957, p. 400.

¹⁸ FRUS. The Conference at Quebec. 1944, p. 61.

¹⁹ Ibid., p. 54–69.

²⁰ *Stimson H., Bundy M.* Op. cit., p. 566.

²¹ FRUS. The Conference at Quebec. 1944, p. 49–53, 81, 82.

тика США в отношении Германии после ее поражения". В нем отмечалось, что госдепартаменту пока преждевременно пытаться излагать концепцию по германской проблеме, поскольку неизвестна позиция в этом вопросе ни Англии, ни Советского Союза. Касаясь вопроса о расчленении Германии, в госдепартаменте полагали, что надо вести речь о зонах оккупации. Уничтожение же ее промышленности может привести к пагубным последствиям. Миллионы немцев будут вынуждены эмигрировать в другие страны. Это вызовет оппозицию в Европе. К тому же Советский Союз, возможно, будет возражать²².

Одновременно предложения об обращении с Германией разрабатывались в министерстве финансов, возглавляемом Генри Моргентау. В августе он посетил освобожденные от германской оккупации страны Европы. Разрушения европейских городов произвели на него неизгладимое впечатление, он был потрясен увиденным. Вернувшись в Вашингтон, Моргентау изложил Рузвельту свои соображения о послевоенном устройстве Германии. Более того, он разработал план обращения с ней. Со многими положениями Моргентау президент согласился, заметив, что главарям нацизма надо дать почувствовать свою вину.

Подготовленный министерством финансов меморандум был датирован 1 сентября 1944 г. и озаглавлен "Послекапитуляционная программа для Германии"²³. В документе предлагалось провести в кратчайший срок полную демилитаризацию и расчленение Германии. Часть Восточной Пруссии рекомендовалось передать Польше, Саар и прилегающие территории – Франции; над Руром и окружающими его промышленными районами намечалось установить международный контроль, предварительно демонтировав промышленные предприятия, в первую очередь военные. Вся западная часть Германии подлежала разделу на два автономных независимых государства: Южную Германию и Северную Германию. Двумя Германиями будет легче управлять, чем одной, утверждал Моргентау. Особое внимание уделялось Руру, который, по словам Моргентау, являлся "кухней войн". Он должен быть отделен от всех районов, подвергнут строгому контролю и лишен промышленности. Вывоз заводов и оборудования следует засчитывать в качестве возмещения убытков и репараций странам, пострадавшим от гитлеровской оккупации. Моргентау имел в виду обеспечить посредством деиндустриализации Германии возможность для американских корпораций приобрести рынки сбыта товаров. Германию, считал он, надо превратить в "страну полей и пастбищ": путь Германии к будущему миру лежит через ферму, через обработку земли.

Как видим, в процессе подготовки к конференции в США было создано немало документов правительственными ведомствами. В них отражались различные подходы к решению проблем послевоенной Европы. Ознакомление с ними привело Рузвельта к мысли создать межведомственный правительственный комитет по вопросам Германии. Председателем его был назначен Гопкинс. В состав комиссии вошли главы ведомств: военного, финансов и госдепартамента. Президент преследовал цель попытаться путем межведомственной дискуссии выработать приемлемую платформу по германскому вопросу. Однако многочисленные встречи и дебаты не оправдали его надежд.

4 сентября в Белом доме под председательством Гопкинса состоялось совещание представителей госдепартамента, министерств финансов и обороны. Обсуждался вопрос об устройстве послевоенной Германии. От госдепартамента в совещании участвовали Дж. Данн, Ф. Мэтьюс и Риддлбергер, от министерства обороны – Дж. Макклой и генерал Дж. Холдринг, от министерства финансов – Г. Уайт, советник и помощник Моргентау. Единодушно были одобрены проведение демилитаризации Германии, ликвидация нацистских организаций, уничтожение оружия и военного снаряжения, запрещение "дальнейшего производства в Германии оружия и средств войны".

²² Chase J. The Development of the Morgenthau Plan Through the Quebec Conference. – The Journal of Politics, v. XVI, May 1954, p. 334–336.

²³ Morgenthau H. Germany is Our Problem. New York – London, 1945, p. 20, 48, 155.

В то же время выявились разногласия по важнейшим вопросам будущего Германии. Уайт активно защищал план Morgenthau, в составлении которого принимал непосредственное участие. Он утверждал, что после войны Германия не будет господствующей державой в Европе и ее целесообразно включить в федерацию Западной Европы под контролем США и Великобритании. Риддлбергер как представитель госдепартамента выступал против плана Morgenthau, который, по его глубокому убеждению, был неоправдан. Он предлагал сохранить промышленный потенциал Германии и не превращать ее в "страну полей и пастбищ". Позиция военного министерства совпадала с предложениями госдепартамента. В целом были высказаны серьезные сомнения в целесообразности плана министерства финансов.

После окончания дискуссии Риддлбергер представил государственному секретарю памятную записку, в которой были проанализированы результаты совещания в Белом доме. Особое внимание обращалось на расхождение подходов госдепартамента и министерства финансов к решению германской проблемы, прежде всего в отношении расчленения Германии. В записке предлагалось назначить американского Верховного комиссара по Германии, создать трехсторонний орган для установления над ней политического и экономического контроля²⁴. Одновременно Риддлбергер составил меморандум для правительственного комитета и президента. Здесь уже не подчеркивалось категорическое несогласие с расчленением Германии: "Мы должны поощрять децентрализацию немецкой правительственной структуры, и в случае, если возникнут какие-либо тенденции в отношении стихийного разделения Германии, мы не должны идти против них"²⁵.

5 сентября военный министр Стимсон обратился с письмом к президенту, направив копии Хэллу, Morgenthau и Гопкинсу. Он критически отнесся к проектам госдепартамента и министерства финансов в отношении послевоенного устройства Германии, особенно к превращению Рура и Саара в непромышленные районы. "Я не могу считать реалистическими такие предложения, – писал Стимсон, – в результате которых этот район в современных экономических условиях мира мог бы быть превращен в непроизводительную "призрачную территорию"; ведь он стал центром одного из наиболее индустриальных континентов в мире, населен энергичными людьми, людьми прогресса". Ознакомившись детально с предложениями Morgenthau, Стимсон писал: "Министерство обороны категорически возражает против того, чтобы немецкая военно-промышленная мощь была полностью уничтожена, чтобы она стала целиком и полностью зависимой от импорта и, наконец, чтобы военно-стратегические и промышленно развитые районы Рур и Саар были превращены в сельскохозяйственные угодья"²⁶. В первую очередь в этом заинтересованы США, если они желают избежать опасных конвульсий в Европе. Итак, министерство обороны предельно четко сформулировало свою позицию.

6 сентября представители трех ведомств вновь встретились и продолжили дискуссию, но к согласию так и не пришли. Тогда было решено все три меморандума отправить лично президенту. Рузвельт встретился в тот же день с членами межведомственного комитета, чтобы попытаться найти единое мнение. Ему часто удавалось примирить непримиримое, но на сей раз его постигла неудача. Morgenthau был непреклонен. Он не шел ни на какие уступки, настаивая на принятии своей программы. Рузвельт благосклонно к ней относился, считая, что Германия должна понести наказание за совершенные преступления. Заместитель руководителя отдела госдепартамента по делам Европы Ф. Мэтьюс выразил в принципе согласие с планом Morgenthau. Он полагал, что нет оснований отвергать его полностью и проявлять либерализм по отношению к немецкому народу, как это делает Стимсон²⁷.

²⁴ FRUS. The Conference at Quebec. 1944, p. 95–96.

²⁵ Ibid., p. 97.

²⁶ Ibid., p. 98–100.

²⁷ Ibid., p. 111.

Через три дня Рузвельт еще раз встретился в Белом доме с Хэллом, Стимсоном и Моргентау. Он не оставлял надежды достичь компромисса. Однако Моргентау продолжал яростно защищать свой план и подверг резкой критике предложения оппонентов. Он упорно доказывал, что Европа вполне может обойтись без германской промышленности, что Рур не нужен соседям и партнерам Германии; более того, Рур может быть опасным конкурентом. В ответ Хэлл и Стимсон приводили все новые и новые аргументы против полной "деиндустриализации" Германии. Дебаты вновь показали непримиримость сторон.

Рузвельт вынужден был закрыть заседание и отложить решение вопроса, продолжив его изучение. Но времени уже не было. Близилось открытие конференции в Квебеке. Президент обдумывал создавшуюся ситуацию. У Хэлла и Стимсона сложилось впечатление, что Рузвельт после столь жарких и неоднократных дебатов не склонится к одобрению плана Моргентау. Однако их предположения не подтвердились.

В канун конференции, 9 сентября, Хэлл, проявляя настойчивость, направил Рузвельту еще один меморандум, в котором предлагалось выработать как можно быстрее межсоюзническую платформу по германскому вопросу. Суть ее – контроль над монополиями и устранение нацистов с ответственных постов²⁸.

Характерно, что в тот же день Стимсон направил меморандум Хэллу. В нем он вновь обращал внимание на неприемлемость плана Моргентау касательно тотального уничтожения немецкой военной промышленности: "Мы должны выработать такой план, который позволял бы: во-первых, лишить будущую Германию возможности стать доминирующим государством в мире со своим военным и экономическим потенциалом и, во-вторых, добиваться включения Германии в западноевропейский союз". Стимсон выступал за сохранение промышленности Рура, против его интернационализации. Рассуждая о важности Рурского бассейна, Стимсон писал: "Я категорически против тотального уничтожения немецкой военной промышленности и других ключевых отраслей по причинам, выставленным мною в меморандуме от 5 сентября, который уже представлен президенту. По существу дела, моя точка зрения состоит в том, что все ресурсы и ценности необходимо сохранить. Это позволит использовать их в интересах всей Европы и в особенности Великобритании"²⁹. Это было уже третье письмо Стимсона, и оно произвело большое впечатление на Хэлла. Госсекретарь задумался и вполне оценил взгляды Стимсона, который в конце письма отметил, что по вопросу расчленения Германии США не следует проявлять поспешности в определении своей позиции, "пока мы не обменяемся мнениями с англичанами и русскими".

В Лондоне также велась активная подготовка к конференции, но основное внимание было привлечено не к политическим вопросам, а к военным, в частности к операциям во Франции и Италии, к событиям в Восточной Европе, а также к Дальнему Востоку. Это объяснялось рядом обстоятельств. Прежде всего, американские войска во Франции продвигались с неожиданной быстротой, английские же, напротив, – крайне медленно. Главнокомандующий генерал Д. Эйзенхауэр выражал недовольство пассивными действиями армии генерала Б. Монтгомери. Он предложил Черчиллю самому посетить фронт и убедиться в этом. Но премьер-министр не спешил во Францию. Его занимали другие аспекты британской военной стратегии. 19 июля Черчилль в телеграмме Гопкинсу указывал на неразумность проведения операции в Южной Франции, планировавшейся на август. Он считал, что дивизии, готовившиеся к высадке на юге Франции, следует использовать в Италии и – при успешных их действиях – для продвижения на Балканы. В Лондоне всегда придавали большое значение Балканам как важному экономическому и стратегическому району. Стремительное наступление Советской Армии в направлении Юго-Восточной Европы не

²⁸ Ibid., p. 389; *Stimson H., Bundy M.* Op. cit., p. 575–583; *Hall C.* Memoires, v. II. New York, 1948, p. 1062–1622.

²⁹ FRUS. The Conference at Quebec. 1944, p. 126–127.

давало покоя Черчиллю. "Русские войска уже вступили в Румынию, достигли границ Чехословакии", – с тревогой отмечал премьер-министр³⁰.

6 августа Черчилль направил еще одну депешу Гопкинсу, выразив сожаление по поводу разногласий между начальниками штабов в вопросах стратегии. Британский премьер никак не мог согласиться с проведением операции в Южной Франции. На этот раз он считал наиболее целесообразным направить американские дивизии на западное побережье Франции для соединения с армиями Эйзенхауэра на севере. Гопкинс, не воспринимая аргументы Черчилля, писал ему: "Было бы большой ошибкой изменять сейчас стратегию, так как это задержало бы освобождение Франции, а не ускорило его"³¹.

15 августа американские и французские войска под командованием генерала М. Вильсона успешно высадились на южном побережье Франции, овладели Тулоном и Марселем и стали быстро продвигаться на север, не встречая сопротивления немцев, которые поспешно отступали. Многострадальная Франция освобождалась. 25 августа французские дивизии вступили в Париж. Французы ликовали. Эта радостная весть облетела весь мир.

Черчилль в это время находился в Италии. Он был поглощен другими событиями, одновременно пристально следя за ходом военных действий во Франции. 26 августа Черчилль телеграфировал из Италии фельдмаршалу Я. Сметсу о том, что высадка войск союзников на юге Франции, по его мнению, не дала ожидаемого эффекта, хотя это и не соответствовало действительности. Он сожалел, что 5-я и 8-я армии в Италии оказались не в состоянии наступать "в направлении По, а в конечном счете и к великому городу Вене. Я все еще надеюсь, что нам это удастся. Если даже война внезапно подойдет к концу, я не вижу никаких оснований, по которым наши бронетанковые войска не должны прорваться и достигнуть этой цели, ибо мы можем это сделать"³². Идея продвижения в направлении Балкан не давала ему покоя. Он даже лично прибыл в Италию к началу операции под руководством генерала Г. Александера, конечной целью которой было быстрое продвижение союзников в направлении Истрии и Триеста. 26 августа операция началась. В ней участвовали крупные силы – 18 дивизий. Черчилль был уверен в успехе. Для него это приобретало особую значимость накануне встречи с американцами в Квебеке.

В проекте телеграммы, составленной 28 августа, премьер-министр писал Рузвельту, что надеется на "эффект от операции, выходящий далеко за военные рамки". Однако операция Александера провалилась. Надежды Черчилля не оправдались. Разочарованный, в подавленном настроении, он, так и не отправив депешу Рузвельту, поспешно покинул Италию и улетел в Лондон, где полным ходом шли последние приготовления к поездке на конференцию в Квебек. Оценивая неудачу в Италии, Черчилль впоследствии, в мемуарах, с огорчением признал: "Наша способность влиять военными средствами на освобождение Юго-Восточной Европы, исключая Грецию, исчезла"³³. Генералу Александеру потребовалось еще восемь месяцев для освобождения Италии.

И все же, отправляясь в Квебек, Черчилль не терял надежды, что при встрече с Рузвельтом ему удастся добиться взаимопонимания и согласия на наступление союзников в будущем на Истрию, Триест, а затем и на Вену.

Во вторник 5 сентября 1944 г. на комфортабельном теплоходе "Куин Мэри" Черчилль в сопровождении своих начальников штабов, советников и помощников отправился к берегам Канады. Ему предстояло обсудить с Рузвельтом неотложные вопросы ведения войны и назревшие проблемы мировой политики.

Великобритания в эти дни находилась в тяжелом положении. Ее людские ресурсы, отмечал посол США в Лондоне Дж. Вайнант в письме на имя Гопкинса, были на грани

³⁰ Шервуд Р. Указ. соч., т. 2, с. 508.

³¹ Там же, с. 512.

³² Черчилль У. Вторая мировая война. Триумф и трагедия, т. VI. М., 1955, с. 119.

³³ Там же, с. 124.

истощения. В армию уже призывались мужчины в возрасте от 16 до 65 лет, женщины – от 18 до 50. А ведь после поражения Германии еще предстояла война с Японией³⁴. 6 сентября лондонское радио сообщило, что за пять лет войны страна потеряла убитыми 234 тыс. человек. Лондон обстреливался ракетами "Фау-2". Жители спрашивали: "Когда же этот ужас закончится?".

В течение всего шестидневного путешествия премьер-министр напряженно работал над составлением доклада, который собирался произнести на конференции. Обдумывая и взвешивая каждую фразу, Черчилль, как опытный политик и дипломат, знал, что сказать и о чем умолчать. В основу доклада была положена идея, как сохранить Британскую империю, обеспечить позиции ослабленной Великобритании в Европе, Африке и Азии, как подготовить на завершающем этапе войны благоприятные условия для ее участия в мировой конференции по установлению мира. Черчилль ежедневно, иногда по два раза, встречался с начальниками штабов и военными советниками, стремясь выработать программу действий с учетом быстрого развития военно-политических событий в мире.

Внимание премьер-министра было привлечено прежде всего к вопросам британской военной стратегии в Европе. Неожиданно быстрое наступление войск союзников во Франции и стремительное продвижение Советской Армии на запад побуждало Черчилля подолгу всматриваться в карту, раздумывая о будущем восточной части континента и возможностях сохранить здесь позиции, занимавшиеся Великобританией до войны. "Я очень хотел, чтобы мы, – напишет он позднее в мемуарах, – опередили русских в некоторых районах Центральной Европы"³⁵. В случае изгнания немцев из Италии или их отступления к Альпам, убеждал он своих советников и помощников, генерал Александер может и должен нанести удар через Адриатику, "захватить и оккупировать Истрию и попытаться прийти в Вену раньше русских". Но у него не было уверенности в осуществимости этого замысла, так как у англичан не доставало необходимого количества вооруженных сил, немцы же оказывали ожесточенное сопротивление. К тому же Черчилль не знал, как отнесутся к этому американцы. Прежде они вежливо, но твердо отклоняли эту идею. Удастся ли устранить на сей раз существующие разногласия?

В не меньшей степени премьер-министра беспокоила мысль о положении Британской империи после войны, сохранении колониальных владений, что было непосредственно связано с проблемами войны против Японии. И чем больше задумывался он над этим, тем больше его одолевали опасения, что США могут одни, без помощи Великобритании успешно завершить войну на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. Когда, где и каким образом после поражения Германии Англия сможет принять участие в войне на безбрежных просторах Тихого океана и в Юго-Восточной Азии, как вернуть ей владения на Дальнем Востоке, прежде всего Сингапур, – вот что занимало его. Основной вклад могла бы внести Великобритания в операциях на море и в воздухе, посыл на Дальний Восток корабли и военно-воздушные силы. Однако американцы не испытывали в этом нужды. В частности, адмирал Э. Кинг, командующий военно-морскими силами США, равно как и командующий военно-воздушными силами США генерал Г. Арнольд считали, что у них достаточно собственных средств для проведения операций против Японии. С этим Черчилль не мог примириться.

Огорчало его и воспоминание о телеграмме Гопкинса, полученной еще до отплытия. Ближайший советник Рузвельта уведомлял, что не будет участвовать в конференции. Причиной тому частично было плохое состояние здоровья, но главное – обозначившиеся некоторые расхождения с президентом. Нужда в его советах уменьшилась. При этом во время предвыборной кампании Рузвельт не хотел привлекать внимание печати к их всем известной дружбе. Черчилль с сожалением воспринял эту весть, так как знал, что Гопкинс при американско-английских разногласиях оказывал в большинстве случаев положительное воздействие на Рузвельта.

³⁴ Шервуд Р. Указ. соч., т. 2, с. 515–517.

³⁵ Черчилль У. Указ. соч., т. VI, с. 146.

Черчилль приближался к берегам Канады, одолеваемый беспокойными мыслями о положении ослабленной войной Великобритании и будущем развитии военно-политических событий в мире. Американская делегация, возглавляемая президентом Рузвельтом, отправилась в Квебек, опираясь на невиданное военное, экономическое и финансовое могущество своей страны. Черчилль это осознавал. Накануне конференции он сделал в палате общин многозначительное заявление: "Соединенные Штаты находятся на вершине своей силы и славы".

СТРАТЕГИЯ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ

11 сентября американская и английская делегации прибыли в Квебек. Рузвельта сопровождали его начальник штаба адмирал У. Леги, начальник штаба армии генерал Дж. Маршалл, адмирал Э. Кинг, генерал Г. Арнольд; в делегации не было советника Рузвельта Гопкинса и госсекретаря Хэлла. Черчилля сопровождали начальник имперского генерального штаба А. Брук, начальник штаба военно-воздушных сил, главный маршал авиации Ч. Портал, первый морской лорд адмирал флота Э. Каннингхэм, английский представитель в Объединенном комитете начальников штабов США и Великобритании в Вашингтоне фельдмаршал Дж. Дилл, начальник штаба министерства обороны генерал Г. Исмей. Прибыло множество советников, экспертов, помощников. В составе каждой делегации насчитывалось более 200 человек.

Работа проходила под впечатлением быстро развивавшихся военных и политических событий в Европе, успешного наступления англо-американских войск во Франции. В Нормандию союзники за короткий срок перебросили 1,5 млн. человек, 1,5 млн. т снаряжения и свыше 500 тыс. автомашин. К началу сентября гитлеровские войска были практически изгнаны из Северной Франции, большей части Бельгии, Люксембурга. Союзные войска продвинулись уже к территории Нидерландов и в ряде пунктов перешли границу Германии. 35 дивизий противника были разгромлены.

Продвижение англо-американских войск в Западной Европе породило в Вашингтоне и Лондоне радужные надежды на скорое окончание войны. Разведка союзников, наблюдая за быстрым отступлением и нараставшими признаками деморализации и растерянности немецких войск в августе, предсказывала скорое поражение Германии. В одной из итоговых сводок разведотдела верховного штаба говорилось: "Два с половиной месяца ожесточенных боев привели к тому, что уже можно видеть конец войны в Европе"³⁶. По мнению объединенного разведывательного комитета, организованное сопротивление Германии не продлится дольше 1 декабря 1944 г., а возможно, прекратится и раньше³⁷. Правда, главнокомандующий союзными войсками генерал Д. Эйзенхауэр считал такой прогноз чрезмерно оптимистическим.

Тем не менее положение в немецких армиях на Западе было действительно тяжелым, когда войска союзников прорвали оборону на линии Сомма – Марна – Сона. 3 сентября Гитлер издал приказ упорно сражаться за удержание фронта. Генерал В. Модель потребовал 10 пехотных дивизий и 5 танковых. 7 сентября вновь назначенный главнокомандующий войсками на Западе фельдмаршал Рундштедт признал истощение группы армий и просил у Гитлера прислать 5 или 10 дивизий для обороны занимаемых позиций. Но это оказалось невозможным из-за широкого наступления Советской Армии на фронте, простиравшемся от Финляндии до Черного моря, где гитлеровское командование вынуждено было держать более 2 млн. человек. В течение июня, июля и августа 1944 г. оно потеряло свыше 900 тыс. человек.

Фельдмаршал Монтгомери, оценивая ситуацию на западноевропейском фронте, писал: "В конце августа анализ положения, в котором оказались немцы, давал основания считать, что сопротивление немцев в Западной Европе вот-вот будет сломлено"³⁸.

³⁶ Погью Ф.С. Верховное командование. М., 1957, с. 267.

³⁷ Там же.

³⁸ Эрман Дж. Большая стратегия. Август 1943 – сентябрь 1944 г. М., 1958, с. 134.

В военных кругах США и Англии считали вполне вероятным, что Германия капитулирует в ближайшие несколько недель. Черчилль оценивал ситуацию иначе. 10 сентября в меморандуме, составленном для комитета начальников штабов, он предупредил о предстоящих боях с соединениями вермахта. По его убеждению, война с Германией не закончится и к концу года. Этим должны руководствоваться начальники штабов в дискуссиях с американскими представителями.

Советские войска, завершив почти полностью изгнание фашистов с территории СССР, 31 августа вступили в Бухарест. Румыния прекратила военные действия против СССР, порвала отношения с Германией и вступила в войну на стороне союзных держав. 5 сентября Финляндия вышла из войны, за ней последовала Болгария. В основном завершился развал блока государств, возглавляемого Германией, оказавшейся в изоляции и окружении; 44 государства находились в состоянии войны с ней.

В США в это время набирала силу президентская избирательная кампания. 28 июня 1944 г. республиканцы выдвинули Томаса Дьюи кандидатом в президенты. После больших колебаний и сомнений 11 июля Рузвельт объявил о своем решении баллотироваться на четвертый срок. В истории страны это был беспрецедентный шаг. Съезд демократической партии поддержал его кандидатуру.

В связи с президентской кампанией Рузвельт в июле отправился в Пирл-Харбор на встречу с адмиралом Ч. Нимицом и генералом Д. Макартуром. Определялась будущая стратегия в войне на Тихом океане. К этому времени американские войска заняли Сайпан, Гуам, провели успешную десантную операцию на Марианских островах. На Гавайях президенту предстояло решить главный вопрос: что осуществить в первую очередь – предпринять высадку сухопутных войск на Формозе (план адмирала Нимица) или приступить к освобождению Филиппин, на чем настаивал генерал Макартур? Рузвельт поддержал план Макартура.

В такой насыщенной событиями международной военно-политической обстановке 13 сентября состоялось торжественное открытие пленарного заседания Квебекской конференции.

Первым выступил Черчилль с обзором хода войны. Он с удовлетворением отметил успешное наступление войск союзников во Франции, их согласованные действия, слаженность англо-американской штабной машины. "Битва, – как выразился Черчилль, – велась блестяще". Иное положение складывалось в Италии. Черчилль признал провал операции, предпринятой генералом Александером. 16 дивизий Британской империи (8 английских, 2 канадских, 1 новозеландская, 1 южно-африканская и 4 англо-индийские), находившиеся в Италии, понесли тяжелые потери. Черчилль просил американцев отказаться от переброски своих подразделений из Италии во Францию. После этого он с увлечением стал доказывать, как важно нанести удар по Германии, изгнать немцев из Италии и продвигаться к Альпам, захватить затем Истрию, оккупировать Триест и Фиуме. "Нашей целью должна быть Вена", заявил Черчилль: надо остановить проникновение "русских на Балканский полуостров и опасное распространение там советского влияния"³⁹.

Переходя к театру военных действий в Юго-Восточной Азии, премьер-министр вынужден был признать, что в Бирме англичане потеряли 40 тыс. человек в боях и 288 тыс. больными. С большим трудом им удалось сохранить воздушную линию в Китай, где японцы предприняли успешное наступление и китайский фронт оказался накануне развала. Британское командование, сказал Черчилль, в ближайшее время намерено захватить Рангун, но для этого необходимы дополнительные силы, а они пока нужны в Европе. Преследуя политические цели – сохранение своих владений в Юго-Восточной Азии, освобождение в первую очередь Сингапура, – Черчилль заявил о готовности послать основные силы английского флота, разумеется, только после поражения Германии, для участия в операциях против Японии, равно как и военно-воздушные силы для ее бомбардировки.

³⁹ Черчилль У. Указ. соч., т. VI, с. 148.

Рузвельт с удовлетворением констатировал сближение взглядов с Черчиллем по поводу военной стратегии в Европе. Он помнил длительные дебаты с ним на тему о том, где должен быть нанесен главный удар. Даже когда войска союзников вторглись в Нормандию, Черчилль 28 июня направил пространный меморандум президенту, в котором отмечал большие трудности для США, которые должны ежемесячно перебрасывать пять дивизий через океан, и доказывал "непривлекательность и бесплодность" высадки войск союзников на юге Франции (операция "Энвил"). Одновременно он горячо ратовал за продвижение в Италии – на север с целью взятия Триеста и организации стремительного броска на Вену⁴⁰.

Ознакомившись с содержанием меморандума, Рузвельт был вне себя; он сразу приступил к составлению ответа и на следующий день отправил его в Лондон. Документ отличался необычной категоричностью, твердостью, бескомпромиссностью. Президент указывал, что цель операции "Оверлорд" – нанесение удара в сердце Германии, и Эйзенхауэру поручено неукоснительно ее осуществлять. В Тегеране, напоминал он, Сталин настаивал на проведении одновременно наступления на юге Франции – ему обещали, и нужно непременно предпринять высадку войск; нельзя нарушать соглашение и договоренность со Сталиным. Для операции "Энвил", подчеркнул Рузвельт, можно перебросить из Италии пять дивизий – три американские и две французские. У генерала Александра останется еще 21 дивизия, у него явное превосходство и авиации в воздухе, и он может проводить наступательные операции, преследовать немцев, продвигаться на север, теснить армию А. Кессельринга в направлении Римини.

Выступая против британской стратегической линии, Рузвельт указывал, что продвижение войск в Словакию и Венгрию гораздо труднее, чем на юге Франции, в долине Роны; невероятно трудно ввести в бой за люблянский коридор шесть дивизий. "Я, – писал президент, – не могу согласиться с использованием американских войск для наступления на Истрию и на Балканы и не думаю, что французы согласятся на такое использование своих войск". Они не пожелают "нести потери в ходе второстепенных боев в Италии и на Балканах"⁴¹. Президент закончил свой меморандум категорично: "По политическим причинам внутреннего порядка (выборы президента. – Г.С.) я не мог бы выдержать даже малейшего поражения в операции "Оверлорд", если бы стало известно, что довольно крупные силы были отвлечены на Балканах"⁴². Последние слова были подчеркнуты Черчиллем; они поразили его, он не ожидал такого ответа. Тщетными оказались его попытки оказать воздействие на президента с помощью Гопкинса.

На конференции в Квебеке Рузвельт констатировал также сближение, а в ряде случаев совпадение взглядов союзников и по ряду других вопросов. Он заявил при этом о намерении освободить в ближайшее время Филиппины и Формозу, согласился на участие английского флота в войне с Японией, против чего выступали высшие чины ВМС, прежде всего адмирал Кинг. Черчилль даже попросил у президента подтверждения его согласия на использование английского флота в основных операциях на Тихом океане. В ответ президент сказал: "Я рад был бы видеть английский флот повсюду и всегда, когда это возможно". Кинг с неохотой также выразил свое согласие. Премьер-министр воспринял это с чувством благодарности. Между тем, когда англичане предложили участие своих военно-воздушных сил в бомбардировках Японии, причем самостоятельно и независимо от американцев, генералы Маршалл и Арнольд выступили против, заявив, что у Соединенных Штатов самолетов и без того в избытке.

Черчилль не собирался отступать, продолжая предлагать военную помощь в разгроме Японии. Однако 12 сентября в меморандуме своему начальнику штаба генералу

⁴⁰ Там же, приложение 3, с. 678–680.

⁴¹ Там же, с. 683, 684.

⁴² Там же, с. 684.

Исмею для комитета начальников штабов Черчилль выступил против посылки английских войск под командование генерала Макартура. Главной целью, писал он, должен стать захват Сингапура, который представляет собой важный британский стратегический объект, и именно он будет способствовать восстановлению престижа Великобритании на Индийском и Дальневосточном театре военных действий⁴³. В этом направлении и работала британская делегация при обсуждении военной ситуации в Юго-Восточной Азии.

В целом Черчилль считал, что достигнуты важные решения. Он с удовлетворением телеграфировал в Лондон своему заместителю по военному кабинету, что, по его мнению, конференция открылась в обстановке "пламенной дружбы", начальники штабов почти со всем согласны, идея о продвижении к Вене принята при условии, что война продлится достаточно долго. Последняя оговорка имела принципиальное значение. Одновременно Черчилль отправил депешу командующим в Средиземноморье генералам Вильсону и Александру. Американцы, уведомлял он, согласились не ослаблять армию Александра до изгнания из Италии дивизий Кессельринга, они готовы участвовать в операциях в Северной Адриатике и не возражали против продвижения в направлении Вены⁴⁴. Он рекомендовал своим генералам воспользоваться благоприятными условиями. Следует отметить, что премьер-министр несколько преждевременно говорил о "пламенной дружбе". Это было намеренное преувеличение, он выдавал желаемое за действительное, так как вопросы военной стратегии подлежали еще детальному обсуждению, дебаты были впереди и к ним готовились обе стороны.

После пленарного заседания Объединенный комитет начальников штабов приступил к обсуждению планов проведения совместных военных действий в Европе и Азии. Работа проходила в обстановке горячих споров; американская сторона опасалась продвижения на Балканы и была недовольна пассивностью военных действий в Италии.

Еще 10 сентября Черчилль обратил внимание начальника имперского генерального штаба Брука на тот факт, что во Франции и Италии Британская империя имеет 34 дивизии, а американцы – только 30. Это было важно для обсуждения военных проблем в Квебеке. Спустя четыре дня он предупредил Исмея и комитет начальников штабов о том, что "весьма сомневается в окончании войны с Германией к концу года".

Брук изложил участникам конференции план наступления англо-американских войск из Северной Италии на Вену. Рузвельт оставался при своем мнении, считая, что главный удар союзников должен быть направлен в сердце Германии с запада и востока, как было решено в Тегеране. Черчилль придерживался иного взгляда. В мемуарах он откровенно признавался, что его "всегда привлекала идея начать наступление справа, чтобы нанести Германии удар в адриатическую подмышку"⁴⁵.

СТРАТЕГИЯ ВОЙНЫ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

Значительное внимание на конференции было уделено Азиатско-Тихоокеанскому театру военных действий. С вторжением англо-американских войск в Нормандию стали наращиваться темпы наступления и здесь. Как отмечалось, летом 1944 г. американские войска освободили от японцев ряд важных островов. Япония оказалась в пределах действий бомбардировщиков США.

18 июля в Токио вследствие крупных поражений, постигших Японию, пал кабинет генерала Х. Тодзио, одного из организаторов тихоокеанской войны, установившего в стране диктатуру. По настоянию двора было решено сформировать новое коали-

⁴³ Там же, с. 162–163.

⁴⁴ Там же, с. 152–153.

⁴⁵ Там же, с. 148; *Эрман Дж. Указ. соч.*, с. 508.

ционное правительство. Его возглавил генерал К. Койсо. Военным министром был назначен Х. Сугияма, морским – адмирал М. Ионаи, министром иностранных дел – М. Сигемицу. Кабинету было поручено преодолеть национальный кризис, добиться единства нации и продолжать войну. В области внешней политики предлагалось сохранять прежний курс: сотрудничество с Германией, урегулирование проблем с Китаем и поддержание нормальных отношений с Советским Союзом. Но правительство Койсо оказалось не в состоянии предотвратить углубление кризиса в обществе.

Вскоре после высадки англо-американских войск в Северной Франции и поражения немецкой армии в Белоруссии на императорской конференции 19 августа было принято решение: в случае разгрома Германии или заключения ею сепаратного мира постараться изменить обстановку в лучшую сторону для Токио, используя с этой целью Советский Союз. 5 сентября на заседании Высшего совета по руководству войной было принято решение о проведении политических акций в отношении гоминьдановского Китая с целью заключения мира при условии эвакуации японских войск из Китая и передачи Чан Кайши власти над всем Китаем, за исключением Маньчжурии. Американцы и англичане при этом должны были также покинуть Китай. Инициатором этого плана, нереального и обреченного на провал, был глава правительства Койсо. Министр иностранных дел Сигемицу понимал неосуществимость этого плана⁴⁶.

Сигемицу обдумывал возможные варианты выхода страны из кризиса. 28 августа он сделал через германского посла предложение Гитлеру об установлении мира между Германией и Советским Союзом. 14 сентября Берлин отверг дипломатический демарш со стороны Токио. Одновременно Сигемицу предпринял шаги, направленные на поддержание нормальных японо-советских отношений, сохранение нейтралитета, предотвращение вступления Советского Союза в войну на Дальнем Востоке и максимальное воспрепятствование его сотрудничеству с США и Великобританией. С этой целью 12 сентября в министерстве иностранных дел в строгой тайне состоялось совещание, посвященное отношениям Японии с СССР. Предлагалось немедленно вступить в переговоры с Москвой для сохранения нейтралитета и улучшения отношений. Сигемицу не исключал того, что в момент критической ситуации и опасности вступления СССР в войну на Дальнем Востоке Японии придется отказаться от договора о рыболовстве, уступить Южный Сахалин, северные Курильские острова, пойти на отмену "антикоминтерновского пакта" и Тройственного пакта⁴⁷. Министр предусматривал пять вариантов ведения дипломатических переговоров в случае поражения Германии и неблагоприятного развития военных и политических событий в Азии и на Тихом океане.

Спустя четыре дня после совещания в министерстве иностранных дел, 16 сентября, японский посол в Москве Н. Сато встретился с наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым и сообщил ему о намерении японского правительства послать специальную миссию в Москву для обмена мнениями о положении в Европе и на Дальнем Востоке. Молотов ответил: такой шаг несвоевременен, он может быть истолкован как постановка вопроса о мире между СССР и Германией.

На конференции в Квебеке наряду с вопросами ведения войны против Японии обсуждалось также положение войск союзников на материке Юго-Восточной Азии.

В Бирме англичане встретили сильное сопротивление японцев. Летнее наступление английских дивизий, руководимое адмиралом Л. Маунтбэттенем, не дало желаемых результатов. Продвижение английских войск шло медленно, они несли потери. Попытки американского генерала Дж. Стилуэлла, находившегося в Чунцине при Чан Кайши и претендовавшего на пост главнокомандующего всеми вооруженными силами Китая, помочь китайскими дивизиями оказались тщетными. Маунтбэттен поспешил в Лондон для консультаций. Он выразил сомнение в возможности взятия с суши Рангуна

⁴⁶ История войны на Тихом океане, т. IV. М., 1958, с. 186–187.

⁴⁷ Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1980, с. 272–274.

и предложил совершить десантную операцию при условии получения подкрепления из Европы. Для этого Маунтбэттену необходимо было пять или шесть дивизий, а он мог использовать только две или три. Поэтому Черчилль на конференции в Квебеке предложил послать одну или две дивизии из США в Бирму, а не в Европу. Американцы решительно отклонили это предложение. Британский премьер-министр вскоре уведомил Маунтбэттена, что для наступления на Рангун вооруженных сил мало и лучше эту операцию перенести на ноябрь 1945 г.⁴⁸

У американских начальников штабов, и в первую очередь у генерала Маршалла, складывалось впечатление, что британский премьер-министр и его военные советники старались втянуть в операцию на Балканах находившиеся в Италии американские дивизии и, кроме того, послать еще две дивизии США в Бирму. Ни Рузвельт, ни его военные помощники и эксперты не могли с этим согласиться. Английской делегации приходилось идти на компромиссы и уступать, ибо соотношение сил было в пользу США.

ПЕРЕГОВОРЫ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ

В то время когда начальники штабов американских и английских вооруженных сил обсуждали и вели дискуссии о проведении предстоящих наступательных операций в Европе, Юго-Восточной Азии и на Тихом океане, Рузвельт и Черчилль были заняты проблемами послевоенного устройства мира. Обмен мнениями показал, что существуют серьезные разногласия, отражающие столкновение интересов, подходов и взглядов. В центре внимания было будущее Германии после ее капитуляции.

В июне и июле президент придерживался взгляда о необходимости установления союзниками зон оккупации Германии. Западная ее часть отводилась США и Великобритании, восточная – СССР. Рузвельт и Объединенный штаб считали, что войска США должны занять северную часть Германии, а английские – южную. Но о зонах оккупации не было единого мнения. Госдепартамент полагал наиболее целесообразным включить в зону Соединенных Штатов Южную Германию и достаточное количество портов в Северной Германии, а к английской зоне отнести Северо-Западную Германию. Главнокомандующий союзными войсками Эйзенхауэр придерживался такого же мнения.

В Квебеке адмирал Леги как начальник штаба президента США и председатель Объединенного американско-английского штаба в Вашингтоне заявил на заседании Объединенного комитета начальников штабов о желательности оккупации американскими войсками Северо-Западной зоны. Однако адмирал Кинг выступил за занятие Юго-Западной Германии с условием предоставления также портов в Северной Германии. Ввиду расхождения взглядов вопрос был передан на рассмотрение Рузвельту и Черчиллю. Они решили, что английские войска должны оккупировать территорию к западу от Рейна; их зона включала Рур, Рейнскую область к северу от Кобленца, а также северогерманские порты. Американцы получали Баварию, Саар и Рейнскую область, а также контроль над портами Бремен и Бремерхафен и доступ к западным и северо-западным морским портам⁴⁹.

Германский вопрос рассматривался в Квебеке в двух основных аспектах: во-первых, участники конференции исходили из того, что послевоенная Германия не должна вновь стать их опасным конкурентом на мировом рынке; во-вторых, она не должна возродить свой военный потенциал и угрожать миру. Министр финансов США Моргантау, как уже отмечалось, представил план послевоенного устройства Германии, предусматривавший ее расчленение, деиндустриализацию и превращение в аграрную страну – "страну полей и пастбищ". Он выступал против взимания больших репараций с Германии. 9 сентября в инструкции к его плану говорилось: "Выплата

⁴⁸ Черчилль У. Указ. соч., т. VI, с. 163–164.

⁴⁹ Погью Ф.С. Указ. соч., с. 368–370.

Германией репараций, будь то в денежной форме или в форме товаров, приведет к восстановлению и реконструкции немецкой экономики, наращиванию мощностей. А это потребует для нее внешних рынков"⁵⁰.

Рузвельт благосклонно относился к этой идее. Между тем два его министра были не согласны с ней. Военный министр Стимсон вручил президенту меморандум, в котором настаивал на принятии его плана и на отказе от плана Morgентау. Хэлл также предупреждал Рузвельта о нецелесообразности проведения кардинальных мер по расчленению Германии, которые могли бы привести к разрушению ее экономического потенциала и нарушению стабильности в Европе⁵¹.

В Великобритании также не было единодушия в вопросе о будущем Германии. Начальник имперского генштаба Брук и его единомышленники выступали против ослабления Германии. Лорд Ванситтарт, поддерживая идею деиндустриализации Германии, в книге "Семена раздора", опубликованной в 1945 г., писал: "Некоторые отрасли германской промышленности должны вовсе исчезнуть. Другие, как, например, тяжелая металлургия, должны быть ограничены и находиться под контролем. Машиностроительная промышленность должна находиться под контролем, а затем подлежит уничтожению, как только Британия и США смогут обеспечить потребности Европы"⁵². Различие во мнениях позволяло Черчиллю маневрировать при выработке британской позиции по германской проблеме. Уже на одной из первых встреч с Рузвельтом премьер-министр заявил: "Вопрос о Германии имеет важное значение, и нужно его непременно обсудить".

12 сентября Morgентау неожиданно получил телеграмму от президента, где говорилось, что он должен немедленно прибыть в Квебек. По приезде министр финансов был приглашен на обед, где присутствовали Рузвельт и Черчилль. Рассказав о плане расчленения Германии, Morgентау вручил им меморандум с текстом своих предложений. Черчилль увидел в плане Morgентау много непродуманного. Сначала он был шокирован, решительно возражал и говорил, что это неестественно, не по-христиански и невозможно⁵³. Не исключено, что это был тактический прием, ибо вполне очевидно, что план Morgентау обеспечивал Великобритании большой европейский рынок и усиливал ее влияние в Европе. Кроме того, нельзя было не учитывать, что впереди война против Японии и послевоенные проблемы в Азии. Их решение во многом зависело от позиции США. Для Черчилля важно было также получить как можно большую экономическую и финансовую помощь от Вашингтона. Morgентау пообещал огромный заем по ленд-лизу – 6,5 млрд. долл. Это сыграло большую роль в определении позиции Черчилля относительно плана Morgентау.

На конференции был обсужден также вопрос о масштабах взаимной помощи на основе ленд-лиза между США и Британской империей после поражения Германии, в период войны с Японией. Для этого был создан временный комитет, в состав которого со стороны США были введены Стеттиниус, Morgентау, Дж. Кроули. Характерно, что этот важный вопрос был решен без госсекретаря Хэлла. Любопытно также и то, что Гопкинса не ввели в комитет, так как он будто бы находился под слишком большим влиянием англичан, русских и китайцев и недостаточно защищал американские интересы⁵⁴.

В Вашингтоне стремились воспользоваться благоприятной ситуацией, чтобы потеснить Великобританию на мировом рынке. За день до отъезда Рузвельта в Квебек Гопкинс просил его открыто сказать премьер-министру о важности для США устранения некоторых торговых барьеров, развития международной торговли, показать ему заинтересованность в этом не только госсекретаря Хэлла, но также и лично президента.

⁵⁰ FRUS. The Conference at Quebec. 1944, p. 131–132.

⁵¹ *Stimson H., Bundy M.* Op. cit., p. 482–485.

⁵² *Vansittart R.G.* The Bones of Contention. New York, 1945, p. 50.

⁵³ *Шервуд Р.* Указ. соч., т. 2, с. 522.

⁵⁴ Там же.

Беседы Черчилля с Рузвельтом и Моргантау по германской проблеме и относительно торгово-экономических отношений между двумя странами побудили британского премьер-министра изменить отношение к плану Моргантау. Он быстро стал его сторонником и даже ужесточил некоторые формулировки в тексте плана. Поведение премьер-министра обуславливалось, вероятно, еще и тем, что германская проблема в это время изучалась в Европейской Консультативной Комиссии, заседавшей в Лондоне. Разумеется, он хорошо был осведомлен о ее работе. К тому же без Советского Союза совершенно исключено было решение проблем послевоенной Германии. Все это Черчилль учитывал.

15 сентября Рузвельт и Черчилль поставили свои инициалы под планом Моргантау, т.е. фактически одобрили его. Окончательный вывод меморандума гласил: "Эта программа ликвидации военной промышленности Рура и Саара предусматривает в будущем превращение Германии в страну преимущественно аграрную, пастушескую по характеру. Президент и премьер-министр полностью согласны друг с другом в отношении этой программы"⁵⁵. Моргантау был беспредельно рад. Он возвратился в Вашингтон как победитель.

Парафировав план Моргантау, президент и премьер-министр выразили общее согласие с ним, но в то же время признали этот документ лишь предварительным соглашением, подлежащим окончательному оформлению и уточнению.

Весть о парафировании Рузвельтом и Черчиллем плана Моргантау сразу же после конференции просочилась в периодическую печать. Тайное стало явным. В прессе развернулась оживленная полемика. Президент подвергся острой критике. Моргантау и его помощники Г. Уайта, Н. Силвермена и Л. Керри объявили даже "агентами Москвы". Такие заявления не имели ничего общего с действительностью, ибо Моргантау руководствовался национальными интересами США, опасаясь быстрого возращения военно-промышленного потенциала Германии.

В Вашингтоне, узнав об одобрении плана Моргантау на высшем уровне, были потрясены. Получалось, что президент не посчитался с мнением госсекретаря и военного министра и даже не поставил их в известность. Возмущенный Хэлл перешел в наступление. Он направил меморандум Рузвельту, решительно возражая против предпринятого президентом шага. Стимсон также осудил решение президента. С ним солидаризировались его помощник Дж. Макклой, впоследствии ставший верховным комиссаром США в Германии, и заместитель министра Р. Ловетт – крупнейший банкир, совладелец банка "Браун Бразерс, Гарриман энд К°".

Лидер республиканцев в сенате Роберт Тафт выступил с тезисом "Америке нужна сильная Германия"⁵⁶. В поддержку Хэлла и Стимсона выступили министр военно-морского флота Дж. Форрестол, президент и вице-президент банка "Диллон, Рид", представители консервативных кругов Т. Дьюи, Дж. Маккарти, Дж. и А. Даллесы, У. Буллит, Г. Люс, С. Хорст, Г. Гувер и др.

Военное министерство по указанию Стимсона опубликовало брошюру под характерным названием "Что должно быть сделано в отношении Германии после войны"⁵⁷. Она была издана в качестве пособия для обучения военнослужащих. В ней предлагалось установить контроль над производством Германией самолетов, танков, тяжелой артиллерии и военно-морских судов. Отрасли же тяжелой промышленности рекомендовалось сохранить. В брошюре говорилось: "Желательно, чтобы Германия не только получила разрешение, но и чтобы ей была оказана помощь в восстановлении производственных мощностей в таком объеме и так быстро, как это окажется возможным". Эти мысли сам Стимсон, видимо, неоднократно высказывал президенту и настойчиво требовал отказаться от плана Моргантау. В то же время Стимсон одобрял идею расчленения Германии на ряд малых государств. Заместитель

⁵⁵ FRUS. The Conference at Quebec. 1944, p. 467; *Hull C. Op. cit.*, v. 2, p. 1610–1611.

⁵⁶ *Taft R. A Foreign Policy for Americans*. New York, 1951, p. 54.

⁵⁷ *What Shall Be Done about Germany after the War?* War Department Education Manual. By Order of the Secretary of War. Washington, 1944, p. 11–12, 16.

госсекретаря С. Уэллес разделял идеи военного министра об отторжении от Германии ряда территорий и разделении ее на южногерманское, западногерманское и восточногерманское государства⁵⁸.

Представители корпораций, ранее сотрудничавших с Германией, выступили против деиндустриализации Запада Германии, где располагались основные предприятия тяжелой промышленности. За их сохранение ратовали "Дженерал электрик", "Стандард ойл", "Дженерал моторс", "Дюпон де Немур", "Форд". До войны они имели значительные капиталовложения в Германии. Оппозиция плану Morgentau была сильная и влиятельная. Его противники действовали активно, динамично и целенаправленно. Рузвельту нелегко было им противостоять.

В конце концов президент решил отступить. 27 сентября он позвонил Стимсону и выразил готовность исправить положение, заверяя, что вовсе не собирается превращать Германию в сельскохозяйственную страну. При встрече в Белом доме Рузвельт сказал Стимсону: "Не знаю, как я мог подписать такое!". И затем добавил: "Не подумал как следует"⁵⁹. То же самое Рузвельт сказал и Хэллу. Когда страсти несколько улеглись, Хэлл 29 сентября направил в Белый дом меморандум, в котором предлагал проведение демилитаризации и денацификации Германии; решение же о ее расчленении должно было быть принято только совместно с союзниками – Великобританией и СССР. С этим Рузвельт согласился.

20 октября Рузвельт сердито написал Хэллу: "Не люблю я разрабатывать подробные планы для страны, которую мы еще не оккупировали", – и затем добавил: многое "зависит от того, что мы и союзники увидим, когда вступим в Германию, а пока еще там нас нет"⁶⁰. Он предложил приостановить на шестимесячный срок планирование в отношении Германии.

Возникает вопрос: почему Рузвельт и Черчилль парафировали план Morgentau, а спустя месяц отказались от него? По-видимому, они в чем-то сомневались. Возможно, они не могли не учитывать событий, происходивших вне конференции, а именно – работу Европейской Консультативной Комиссии в Лондоне. Этой комиссии было поручено заниматься вопросами будущего Германии. Великобританию в комиссии представлял заместитель министра иностранных дел У. Стрэнг, СССР – посол Ф.Т. Гусев, США – посол Дж. Вайнант⁶¹.

14 января 1944 г., на первом заседании комиссии, Вайнант предложил немедленно приступить к разработке условий капитуляции Германии и механизма их реализации. На следующий же день Стрэнг представил в комиссию меморандум об условиях капитуляции для Германии и одновременно проект условий перемирия с ней, в основу которого был положен принцип безоговорочной капитуляции.

К этому времени советской стороной не было представлено никаких документов. Комиссия по вопросам перемирия, возглавлявшаяся К.Е. Ворошиловым, не успела изложить свои предложения. Составленный первоначальный проект документа оказался чрезмерно обширным: он содержал 158 статей, отдельный протокол и еще два приложения. Было решено максимально его сократить. "Краткие условия капитуляции Германии" и проект указаний послу Гусеву, утвержденные Сталиным, 13 февраля были отправлены в Лондон на рассмотрение комиссии. Через два дня Гусев представил проект документа, где говорилось о прекращении военных действий в Германии, ее разоружении и передаче союзникам всей авиации и флота, об установлении трех зон оккупации и создании района Большого Берлина.

18 февраля комиссия приступила к обсуждению трех проектов об условиях капитуляции Германии. Оно продолжалось до июля 1944 г. Черчилль внимательно следил за ходом обсуждения. Он обратился к Рузвельту с предложением пересмотреть

⁵⁸ *Wallas S. The Time for Decision. New York, 1944, p. 352.*

⁵⁹ *Morison S. Turmoil and Tradition. A Study of the Life and Times of H.L. Stimson. Boston, 1960, p. 609.*

⁶⁰ *Шервуд Р. Указ. соч., т. 2, с. 521.*

⁶¹ См. *Кынин Г.П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании 1944–1945 гг. – Новая и новейшая история, 1995, № 4, с. 108–109.*

принцип безоговорочной капитуляции в сторону смягчения. Однако президент не согласился. Премьер-министру это не понравилось. 25 июля члены ЕКК подписали текст согласованного документа о безоговорочной капитуляции Германии и представили его трем правительствам на утверждение. Документ содержал всего 14 статей. 9 августа его одобрила администрация США, 21 августа – правительство СССР. В Лондоне заняли выжидательную позицию, и этот документ был одобрен только после Квебекской конференции – 21 сентября. Черчиллю нужно было выяснить позицию США не только по Германии, но и по другим важным вопросам послевоенного устройства мира.

Одновременно британская дипломатия выступила за ускорение изучения вопроса о расчленении Германии. Еще 26 января 1944 г. Стрэнг внес предложение создать для этого в ЕКК специальный комитет и представил проект положения о нем. Решено было ввести в комитет по два члена от каждой делегации и на следующем заседании рассмотреть вопрос о его работе.

Заметная активность англичан и их стремление ускорить выработку документа о расчленении Германии в Москве не одобрялись. Вопрос был очень сложен, он уже обсуждался и на Московской конференции министров иностранных дел, и в Тегеране. Американская и английская делегации высказывали соображения о принципах расчленения Германии; советская сторона воздерживалась от конкретного изложения своей точки зрения. Замнаркома иностранных дел М.М. Литвинов в октябре 1943 г. настоятельно советовал по мере возможности не проявлять успешность, предпочитая выслушивать мнения американцев и англичан. И на сей раз НКВД уведомил британское посольство в Москве о том, что ЕКК в первую очередь должна заниматься вопросами перемирия и лишь после этого – проблемой расчленения Германии. 18 февраля Гусев на заседании ЕКК заявил, что у него нет ни материалов, ни экспертов для работы в комитете по изучению этой сложной проблемы. Предложение Стрэнга приступить в рамках ЕКК к обсуждению ее хоть в какой-то форме Гусевым было отклонено. Руководствуясь указаниями правительства, он заявил, что не готов поручить члену своей делегации присоединиться к изучению вопроса о расчленении Германии, заслуживающего самого большого внимания. Ответ был категоричен. В результате в ЕКК в течение всего 1944 г. больше не поднималась проблема расчленения Германии. Зато она пристально рассматривалась на высшем уровне при встречах, с одной стороны, Черчилля с Рузвельтом в Квебеке, с другой – Черчилля со Сталиным в Москве в октябре 1944 г.

На Квебекской конференции был поднят ряд вопросов, связанных с политическими проблемами европейских стран. По многим из них существовали разногласия между США и Великобританией. И прав был замнаркома иностранных дел И.М. Майский, когда в докладной В.М. Молотову в январе 1944 г. писал, что Англии, попавшей в экономическую зависимость от США, приходится маневрировать в политике, уступать одну за другой позиции. Интересы США и Англии сталкивались по целому ряду проблем и окрашивались в разные "цвета англо-американских противоречий"⁶².

Черчилль поднял вопрос о судьбе итальянских колоний в Африке, будущем Сомали, Абиссинии и Эритреи. Еще до конференции британская сторона представила свои соображения по этому вопросу. Предлагалось поставить под международную систему опеки Абиссинию, Сомали, Ливию, Триполитанию и Киренаику. 11 сентября Рузвельту был вручен англичанами еще один меморандум, касавшийся статуса итальянских заморских территорий⁶³. Три дня спустя Рузвельт и Черчилль обменялись мнениями о послевоенном будущем Италии. Несмотря на возникшие разногласия, они пришли к решению предоставить итальянскому правительству Бономи, которое поддерживалось союзниками, больше прав, оказать ему экономическую помощь и оформить дипломатическое признание. Министр иностранных дел А. Иден считал, что

⁶² Источник. Документы русской истории, 1995, № 4, с. 142.

⁶³ Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence, v. III. Ed. by W. Kimball, p. 325–328; FRUS. Conference at Quebec. 1944, p. 409–411.

остались нерешенными вопросы об итальянском флоте и колониях. Он предлагал также отметить неспособность правительства Бономи поддерживать закон и порядок в стране.

На конференции рассматривались проблемы Франции: кто будет стоять во главе правительства, когда наступит время и появится возможность его признания? В условиях освобождения страны войсками союзников возникла необходимость создания представительного правительства. Французский Комитет Национального Освобождения (ФКНО) во главе с генералом де Голлем в начале июня 1944 г. был переименован во временное правительство. С этим не были согласны ни в Вашингтоне, ни в Лондоне. 10 июля и 18 августа Черчилль предупредил Идена, что пока преждевременно просить США и СССР признать ФКНО временным правительством. Такого же мнения придерживался и Рузвельт, предвзято относившийся лично к де Голлю. Союзники держали генерала в неведении о сроках осуществления операции "Оверлорд". Только в день высадки ему дали возможность обратиться по радио к французскому народу. Когда посол Гусев задал де Голлю вопрос, почему основные силы Сражающейся Франции не участвуют в борьбе за освобождение страны, последовал ответ: "Об этом надо спросить Рузвельта". Затем, после паузы, де Голль добавил: "И Черчилля"⁶⁴.

Англо-американское командование воздерживалось от сотрудничества с движением Сопrotивления как во Франции, так и в Италии. То было крупнейшим военно-политическим просчетом. 25 августа французские дивизии под командованием генерала Леклерка вступили в Париж. И все же в Квебеке главы американского и английского правительств решили пока воздержаться от признания временного правительства Франции во главе с де Голлем. Время для этого еще не наступило – так думали и в Вашингтоне, и в Лондоне. Верховный командующий союзными войсками генерал Эйзенхауэр в то же время был наделен исключительной властью и общирными правами в области гражданской администрации Франции, вплоть до выпуска союзниками банкнотов – оккупационных денег⁶⁵.

Выпуск оккупационных денег вызвал протест со стороны де Голля, который назвал их "фальшивыми франками". Представители движения Сопrotивления расценивали введение гражданской администрации и широкие полномочия Эйзенхауэра как ущемление прав демократических сил. Когда Иден на конференции за ланчем поставил перед Рузвельтом и Черчиллем вопрос о признании французского правительства, раздалась гневная тирада против де Голля. Между тем и Иден, и Хэлл считали необходимым его официальное признание. Время уже наступило⁶⁶.

В Квебеке состоялся также обмен мнениями о будущем Польши. И Рузвельт, и Черчилль находились под впечатлением кровавой трагедии, разыгравшейся в августе в Варшаве; она всколыхнула все мировое общественное мнение. При одобрении эмигрантского правительства С. Миколайчика в Варшаве в начале августа вспыхнуло восстание против нацистов. Но у восставших не было ни артиллерии, ни танков, ни самолетов. Советское правительство не было заранее уведомлено об этой акции. Сталин назвал ее безответственной авантюрой преступников, жаждавших захватить власть. На призывы Черчилля и Рузвельта оказать помощь Варшаве Сталин ответил, что советское командование не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за события в Варшаве и делает все возможное, чтобы сломать контратаки немцев⁶⁷.

При обсуждении польской проблемы в Квебеке Черчилль защищал и оправдывал действия находившегося в Лондоне эмигрантского правительства Польши, которое свои акции, вероятно, согласовывало с ним. В беседе с президентом он старался отмежеваться от необдуманной, ограниченной и корыстной политики польского эмигрантского правительства, показать свою непричастность к ней и представить в нега-

⁶⁴ Советско-французские отношения в годы Великой Отечественной войны, т. 2. М., 1983, с. 71.

⁶⁵ Там же, с. 71; *Погью Ф.С.* Указ. соч., с. 248–252.

⁶⁶ *Memoirs of Antony Eden, Earl of Avon.* Boston, 1955, p. 553.

⁶⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 1, с. 301–303; т. 2, с. 165–166.

тивном свете позицию советского правительства. Он выразил беспокойство в связи с возникновением в Люблине Польского Комитета Национального Освобождения (ПКНО). Премьер-министр сказал, что в Польше будут созданы два правительства и в отношении них союзники будут придерживаться различных мнений. СССР, заметил он, мало считается с правительством Миколайчика и пора сделать выводы относительно кооперации с Россией⁶⁸. Рузвельт, как политик-реалист, не мог с этим согласиться. Он помнил обсуждение польской проблемы в Тегеране, переписку со Сталиным по польскому вопросу. По его мнению, без участия СССР рассматривать вопрос о Польше и ее правительстве было нецелесообразно.

19 июня Рузвельт, сообщая Сталину о встрече с Миколайчиком, писал: "Все будущее Польши зависит от установления подлинно хороших отношений с Советским Союзом"⁶⁹. 24 июня Сталин в ответе президенту подчеркнул неизменность позиции СССР: Польша должна быть сильной, независимой и демократической, а советско-польские отношения – добрососедскими⁷⁰. 9 августа Сталин сообщил Рузвельту о результатах своих встреч с главой польского эмигрантского правительства Миколайчиком, который, как оказалось, неудовлетворительно информирован о действительном положении в Польше. Было предложено, чтобы представители ПКНО и эмигрантского правительства в Лондоне постарались договориться между собой о составе правительства Польши⁷¹.

Руководствуясь этими соображениями, президент позднее заявил представителям печати: "Я и мой народ не собираемся конфликтовать с Россией из-за Польши, судьба которой еще не ясна. Меня, как президента, в большей мере интересует судьба Центральной Европы, и в частности Германии"⁷². Таким образом, вопрос о польском правительстве на конференции не был решен. В этой связи американский историк М. Макнейл справедливо отмечал: "Бесперспективность переговоров руководителей западных союзников на Квебекской конференции 1944 г. по польскому вопросу заключалась в том, что в их распоряжении было правительство, нашедшее приют в столице Великобритании, но не было Польши как таковой"⁷³.

Таким образом, на конференции у Рузвельта и Черчилля выявились разные подходы и взгляды по политическим вопросам. Поэтому в мемуарах Черчилль предпочел о своих разногласиях с президентом в Квебеке рассказывать как можно меньше, а если и касаться их, то в благоприятном для себя свете. Он ограничился только военными сюжетами, умолчав о политических беседах.

16 сентября состоялось заключительное пленарное заседание конференции. На нем был утвержден окончательный доклад Объединенного комитета начальников штабов. Рузвельт и Черчилль вместе со своими начальниками штабов, обсудив планы проведения военных операций в Северо-Западной Европе, в Италии и на Балканах, решили нанести удары по Руру и Саару, а в Италии предпринять наступление на полуострове Истрия в направлении Балкан. Была одобрена высадка английских дивизий в Пирее и Афинах; согласованы мероприятия по переброске сил союзников на Тихоокеанский театр после поражения Германии. Участники конференции признали, что для разгрома Японии потребуется значительное время. Комитеты начальников штабов разработали и главы правительств утвердили сроки совместных военных операций, в частности, нанесения воздушных ударов по Японии, изгнания японцев с Филиппин, тихоокеанских островов Иводзима и Окинава, наступления в Бирме.

⁶⁸ FRUS. The Conference at Quebec. 1944, p. 188, 194, 195, 368.

⁶⁹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг., т. 2, с. 153–154, 528.

⁷⁰ Там же, с. 155–156.

⁷¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 2, с. 162–163.

⁷² The Public Papers and Addresses of F.D. Roosevelt, 1944–1945. Victory and Threshold of Peace. New York, 1951, p. 141.

⁷³ McNeill W.H. America, Britain and Russia. Their Cooperation and Conflict. London, 1953, p. 295.

Черчилль предложил перебросить часть британских военно-воздушных и военно-морских сил на Тихий океан с целью обеспечить Великобритании возможность восстановления колониальных владений и расширения своих позиций в Юго-Восточной Азии. Рузвельт принял это предложение без восторга. На конференции было решено не создавать единого командования на Дальнем Востоке и Тихом океане, а сохранить три отдельных. Морскими операциями продолжал командовать адмирал Нимиц; в юго-западной части Тихого океана операции проходили под командованием генерала Макартура, в Юго-Восточной Азии – английского адмирала Маунтбэттена. Продвижение в Бирме должно было сочетаться с захватом Рангуна.

В докладе говорилось об активизации наступательных операций непосредственно против Японии. Был определен срок окончания войны против нее: через 18 месяцев после разгрома Германии. Дорогостоящих наземных операций решено было по возможности избегать.

Английские войска должны были занять Германию к западу от Рейна, а американцы – территорию к востоку от Рейна и установить контроль над портами Бремен и Бремерхафен, получить выход в океан через западные и северо-западные порты.

ПОСЛЕ КВЕБЕКА

17 сентября Черчилль покинул Квебек и отправился в Гайд-парк, имение президента Рузвельта. Там они провели два дня – 18 и 19 сентября. Оба лидера наедине обсуждали проблемы мировой политики. Только Гопкинс был приглашен на завтрак 19 сентября, хотя, как уже отмечалось, в Квебеке он не присутствовал. Появление Гопкинса в Гайд-парке обрадовало Черчилля; он расценил это как желание президента сделать ему приятное. Сам Гопкинс при встрече с Черчиллем задумчиво сказал: "Вы должны знать, что я уже не тот"⁷⁴. Черчилль предпочел ничего не писать в мемуарах о сугубо доверительных беседах с Рузвельтом в Гайд-парке. Но со временем тайное стало явным.

Наиболее важное и значительное соглашение между Рузвельтом и Черчиллем было достигнуто не в Квебеке, а именно в Гайд-парке; это было соглашение о производстве атомной бомбы.

Рузвельт внимательно следил за ходом исследований по ядерной физике и работой лаборатории по созданию атомной бомбы. Повышенный интерес к этой проблеме проявлял и Черчилль, добиваясь сотрудничества на паритетных началах. Но у американцев были свои расчеты. Встал вопрос о Советском Союзе: продолжать ли и далее утаивать от него работы над атомным оружием либо информировать его, как союзника, о проводимых работах?

В марте 1944 г. Рузвельт принял крупнейшего ученого-физика Нильса Бора. Беседа продолжалась полтора часа. Президент посоветовал ему поехать в Лондон и встретиться с Черчиллем. 16 мая Бор имел беседу с британским премьер-министром о возможности сотрудничества с СССР в создании атомной бомбы и установлении международного контроля над производством атомного оружия. Однако эта идея была категорически отвергнута Черчиллем. Разочарованный и подавленный, но не потерявший еще надежды, Нильс Бор встретился накануне конференции, 26 августа, с Рузвельтом, по-прежнему доказывая ему, что Россию необходимо информировать о проводимых в США работах по созданию атомной бомбы, ибо русские также заняты исследовательскими работами в этой области; сохранить эту тайну на длительное время невозможно. Важно обеспечить, убежденно настаивал Бор, доверие между союзниками, сказать русским хотя бы в самой общей форме о работе над атомным оружием. Рузвельт обещал обсудить этот вопрос с англичанами в ближайшее время – вероятно, он предполагал это сделать на предстоящей встрече в Квебеке. 7 сентября

⁷⁴ Черчилль У. Указ. соч., т. VI, с. 157.

Бор вручил президенту меморандум о принципах международного контроля в области атомной энергии.

Физик был прав. В конце 1942 г. Государственный Комитет Обороны СССР принял решение о начале научно-исследовательских работ по военному применению атомной энергии и поручил приступить к производству урана для этой цели. В начале 1943 г. под руководством И.В. Курчатова был создан единый научный центр по решению проблем создания атомного оружия, ныне "Курчатовский институт"⁷⁵.

18 сентября Рузвельт и Черчилль без советников, в обстановке глубочайшей секретности обменялись мнениями о продолжении совместной работы по производству атомной бомбы. Собеседники отвергли возможность международного соглашения о контроле над ведущимися работами. Было решено, что по своему характеру они должны рассматриваться как абсолютно секретные. Результаты их, возможно, будут применены против Японии. "Следует провести расследование деятельности профессора Бора, – заявили президент и премьер-министр, – и предпринять шаги с тем, чтобы убедиться, что он не несет ответственности за утечку информации, особенно русским"⁷⁶.

Поставив свои инициалы под памятной запиской, собеседники испытали чувство удовлетворения, особенно Черчилль. У него появилась уверенность в том, что американо-английское сотрудничество в области овладения тайнами ядерной энергии и создания атомной бомбы будет продолжаться на паритетных началах. Не менее важным было достигнутое взаимопонимание о сохранении этого проекта в секрете от СССР.

19 сентября Рузвельт и Черчилль направили главе советского правительства послание о закончившейся конференции в Квебеке и ее решениях по военным вопросам. Оно было кратким. В нем говорилось о намерении союзников развивать дальнейшее наступление на северо-западе Европы и продвигаться к центру Германии. Лучше всего, отмечалось в послании, нанести удар противнику по Руру и Саару; операции в Италии преследуют поражение армии Кессельринга; на Балканах будут действовать военно-воздушные силы. Против Японии решено усилить наступление на всех театрах военных действий. О соглашениях по политическим вопросам на конференции в Квебеке и в Гайд-парке советское правительство не получило информации.

Через четыре дня, 23 сентября, послы в Москве А. Гарриман и А. Керр информировали Сталина о решениях конференции в Квебеке. Впрочем, сами послы на ней не были. Поэтому их информация оказалась довольно скудной. Керр сообщил о высадке в скором времени английских войск в Греции, а Гарриман проявил повышенную заинтересованность в участии Советского Союза в войне на Дальнем Востоке против Японии. Он подчеркнул, что американское командование приступило к разработке военных операций в этом регионе и хотело бы координировать свои действия с Советским Союзом. Послы заверили Сталина в том, что как в Вашингтоне, так и в Лондоне рассчитывают на активное участие и поддержку СССР в войне против Японии. Сталин спросил: какая роль предназначена Советскому Союзу в войне на Дальнем Востоке? Этот вопрос подлежал изучению и обсуждению.

Идею послов создать в Москве трехсторонний комитет для разработки плана сотрудничества на Дальнем Востоке Сталин в принципе одобрил, но, по его мнению, лучше было бы сформировать лишь комиссию для взаимного осведомления⁷⁷. Так было дипломатично отклонено предложение Вашингтона и Лондона. Предложение же послов о желательности встречи "Большой тройки" в ноябре получило в принципе

⁷⁵ Михайлов В.Н. Атомная промышленность России между прошлым и будущим. – Ядерной науке и технике России 50 лет. Труды юбилейной конференции Министерства Российской Федерации по атомной энергии. 29–30 августа 1995. М., 1996, с. 9.

⁷⁶ Подробное изложение взглядов Бора на позицию США и Великобритании в отношении сотрудничества с СССР в области атомной энергии и расщепления атома см. Мальков В.Л. "Манхэттенский проект", с. 38–46.

⁷⁷ Советско-американские отношения..., т. 2, с. 212.

одобрение Сталина, но он сослался на занятость и нездоровье, сообщив, что врачи запретили ему длительные путешествия. Он высказал мысль о замене его Молотовым. Это означало, что Сталин пока воздерживался от встречи, предпочитая провести ее несколько позднее. В Лондоне и Вашингтоне обратили на это внимание. У Черчилля родилась мысль о необходимости поездки в Москву.

* * *

Итак, участники второй Квебекской конференции рассмотрели широкий круг военных и политических вопросов. Рузвельт и Черчилль утвердили план проведения военных операций против Германии и на Тихоокеанском театре военных действий против Японии. Американцы в отличие от прошлых встреч проявляли большую активность, целеустремленность и решимость. К их голосу и мнению прислушивались англичане, ибо соотношение сил между союзниками изменилось в пользу США, и они стали определять и диктовать свои условия и военную стратегию. Британский премьер-министр Черчилль вынужден был маневрировать, отстаивая интересы Великобритании и Британской империи.

Предметом пристального внимания и обсуждения на конференции явились проблемы послевоенного устройства мира в Европе. В центре внимания оказалось послевоенное устройство Германии, в отношении которого были выявлены различные подходы.

Работа конференции подтвердила очевидную истину: без участия СССР невозможно принимать решения по важнейшим вопросам мировой политики. Это поняли и Рузвельт, и Черчилль, особенно при обсуждении положения в Европе и военной стратегии против Японии. Поэтому сразу после Квебека британский премьер-министр развернул лихорадочную деятельность, связанную с предстоящей поездкой в Москву, так как ему не давали покоя проблемы послевоенного устройства стран Восточной Европы. Он спешил узнать планы и намерения Сталина в отношении этого региона и, разумеется, будущего Германии, вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. И в октябре 1944 г. Черчилль отправился в Москву, находясь под впечатлением многочисленных откровенных и доверительных бесед с представителями Вашингтона на конференции в Квебеке и особенно в Гайд-парке – с президентом Рузвельтом.

Миссия Черчилля в Москву, представляющая важную страницу в дипломатии антигитлеровской коалиции, заслуживает отдельного рассмотрения.

В.В. СОКОЛОВ

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ДИПЛОМАТА Г.А. АСТАХОВА

23 августа 1939 г. в Москве был подписан договор о ненападении между СССР и Германией, ознаменовавший поворот в советско-германских отношениях. Надежды западных политиков на близкое российско-германское военное столкновение рухнули.

Одним из важных участников политики советско-германского сближения был талантливый дипломат Георгий Александрович Астахов, который, став в 1939 г. временным поверенным в делах СССР в Германии, постоянно информировал Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) о всех немецких зондажах и, не получая инструкций из Москвы, действуя самостоятельно, во многом способствовал коренному повороту в советской внешней политике¹.

Роль Г.А. Астахова в советско-германском диалоге высоко оценивалась германской стороной, он был известен в Министерстве иностранных дел Германии и в германском посольстве в Москве. Яркая, неординарная личность, выделявшаяся среди тогдашних советских дипломатов, Астахов обладал собственной позицией и инициативой. По словам германского дипломата Х. фон Херварта, советский дипломат "старался оживить хорошие в прошлом отношения в разных областях советско-германского сотрудничества"².

Астахов не удивился, когда 19 августа 1939 г. получил указание главы советского правительства наркома иностранных дел В.М. Молотова "немедля выехать в Москву на один день ввиду неясности некоторых вопросов с немцами". Он считал, что ему действительно надо торопиться, что его ждут в Москве. Ведь он 21 августа отправил телеграмму в НКИД с сообщением о предстоящем вылете в Москву германской делегации во главе с министром иностранных дел Й. Риббентропом. Георгий Александрович полагал, что его знания советско-германских отношений, основных проблем германской политики будут востребованы руководством НКИД.

Астахов еще не успел ознакомиться с опубликованным в те же дни в Париже "Открытым письмом Сталину" бывшего советского дипломата Ф.Ф. Раскольникова³. Сталин, несмотря на начавшуюся вторую мировую войну, продолжал искать в СССР "врагов народа", в том числе и в стенах Наркоминдела.

В день приезда Астахова в Москву, 23 августа 1939 г., на стол заместителя наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозова, одного из подручных Л.П. Берии, ведавшего вопросами кадров в НКИД, лег рапорт о его прибытии. Не знал Астахов и о том, что доносы на него стали поступать с 1937 г. и что только благодаря тогдашним руководителям НКИД, Н.Н. Крестинскому, М.М. Литвинову и Б.С. Стомонякову, ему удалось уехать на работу за границу.

¹ Все в прошлом секретные донесения Астахова опубликованы в сборнике: *Документы внешней политики. 1939 год (далее – ДВП), т. XXII, в 2-х кн. М., 1992.*

Исследователь С.А. Горлов отмечает, что Астахов в 1939 г. проложил дорогу советско-германскому сближению, действуя в определенной степени на свой страх и риск. – *Горлов С.А. Советско-германский диалог накануне пакта Молотова–Риббентропа в 1939 г. – Новая и новейшая история, 1993, № 4, с. 34.*

² *Горлов С.А. Указ. соч., с. 34.*

³ *Гребельский Э.В. Федор Раскольников. М., 1988, с. 174–183.*

Не предполагал Астахов, что 19 августа 1939 г. один из бывших сотрудников НКВД в бериевских застенках дал на него показания. И хотя на суде этот сотрудник НКВД не признал себя виновным и заявил, что "на предварительном следствии в результате принуждения он оговорил себя и целый ряд других лиц, в том числе Астахова"⁴, это ничего не изменило ни в его судьбе, ни в судьбе Астахова. 1 декабря 1939 г. Астахов был уволен из НКВД и 27 февраля 1940 г. его арестовали.

Георгию Александровичу в ходе многочасовых допросов на Лубянке напомнили и о других его "прегрешениях", в частности и о "путаных, вредных высказываниях" по поводу процесса над Л.Б. Каменевым и Г.Е. Зиновьевым, и о "связях" с иностранными журналистами, когда он работал на посту заведующего отделом печати НКВД, и о многом другом.

Доносы поступали и из полпредства в Берлине. Астахову инкриминировались несоблюдение секретности в телефонных разговорах, покупка и чтение иностранной литературы, включая фашистскую, загородные прогулки в лес без шофера полпредства и скромный образ жизни.

Даже при демонстрации на приеме в полпредстве фильма "Возвращение Максима" он "опустил" фрагменты, в которых показана "роль народных масс". К тому же, говорилось в доносе секретаря парткома полпредства, в списке книг, подлежащих изъятию из библиотек по указанию из Москвы, "фигурирует книга Н. Пилацкой на тему "Как организовать стенгазету". Не является ли автором этой книги жена т. Астахова – Наталья Пилацкая? Она и сейчас редактирует стенгазету в полпредстве"⁵. По словам секретаря парткома полпредства, "прошлое обоих Астаховых мне неизвестно, и никто их не знает". Как видим, "криминала" на Астахова по тем временам было более чем достаточно.

К сожалению, об Астахове, одном из способнейших дипломатов советского периода, погибшем в ГУЛАГе, известно мало.

Г.А. Астахов родился в январе 1897 г. в Киеве. Его отец, Александр Астахов, был казак из дворян Донской области, имел около 500 десятин земли. После окончания Киевского университета Александр Астахов провел всю жизнь на службе в земстве в

⁴ Центральный архив ФСБ (далее – ЦА ФСБ), следственное дело Р-23775, т. 3, л. 50.

Автор выражает благодарность первому заместителю начальника управления ФСБ В.К. Виноградову за помощь в работе над очерком.

⁵ Архив внешней политики (далее – АВП) РФ, ф. 051, оп. 15, п. 17, д. 13, л. 68–76.

качестве агронома. Мать будущего дипломата, Надежда Алексеевна – образованная женщина, была домохозяйкой.

Детство Георгия Александровича прошло в ряде городов – Симферополе, Купянске, Царицыне, Новочеркасске. Окончив гимназию в Новочеркасске, он поступил в 1915 г. в Московский университет на историко-филологический факультет (романо-германское отделение). Здесь получил основы знаний по журналистике, а также европейских языков, которые оченьгодились в его будущей дипломатической работе.

В период гражданской войны Г.А. Астахов встал на сторону советской власти. Оказавшись с частями Красной Армии на Кавказе, он, по приказу С.М. Кирова, выпустил во Владикавказе газету "Коммунист". Идеиные стычки редактора Астахова едва не стоили русской литературе славного имени М.А. Булгакова, сотрудничавшего с этой газетой, но критически настроенного по отношению к происходившим событиям. Но в ноябре 1920 г. С.М. Киров, назначенный ранее российским полпредом в Грузинской Демократической Республике, предложил Астахову возглавить информационное бюро РСФСР в Тифлисе. Так началась дипломатическая деятельность Астахова.

В марте 1922 г. он был назначен в российское полпредство в Турции на пост заведующего бюро печати. С полпредами С.И. Араловым, а затем Я.З. Сурицем у Астахова установились самые добрые отношения. Знание турецкого языка, который он освоил, работая ранее в турецком городе Трапезунде, помогло ему завести широкий круг знакомств среди турецких журналистов и чиновников. Некоторые коминтерновские работники в полпредстве выступали за форсированную "советизацию" Турции. Другие, среди которых был временный поверенный в делах М.И. Розенберг, считали, что не нужно стремиться к улучшению отношений Советской России с Турцией, так как это может повредить отношениям СССР с западными странами.

Астахов не предполагал тогда, что стоит у начала многолетней борьбы в НКВД между "западниками" (М.М. Литвиновым) и "восточниками" (Г.В. Чичериным), подогреваемой работниками Коминтерна, далекими от национальных интересов России. Этот спор прекратился лишь с уходом обоих дипломатов с политической арены. Не думал Астахов, что через 20 лет следователи НКВД попытаются в этом политико-идеологическом споре увидеть признаки "контрреволюционного заговора".

Осенью 1923 г. Астахов тяжело заболел малярией и уехал из Турции. По рекомендации врачей он отправился в Германию, где прошел курс лечения в Гамбургском тропическом институте. В марте 1924 г. его направили в Бюро дипломатической информации полпредства СССР в Берлине. Там он встретился с видными дипломатами Н.Н. Крестинским, С.И. Бродовским, А.Ф. Нейманом. Вместе с полпредом в Берлине Крестинским он принимал великого русского художника Н.К. Рериха и многих других представителей российской интеллигенции, приезжавших в Берлин из Советской России и других стран.

Но Восток манил Астахова. По свидетельству Крестинского, Георгий Александрович воспользовался своим пребыванием в Берлине, чтобы не в ущерб основной работе посещать лекции на восточном факультете Берлинского университета, где изучал китайский язык.

В январе 1925 г. после длительных переговоров были восстановлены дипломатические отношения между СССР и Японией. Назначенный первым полпредом СССР в Японии В.Л. Копп начал формировать свою команду. На пост заведующего бюро печати полпредства была выдвинута кандидатура Астахова. В Японию он согласился ехать неохотно: его больше интересовали проблемы Среднего Востока. Еще летом 1924 г. полпред в Афганистане А.Н. Старк просил руководство НКВД прислать к нему Астахова на консульскую работу. Но будучи дисциплинированным сотрудником, Георгий Александрович в марте 1925 выехал в Токио, взяв с собой больную мать, так как ее не с кем было оставить.

Астахов быстро освоился с необычными условиями работы в Японии, установил необходимые контакты, дважды ездил в Китай, посетил Мукден, Дайрен, Пекин,

Шанхай. Но через два года стал просить у полпреда отпустить его из Токио: за многие годы службы за границей он никогда не работал в центральном аппарате НКВД, а тут еще больная мать. В своем заявлении он высказал пожелание работать в одном из подразделов стран Востока, а параллельно сотрудничать в печати.

В письме от 25 февраля 1927 г. НКВД писал поверенному в делах СССР в Японии Г.Е. Беседовскому, вступившему в эту должность после отъезда Коппа: "Нам приходится сожалеть, что просьбу т. Астахова об его отозвании из Токио удовлетворить не удастся, т.к. считаем, что при отсутствии соответствующего заместителя с равноценными знаниями и опытом отзыв т. Астахова отразится на работе отрицательно"⁶.

Но Георгий Александрович продолжал настаивать.

Новый полпред СССР в Японии В.С. Довгалецкий в письме от 12 июля 1927 г. заместителю наркома М.М. Литвинову и в копии заместителю наркома Л.М. Карahanу отмечал: "Из неоднократных бесед с т. Астаховым я убедился, что решение об оставлении Токио принято им твердо. Этому, впрочем, легко найти оправдание в том обстоятельстве, что т. Астахов, находясь много лет на работе за границей, стремится дохнуть советского воздуха и поступить на работу в Москве. Мирясь поневоле с предстоящим лишением т. Астахова как работника, я поддерживаю его ходатайство с тем, однако, условием, чтобы ему найден был достойный преемник"⁷.

Две недели спустя поверенный в делах Г.Е. Беседовский, поддерживая просьбу Астахова, писал: "У т. Астахова имеется большое желание работать в аппарате НКВД по линии Дальнего Востока. По своей скромности он имеет в виду работу в качестве референта Отдела Дальнего Востока. Я же думаю, что ввиду несомненно глубокого знания им дальневосточной конъюнктуры, Японии и Китая, он бы вполне подходил в качестве заместителя заведующего Отделом Дальнего Востока, если, конечно, эта должность еще вакантна"⁸.

Проработав в Японии почти три года, Г.А. Астахов в начале 1928 г. возвратился в Москву. После некоторых проволочек он все же получил назначение в Дальневосточный отдел НКВД, правда, лишь на должность референта. Но работать в Отделе ему опять не пришлось.

Его ждало новое поручение: он должен был ехать "открывать" новую страну – Йемен, куда, по его словам, "еще не заходило ни одно советское судно и на почву которой ни разу не ступала не только советская, но и старороссийская нога"⁹.

Как было заведено в те годы, коллегия НКВД направила соответствующие письма в Орграспределотдел ЦК ВКП(б) и НКВД, где испрашивалось "согласие на поездку Астахова в Йемен. Срок командировки 2–3 месяца". В том же письме давалась краткая характеристика: "Тов. Астахов имеет высшее образование, владеет немецким, французским, английским, турецким языками; по профессии журналист"¹⁰.

Чтобы не привлекать особого внимания англичан, ревниво оберегавших монополию на свое влияние и господство в этом регионе Ближнего Востока, Астахов ехал с обычным общегражданским российским паспортом на пароходе "Тверь", переименованном в "Теодор Нетте" в честь убитого дикпурьера, прославленного В.В. Маяковским. Пароход был старый, приспособленный для полярных рейсов, и совершенно не оборудованный для плавания по Красному морю и Персидскому заливу. Пассажиры изнемогали от жары и духоты, не было самых необходимых удобств.

За время пребывания в Йемене Георгий Александрович изучил внутривосточное положение страны, особенности ее международного положения, отношения с соседями. Ему удалось получить доступ к имаму. В результате состоявшихся переговоров Астахов после согласования с Москвой от имени советского правительства 1 ноября 1928 г. во время второй поездки в Йемен подписал "Договор в Сана", т.е. договор о дружбе и

⁶ Там же, л. 15.

⁷ Там же, л. 19.

⁸ Там же, л. 17.

⁹ Анкарин Г. (псевдоним Г. Астахова). По Йемену. М., 1931, с. 8.

¹⁰ АВП РФ, ф. 051, оп. 15, п. 17, д. 13, л. 22.

торговле между двумя странами. Это был замечательный успех советской дипломатии, впервые проявившей себя в арабском мире и добившейся подписания равноправного договора с арабским государством. На основании договора были затем открыты отделения советского внешнеторгового представительства – Востгосторга в Сана и Ходейда.

Возвратившись из Йемена в Москву, Астахов не встретил особого расположения со стороны руководства НКВД. Нарком Чичерин лечился в это время в Германии, а исполняющий обязанности наркома Литвинов был занят подготовкой к подписанию Московского протокола о досрочном введении в силу пакта Бриана–Келлога о мирном урегулировании конфликтов. Восточные дела его интересовали мало.

Поэтому Астахов не стал ждать нового назначения, а поехал отдыхать в санаторий Марьино в Курской области. Отдохнув в течение февраля – марта 1929 г., он принял приглашение газеты "Известия" поработать в качестве заместителя редактора иностранного отдела.

Георгий Александрович со времен гражданской войны постоянно занимался журналистской работой. Его статьи, чаще всего под псевдонимами, появлялись в различных газетах и журналах, он участвовал в 1930 г. в научной дискуссии в Институте истории при Исполкоме Коминтерна по вопросам востоковедения. Практически после каждой его поездки за рубеж появлялась новая книга. По результатам своей первой командировки в Турцию он издал книгу "От султаната к демократической Турции. Очерк по истории кемализма" (М., 1926). Через два года, когда он возвратился из Японии, в издательстве "Московский рабочий" под псевдонимом "Г.Г." вышла его новая книга "Япония". А в 1930 г. в том же издательстве вышла книга "Японский империализм. Политико-экономический обзор", подписанная Г. Гастов, в 1931 г. работа "По новой Турции" под псевдонимом Ю. Тишанский. Во время его ареста в 1940 г. сотрудники НКВД конфисковали несколько рукописей, которые он не успел издать и которые безвозвратно погибли.

Свою кратковременную работу в газете "Известия" Астахов использовал для повышения квалификации журналиста-газетчика. В это время он нашел верную спутницу жизни, женившись на сотруднице газеты "Правда" Наталье Владимировне Пилацкой.

Недолго числился Астахов в резерве НКВД. В середине 1929 г. полпред СССР в Турции Я.З. Суриц просил руководство НКВД прислать ему Астахова в качестве советника полпредства, вместо В.П. Потемкина, назначенного полпредом в Греции. В соответствии с этой просьбой коллегия НКВД наметила 15 июля 1929 г. назначить Астахова советником полпредства в Турции. Но оказалось, что все не так просто. Видимо, Георгий Александрович не угодил кому-то из коминтерновских работников и по их внушению Орграспредотдел ЦК ВКП(б) высказал сомнение в целесообразности направления его на высокий дипломатический пост.

В связи с этим член коллегии НКВД Б.С. Стомоняков написал 18 ноября 1929 г. в Орграспредотдел ЦК ВКП(б): "Т. Астахов является одним из немногих серьезных знатоков Турции и Ближнего Востока и должен будет заменить в своей работе б[ывшего] советника полпредства в Ангоре [Анкаре] – т. Потемкина"¹¹. Решение было принято.

В начале 1930 г. Астахов с женой выехал из Москвы. Отношения с Турцией были на подъеме. В СССР нанес визит министр иностранных дел Турции Тевфик Рюшту, а в мае 1932 г. – турецкий премьер-министр Исмет-паша (Иненю). Последний был принят И.В. Сталиным и другими руководителями. Впервые Советский Союз изъявил готовность осуществить строительство за рубежом двух текстильных фабрик. Работы было много, и это радовало Астахова.

Но руководство НКВД вновь решило изменить его судьбу. 20 мая 1933 г. коллегия НКВД наметила его на консульский пост в Шанхае, а 10 августа рекомендовала на

¹¹ Там же, л. 30.

должность генконсула в Урумчи (Китай) с подчинением ему всех консульств в Синьцзяне. Однако и эти решения оказались неокончательными. 20 октября 1933 г. коллегия постановила: "Наметить т. Астахова 2-м советником полпредства в Лондоне по Бюро печати"¹².

До конца года Астахов пробыл в Турции, а затем после отпуска отправился в феврале 1934 г. с женой в Великобританию. Но, несмотря на комфортные условия жизни в европейской столице по сравнению с теми, в которых он жил в Турции и в Японии, работать с полной самоотдачей ему не дали: он оказался в коллективе полпредства "своим среди чужих" – "западники" не приняли его, "восточника", в свою среду. Как отмечал позже в своих показаниях первый секретарь полпредства С.И. Виноградов, назначение Астахова "вызвало недоумение"¹³. Поэтому, когда руководство НКИД обратилось с просьбой к ряду дипломатов занять должность уполномоченного НКИД при правительстве Закавказской ССР, он, к удивлению многих, согласился.

Объясняя позже в письме наркому М.М. Литвинову мотивы своего решения, Георгий Александрович писал: "Я слышал, что в связи с моим отъездом из Лондона, Вы называли меня гастролером и говорили о моей неусидчивости. Считаю нужным поэтому подчеркнуть, что из Лондона я запросился не потому, что мне там надоело или что я вообще не хотел там работать. Вряд ли в каком пункте за рубежом я чувствовал себя лучше и хотел бы работать больше, чем в Лондоне. Настаивать на отъезде я был вынужден потому, что мое положение в полпредстве и ряд других связанных и не связанных с этим моментов лишали меня возможности работать по-настоящему и превращали мое пребывание там в синекуру. Поговорить об этом своевременно с Вами не пришлось"¹⁴.

11 июля 1935 г. постановлением Совнаркома СССР Астахов был назначен уполномоченным Наркоминдела при правительстве ЗССР. Этим же постановлением был освобожден от должности бывший министр Временного правительства России М.И. Скобелев, который позже был репрессирован.

Этому назначению Астахова предшествовало письмо Л.П. Берии в НКИД, в котором он заявлял о невозможности работы со Скобелевым и его заместителем Кви-ташвили и о необходимости выдвижения других кандидатов. В письме заместителя наркома иностранных дел Н.Н. Крестинского на имя секретаря ЦК ВКП(б) Н.И. Ежова от 9 июня 1935 г. указывалось, что "секретарь Заккрайкома т. Берия и председатель СНК ЗСФСР т. Мусабеков согласие на назначение т. Астахова дали"¹⁵.

Но уже менее чем через год, 8 марта 1936 г., Крестинский писал Мусабекову (в копии секретарю Заккрайкома Берии): "Мне очень неприятно сообщать Вам, что мы отзываем из Тифлиса для работы в Москве нашего уполномоченного т. Астахова. Когда мы посылали его к Вам, мы были уверены, что ему удастся восстановить те отношения, которые всегда прежде существовали между нашим уполномоченным и закавказским руководством. В этом мы не ошиблись. Наше желание было оставить его в Тифлисе еще на 1,5–2 года. Однако деловые соображения заставили нас поступить иначе. Мы отправляем в Вашингтон советником нашего полпредства т. Уманского, в течение 4-х лет заведовавшего в НКИД Отделом печати. Заменить т. Уманского может только товарищ, хорошо знающий границу, владеющий всеми основными западными языками, имеющий опыт работы по печати, удовлетворяющий при этом тем партийно-политическим требованиям, которые предъявляются к ответственным работникам московского аппарата НКИД. У нас не было другого кандидата на этот пост, кроме тов. Астахова"¹⁶.

Постановлением СНК СССР от 4 мая 1936 г. за подписью В.М. Молотова Астахов был освобожден от должности уполномоченного НКИД в ЗСФСР "в связи с пе-

¹² Там же, ф. 027, оп. 1, п. 17, д. 86, л. 177.

¹³ ЦА ФСБ, следственное дело Р-23775, т. 1, л. 41.

¹⁴ Там же, т. 3, приложение.

¹⁵ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 113, д. 125, л. 141.

¹⁶ АВП РФ, ф. 051, оп. 15, п. 17, д. 13, л. 45, 48.

реходом его на другую работу". Он покидал Тифлис без особого желания: все ему там было знакомо, а жена работала заведующей закавказским отделением газеты "Известия".

Астахов снова в Москве. Положение в столице не внушало особого оптимизма. Начались громкие судебные процессы над "врагами народа", аресты сотрудников НКВД, в частности тех, что работали в его отделе. Ему стали вменять в вину то, что у него были хорошие отношения с арестованными коллегами, особенно ополчились на него члены парткома НКВД по поводу его заявления на собрании в связи с процессом над Зиновьевым и Каменевым: они "очень культурные люди"; "Каменев, уходя, заявил, что он "уходит в белой рубашке с правом свободно думать". И хотя Астахов позже доказывал, что имел в виду, что Зиновьев и Каменев "не раскаялись", ему тем не менее объявили выговор "за политически вредное путанное и, по существу, антипартийное выступление"¹⁷. Как заявил на допросе Виноградов, "несмотря на партвзыскание, Астахов благодаря Литвинову был вскоре послан в Берлин на пост советника". Это обстоятельство "удивило партийную организацию НКВД. Секретарь парткома прямо заявил, что, если бы Астахов остался в Москве, его бы, безусловно, исключили бы из партии"¹⁸.

В душевной атмосфере всеобщей подозрительности и доноительства конца 30-х годов над Астаховым нависла серьезная опасность, которую он сам до конца не осознавал, но которую трезво оценивал Литвинов.

Назначение Астахова в Германию было неслучайным. В качестве корреспондента Российского телеграфного агентства он работал два месяца в Берлине до высылки в ноябре 1918 г. советского полпредства из Германии. Потом он год, с марта 1924 г., работал в Бюро дипломатической информации полпредства.

В третий раз, в 1937 г., Георгий Александрович ехал в Германию без особого энтузиазма. Однако его радовало то, что полпредом в Германии был Я.З. Суриц, с которым он много лет дружно работал в Турции. 3 июня 1937 г. полпред представил Астахова министру иностранных дел Германии Константину фон Нойрату. В состоявшейся беседе германский министр дал свою интерпретацию некоторым шагам германской политики в отношении продолжавшейся гражданской войны в Испании¹⁹. Однако уже через неделю после прибытия Астахова в Берлин Я.З. Суриц был переведен полпредом во Францию.

Приехавший через месяц в Германию новый советский полпред К.К. Юренев был полон оптимизма в отношении возможности улучшения отношений с "третьим рейхом". В первой же беседе с фон Нойратом 7 июля Юренев на замечание министра о необходимости выдержки и терпения, так как "отношения между нашими странами могут неожиданно улучшиться", заявил, что он является "искренним сторонником их улучшения", но "для нормального развития экономического сотрудничества и тем более для прогресса такового необходимы надлежащие предпосылки политического порядка"²⁰. Присутствовавшему на беседе Астахову надолго запомнились эти слова. Он понял, что в этом заключается долговременная цель советской внешней политики. С приездом нового полпреда атмосфера в советско-германских отношениях несколько улучшилась. Имело место некоторое смягчение антисоветского тона в германской печати²¹. Начала давать отдачу и активная деятельность Астахова, много работавшего с журналистами. Но главное в том, что Гитлер в своей речи при вручении Юреневым верительных грамот говорил о необходимости нормализации отношений с Советским Союзом. Это заявление было воспринято в дипкорпусе как сенсация. Во время церемонии вручения верительных грамот Астахов был представлен Гитлеру²².

¹⁷ ЦА ФСБ, следственное дело Р-23775, т. 1, л. 175–179.

¹⁸ Там же, л. 41 об. – 42.

¹⁹ ДВП, т. XX. М., 1976, с. 287.

²⁰ Там же, л. 364.

²¹ Там же, с. 429.

²² Там же, с. 433–434.

Но внутривластительские процессы, происходившие в СССР и нередко непосредственно затрагивавшие германские интересы (закрытие германских консульств во Владивостоке и Одессе, задержка выдачи выездных виз германским гражданам, неправомочные аресты советских служащих в германских учреждениях и многое другое), не способствовали нормализации отношений между двумя странами²³.

Полпред Юренев, проработавший в Германии четыре месяца, сразу после ноябрьского приема на честь 30-летия Октября был отозван в Москву. Его постигла участь многих советских дипломатов – он был репрессирован. Астахов остался временным поверенным в делах. Он много встречался со своими иностранными коллегами-дипломатами, беседовал с чиновниками германского МИД, давал информацию в Наркоминдел.

Астахов занимался основательной аналитической работой по оценке перспектив внутривластительского развития в Германии. Свои оценки он изложил в письме в НКВД от 16 февраля 1938 г., в котором, указав на смену в руководстве германской армии и министерстве иностранных дел, отмечает: "Смена старых деятелей рейхсвера и аусамта сама по себе, разумеется, не сулит нам ничего хорошего. Усиление влияния Риббентропа – Гимmlера дает весьма мало оснований для каких-либо иллюзий"²⁴. Говоря о политике Гитлера в отношении Австрии, он констатировал, что произошел "замечательный сдвиг в направлении гитлеризации Австрии, как бы ни хотелось "оптимистам" из дипкорпуса тешить себя иллюзиями"²⁵.

26 февраля Г.А. Астахов еще раз подтвердил, что "Гитлер не намерен медлить в осуществлении своей заветной мечты – присоединения Австрии под тем или иным соусом"²⁶.

15 марта произошел "аншлюс" Австрии – ее присоединение к "третьему рейху".

В своих донесениях в НКВД Астахов неоднократно указывал, что следующим после Австрии объектом гитлеровской активности станет Чехословакия²⁷.

При активном содействии Астахова произошло подписание 1 марта 1938 г. соглашения о торговом и платежном обороте между СССР и Германией, которое предусматривало продление до 31 декабря 1938 г. советско-германского хозяйственного договора от 24 декабря 1936 г.²⁸ В то же время, оставался открытым вопрос о предоставлении Советскому Союзу обещанного немцами 220 млн. германского кредита. Но подписание этого соглашения не привело к "потеплению" советско-германских отношений. Астахов отмечал недружелюбный характер высказываний в отношении СССР основных органов германской печати и полное игнорирование СССР в речах германских лидеров. Это, безусловно, настораживало полпредство²⁹.

13 января 1938 г. Астахов в беседе с заведующим отделом печати министерства иностранных дел Германии Г. Ашманом заявил, что, не касаясь общеполитической враждебности германской прессы в отношении СССР и принципиальных доктрин, хотел бы указать, что систематические оскорбительные выпады германской прессы "против официальных лиц СССР, против наших представителей за границей, Красной Армии и т.п. представляются нам далеко выходящими за пределы существующих между нашими странами отношений"³⁰. Последний сказал, что "постарается сделать все возможное, чтобы положение улучшить"³¹. Но все продолжалось по-прежнему.

Летом приехал новый полпред А.Ф. Мерекалов. В отличие от опытных советских дипломатов Я.З. Сурица и К.К. Юренева, новому руководителю полпредства только

²³ Там же, с. 533.

²⁴ ДВП, т. XXI. М., 1977, с. 80.

²⁵ Там же, с. 80–81.

²⁶ Там же, с. 90.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, с. 97–102.

²⁹ Там же, с. 257.

³⁰ Там же, с. 724.

³¹ Там же.

предстояло осваивать азы дипломатической службы. Но особого рвения к этому он не проявлял.

6 июля 1938 г. Мерекалов вместе с Астаховым посетил нового германского министра иностранных дел Й. Риббентропа и статс-секретаря министерства иностранных дел Э. Вайцзеккера. Поднятый Вайцзеккером вопрос о расширении экономических связей между двумя странами не нашел детального обсуждения. Полпред лишь заметил, что сделанные немцами предложения о предоставлении СССР кредита являются неприемлемыми для советской стороны. Риббентроп ограничился в беседе несколькими общими фразами³².

17 августа 1938 г. Астахов в письме в Наркоминдел, отметив растущую милитаризацию Германии, подчеркивал, что целью будущей гитлеровской акции явится Чехословакия. Он высказал мысль, что немцы "рассчитывают обойтись без войны"³³.

5 августа 1938 г. Астахов встретился с французским послом в Берлине А. Франсуа-Понсе. Посол был настроен пессимистически. Он спросил советского представителя о позиции СССР в случае нападения Германии на Чехословакию. Астахов ответил, что "наша позиция по смыслу договора зависит от позиции Франции и что мы готовы выполнить обязательства"³⁴. Посол не стал развивать дальше эту тему.

Но обстановка становилась все более напряженной. Ясно было, что западные союзники Чехословакии не желают ввязываться из-за нее в драку с Гитлером. Посетивший Астахова поверенный в делах Чехословакии Шуберт с горечью заявил: "Мир будет сохранен, но Чехословакия будет продана"³⁵.

29–30 сентября 1938 г. состоялась печально известная сделка правительств Англии и Франции с Гитлером в Мюнхене о разделе Чехословакии. Идее коллективной безопасности был нанесен сокрушительный удар.

После мюнхенского сговора положение советского полпредства в Берлине усложнилось. В германской печати и в печати других западных держав шла газетная шумиха о предстоящем походе Гитлера на Восток. Участились провокации против советских учреждений. В состоявшейся беседе с заместителем статс-секретаря министерства иностранных дел Эверманом 15 ноября Астахов заявил протест против нападения кучки хулиганов на здание советского торгпредства в Вене, а 2 декабря в беседе с советником министерства иностранных дел Шмитом – против наклейки оскорбительной газетной вырезки на здание полпредства и против незаконных обысков советских судов³⁶. Однако эти протесты оставались без ответа по существу.

12 декабря 1938 г. Георгий Александрович написал личное письмо наркому:

"Я надеюсь, что по приезде полпреда Мерекалова, Вы дадите мне возможность приехать в Москву и доложить об обстановке. Работа моя здесь малопродуктивна, и я бы предпочел переход хотя бы на менее ответственную, но более практически эффективную работу в Союзе на любом поприще"³⁷.

Эту мысль Георгий Александрович не оставляет и в последующие месяцы, еще раз напомнив Литвинову о своем желании возвратиться на родину.

19 апреля 1939 г. М.М. Литвинов написал Астахову: "Уважаемый Георгий Александрович, мы уже запрашивали т. Мерекалова, согласен ли он отпустить Вас после приезда в Берлин т. Куликова. Ответа от него мы еще не получали, но так как он на днях приезжает в Москву, то постараемся этот вопрос окончательно урегулировать. Он, может быть, будет настаивать на дальнейшем оставлении Вас в Берлине на некоторое время, пока т. Куликов ознакомится с делами.

Ваше замечание о том, что Вы предпочитаете работать на Камчатке, чем в

³² Там же, с. 349–350.

³³ Там же, с. 439.

³⁴ Там же, с. 489.

³⁵ Там же, с. 497.

³⁶ Там же, с. 640, 660.

³⁷ АВП РФ, ф. 05, оп. 18, п. 142, д. 57, л. 106об.

НКВД, я понимаю как формальное заявление о Вашем желании уйти из НКВД, из чего я сделаю надлежащие выводы"³⁸.

Нарком рассердился. Он уже однажды спас Астахова, срочно "сослав" его в Германию в 1937 г.

5 января 1939 г. Мерекалов телеграфировал в НКВД, что немецкая сторона выразила готовность возобновить переговоры о предоставлении СССР 200-миллионного кредита"³⁹. Нарком внешней торговли А.И. Микоян ответил согласием на возобновление переговоров, предложив вести их в Москве⁴⁰.

Краткая беседа Гитлера с советским полпредом на новогоднем приеме в честь дипкорпуса 12 января стала сенсацией в дипломатическом корпусе, хотя беседа носила протокольный характер⁴¹. За этим жестом последовали некоторые другие германские шаги. 30 января Астахов, сопровождая полпреда, присутствовал на заседании рейхстага, на котором с большой речью выступил Гитлер. Советские дипломаты отметили, что Гитлер "не допускал никаких прямых выпадов против СССР".

Все это дало повод французскому послу в Берлине Р. Кулондру поинтересоваться у советских дипломатов, "действительно ли имеют место признаки сближения СССР с Германией, как об этом пишет за последнее время печать"⁴². Но Мерекалов с Астаховым предпочли умолчать о своей реакции на сентенцию французского дипломата в своем донесении в Москву.

Георгий Александрович зафиксировал в дневнике и высказывание китайского дипломата в Берлине, увидевшего признаки стремления немцев к нормализации отношений в СССР⁴³. Беседа полпреда Мерекалова с Вайцеккером 17 апреля, на которую любят ссылаться историки и публицисты, в записи присутствовавшего на беседе Астахова не имела особого характера. Не случайно, что на вопрос полпреда о перспективах советско-германских отношений Вайцеккер шутливо ответил: "Лучше, чем сейчас, они быть не могут". Он сослался при этом на причины идеологического порядка⁴⁴.

Ни Мерекалов с Астаховым, ни их собеседник не знали, что в Москве зреет конфликт между наркомом иностранных дел Литвиновым и главой правительства Молотовым. Это выражалось не только в разногласиях, связанных с приоритетами в советской внешней политике, но и в том, что нарком писал докладные записки по вопросам внешней политики И.В. Сталину, игнорируя главу правительства. А последний стал давать указания полпредам, минуя наркома.

Утром 27 апреля Литвинова вызвали к Сталину. Там уже были Молотов и полпред в Великобритании И.М. Майский. В ходе обсуждения вопроса о перспективах дальнейших переговоров с Англией и Францией между Литвиновым и Молотовым произошла стычка⁴⁵. Это отметил даже Сталин в циркулярной телеграмме полпредам 3 мая 1939 г.: "Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминделом т. Литвиновым, возникшего на почве нелояльного отношения т. Литвинова к Совнаркому СССР, т. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству Председатель СНК Союза ССР т. Молотов"⁴⁶.

Сразу же после назначения нового наркома полпред Мерекалов выехал в Москву и больше в Берлин не вернулся. Георгий Александрович вновь уже в который раз остался временным поверенным в делах.

³⁸ АВП РФ. ф. 051, оп. 15, п. 17, д. 13, л. 67.

³⁹ Год кризиса. 1938–1939 гг. Документы и материалы, т. 1–2. М., 1990, т. 1, с. 167.

⁴⁰ Там же, с. 177.

⁴¹ Там же, с. 185–186.

⁴² ДВП, т. XXII, кн. 1. М., 1992, с. 81.

⁴³ Там же, с. 92.

⁴⁴ Там же, с. 293.

⁴⁵ Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989, с. 362.

⁴⁶ ДВП, т. XXII, кн. 1. М., 1992, с. 327.

Уже 6 мая Астахов написал свое первое письмо новому наркому, в котором осветил два вопроса: положительную реакцию в Германии на смену наркома и перспективы германо-польского конфликта. Остановившись на втором вопросе, он констатировал: "В общем создается впечатление, что сейчас немцы уже не ограничиваются прежними требованиями (Данциг и экстерриториальные дороги через коридор), но намерены идти дальше, подчеркивая свою неудовлетворенность существующими границами"⁴⁷.

Через два дня он сообщил в НКВД о различного рода слухах, распространяемых в Берлине, в том числе "о наших переговорах с Германией чуть ли не о разделе Польши". В этой связи Георгий Александрович отметил, что "даже от серьезных собеседников приходится слышать дикие вопросы подобного рода"⁴⁸.

Поскольку никаких указаний от наркома он не получал, Астахов решил обратиться 12 мая с письмом к его заместителю В.П. Потемкину, которого хорошо знал по совместной работе в Турции. Но и на этот раз никакой реакции не последовало.

Георгий Александрович чувствовал надвигающиеся перемены в советской внешней политике, обозначившиеся в марте 1939 г. после XVIII съезда ВКП(б) и усилившиеся с приходом нового наркома. Он инстинктивно не доверял англичанам в связи с начавшимися англо-франко-советскими переговорами, поскольку те активно действовали против российских интересов в странах Востока, где ему приходилось работать. В то же время память о широком экономическом и военном сотрудничестве СССР с Германией в 20–30-е годы была еще жива среди дипломатов и особенно военных.

Поэтому на осторожные зондажи немцев в плане возможного улучшения советско-германских отношений поверенный в делах отвечал, что «у нас нет пока оснований доверять серьезности этого "сдвига", хотя мы всегда готовы идти навстречу улучшению отношений»⁴⁹. В беседе с Астаховым 15 мая заведующий восточноевропейской референтурой отдела экономической политики германского министерства иностранных дел Ю. Шнурре вновь заверил поверенного в делах в отсутствие у Германии "каких бы то ни было агрессивных стремлений в отношении СССР". Он спросил, "что нужно для того, чтобы рассеять наше недоверие"⁵⁰. Советский дипломат отделался общей фразой.

Через два дня, 17 мая, Астахов дал телеграмму в Москву с кратким изложением беседы. Депеша пришла вовремя. Ее нарком использовал в беседе 20 мая с германским послом Ф. Шуленбургом, заявив, что "для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база"⁵¹. Но Астахов об этой беседе не был информирован. Сказывалось устойчивое недоверие нового руководства НКВД к дипломатам чичеринско-литвиновской школы. Высказанное наркомом положение не было новым для Астахова. Он руководствовался им с тех пор, как полпред К.К. Юренев высказал эту мысль два года назад.

Немцы начали повышать уровень своих представителей, искавших встречи с поверенным в делах СССР в Германии. 30 мая Астахова пригласил Вайцеккер, являвшийся, по существу, первым заместителем рейхсминистра Риббентропа. В беседе было достигнуто понимание, что идеологические разногласия не являются препятствием для нормализации отношений между двумя странами⁵².

Наряду с официальными и неформальными беседами с высокопоставленными германскими чиновниками Астахов продолжал активно встречаться и слушать иностранных дипломатов, которые нередко рассказывали интересные вещи. Так, болгарский посланник П. Драганов убеждал 14 июня Астахова в необходимости для СССР затягивать переговоры с Англией и Францией, заметив при этом, что "вступить в войну вы

⁴⁷ Там же, с. 340.

⁴⁸ Там же, с. 348.

⁴⁹ Год кризиса, т. 1, с. 457.

⁵⁰ Там же, с. 465.

⁵¹ Там же, с. 482–483.

⁵² Там же, с. 520–521.

всегда успеете". В то же время он давал понять, что можно договориться с немцами «о разделе "сфер влияния"» в Прибалтике, Бессарабии и т.д.⁵³

Сохранилась версия этой беседы, изложенная болгарским посланником, которая свидетельствует о том, что Астахов высказывал интересные мысли. Он заявил в той же беседе: "Если бы Россия получила от Берлина заверения, что у Германии нет намерений в случае войны напасть на нее, то Россия не заключила бы договор с Англией и сохранила нейтралитет. Более того, Россия была бы готова договориться с Германией"⁵⁴. Предвидел ли Георгий Александрович или нет, но нам-то теперь известно, что болгарский посланник уже на следующий день проинформировал министерство иностранных дел Германии о заявлении Астахова⁵⁵.

Возможно, что этот дипломатический шаг, который советский поверенный в делах сделал на свой страх и риск, имел целью прервать некоторую наметившуюся паузу в советско-германских отношениях. Немцы выжидали. Но пауза оказалась недолгой.

В беседе с поверенным в делах СССР в Германии 24 июля Шнурре дал понять, что он близок к Риббентропу и знает его точку зрения на перспективу улучшения советско-германских отношений. При этом Шнурре кратко изложил три возможных этапа в процессе улучшения отношений между двумя странами⁵⁶.

Астахов 26 июля вновь сообщает о своей беседе с Шнурре⁵⁷. Наконец-то он был услышан в Москве. Впервые за три месяца он получил краткую информацию от наркома Молотова: "Ограничившись выслушиванием заявления Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно"⁵⁸. На другой день, 29 июля, нарком еще раз телеграфировал Астахову: "Между СССР и Германией, конечно, при улучшении экономических отношений могут улучшиться и политические отношения. В этом смысле Шнурре, вообще говоря, прав. Но только немцы могут сказать, в чем конкретно должно выразиться улучшение политических отношений... Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы"⁵⁹.

Астахов мог вздохнуть с облегчением. Наконец-то его позиция получила официальное одобрение НКВД.

Поэтому Астахов чувствовал себя уверенно, когда его 2 августа пригласил на беседу Риббентроп. В своем отчете в НКВД Астахов отмечал, что германский министр высказался за "благополучное завершение кредитных переговоров", которое "может послужить началом улучшения политических отношений", в которых "накопилось много болячек", предпосылкой для этого может стать невмешательство во внутренние дела друг друга. "В общем он сказал, – писал Астахов, – мы считаем, что противоречий между нашими странами нет на протяжении всего пространства от Черного моря до Балтийского. По всем этим вопросам можно договориться"⁶⁰.

Германский министр иностранных дел высказался за конфиденциальный характер побдных бесед, что вполне устраивало Астахова.

Оказавшись по воле судьбы на острие международной политики, Астахов вел себя осторожно и с достоинством.

Новый нарком постепенно стал относиться к нему с большим доверием. "Мы считаем желательным продолжение обмена мнениями об улучшении отношений, – писал он 4 августа поверенному в делах. – ... Что касается других пунктов, то много будет зависеть от исхода в Берлине торгово-кредитных переговоров"⁶¹.

⁵³ Там же, т. 2, с. 29–30.

⁵⁴ Горлов С.А. Указ. соч.

⁵⁵ Там же, с. 22–23.

⁵⁶ Год кризиса, т. 2, с. 120–121.

⁵⁷ Там же, с. 136–137.

⁵⁸ Там же, с. 145.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, с. 157–158.

⁶¹ Там же, с. 175.

7 августа Молотов писал Астахову в связи с предложением Шнурре: "Считаем неподходящим при подписании торгового соглашения предложение о секретном протоколе"⁶².

В эти дни Георгий Александрович, забыв про сон, работал особенно продуктивно. В письме наркому от 8 августа он сообщил, что немцы "готовы были бы объявить свою незаинтересованность (по крайней мере, политическую) к судьбе прибалтов (кроме Литвы), Бессарабии, русской Польши (с изменениями в пользу немцев) и отмежеваться от аспирации на Украину"⁶³.

Все эти положения стали в скором будущем основой секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении.

Молотов в телеграмме от 11 августа писал Астахову: "Перечень объектов, указанных в Вашем письме от 8 августа, нас интересует... Вести переговоры по этим вопросам предпочитаем в Москве"⁶⁴.

Астахов сделал свое дело. Оформлением достигнутого понимания должна была заниматься Москва. Размышляя над перспективой дальнейшего развития событий, Астахов отчетливо видел бесперспективность заключения в тот момент союза с Англией и Францией. Ему запали в душу слова литовского посланника Шкирпа, сказанные 9 августа: "В случае войны СССР будет нести на себе основную тяжесть жертв, в то время как Англия и Франция закопаются в землю и будут ограничиваться перестрелкой и пусканием ракет. Решающих действий на западном фронте не произойдет"⁶⁵. Георгий Александрович не раз вспоминал эти слова литовского дипломата, следя по газетам за ходом так называемой "странной войны", начавшейся в сентябре 1939 г. между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией – с другой.

Астахов не строил иллюзий в отношении фашистской Германии. Он трезво оценивал ситуацию, когда писал: "Я думаю лишь, что на ближайшем отрезке времени они (немцы. – В.С.) считают мыслимым пойти на известную договоренность в духе вышесказанного, чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае своей войны с Польшей. Что же касается дальнейшего, то тут дело зависело бы, конечно, не от этих обязательств, но от новой обстановки, которая создалась бы в результате этих перемен и предугадать которые я сейчас не берусь"⁶⁶.

К сожалению, аналитические способности Астахова не нашли достойного применения.

Его преемник на посту заведующего Отделом печати НКВД Е.А. Гнедин в мемуарах так описывал Астахова: "Георгий Александрович был прямодушным человеком, смело формулировал свои мысли, не задумываясь над произведенным впечатлением. Он был революционным романтиком"⁶⁷.

В таком же плане, но с еще большим знанием особенностей его поведения, характеризовала Георгия Александровича его жена в письме от 22 июля 1940 г. в следственный отдел НКВД:

«Он принадлежит к "породе чудаков", которые встречаются иногда среди людей науки; он и был бы, вероятно, незаурядным ученым по восточным вопросам, если бы иначе все сложилось. У него ясный и светлый ум, большая внутренняя дисциплинированность и наряду с этим какая-то несуразность и нескладность в повседневных делах. Эта неуравновешенность и чужаковатость (она вовсе не плохая, поймите меня) во многом мешала ему в отношениях с окружающими людьми»⁶⁸. Особенно это проявилось в его работе советником полпредства СССР в Германии. И когда техни-

⁶² Там же, с. 177.

⁶³ Там же, с. 178–180.

⁶⁴ Там же, с. 184.

⁶⁵ ДВП, т. XXII, кн. 2, с. 588.

⁶⁶ Год кризиса, т. 2, с. 180.

⁶⁷ Гнедин Е.А. Катастрофа и второе рождение. Амстердам, 1977, с. 58.

⁶⁸ ЦА ФСБ, следственное дело Р-23775, т. 3, приложение.

ческие сотрудники полпредства отказывались что-то сделать бесплатно, он восклицал: "Ведь здесь без работы можно сойти с ума". Но они с ума не сходили, а писали на него доносы, демагогически заявляя, что "даже в фашистской Германии платят за принудительный труд".

Оставаясь не у дел после возвращения в Москву, Астахов 29 октября 1939 г. писал Молотову: "После первой краткой встречи с Вами мне было передано, что Вы вызовете меня для обстоятельной беседы. Однако вместо этого меня обрекли на бездействие в исключительно горячее время под видом длительного отпуска, предоставленного без просьбы с моей стороны, а затем перевели в резерв. Создается впечатление, будто я наделал какие-то ошибки или проводил неверную линию, за что меня и отстранили"⁶⁹.

Вскоре последовал ответ. 1 декабря 1939 г. Г.А. Астахов был уволен из НКВД "по сокращению штатов". Этот талантливый человек быстро переключился на научную работу в Музее народов СССР, уже 7 декабря 1939 г. возглавив сектор Кавказа.

Работа в музее ему нравилась. Коллектив сектора был небольшой. Атмосфера на работе и дома была спокойной. Это было как раз то, что ему не хватало долгие годы. Не предполагал он, что в недрах НКВД на него, как и на тысячи других, давно уже собирается и накапливается "компрометирующий материал".

Постановление об аресте, подготовленное следователем старшим лейтенантом госбезопасности Шварцманом и утвержденное 26 февраля 1940 г. капитаном госбезопасности Лангфангом, а затем заместителем наркома внутренних дел Меркуловым, было предъявлено Астахову 27 февраля 1940 г., последовал обыск, начавшийся в 1 час ночи и продолжавшийся до 12 часов дня. У Георгия Александровича изъяли 330 листов личной переписки, включая его письма на имя Молотова, Деканозова, Крестинского, письма на иностранных языках (85 листов), 145 фотографий, карикатуры из иностранных журналов (45 шт.), его рукописи, включающие несколько сот страниц, в том числе "Письмо из Берлина", пьеса "Ключ Берлина", "Японский пролетариат и интервенция в Китае" и др. Забрали личные вещи, начиная от золотого зубного протеза и кинжала арабской работы в чехле до иностранных денег и сберкнижки. Обыск был произведен и на его рабочем месте. Пропала обширная личная переписка Астахова. Лишь случайно в его следственном деле сохранились письма М.А. Шолохова.

В тот же день, 27 февраля, Астахов был вызван на первый допрос. Следователь заявил, что Астахов изобличается имеющимися следственными материалами "как участник антисоветского заговора в системе Наркоминдела и как агент польской разведки"⁷⁰.

Почему польской разведки, когда Астахов только что вернулся из Германии? Но логики от тогдашних сотрудников НКВД требовать было трудно. Допросы необходимы были не для выяснения истины, а для выбивания признаний в заранее выдвинутых обвинениях. Но Астахов выстоял, не оговорив ни себя, ни других. Он заявил следователю: "Я никогда никакой контрреволюционной деятельностью не занимался"⁷¹.

Первые же допросы показали, что следователей не интересовала его работа в Германии, когда он "был связан" с главарями фашистской Германии. Ведь еще в ноябре 1937 г. полпред СССР в Германии К.К. Юренев представил советника Астахова лично Гитлеру. А 2 августа 1939 г. Астахов имел беседу с Й. Риббентропом, продолжавшуюся около часа.

В краткий период "дружбы" с фашистской Германией следователи искали "компромат" в деятельности Астахова, не связанной с советско-германскими отношениями.

Они начали с первых лет его деятельности в Турции. Георгий Александрович убедительно показал, что не только не занимался антисоветской деятельностью, но,

⁶⁹ Там же, т. 1, л. 38.

⁷⁰ Там же, л. 1.

⁷¹ Там же, л. 28.

наоборот, всемерно защищал интересы СССР. В частности, назвал представителей Коминтерна Гольдмана и Раевского, которые считали политическую линию советского правительства "оппортунистической и выдвигали лозунг немедленной советизации Турции". В этом их поддерживал советник полпредства М.И. Розенберг, с которым, отмечал Астахов, "я был в политически натянутых отношениях". "Розенберг, – продолжал Георгий Александрович, – считал, что не нужно устанавливать никаких дружественных отношений с Турцией, так как из этого ничего не выйдет, а для Советского Союза важнее наладить хорошие отношения с западными странами, в частности с Францией и Англией, с которыми в тот период Турция находилась в состоянии конфликта. Я же считал наиболее правильным курс на улучшение политических отношений с Турцией. На этой почве у нас был ряд разногласий по практическим вопросам". На вопрос следователя, встречался ли он позже с Розенбергом, Астахов ответил, что "встречался с ним в Китае в 1927 г., в Париже в 1932 г. и несколько раз в Москве в НКВД. После 1937 г. я с ним не виделся. По слухам, последний был арестован"⁷².

Следователя не интересовала политическая суть разногласий, если там не назывались новые лица. Им были нужны новые жертвы. Астахов таких имен не называл и говорил лишь об идейных разногласиях с уже арестованными и осужденными лицами. Тем не менее 11 марта 1940 г. было принято постановление о предъявлении обвинения в том, что Астахов достаточно избобличается в том, что "являлся участником анти-советского заговора в системе Наркоминдела и проводил подрывную работу в течение ряда лет, а также агентом иностранных разведок, по заданию которых проводил шпионскую работу против СССР"⁷³. По-прежнему, никаких конкретных фактов следствие предъявить ему не смогло. Видимо, оно надеялось, что этот худой, тщедушный человек не выдержит многочасовых ночных допросов и оговорит себя. Но Астахов держался стойко: "Виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признаю. Ни в каком заговоре не участвовал и о существовании такого не знал. Никогда шпионом не был и никакой шпионской работой не занимался".

Следователь: "Предлагаем Вам прекратить заперательство и борьбу со следствием и откровенно рассказать все о своей преступной работе".

Астахов: "У меня нет ни малейшего намерения заператься перед следствием. Я готов полностью и целиком изложить все, что связано с моей работой"⁷⁴.

Следствие пыталось выудить любой факт против Астахова из имевшихся в его распоряжении материалов допросов разных лиц, многие из которых уже были расстреляны и знакомство с которыми было "компроамом" для Астахова.

Поскольку "Астахов виновным себя не признал", 23 марта 1940 г. было принято постановление о принятии дела к производству и проведению дальнейшего следствия⁷⁵.

Для следствия большое значение имели показания бывшего коминтерновского работника Г.И. Сафарова, поскольку можно было устроить очную ставку. Но оказалось, что Г.И. Сафаров изложил в своих показаниях точку зрения, близкую к той, которую уже высказывал Астахов в предыдущих допросах о своем подходе к политике СССР в Турции. В показаниях 22 марта 1940 г. Сафаров писал: «Об Астахове мне приходилось слышать ранее личной встречи с ним в 1929 г., т.к. Астахов выступал в печати по вопросам Ближнего Востока, в частности о кемализме в Турции. Он примыкал к группе сотрудников Наркоминдела, выступавших с одинаковыми установками в печати и возглавлявшихся Пастуховым. Эта группа лиц придерживалась того взгляда, что ни в Турции, ни в Персии, ни на Ближнем и Среднем Востоке вообще коммунистическое и рабочее движение не имеют права на существование, так же как и крестьянская борьба против помещиков, ростовщиков, что, действуя в

⁷² Там же, л. 30–31.

⁷³ Там же, л. 36.

⁷⁴ Там же, л. 17.

⁷⁵ Там же, л. 40.

разрез с этим, Коминтерн "занимается авантюрами", как выразился в разговоре со мной вдохновитель этой группы Карахан»⁷⁶.

26 марта 1940 г. Астахова вызвали на допрос, который длился четыре часа. Его спрашивали вновь о "каких-либо антисоветских формированиях". Из материалов следствия складывается впечатление, что работников НКВД не интересовала суть вопроса, их не беспокоила судьба государства, интересы советской внешней политики и ее представителей. Важно было под любым предлогом получить "признательные показания".

На допросе 26 марта Сафаров уже прямо обвинял Астахова в правом уклоне, что по тем временам было страшным грехом. "О принадлежности Астахова к правым, – отмечал Сафаров, – Миф и Мадьяр⁷⁷ говорили мне постоянно, встречаясь со мной на работе в Восточном секретариате Коминтерна"⁷⁸.

Следствие ухватилось за эту нить. В тот же день, 26 марта, следователи Карлов и Минаков вызвали Астахова. Их интересовала группа лиц, связанных с заместителем наркома Л.М. Караханом. Поскольку Карахан был уже расстрелян, то для следователей не было сомнений, что он враг, а поэтому любая связь с ним являлась отягощающим обстоятельством.

Астахов, видимо, это понимал, но не мог отрицать, что был действительно знаком с руководителями Отдела Ближнего и Среднего Востока С.К. Пастуховым, В.М. Цукерманом и др. Интерес к нему со стороны руководства Отдела был вызван якобы, по его словам, прежде всего тем, что он привез из Турции большое количество материалов политико-экономического характера.

Следствие устроило очную ставку, на которой Сафаров заявил: "Мне от Цукермана было известно, что Астахов принадлежит к тому контрреволюционному формированию правых в НКВД, во главе которого находился Карахан, Пастухов и к которому принадлежал сам Цукерман".

Следователь незамедлительно поставил Астахову вопрос: "Как видите, вы полностью изблечены Сафаровым в вашей принадлежности к контрреволюционному формированию правых в НКВД. Намерены ли вы следствию рассказать об этом?"

Ответ Астахова: "Ни к какой контрреволюционной группировке правых как в НКВД, так и вне его я не принадлежал. Показания Сафарова о моей принадлежности к правым считаю клеветническими"⁷⁹.

Продлевали сроки следствия и содержания под стражей, но Астахов стоял на своем. Его допрашивали 24 раза. Перевели в Сухановскую тюрьму, известную особо жестким режимом, но он продолжал отрицать предъявленные ему обвинения.

Через год, в марте 1941 г., появился новый следователь лейтенант Пивненко, начались новые допросы. Подняли новые документы, в частности и протокол заседания парткома НКВД, на котором члены парткома Заславский, Троянker, Михельс и другие обвиняли Астахова в том, что, сообщая о процессе над Каменевым и Зиновьевым, он занимался "отсебятиной" и «говорил многое из того, что не было в "Правде"»⁸⁰.

Допросы следовали один за другим. На допросе 6 мая 1941 г. Астахов вновь заявил, что виновным в предъявленных ему обвинениях себя не признает, но вполне допускает, что в его "литературных работах могли быть допущены некоторые ошибки". На это последовало замечание следователя: "Рекомендую прекратить заперательство и правдиво рассказать о своих преступлениях"⁸¹.

⁷⁶ Там же, л. 45.

⁷⁷ П.А. Миф (М.А. Фортус), Л.И. Мадьяр (Л. Мильхофер) – ответственные сотрудники Восточного секретариата аппарата Исполкома Коминтерна.

⁷⁸ ЦА ФСБ, следственное дело Р-23775, т. 1, л. 54.

⁷⁹ Там же, л. 65об.-66.

⁸⁰ Там же, л. 174-175.

⁸¹ Там же, л. 203.

7 мая 1941 г. был составлен протокол об окончании следствия. Астахов так и не признал себя виновным.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война, где так могли бы пригодиться ум и знания Астахова.

Но НКВД жил своей жизнью. 7 июля 1941 г. заместитель наркома госбезопасности Кобулов утвердил "Обвинительное заключение" в отношении Астахова. Через два дня, 9 июля, Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила Астахова Георгия Александровича "лишить свободы в ИТЛ сроком на 15 лет с поражением в правах на пять лет и конфискацией лично принадлежащего ему имущества... Приговор окончательный и обжалованию не подлежит"⁸².

Астахова так и не удалось морально сломить. Направленный в лагерь в Усть-Вымлаг (Коми АССР), он писал жене оттуда: "Радостно сознавать, что шел по правильному пути и раскаиваться не в чем... Я не сломлен и, если дадут возможность, смогу еще работать для народа и страны"⁸³.

К сожалению, поработать для народа ему не пришлось. Он выдержал только два года тюрем и лагерей и умер 14 февраля 1942 г.

После смерти Сталина только что вернувшаяся по амнистии из заключения, где она провела 4 года, Н.В. Пилацкая начала хлопотать за своего мужа. 30 мая 1957 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР определила, что приговор в отношении Г.А. Астахова "по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления"⁸⁴.

---

⁸² Там же, л. 210.

⁸³ Там же, т. 3, л. 3.

⁸⁴ Там же, т. 1, приложение.

© 1997 г.

В.П. С М И Р Н О В

**АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ АДО:
ЧЕЛОВЕК, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ (1928–1995)**

Профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук Анатолий Васильевич Адо был выдающимся ученым, талантливым преподавателем и очень привлекательным человеком¹. Его судьбу и созданные им труды – как и труды любого историка – можно понять лишь в связи с судьбой его поколения и его страны.

* * *

Анатолий Васильевич Адо родился 8 января 1928 г. в Казани, в семье преподавателя Казанского педагогического института Василия Ивановича Адо. Согласно семейному преданию, далекие предки Адо были выходцами из Швеции, появившимися в России в петровские времена. От них унаследована необычная для русского человека, но распространенная в Швеции фамилия Адо, которая, правда, пишется там с двумя "д" – Аддо².

В Казани первым поселился дед Анатолия Васильевича – горный инженер Иван Андреевич Адо. Анатолий Васильевич считал его основателем семейной династии и радовался, что его внук назван Иваном в честь своего прапрадеда. В 1896 г. Иван Андреевич переехал из Костромы в Казань, потому что Казань была университетским городом, а Иван Андреевич желал, чтобы его дети учились в университете. В Казани Иван Андреевич создал губернскую службу мер и весов и возглавил Пробирное управление (проверявшее правильность пробы на драгоценных металлах). Это была довольно высокая государственная должность. Ее обладателю полагались казенная квартира, парадный мундир с золотым шитьем, треуголкой и шпагой, хорошее жалованье. Хотя Иван Андреевич происходил из семьи железнодорожных служащих, он благодаря своей должности имел чин статского советника, соответствовавший старинному военному чину бригадира (между полковником и генералом), что давало ему право на личное дворянство и официальное обращение "ваше высочорodie".

В семье Ивана Андреевича росло пятеро детей. Самым младшим из них был Василий – отец Анатолия Васильевича. Семья жила в достатке, нанимала кухарку, горничную и гувернантку. В казенной квартире Ивана Андреевича было пять комнат (да еще две комнаты в мезонине). В гостиной, обставленной мягкой мебелью, с ковром на полу и пальмами в кадках, стоял беккеровский рояль, на котором отлично играла жена Ивана Андреевича – Серафима Николаевна. Музыка, книги, театр были неотъемлемой принадлежностью и потребностью жизни этой семьи и ее знакомых –

---

¹ Некролог на смерть А.В.Адо см. Новая и новейшая история, 1995, № 6.

² Автор благодарит семью А.В. Адо, предоставившую ему возможность познакомиться с неоконченными воспоминаниями В.И. Адо и другими материалами о родных и близких А.В. Адо.

главным образом казанской интеллигенции. По словам Василия Ивановича, весь быт и строй семьи "был проникнут русским духом": в семье гордились тем, что они русские и живут в России, но при этом "в семье всегда был очень силен дух интернационализма и уважение к другим национальностям"³.

Первая мировая война, две революции, гражданская война и послевоенная разруха положили конец благосостоянию семьи Ивана Андреевича. Пробирное управление закрыли; Иван Андреевич лишился жалования и казенной квартиры; его сбережения пропали, он не мог найти работу. Семья узнала голод, холод, болезни. Дети и родственники были разбросаны по разным городам и долго ничего не знали друг о друге. В 1922 г. умерла Серафима Николаевна, а вслед за ней и Иван Андреевич. К этому времени Василию Ивановичу исполнилось только 17 лет. Он едва успел закончить "единую трудовую школу", преобразованную из бывшей гимназии, и поступить в Казанский педагогический институт. Вместе с ним там училась Александра Михайловна Ефимова, впоследствии ставшая его женой.

Семья Василия Ивановича и Александры Михайловны тоже была семьей интеллигентов, и Василий Иванович недаром дал своим воспоминаниям подзаголовок "Записки русского интеллигента XX века", но, конечно, их жизнь была совсем иной. Само положение интеллигенции в обществе изменилось: она стала массовой, не слишком почитаемой, довольно скромно оплачиваемой⁴.

Еще будучи студентом, Василий Иванович начал преподавать историю в школе, где он раньше учился, и на рабфаке Казанского университета, а затем в Татарском коммунистическом университете, педагогическом и финансовом институтах, в Институте советского строительства и, наконец, с 1939 г. в Казанском университете. Вскоре он приобрел известность как отличный лектор⁵. Любимой темой лекций Василия Ивановича была история Великой французской революции. Второй его излюбленной темой – по ней Василий Иванович вел и научные исследования – являлась история балканских государств, особенно Болгарии⁶. Местная печать писала о В.И. Адо как о "первоклассном лекторе", совмещающем в себе "и мыслителя, и исследователя, и художника"⁷. Он обладал большим личным обаянием, "особым даром простоты, искренности, готовности помочь другому, делать людям добро"; всегда являлся "примером порядочности, добросовестности, скромности"⁸. Его постоянно окружали ученики, с которыми он сохранял связь и после окончания их учебы, иногда десятки лет.

Василий Иванович прожил долгую жизнь. Он успел отпраздновать свое 90-летие в кругу семьи, учеников и друзей и умер на 91-м году жизни, 21 июля 1995 г., через 20 дней после смерти своего единственного, горячо любимого сына.

Супруга Василия Ивановича – Александра Михайловна Ефимова – происходила из семьи мелких служащих. Она также была прекрасным специалистом, пользовавшимся глубоким уважением своих коллег. Окончив Казанский педагогический институт,

---

³ Адо В.И. Вспоминая о прошлом... Записки русского интеллигента XX века. Казань, 1992, с. 9 (машинопись).

⁴ В советское время из семьи Адо вышло несколько крупных ученых. Двоюродный брат Анатолия Васильевича по отцовской линии, академик Медицинской академии наук Андрей Дмитриевич Адо стал одним из основателей советской школы изучения аллергических заболеваний; его брат, доктор физико-математических наук Игорь Дмитриевич Адо, прославил свое имя доказательством теоремы, которая названа "теоремой Адо". Другой двоюродный брат А.В. Адо по линии отца – доктор физико-математических наук Юрий Михайлович Адо – один из организаторов строительства самого крупного советского ускорителя элементарных частиц в Протвино (около Серпухова). Двоюродный брат Анатолия Васильевича по материнской линии, доктор исторических наук Вадим Павлович Иерусалимский, известен как один из лучших специалистов по истории Германии.

⁵ Автор благодарит доцента Казанского государственного университета В.С. Королева, поделившегося с ним своими воспоминаниями и материалами о жизни В.И. Адо.

⁶ Адо В. Я пережил три революции. – Известия Татарстана, 21.11.1995.

⁷ Шофман А. Лекция, учебник, студент. – Советская Татария, 18.11.1966.

⁸ См. Шофман А. Секреты мастерства. (К 80-летию В.И. Адо). – Ленинец, орган Казанского государственного университета, 25.11.1985; Королёв В.С. Историк Василий Иванович Адо. – Историческая наука и Татарстане. Казань, 1996.

Александра Михайловна посвятила себя работе в Государственном музее Татарской республики и одновременно в течение ряда лет вела археологические раскопки поселений волжских булгар под Казанью и Самарой. По словам сослуживцев, ее отличали "ответственность за выполняемое дело, живой ум, чуткость, глубокая интеллигентность, неизменный интерес к современности, обаяние"⁹.

Детские годы Анатолия Васильевича прошли в Казани. Он любил этот волжский город, где жили русские, татары и представители многих других национальностей, где церкви соседствовали с мечетями, где архитектура старого русского губернского города причудливо сочеталась с восточной. Анатолий Васильевич часто вспоминал Казань своего детства: широкую Волгу, песчаные пляжи и сосновые боры по ее берегам, белые и розовые пароходы с гребным колесом на корме, волжские пристани с длинными дощатыми, прогибающимися под ногами сходнями. Его привлекал водный простор, и часто он проводил свой отпуск на воде – на пароходе, на лодке или на байдарке.

Его детство – детство единственного ребенка в семье добрых, любящих, интеллигентных родителей – можно назвать безоблачным, хотя порой родителям приходилось нелегко. В 1936–1937 гг. по обвинению в "троцкистской деятельности" и вредительстве арестовали целый ряд сотрудников Татарского коммунистического университета и Казанского педагогического института, и среди них известного в Казани историка С.П. Сингалевича, который в 20-е годы был школьным учителем Василия Ивановича, а затем работал вместе с ним в пединституте. Василий Иванович на время лишился работы и, по его собственным словам, "чудом избежал ареста"¹⁰. Его вызывали в НКВД, и он, в ожидании худшего, брал с собой узелок с вещами¹¹, но следователи ограничились вопросами о его отношениях с Сингалевичем¹². Толе Адо было тогда всего 9 лет, и скорее всего, он даже не знал о тревогах своих родителей.

В 1936 г. Адо поступил в "опытно-образцовую" школу № 19, где раньше учился и работал его отец, а директором был давний друг Василия Ивановича, прекрасный преподаватель Иосиф Ильич Малкин. Школа была образцовой не только по названию. Там преподавали знающие и любящие свое дело учителя, например учитель истории Надежда Евгеньевна Козырева, которая артистически вела уроки и надолго осталась в памяти своих учеников¹³.

Неизгладимый отпечаток на жизнь того поколения, к которому принадлежал Анатолий Васильевич, как и поколения его родителей, наложила Великая Отечественная война. В первые дни войны ушли на фронт все мальчики из десятых классов школы и все мужчины-учителя во главе с директором И.И. Малкиным. 26 из них погибли. Четыре девушки-отличницы, уже зачисленные без экзаменов на первый курс Казанского университета, взяли обратно свои документы и пошли в армию добровольцами¹⁴. Был мобилизован и Василий Иванович Адо, но на фронт он не попал, а служил в запасных частях¹⁵.

Александра Михайловна осталась в Казани одна с 13-летним сыном. Музей закрылся, археологические раскопки прекратились. Александра Михайловна работала в школе, а в свободное время продолжала обрабатывать музейные коллекции¹⁶. Как почти все семьи того времени, семья Адо жила в постоянной тревоге за близких, нуждалась, недоедала. Чтобы помочь матери, Толя Адо вместе со своим двоюродным братом Юрием, впоследствии известным физиком, нанялся работать возчиком, на-

⁹ Кокорина Н. Ветеран (К 80-летию А.М. Ефимовой). – Вечерняя Казань, 17.V.1983.

¹⁰ Адо В. Я пережил три революции...

¹¹ Королев В. Теоремы и аксиомы династии Адо. (К 90-летию В.И. Адо). – Казанский университет, № 7, апрель 1995.

¹² Письмо В.С. Королева автору от 20 октября 1995 г.

¹³ Там же.

¹⁴ Гудкова В. Нетленна память юности. – Советская Татария, 25.VI.1981.

¹⁵ Адо В.И. Я пережил три революции...

¹⁶ Кокорина Н. Указ. соч.

чился запрягать лошадь и был принят в компанию других возчиков, которые относились к нему, как к взрослому. Одновременно он продолжал учиться в школе и успевал поглощать огромное количество книг из всех доступных ему библиотек.

Позднее Анатолий Васильевич говорил, что еще в старших классах школы он твердо "знал", что будет учиться в Москве, на историческом факультете Московского университета, и займется историей Великой французской революции. Эта революция привлекала его драматичностью, кипением человеческих страстей, могучими фигурами революционеров, которые не щадили ни себя, ни других, по очереди поднимаясь на эшафот. Адо раздобыл вышедший в 1941 г. увесистый том "Французская буржуазная революция 1789–1794 гг." – коллективный труд советских историков под редакцией академиков В.П. Волгина и Е.В. Тарле – и с увлечением читал эту вовсе не предназначенную для школьников ученую книгу. В остальном Толя Адо не слишком отличался от других советских школьников, которые вслед за учителями и пионервожатыми повторяли: "Спасибо товарищу Сталину за нашу счастливую жизнь". Прочитав в 1988 г. интервью писателя В.Д. Дудинцева, который до войны чувствовал себя "дитятей Октябрьской революции" и как бы постоянно носил "незримый пионерский галстук", а по праздникам при виде портрета Сталина, поднятого в небо на воздушном шаре, ему казалось, что "сам бог из облаков смотрит вниз, сам отец родной этих людей, которых при виде портрета охватывал неподдельный восторг", Адо пометил в своей рабочей тетради: "Хорошо о 30-х годах – я тоже так помню это время"¹⁷.

В 1945 г., в год победы над фашистской Германией, Толя Адо окончил школу с золотой медалью и уехал в Москву. Золотая медаль давала тогда право поступать без экзаменов в высшие учебные заведения. Адо был принят на исторический факультет Московского государственного университета и не расставался с ним всю свою жизнь.

* * *

В студенческие годы Анатолия Васильевича исторический факультет Московского университета считался лучшим в СССР высшим учебным заведением исторического профиля. Там преподавали сразу пять академиков, пользовавшихся европейской известностью, и целая плеяда более молодых талантливых ученых, часть которых потом тоже стала академиками. Однако, наряду с ними на истфаке подвизалось немало ограниченных, малоспособных, порой даже не очень грамотных преподавателей. Нередко они приходили в университет с партийной работы или из армии, были далеки от науки и видели свою главную задачу в "идейно-политическом воспитании" студентов и в том, чтобы уберечь "чистоту" марксизма-ленинизма от чуждых влияний. В силу специфики предмета такие преподаватели чаще всего встречались на кафедре основ марксизма-ленинизма, но нередко они попадались и на других кафедрах, в частности на кафедре новой истории, по которой решил специализироваться Анатолий Васильевич. Историческая наука того времени была поставлена в жесткие рамки, о которых многие сейчас не знают или забыли. Все книги и статьи должны были следовать официальной "марксистско-ленинской методологии". В противном случае их просто не печатали, а "идеологически неустойчивым" авторам (был такой специальный термин) грозили серьезные неприятности. Некоторые темы, особенно по истории СССР, были запретными, имена "врагов народа" не упоминались, цитировать их было нельзя. Значительная часть научной литературы хранилась в "спецхране" и выдавалась читателям только по особому разрешению. За содержанием научных трудов тщательно следила не только официальная государственная цензура, замаскированная под невинным названием "Главлит", но и другие инстанции, без рекомендации которых книги и статьи не принимались к печати: кафедры, ученые и экспертные советы, деканаты, редакции, а иногда и партийные комитеты. Кроме того, почти в каждом историке сидел свой внутренний цензор, который заранее за-

¹⁷ Запись в рабочей тетради А.В. Адо от 7 августа 1988 г.

браковывал то, что "не пройдет" в печать, т.е. чаще всего какие-то оригинальные мысли или "опасные" факты. Все книги и статьи по истории, независимо от их содержания, оснащались цитатами классиков марксизма-ленинизма – К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и особенно И.В. Сталина, ссылками на решения последнего съезда КПСС, даже если они не имели никакого отношения к теме. Конечно, самыми идеологизированными и политизированными были наиболее близкие к современности работы по новейшей истории, истории СССР и истории КПСС, однако и труды по новой истории, средневековью или античности в той или иной мере тоже следовали обязательным идеологическим и политическим установкам.

Курс, на котором учился Анатолий Васильевич, был первым курсом, набранным после войны¹⁸. Примерно пятую часть его составляли бывшие фронтовики, часто кандидаты или члены партии. Возможность жить мирной жизнью да еще учиться в столичном университете казалась им подарком судьбы. По выражению одного из них, они "дорвались до учебы", стремились овладеть наукой, получить специальность. Вместе с ними учились бывшие школьники, нередко, как и Анатолий Васильевич, приехавшие в Москву из других мест. Многие из них жили в огромном общежитии на берегу Яузы, напоминавшей тогда грязную канаву, на улице Стромынка, в доме № 32, рядом с тюрьмой "Матросская тишина".

Анатолий Васильевич легко и быстро вошел в студенческую жизнь, приобрел новых друзей, много бродил по Москве и хорошо ее изучил, с удовольствием занимался. С утра он уходил в университет, потом в библиотеку и обычно возвращался в общежитие поздно вечером. Впрочем, он вовсе не был аскетом и вместе с друзьями часто бывал в театрах, кино, на танцах, дружеских пирушках и вечеринках. Студенческие нравы того времени, особенно среди друзей Анатолия Васильевича, были довольно строги: карьеристов и "индивидуалистов" осуждали, к девушкам относились романтически, за модой не гонялись. Интерес к нарядам, косметика, маникюр, губная помада считались "мещанством". Большинство студентов жили бедно. Продовольственные карточки едва обеспечивали полуголодное существование. Многие донашивали старое военное обмундирование – свое или родителей, и Анатолий Васильевич сначала тоже ходил в отцовской гимнастерке, шинели и сапогах.

А.В. Адо стал студентом в первые послевоенные годы, когда страна, одержавшая победу в гигантской войне, обескровленная и наполовину разрушенная, с трудом возвращалась к мирной жизни. Советские люди чувствовали себя победителями фашизма, освободителями угнетенных народов, но многие из них, особенно из числа бывших военнопленных, после войны сами оказались в советских тюрьмах и лагерях. В 1945 г. количество заключенных в СССР превысило даже численность заключенных в страшном 1937 и продолжало расти вплоть до смерти Сталина¹⁹, но эти сведения, конечно же, держались в строжайшем секрете.

Култ Сталина – Верховного главнокомандующего, под руководством которого была одержана великая победа, – достиг после войны невероятных размеров. "Величайший полководец всех времен и народов", "гениальный вождь всего прогрессивного человечества", "мудрый" и вместе с тем "родной и любимый" – таким изображала Сталина советская пропаганда.

Для установления полного контроля над мыслями и чувствами советских людей был организован целый ряд крупных политических и пропагандистских кампаний против виднейших деятелей культуры. Такого рода кампании против М.М. Зощенко, А.А. Ахматовой и других писателей (1946 г.), против Д.Д. Шостаковича, С.С. Прокофьева, В.И. Мурадели и других композиторов (1948 г.), против "вейсманизма-морга-

¹⁸ Автор благодарит сокурсников Анатолия Васильевича – В.М. Москович, В.А. Федорова, Д.К. Шелестова, Е.Ф. Язькова, которые поделились с ним своими воспоминаниями.

¹⁹ В 1937 г. численность заключенных в системе ГУЛАГа составляла 1 96 369 человек, в 1945 г. – 1 460 677, а в 1953 г. – 2 468 524 человека. См.: *Земсков В.Н.* Заключенные, спецпоселенцы, ссыльно-поселенцы, ссыльные и высланные. – История СССР, 1991, № 5, с. 152; Вклад заключенных в победу в Великой Отечественной войне. – Новая и новейшая история, 1996, № 5.

низма" в биологии (1948 г.), против "безродных космополитов", носивших, как правило, еврейские фамилии (1949 г.), против "врачей-убийц", тоже в основном евреев (1953 г.) обычно сопровождалась поисками "соучастников" и просто "подозрительных" с их последующей "проработкой", которая часто завершалась исключением из партии, увольнением с работы, а то и арестом.

На историческом факультете тогда тоже проходили бурные партийные собрания, длившиеся порой по несколько дней. Правверные партийцы, просто карьеристы или трусы, но бывало и настоящие ученые – в силу занимаемых ими партийных или административных постов, а может быть, и по другим причинам – обвиняли виднейших историков в "космополитизме" и "преклонении перед Западом". К "космополитам" были причислены некоторые ведущие преподаватели истфака, в частности профессора кафедры новой истории Л.И. Зубок и И.С. Звавич, известный историограф профессор Н.Л. Рубинштейн, сотрудники кафедры истории СССР И.М. Разгон, Е.Н. Городецкий и сам заведующий этой кафедрой, дважды лауреат Сталинской премии академик И.И. Минц – будущий лауреат Ленинской премии и Герой Социалистического труда²⁰. Некоторые из них, не выдержав страшного давления и в надежде избежать худшего, каялись и признавали свои мнимые "ошибки", но это мало помогало: почти всем им пришлось уйти из университета, а Звавич и Зубок были высланы из Москвы. Все это создавало обстановку страха, сковывало мысль, причало к лицемерию.

Время от времени студенты узнавали, что кого-то "взяли", а иногда даже сами становились свидетелями обысков и арестов. Анатолий Васильевич рассказывал, как однажды поздно вечером, провожая знакомую девушку, он увидел у подъезда ее дома зловещую черную машину НКВД. В доме шел обыск, и Анатолий Васильевич простоял перед окнами до утра, с ужасом ожидая, что его знакомая или ее семья будут арестованы. Лишь к утру он узнал, что на этот раз обыск происходил у соседей.

И тем не менее, по воспоминаниям сокурсников Анатолия Васильевича, да и по воспоминаниям автора этой статьи, учившегося на истфаке МГУ, а затем работавшего вместе с Адо, среди студентов преобладало оптимистическое, радостное настроение. Они были молоды, и жизнь им улыбалась. Только что кончилась страшная война, в декабре 1947 г. отменили карточки, цены ежегодно снижались, жить стало легче. До поры до времени политические бури пронеслись мимо, не задевая большинства студентов, которые считали советские порядки нормой и не очень хотели видеть темные стороны советской действительности, а тем более задумываться над ними. К тому же почти все они были комсомольцами или коммунистами и уже прошли соответствующее идеологическое воспитание в школе, в комсомоле, в армии. Многие обладали склонностью к общественной деятельности и задатками лидеров. Они охотно работали в комсомольских, профсоюзных и других общественных организациях. Тип комсомольского бюрократа-карьериста был тогда мало распространен на истфаке МГУ, особенно в низовых организациях. В комсомольские и партийные бюро курсов и факультета часто избирали действительно лучших студентов, пользовавшихся доверием и авторитетом.

Работа в комсомольском бюро вовсе не была насилием над их личностью. Они любили свой факультет, гордились им и часто проводили там все свое свободное время.

Даже "добровольно-обязательная", как тогда шутили, работа студентов во время каникул на стройках или в колхозах воспринималась многими романтически настроенными комсомольскими активистами как помощь стране и народу. Они добросовестно работали, а после работы еще устраивали концерты самодеятельности для рабочих и колхозников. Комсомол, коммунистическую партию, советскую власть они воспринимали как что-то свое, а не чужое. Они искренне верили официальной пропаганде, уверявшей, что Советский Союз – это самая свободная и счастливая страна мира, на

---

²⁰ Подробнее см. *Костырченко Г.В.* Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР. – Вопросы истории, 1994, № 8.

которую другие народы смотрят с восхищением и надеждой. Хотя студентов в партию, как правило, не принимали, многие комсомольцы хотели стать коммунистами, и не только потому, что беспартийным не разрешалось преподавать "общественные науки", но и потому, что принадлежность к партии считалась высокой честью, а идеал свободного от эксплуатации, справедливого коммунистического общества, в котором будет покончено с угнетением и бедностью, выглядел очень привлекательно.

Анатолий Васильевич не обладал большим общественным темпераментом, но и не был "книжным червем", интересовавшимся только наукой. На третьем курсе его избрали – и потом ежегодно переизбирали – в курсовое, а затем и в факультетское бюро комсомола, где он неизменно ведал учебным сектором.

Сейчас многие утверждают, что они уже в 40-е годы понимали тоталитарную сущность советского режима и критически относились к Сталину. Возможно, это и так, но в студенческом окружении Анатолия Васильевича таких людей не было. Прочитав в 1990 г. рукопись моей статьи, где говорилось, что мои воспоминания о студентах истфака 1948–1953 гг. не подтверждают мнения об их критическом отношении к Сталину, Анатолий Васильевич написал на полях: "Да, мои тоже не подтверждают". Далее он добавил: "Помню, что у многих товарищей родители были репрессированы, но мы всегда считали, что это по ошибке. А вообще эта тема, насколько я помню, практически не возникала в разговорах, ее как бы не было". К тому месту рукописи, где говорилось, что студенты конечно же понимали, что можно угодить в тюрьму за простой анекдот, опасались доносов, проявляли большую осторожность в разговорах, но все это находилось как бы на периферии сознания, Анатолий Васильевич приписал: "Да, вот это точно – на периферии сознания".

Среди студенческих друзей Адо преобладали возвышенные, сугубо книжные, революционно-романтические представления, соединенные с большой политической, да и житейской наивностью. Вчерашние школьники, совсем еще юные мальчики и девочки, они пели революционные песни и восхищались коммунистами-революционерами, которые боролись "за счастье народа". Встречавшиеся на их пути несчастья и несправедливость они воспринимали как "отдельные недостатки", не обобщая их и не связывая с советской властью.

Такие настроения тогда вовсе не были редкостью. Студенческие дневники талантливого литературного критика Марка Щеглова, который учился в МГУ одновременно с Адо, а впоследствии боролся против официальной литературы "социалистического реализма", полны гордости за советскую власть, радости по случаю успехов коммунистов в Чехословакии, Индонезии, Греции, чувством причастности к мировой революции. Слушая радио, один в своей убогой комнате, студент Щеглов вставал при звуках "Интернационала" и ощущал, как его сердце полнится "торжественным, широким восторгом"²¹.

Да что говорить о неопытной молодежи, если даже таких выдающихся людей, как К.И. Чуковский и Б.Л. Пастернак, охватывал восторг при одном только виде Сталина. Увидев Сталина на съезде комсомола в 1936 г., Чуковский записал в своем дневнике: "Я оглянулся, у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его – просто видеть – для всех нас было счастьем... Домой мы шли вместе с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью"²².

По словам однокурсников Анатолия Васильевича, первые сомнения в правильности политики советского правительства и партийного руководства стали возникать у них в 1947–1948 гг. в связи с решениями Информационного бюро коммунистических партий, означавшими поворот к "холодной войне", и особенно в связи с преследованиями "космополитов". Часть студентов поддерживала нападки на "космополитов" – кто-то искренне, кто-то, возможно, из страха или карьерных соображений, другие – не одобряли. Открыто никто не протестовал – это было бы крайне опасно, но в частных

²¹ Щеглов М. Студенческие тетради. М., 1973, с. 53.

²² Чуковский К. Из дневника 1932–1969. – Знамя, 1992, № 11, с. 170.

разговорах или просто в умолчаниях позиции выявлялись, и становилось ясно, "кто чем дышит". По свидетельству однокурсников, Анатолий Васильевич возмущался травлей "космополитов". Ему, честному и глубоко порядочному человеку, воспитанному в духе подлинного, а не показного интернационализма, претили бездоказательные обвинения в "космополитизме", сопровождавшиеся плохо замаскированными антисемитскими выпадами. \

* * *

Избрав своей специальностью историю Франции, Анатолий Васильевич учился у наиболее известных советских франковедов. Историю средних веков читал профессор Сергей Данилович Сказкин, впоследствии академик и Герой Социалистического Труда. Ему была присуща исключительная способность показать давно известные факты с какой-то новой стороны, найти такие слова, которые врезались в память. Сказкин умел создать ощущение сопричастности к историческим событиям, вызвать симпатии или антипатии к деятелям прошлого. Когда он рассказывал, как Жанну д'Арк вели на костер, у студентов наворачивались слезы на глаза.

Часть лекций по новой истории прочел самый, пожалуй, знаменитый из советских историков Евгений Викторович Тарле, академик трех академий и почетный доктор пяти зарубежных университетов²³. Он уже угасал, был стар и болен, но, когда вдохновение посещало его, ему не было равных. Поразительное знание истории многих стран, колоссальная эрудиция, острый ум, красочная, изобилующая живыми подробностями, пронизанная иронией речь – все это доставляло аудитории подлинное наслаждение.

Лекции по истории Франции читал профессор Альберт Захарович Манфред, наделенный большим литературным и ораторским даром. Он стремился представить прошлое в образах, нарисовать живую картину исторических событий. Вспоминая его лекцию о франко-прусской войне и битве при Седане, одна из его бывших студенток писала: "Картины Седанской битвы будто вставали перед нами – в белых далеких клубах пушечного дыма, на фоне ослепительного неба ранней осени. Мы видели всех действующих лиц: жалкого Луи-Наполеона, укрывшегося в маленьком домике и от страха страдавшего животом, с его, как выразился Альберт Захарович, "заячьей душой"; ничтожного Трошю; воодушевленного любовью к отечеству, пламенного, хотя и многоречивого Гамбетту"²⁴. Лекции Манфреда произвели сильное впечатление и на Анатолия Васильевича. "Этот курс, который охватывал всю историю Франции в новое и новейшее время, и сейчас остается одним из наиболее ярких воспоминаний моих студенческих лет"²⁵, – отмечал он.

Лектором другого типа был профессор Борис Федорович Поршневу, который в 1946–1948 гг. заведовал кафедрой новой истории, а затем стал научным руководителем Адо. Для него главное состояло не в описании событий, а в их анализе, в выяснении причин и следствий, в создании исторической концепции, в поиске исторических закономерностей.

Поршневу обладал острым чувством нового, энциклопедическими знаниями и бурным темпераментом. Его богато одаренная натура не уместилась в рамках франковедения. Он защитил две докторские диссертации – редчайший случай! – и был "дважды доктором" – исторических и философских наук. Помимо истории и философии, Поршневу занимался еще политической экономией феодализма и социальной психологией,

²³ Е.В. Тарле был действительным членом Академии наук СССР и Норвежской академии наук, членом-корреспондентом Британской академии для поощрения исторических, философских и филологических наук, почетным доктором университетов Парижа, Брно, Праги, Осло и Алжира.

²⁴ *Оболенская С.В.* Человек, обладавший даром привлекать сердца. – Французский ежегодник. 1981. М., 1983, с. 159.

²⁵ Памяти А.З. Манфреда. – Французский ежегодник, 1976. М., 1978, с. 12.

став одним из основоположников этой отрасли знаний в СССР. Увлечшись сообщениями о находке следов "снежного человека", он организовал его поиски в СССР и в связи с этим написал ряд оригинальных работ по истории первобытного общества, антропологии, этнографии и даже роли рефлексов в становлении человека.

Европейскую и мировую известность Поршневу принесла его первая докторская диссертация о народных восстаниях накануне Фронды, которую он защитил в 1940 г. в возрасте 36 лет. Опубликованная в 1948 г. в виде книги и отмеченная в 1950 г. Сталинской премией, эта работа оказалась одной из немногих трудов советских историков, которые преодолели языковой барьер и нашли путь к зарубежному читателю. На нее откликнулись историки Франции, Румынии, Польши, Англии, США, Италии, Швейцарии, Германии. Основная идея книги Поршнева состояла в попытке применить марксистскую теорию классовой борьбы к событиям Фронды и вообще к Франции XVII в., "увидеть уже в XVII веке в лице Фронды проявление той же самой классовой борьбы, которая лишь на гораздо более высокой ступени разразилась в виде революции 1789 года"²⁶. Особенно важное значение Поршневу придавал массовым народным движениям, в первую очередь восстаниям крестьянства и городской бедноты. По его мнению, они "составляли подлинный фундамент и единственное условие возможности всяких прочих форм оппозиции абсолютистскому режиму"²⁷. Сейчас, в свете новых исторических исследований, видно, что Поршневу явно преувеличил роль и значение народных восстаний и классовой борьбы в эволюции французского общества XVII в., но его книга открыла научную полемику, которая оказалась чрезвычайно плодотворной. Как заметил крупнейший французский историк Фернан Бродель, "не пояись эта книга, во Франции не начался бы острейший спор между историками, приведший к появлению новых исследований"²⁸.

Когда в 1949 г. студент Адо записался в специальный семинар профессора Поршнева, Борис Федорович еще не достиг вершины своей научной деятельности, но был уже известным ученым. Под его руководством Анатолий Васильевич написал дипломную работу "Мелье и Вольтер" и в 1950 г. – успешно защитил ее. Оппонентом выступал академик Тарле, который очень вдохновил молодого автора, похвалив его работу и отметив способности к науке. Получив диплом с отличием, Анатолий Васильевич был принят в аспирантуру при кафедре новой истории.

Тема его кандидатской диссертации "Крестьянское движение во Франции в первые годы Французской буржуазной революции конца XVIII века" продолжала традиции знаменитой "русской школы" изучения Франции и в то же время находилась в русле исследований Поршнева о народных движениях.

Как рассказывал Анатолий Васильевич, Поршневу указал ему на имевшиеся в СССР архивные фонды и помог сориентироваться в море научной литературы, а затем предоставил полную самостоятельность. Он не читал диссертации Анатолия Васильевича и тем более не редактировал ее, но регулярно обсуждал со своим аспирантом научные и всякие иные проблемы, иногда вовсе не связанные с диссертацией. Чаще всего это происходило в квартире Поршнева, в совершенно неофициальной обстановке. И учитель, и ученик хорошо понимали и очень ценили друг друга.

20 января 1954 г. Анатолий Васильевич успешно защитил кандидатскую диссертацию. Еще до защиты, сразу после истечения срока пребывания в аспирантуре, ему предложили должность ассистента на кафедре новой истории, которая вскоре стала называться кафедрой новой и новейшей истории. Это было очень лестное и желанное для молодого специалиста предложение. Надо сказать, что здесь решающую роль сыграл новый заведующий кафедрой, специалист по истории Германии, профессор Илья Саввич Галкин²⁹.

²⁶ Поршневу Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.–Л., 1948, с. 4.

²⁷ Там же.

²⁸ Памяти А.З. Манфреда, с. 24.

²⁹ Некролог на смерть И.С. Галкина см. Новая и новейшая история, 1990, № 4, с. 233–234; Вестник Московского университета. Серия 8. История, 1990, № 5, с. 78.

Самобытный, сложный и противоречивый человек, Галкин производил разное впечатление на разных людей, в зависимости от того, с какой стороной его многогранной личности они сталкивались. Выходец из бедной крестьянской семьи, потом рабочий литейного цеха, участник гражданской войны, затем учитель начальной и средней школы, член партии с 1927 г., Галкин сначала учился заочно и лишь в 1932 г. закончил этнологический факультет Московского университета. Ему было тогда 34 года. Поршневу в этом возрасте уже завершал докторскую диссертацию.

Обладая большим государственным умом, тонким политическим чутьем, сильной волей и выдающимися организаторскими способностями, Галкин наряду с преподавательской и научной работой много занимался административной деятельностью: состоял во множестве ученых советов, был проректором знаменитого МИФЛИ (Московского института философии, литературы и истории), а затем – с 1943 по 1948 г. – ректором Московского государственного университета.

Оставив пост ректора после инфаркта, но оставаясь проректором МГУ по гуманитарным факультетам, Галкин в 1953 г. согласился занять пост заведующего кафедрой новой истории, которая тогда переживала период безвременья и состояла всего из семи человек. Задумав превратить кафедру в серьезный научный центр, Галкин стал добиваться ее расширения, привлекая молодых способных ученых, к которым он относился по-отечески: добывал для них ставки, а иногда и квартиры, "пробивал" в печать их статьи и книги, порой даже ссужал деньгами. В отличие от некоторых других руководителей он не боялся, что молодые таланты могут опередить его в науке. Напротив, весьма скромно оценивая свои собственные многочисленные научные работы, Галкин радовался успехам молодых сотрудников и даже считал, что как ученые они его превосходят.

Анатолий Васильевич был одним из первых среди большой группы молодых историков, принятых Галкиным на кафедру. Сделать это было нелегко: Анатолий Васильевич являлся "иностранцем", не имел в Москве ни квартиры, ни прописки, а без прописки нельзя было поступить на работу. Это могло остановить кого угодно, но не Галкина. С присущей ему энергией и знанием "коридоров власти" при помощи ректора МГУ академика И.Г. Петровского он добился для Анатолия Васильевича и некоторых других молодых историков временной, а затем и постоянной прописки в своеобразном общежитии для преподавателей, в квартире нового "Дома преподавателей", построенного университетом на Ломоносовском проспекте.

В одной из двухкомнатных квартир этого дома в течение нескольких лет жили четыре молодых преподавателя исторического факультета, и среди них А.В. Адо.

* * *

В сентябре 1953 г. Анатолий Васильевич начал вести семинарские занятия на историческом факультете МГУ, а с 1954 г., когда ему исполнилось всего 26 лет, приступил к чтению одного из основных курсов исторического образования – общего курса новой истории стран Европы и Америки. Кончились годы его учебы. Началась жизнь преподавателя и ученого.

Эти две профессии часто совмещают, хотя они в общем-то разные, а может быть, даже в чем-то и противоположные. Недаром говорят, что преподаватель внушает уже известные истины, а ученый критикует их и ищет новые. Это, конечно, преувеличение, но все же нельзя отрицать, что хороший ученый не всегда бывает хорошим преподавателем, а хороший преподаватель может вовсе не быть ученым. Для преподавателя нужны некоторые, не обязательные для ученого, но сходные с артистическими способности, прежде всего умение привлечь слушателей и установить контакт с ними. Подобно артисту, преподаватель как бы играет роль; даже произнося чужой текст, он должен заинтересовать аудиторию. И так же, как и для артиста, для него очень важны внешность, манеры, голос.

Анатолий Васильевич был прирожденным преподавателем и быстро завоевал популярность у студентов. Он был хорош собой, и некоторые особо впечатлительные студентки даже называли его Аполлоном. Девушки шутя говорили, что Адо надо запретить улыбаться, иначе он совершенно неотразим! Высокий, стройный, изящный, с копной золотистых волос, звучным голосом, заразительным смехом, Анатолий Васильевич, как и его отец, обладал трудно определимым, но отчетливо ощутимым обаянием, своеобразным магнетизмом, который привлекал к нему всех, кто с ним общался.

Он был очень трудолюбив, методичен и даже несколько педантичен в работе, но в повседневной жизни оставался веселым, добрым человеком, наделенным большим чувством юмора; ценившим простые радости жизни. Анатолий Васильевич прекрасно танцевал, хорошо плавал (свободно переплывал Волгу), был очень восприимчив к красоте природы и к женскому очарованию, любил веселую компанию и дружеское застолье – нередко у туристского костра, в лесу или на берегу реки.

Как лектор, он следовал скорее манере Поршнева, чем Манфреда. Его лекции привлекали прежде всего глубиной и последовательным развитием мысли, хотя Анатолий Васильевич не отказывал себе в удовольствии привести красочную деталь или любопытную цитату. Умение быстро схватить суть научной проблемы и ясно объяснить ее слушателям было характерной чертой его педагогического таланта. На семинарских занятиях он стремился вызвать дискуссию, поставить необычный вопрос, заставить студентов думать и – что еще труднее – систематически работать. Даже экзамены, которые у студентов традиционно считаются чем-то вроде "страшного суда", Анатолий Васильевич превращал в подобие научной беседы.

Будучи исключительно добросовестным и, как иногда говорят, "обязательным" человеком, Анатолий Васильевич внимательнейшим образом читал сочинения своих студентов и аспирантов, писал на полях или на обороте страницы массу замечаний и мелким, разборчивым почерком, подолгу разговаривал с учениками об их работах, о науке и вообще о жизни. Он любил учеников, старался развить их лучшие качества и говорил, что сам у них учится. Его внимание и интерес к людям, умение слушать, такт и деликатность делали Анатолия Васильевича желанным собеседником и даже исповедником. Он всегда пытался помочь и никогда не выдавал вверенных ему тайн.

Когда ему говорили, что он тратит слишком много времени на учеников, Анатолий Васильевич отвечал: "Мне с ними интересно". Даже после того как в 1979 г. Анатолий Васильевич перенес тяжелейший инфаркт и должен был оставить чтение общего курса, он не захотел полностью отказаться от преподавания. "Я люблю преподавать", – повторял он, когда ему советовали ограничиться только научной работой. Ученики тоже любили Анатолия Васильевича, были глубоко к нему привязаны, бывали у него дома, стремились поддерживать связь, даже если судьба заносила их в другие города и страны, нередко становились близкими ему и его семье людьми.

Талант к преподаванию гармонично сочетался у Анатолия Васильевича с талантом ученого. Занимаясь наукой, он, по его собственному выражению, испытывал "интеллектуальное наслаждение"³⁰.

Первая научная статья Анатолия Васильевича была опубликована в 1956 г. в "Вестнике Московского университета"³¹. На следующий год в центральных научных изданиях появились еще две его статьи³². Все они были написаны на основе только что защищенной кандидатской диссертации. Изучив обширную французскую литературу и архивные документы, хранившиеся в Москве и Ленинграде, Адо впервые

³⁰ Запись в рабочей тетради А.В. Адо от 15 апреля 1992 г.

³¹ Адо А.В. Из истории крестьянского движения в первые годы Французской буржуазной революции конца XVIII века. – Вестник Московского университета. Серия историческая, 1956, № 4.

³² Адо А.В. Крестьянские восстания в начале французской революции. – В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память академика Тарле. М., 1957; *его же*. Аграрное законодательство Учредительного собрания и крестьянское движение во Франции в 1790 г. – Новая и новейшая история, 1957. № 2.

нарисовал общую картину стихийного крестьянского движения 1789–1790 гг., которая была исследована только в самых общих чертах. Он по крупницам собрал, с сочувствием, но не без иронии описал и тщательно проанализировал разнообразные формы протеста крестьян. Анатолий Васильевич говорил, что почти зримо представлял себе своих героев – французских мужиков XVIII в., которые, вооружившись чем попало, толпой подступают к замку сеньора, грабят его, сбивают с башен гербы и флюгера – символы дворянского достоинства, громят винные погреба, требуют выдачи документов о крестьянских повинностях, а затем, воодушевленные вином и успехом, с песнями и плясками сжигают документы на костре, уверенные в том, что таким образом они навсегда избавятся от ненавистных сеньориальных платежей.

В отличие от правых французских историков, вроде И. Тэна, считавших крестьянское движение бессмысленным бунтом черни, Анатолий Васильевич в соответствии с марксистской теорией доказывал, что крестьянство сыграло "выдающуюся роль в революции"³³.

Вопреки взглядам крупнейшего французского историка Жоржа Лефевра, считавшего, что "крестьянская революция" являлась "автономной" и не имела органической связи с буржуазной революцией, Адо видел в событиях 1789–1790 гг. не две революции – буржуазную и крестьянскую, а "разные методы ликвидации феодальной старины – либерально-буржуазный с его оговорками и преклонением перед "порядком" и крестьянско-демократический, устрашавший крупных буржуа своей радикальностью"³⁴.

Уже в первых работах Адо показал, что крестьянское движение было сложным, противоречивым и внутренне неоднородным. Его статьи обогатили прежние представления о роли крестьян в революции и привлекли внимание специалистов.

Начало преподавательской и научной деятельности Адо пришлось на переломные годы, связанные с ликвидацией "культы личности" Сталина и политической "оттепелью". Эти события общеизвестны, но, пожалуй, лишь тот, кому довелось их пережить, может до конца понять, насколько они поражали воображение и чувства современников.

Сталин умер 5 марта 1953 г., к его гробу стекались прощаться бесчисленные толпы, казалось, вся страна скорбит о нем, но прошел всего лишь месяц и центральный печатный орган ЦК КПСС газета "Правда" опубликовала небольшое "сообщение" Министерства внутренних дел о реабилитации арестованных при Сталине "врачей-убийц", пояснив, что их прежние "признания" были получены в результате применения "недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия"³⁵.

Поскольку за все годы правления Сталина не было ни одного случая публичной реабилитации и ни одного упоминания о пытках, это "сообщение" вызвало шок в советском обществе. Прошло еще три месяца, и газеты опубликовали новую сенсацию: ближайший соратник Сталина, всесильный министр внутренних дел Л.П. Берия оказался виновным в "преступных антипартийных и антигосударственных действиях", совершенных "в интересах иностранного капитала"³⁶. Он был смещен со всех постов, арестован, осужден военным трибуналом и расстрелян.

Еще более сенсационным оказался состоявшийся в феврале 1956 г. XX съезд КПСС, который официально осудил не только Берия, но и самого Сталина. Членам партии (в которую Анатолий Васильевич вступил в аспирантуре в 1951 г.), а затем и комсомольцам в "закрытом порядке" читали секретный доклад Н.С. Хрущева на XX съезде, в котором Сталин обвинялся во многих ошибках и преступлениях, в первую очередь в фальсифицированных судебных процессах, зверских пытках и физическом истреблении старых большевиков.

³³ Адо А.В. Из истории крестьянского движения..., с. 42.

³⁴ Адо А.В. Крестьянские восстания в начале французской революции..., с. 168.

³⁵ Правда, 4.IV.1953.

³⁶ Правда, 10.VII.1953.

Разумеется, на историческом факультете МГУ, как и по всей стране, горячо обсуждались эти ошеломляющие события, буквально взрывавшие прежние представления об СССР, коммунистической партии и советской власти, переворачивавшие то, чему раньше учили и во что многие верили.

Анатолий Васильевич и его друзья были потрясены чудовищными фактами сталинских репрессий, о которых они впервые узнали из доклада Хрущева. Они поддерживали "линию XX съезда", но постепенно начинали отдавать себе отчет в том, что главная причина всех этих преступлений коренится не в личности Сталина, а глубже, в самой системе власти, созданной в результате Октябрьской революции. Их прежние представления о "свободном и счастливом" советском обществе, настроение революционного романтизма постепенно уходили в прошлое перед лицом ужасных и неопровержимых фактов.

Подавление советскими войсками восстания 1956 г. в Венгрии, предвещавшее конец политической "оттепели", вызвало новые волнения в среде советской интеллигенции, которые отразились и на коллективе исторического факультета МГУ. Часть преподавателей, проникнутая сталинскими идеями, шумно радовалась разгрому венгерских "мятежников" и "ревизионистов". Но несколько молодых преподавателей, аспирантов и студентов, лидером которых являлся бывший секретарь комсомольского бюро факультета, аспирант кафедры истории КПСС Л.Н. Краснопевцев, наоборот, сделали очень серьезные политические выводы противоположного характера и создали нелегальную организацию для борьбы за изменение или уничтожение советской системы. Многие преподаватели и сотрудники истфака, в том числе и Адо, не примкнули ни к тем, ни к другим. Осуждая преступления Сталина и желая демократизации политического режима СССР, они не одобряли ввода войск в Венгрию, но и не хотели участвовать в далекой от их профессиональных интересов и к тому же нелегальной политической деятельности.

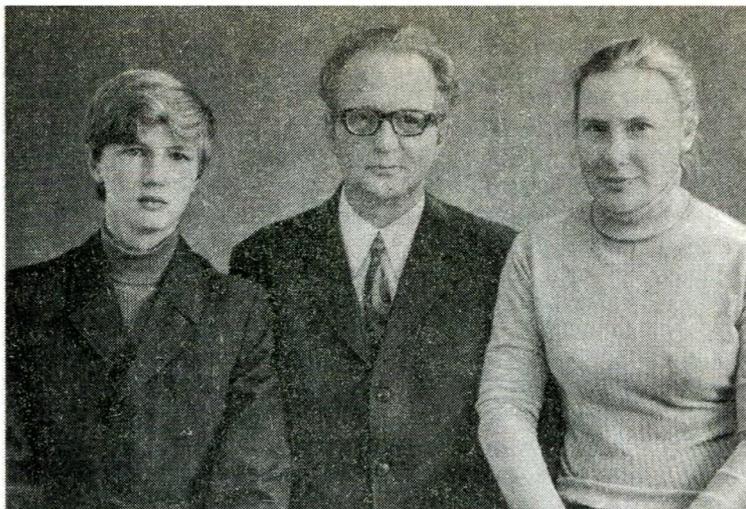
Осенью 1957 г. Краснопевцева и еще восемь человек арестовали. Никакой точной информации об обвинениях против "группы Краснопевцева" на истфаке не имелось: ходили лишь слухи, что арестованные писали какие-то "ревизионистские сочинения" и распространили листовку. Сейчас такие действия не считаются преступлением, и в 1989 г. все участники "группы Краснопевцева" были реабилитированы, но тогда их судили и приговорили к тюремному заключению, доходившему – для главных организаторов – до 10 лет³⁷. На истфаке начались поиски "ревизионистов" – друзей и единомышленников Краснопевцева. Многих охватил страх – они ждали ареста. Воспользовавшись обстановкой, имевшиеся на факультете сталинисты перешли в наступление против тех преподавателей, которые выделялись творческим подходом к марксизму-ленинизму, отвергали догматизм, пользовались популярностью среди студентов и, следовательно, были подозрительны по части "ревизионизма".

Главный удар пришелся по кафедре новой и новейшей истории, где работал один из арестованных – молодой способный преподаватель Н.Г. Обушенков. Ревнителем "партийности" утверждали, что на кафедре имеются "серьезные недостатки политического характера", усматривали в ее работе "уступки буржуазной идеологии", возмущались тем, что в кабинете новой истории "нет портретов классиков марксизма-ленинизма, а висят только портреты Волгина, Тарле и находится бюст Вольтера".

В поисках "яда ревизионизма" партийное бюро стало проверять педагогическую работу преподавателей и пришло к выводу, что на кафедре "имело место притупление политической остроты и объективистский подход к оценке дипломных работ студентов". Одним из наиболее авторитетных преподавателей кафедры, знатока истории Франции Н.Е. Застенкера партбюро обвинило в "отступлении от ленинского принципа партийности в исторической науке".

---

³⁷ Материалы о группе Краснопевцева были впервые опубликованы только в 1994 г. См. "Дело" молодых историков. – Вопросы истории, 1994, № 4, а также: Пушкарь Д. Оттепель, которой не было. – Московские новости, 28.V.1995.

А.В. Адо с женой М.А. Лебедевой и сыном Андреем. 1973 г.

Анатолий Васильевич тоже оказался в "опасной зоне". Он отлично знал Краснопевцева, Обушенкова и некоторых других арестованных. Один из арестованных, студент В.М. Козовой, занимался у него в семинаре. Комиссия партийного бюро, посетив лекции Анатолия Васильевича, выразила недовольство ими и заявила, что на кафедре существует "порочная практика захваливания отдельных преподавателей", к числу которых был отнесен и Адо. К тому же у Анатолия Васильевича появились "опасные" родственники. В 1957 г. он женился на Марине Александровне Лебедевой, отец которой до войны был арестован и много лет провел в лагерях. В конце концов его реабилитировали, но в глазах сталинистов, да и тогдашних властей реабилитированные все же оставались подозрительными людьми.

К счастью, обстановка в стране уже сильно отличалась от сталинского времени. Арестованных по "делу Краснопевцева" не пытали и не выбивали из них ложных показаний. Более того, власти явно не хотели раздувать "дело" молодых историков, свидетельствовавшее о возникновении молодежной политической оппозиции в таком центре науки, как Московский университет. Со своей стороны арестованные старались не выдавать товарищей, с которыми они вели более или менее откровенные разговоры³⁸. В результате даже выявленных следствием 12 человек, которые читали сочинения Краснопевцева, но прямо не участвовали в деятельности его организации, не арестовали, а передали решение их судьбы на усмотрение партийных организаций тех учреждений, где они работали. В некоторых учреждениях ограничились выговорами, но партийное бюро истфака проявило максимум усердия. Оно исключило из партии и настояло на увольнении всех, кто упоминался в следственных делах, даже тех, кто, участвуя в обсуждении работ Краснопевцева, критиковал его взгляды.

Продолжая атаку против "подозрительных" преподавателей, главой которых партийное бюро считало Н.Е. Застенкера, оно организовало дискуссию на, казалось бы, научную тему: о "средних слоях" современного общества. В результате этой дискуссии Застенкер и его сторонники были обвинены в "сползании с позиций партийности" и в "ревизии учения о классовой борьбе". Их осудили в резолюциях различных партийных организаций, вплоть до парткома МГУ и XVII партийной конференции Московского университета, а некоторых вообще выжили из университета.

Лишь после того как XXII съезд КПСС, состоявшийся в 1961 г., вновь подверг Сталина резкой критике, партийному руководству МГУ пришлось отменить свои резолюции, по дискуссии о "средних слоях".

³⁸ См. "Дело" молодых историков, с. 113–116.

В 1961 г. Анатолий Васильевич получил звание доцента, а на следующий год уехал в длительную научную командировку во Францию.

Сейчас, когда поездки за границу стали обычными, трудно даже вспомнить, как они воспринимались в то время. После 1930 г. ни один советский историк не работал во французских архивах; публикации в иностранных изданиях прекратились; поездки за границу стали величайшей редкостью, а на побывавших там людей смотрели косо: над ними постоянно висело возможное обвинение в "связях с заграницей", равнозначное на языке того времени обвинению в шпионаже.

Лишь после ареста Берии и особенно после XX съезда КПСС обстановка начала меняться. Ведущие советские историки стали ездить на международные конференции и приглашать в Москву иностранных ученых. Впервые в истории СССР были разрешены туристические поездки за границу, правда, лишь "в организованном порядке", т.е. в составе группы под руководством "старосты", на основании "характеристики", которую подписывали руководители администрации, партийной и профсоюзной организаций того учреждения, где работал турист. Утверждал "характеристику" райком КПСС. Длительные научные командировки – а только они позволяют серьезно работать в зарубежных библиотеках и архивах – все еще были редким исключением.

Для работников кафедры новой и новейшей истории путь к ним проложил профессор Галкин. Он неутомимо доказывал во всех руководящих учреждениях, вплоть до ЦК КПСС, что историю зарубежных стран невозможно серьезно изучать без работы в иностранных архивах, использовал свои обширные связи и наконец добился того, что Анатолий Васильевич Адо и еще три молодых способных преподавателя – Игорь Петрович Дементьев, Евгений Федорович Язьков и Ирина Владимировна Григорьева – были включены в списки кандидатов для поездки в "свои" страны на целый учебный год. Это была неслыханная удача, и Анатолий Васильевич не раз повторял: "Мы выиграли 100 тысяч на трамвайный билет". Чтобы полностью оценить эту фразу, над иметь в виду, что 100 тыс. рублей стоили тогда много больше, чем сейчас 100 млн.

Все кандидаты проходили долгий и мучительный путь "согласования" и "оформления" поездки. Их запугивали опасностью провокаций со стороны иностранных разведок, внушали, что надо постоянно проявлять бдительность, переписываться с домашними только через посольство, поменьше общаться с иностранцами, не ходить в одиночку по улицам и т.д. Некоторые командированные, охваченные страхом, действительно следовали этим абсурдным инструкциям и ставили себя в крайне неловкое положение при встрече с зарубежными коллегами, но Анатолий Васильевич был человеком другого склада. Со свойственной ему основательностью он очень тщательно подготовился к поездке: заранее обдумал, в каких архивах и библиотеках будет работать, какие архивные фонды ему понадобятся, с какими историками нужно будет встретиться.

Когда в октябре 1962 г. Анатолий Васильевич в составе целой группы молодых советских ученых, официально числившихся "студентами", наконец прилетел в Париж, быстро обнаружилось, что он может "на равных" разговаривать с французскими историками. Год спустя, когда я, будучи преподавателем кафедры новой и новейшей истории истфака МГУ, тоже стажировался в Париже, работники французских учреждений, занимавшиеся приемом советских стажеров, говорили мне, что группа, где находился Анатолий Васильевич, была первой группой, члены которой вели себя как нормальные люди: охотно вступали в разговоры, шутили, смеялись, ходили в гости к французам и сами принимали гостей.

Всех советских стажеров поселили, как студентов, в Латинском квартале, в только что построенном общежитии для иностранцев – "центре Бюлье". Они жили в отдельных, небольших, но довольно комфортабельных комнатах, двери которых выходили в

общий коридор. Под окнами комнаты № 114, где обитал, как он с иронией отметил, "студент, а не доцент"³⁹ Адо, стоял памятник "князю Московскому" – наполеоновскому маршалу Нею и начинался широкий, красивый, зеленый бульвар, тянувшийся до Люксембургского сада.

Анатолий Васильевич немедленно записался в Национальную библиотеку и Национальный архив и просиживал там целые дни – от открытия до закрытия, разбирая, по его собственному выражению, "каракули XVIII века"⁴⁰. Вечерами и по воскресеньям он занимался французским языком, ходил по музеям, театрам, картинным галереям и просто гулял по Парижу. Он полюбил этот прекрасный город: мосты и набережные Сены, собор Нотр-Дам и церковь Сент-Шапель, украшенные изумительными витражами, величественные дворцы французских королей, изысканные французские парки с фонтанами, статуями, дорожками, посыпанными гравием, с цветущими почти весь год клумбами. "Город, конечно, очень хорош, – писал он домой, – и большие авеню, и бульвары, и узенькие, иногда очень старые, боковые улочки с живописными лавчонками"⁴¹. Анатолию Васильевичу нравился студенческий бульвар Сен-Мишель, который студенты называли просто Буль-Миш, и примыкавшие к нему маленькие кривые улочки: Сен-Северен, Ля Арп, Юшетт, Привас. Там вечерами бродили стайки молодежи, играла музыка, слышались песни и смех, светились вывески кино, кафе, закусовых, где хозяин прямо на глазах покупателей срезал острейшим ножом ломтики горячего, истекающего соком жареного мяса с медленной поворачивающейся на вертеле туши. По пути в Национальную библиотеку Анатолий Васильевич иногда заходил на Центральный рынок – многократно описанное в литературе знаменитое "чрево Парижа". Там, где сейчас находится торговый центр "Форум рынка", тогда стояли длинные кирпичные ангары – торговые ряды, на прилавках лежали горы самых разнообразных продуктов, мимо двигались толпы покупателей, слонялись оборванные "клошары" – нищие, надеявшиеся поживиться подпорченными овощами, а то и бутылкой дешевого вина. Рядом располагалось множество закусовых и ресторанов, и среди них неприметный с виду, но высоко ценимый знатоками рестораник "У свиного копыта", где всегда подавали самое свежее мясо – прямо с бойни.

Анатолий Васильевич изучил Париж не хуже, чем Москву, усвоил парижские манеры и даже интонации, охотно заходил в кафе, где можно было спокойно посидеть за чашкой кофе или рюмкой коньяка, научился разбираться в сырах, винах и непривычных для русского человека деликатесах вроде улиток или устриц.

Он приобрел много друзей и познакомился с французскими историками. Из всех его встреч с историками самой важной была встреча с виднейшим французским историком-марксистом Альбером Собулем. Анатолий Васильевич хорошо знал его труды и даже написал предисловие к переведенному в 1960 г. на русский язык сборнику статей Собуля, но лично они еще не были знакомы. Первая встреча прошла очень удачно. Собуль "встретил меня чрезвычайно сердечно, тут же пригласил на обед, просил бывать запросто, обещал всяческую помощь в библиотеке и архиве, очень одобрил мою тему, в общем отнесся не просто по-товарищески, а по-дружески"⁴², – сообщал Анатолий Васильевич жене.

Так началась их дружба, которая продолжалась вплоть до смерти Собуля в 1982 г. Ученик знаменитого Лефевра и сам крупный историк, участник движения Сопротивления, никогда не скрывавший своих коммунистических убеждений, Собуль в 1958 г., несмотря на противодействие правой профессуры, первым из историков-коммунистов защитил фундаментальную докторскую диссертацию о парижских санкюлотах и стал профессором – сначала в университете города Клермон-Ферран, а потом и в Сорбонне. Он был горячим, темпераментным, страстным – а иногда и пристрастным – человеком, смелым борцом за свои убеждения, верным другом, гостеприимным и хлебосольным

³⁹ Письмо А.В. Адо М.А. Лебедевой от 16 декабря 1962 г.

⁴⁰ Письмо А.В. Адо М.А. Лебедевой от 26 ноября 1962 г.

⁴¹ Письмо А.В. Адо М.А. Лебедевой от 31 октября 1962 г.

⁴² Письмо А.В. Адо М.А. Лебедевой от 25 октября 1962 г.

Вручение диплома почетного доктора МГУ А. Соболю. 1982 г.

хозяйном. В его квартире на улице Нотр Дам де Шан ("Богородицы в полях") часто собирались интересные люди, в том числе историки левого направления из разных стран: англичане Джордж Рюде и Ричард Кобб, итальянец Армандо Саятта, немец Вальтер Марков и, конечно, Анатолий Адо. Бывали там Б.Ф. Поршнев, А.З. Манфред и другие советские историки, а также французские историки-марксисты более молодого поколения: Мишель Вовель, Клод Мазорик, Ги Лемаршан.

Главной темой разговоров была наука, особенно история Великой французской революции, которой все они занимались. Соболю, как и другие французские историки-марксисты, вслед за Лефевром сначала считал, что крестьянское движение развивалось без органической связи с буржуазной революцией, а стремление крестьян к расширению мелкого крестьянского землепользования расценивал как исторически реакционное препятствие для развития капитализма. Адо полемизировал с такой точкой зрения еще во вступительной статье к русскому изданию сборника статей Соболя⁴³, но Соболю русского языка не знал, статью не читал, и поэтому возражения Анатолия Васильевича были для него неожиданными и очень интересными. Начавшаяся между ними дискуссия обогатила обоих участников.

Встречи у Соболя часто сопровождались застольем, а порой и обильными возлияниями. Однажды, как рассказывал Адо, не хватило даже богатых запасов из винного погреба Соболя, и хозяин, восклицая, что его дом отныне обесщещен, отправился за пополнением в магазин.

Дружба с Соболюм имела очень большое значение для Анатолия Васильевича. Благодаря Соболю он, еще молодой человек и молодой историк, оказавшийся в чужой стране, в незнакомом городе, быстро вошел в круг известных специалистов из разных стран и встретил дружескую поддержку. Вскоре он познакомился и с историками других направлений, которых в СССР именовали "буржуазными". Они оказались очень разными и порой совсем не буржуазными. В числе знакомых Анатолия Васильевича были и его ровесники, тогда еще молодые, а впоследствии прославившиеся

⁴³ Адо А.В. Вступительная статья. – В кн.: Соболю А. Из истории Великой буржуазной революции 1789–1794 годов и революции 1848 года во Франции. М., 1960, с. 15–21.

историки: Франсуа Фюре, Эмманюэль Ле Руа Лядюри, Жак Ле Гофф. Все они относились к Анатолию Васильевичу с большим уважением, и в дальнейшем одно лишь имя Адо открывало многие двери для приезжавших во Францию его коллег и учеников.

Помимо историков, у Анатолия Васильевича образовался и другой круг общения. Он познакомился с группой молодых активистов общества "Франция – СССР", которые приняли Адо и других советских стажеров в свою молодежную компанию: устраивали вылазки за город, пикники, прогулки; возили своих советских друзей по Франции, показывали ее достопримечательности. Именно эти веселые, симпатичные парни и девушки, по большей части из трудовых семей со скромным достатком, познакомили Анатолия Васильевича с повседневной жизнью французов, обычно неизвестной туристам. Некоторые из них стали близкими и верными друзьями Анатолия Васильевича до конца его дней.

Париж и Франция в целом оставили глубокий след в его жизни. "Эти месяцы обогатили меня необычайно, и это надолго останется в памяти"⁴⁴, – писал он жене. Позднее Анатолий Васильевич не раз вспоминал слова Хемингуэя: "Если тебе повезло, и ты в молодости жил в Париже, то, где бы ты ни жил потом, он до конца дней твоих останется с тобой, потому что Париж – это праздник, который всегда с тобой".

В следующий раз Анатолий Васильевич увидел Париж только через 12 лет.

* * *

Вернувшись в Москву после 10-месячной командировки, Анатолий Васильевич принял усиленно работать над докторской диссертацией. Заведующий кафедрой И.С. Галкин предоставил ему (как и другим молодым специалистам, вернувшимся из зарубежных командировок) возможность временно перейти на ставку научного сотрудника, чтобы в течение двух лет заниматься только наукой. Анатолий Васильевич работал с огромным напряжением сил и за три года – с 1965 по 1968 г. – опубликовал добрый десяток научных статей.

14 июня 1968 г. в переполненном актовом зале старого здания исторического факультета МГУ на улице Герцена, 5 Анатолий Васильевич, первым из молодых специалистов "галкинского призыва", блестяще защитил докторскую диссертацию "Крестьянское движение во Франции накануне и во время Великой французской буржуазной революции конца XVIII века"⁴⁵. В защите участвовало целое созвездие крупнейших франковедов: академик С.Д. Сказкин, профессора А.З. Манфред, В.М. Далин, Б.Ф. Поршнева и специалист по истории России профессор М.Т. Белявский. Это был действительно "праздник исторической науки", как назвал защиту Адо один из выступавших.

Такой работы еще не было ни в советской, ни во французской историографии. На основе огромного количества документов, почерпнутых во Французском национальном архиве и в 11 департаментских архивах, Анатолий Васильевич впервые выявил все зафиксированные в документах факты массового крестьянского движения в годы революции, составил их полный список, нанес на карту. Уже одна эта чрезвычайно кропотливая и многотрудная работа позволяла значительно более полно показать роль крестьян в революционном процессе. Продолжая исследование, начатые им в кандидатской диссертации, Анатолий Васильевич выяснил, что крестьянское движение развивалось по нескольким направлениям, не совпадавшим между собой, а иногда и противоречившим друг другу. Согласно его терминологии, крестьяне вели одновременно три войны: "войну против замков" (т.е. против сеньориального строя), "войну за землю" (за расширение крестьянского землевладения) и "войну за хлеб" – против

⁴⁴ Письмо А.В. Адо М.А. Лебедевой от 8 июня 1963 г.

⁴⁵ Краткий отчет о защите см. Новая и новейшая история, 1968, № 5, с. 188–189.

дороговизны, за регламентацию торговли и нормирование цен. Кроме того, сельские рабочие боролись со своими нанимателями за повышение заработной платы⁴⁶.

В "войне против замков" крестьянство выступало в качестве единого социального класса вместе со всем третьим сословием. Напротив, "война за хлеб" не была общекрестьянским движением. В ней участвовала лишь часть крестьянства, входившая в состав широкой и неоднородной массы сельского населения, покупавшего хлеб. "Война за землю" противопоставляла неимущее и малоимущее крестьянство, стремившееся к переделу земли, сельским богачам и вообще крупным землевладельцам. Эта часть крестьян стремилась к переустройству землевладения и особенно землепользования на уравнительных началах по трудовой норме. В конечном счете, писал Анатолий Васильевич, "развернувшееся в годы революции мощное крестьянское движение по своему содержанию было борьбой за повсеместное утверждение и укрепление свободного крестьянского хозяйства"⁴⁷. Борьба сельских рабочих – в той мере, в какой она успела выделиться из общего потока деревенских социальных движений, – была направлена против буржуазии.

Проанализировав влияние крестьянского движения на аграрное законодательство революции, Анатолий Васильевич показал, что лишь якобинцы сумели до конца пойти навстречу интересам различных слоев деревни, до ее собственнических верхов до бедноты. По его словам, при якобинцах "крестьянство добилось радикального разрушения всей феодальной структуры земельной собственности, полного уничтожения феодальных повинностей, сословной неравноправности, остатков внеэкономического принуждения. Это было одно из наиболее замечательных завоеваний не только французской, но и европейской революционной истории"⁴⁸. Вместе с тем Анатолий Васильевич показал – и это было новым словом в науке, – что даже при якобинцах, и тем более при термидорианцах, крестьяне не смогли полностью освободиться от груза повинностей, унаследованных от "старого порядка". Еще более существенным Адо считал тот факт, что крестьянам так и не удалось добиться радикального дробления крупного землевладения. Подводя итоги исследования, Анатолий Васильевич дал свой ответ на два главных вопроса, занимавших французских ученых. Отвечая Лефевру и его последователям, он доказывал, что, хотя Великая французская революция являлась буржуазной по своему социально-экономическому содержанию, она в то же время была глубоко народной по движущим силам, одной из которых было крестьянство. Несмотря на всю противоречивость требований крестьян и "антикапиталистические тенденции" части из них, "крестьянская революция", по мнению Анатолия Васильевича, сыграла роль "важнейшего органического элемента великого социального и политического переворота во Франции конца XVIII века"⁴⁹, стала неотъемлемой составной частью буржуазной революции.

Подвергнув критике другой тезис Лефевра – тезис об экономически консервативном характере крестьянских требований, – Анатолий Васильевич, вслед за В.И. Лениным, высказал мнение, что, если бы крестьянам удалось полностью ликвидировать все повинности, унаследованные от "старого порядка", пойти по американскому, а не по прусскому пути аграрного развития, добиться радикального дробления крупного землевладения, это создало бы гораздо более благоприятные условия для развития капитализма. Следовательно, замедленные темпы аграрного развития Франции надо связывать "не с тем, что мелкие и мельчайшие крестьяне сумели навязать буржуазной революции, а с тем, чего они не смогли добиться, борясь за расширение и укрепление своего хозяйства"⁵⁰.

Вскоре после защиты исторический факультет МГУ представил А.В. Адо к званию

---

⁴⁶ См. Адо А.В. Крестьянское движение во Франции накануне и во время Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. М., 1968, с. 12–13 (Автореферат докт. дисс.)

⁴⁷ Там же, с. 30.

⁴⁸ Там же, с. 31.

⁴⁹ Там же, с. 11.

⁵⁰ Там же, с. 32–33.

профессора, и в 1971 г. он был утвержден в этом звании. Одновременно решили опубликовать его диссертацию в виде книги. Тогда это был очень длительный процесс: в среднем от сдачи рукописи в издательство до выхода книги проходило два года. Монография Адо⁵¹ вышла в свет в издательстве МГУ только в 1971 г., через три года после защиты. Издательство сделало все, что было в его силах: вопреки настойчивым требованиям "экономить бумагу" и ограничивать объем любой книги 20 печатными листами (требование, которое вскоре стало обязательным), монография Адо была опубликована в полном объеме – 33 п.л., с приложениями, в которых были сведены в одну таблицу все крестьянские выступления против сеньориального строя. Но тираж книги составлял всего 900 экземпляров, она была напечатана на плохой желтой бумаге, в скучной, блеклой обложке.

Анатолий Васильевич, конечно, радовался выходу в свет своей первой книги, но ее убогое оформление вызывало у него досаду. Даря мне эту монографию, он сказал: "Я понял, что другой такой книги мне не написать". Я стал говорить, что ему всего лишь 43 года и значительная часть жизни еще впереди, но он ответил: "У меня просто не хватит сил для того, чтобы снова столько же работать в архивах". К сожалению, его предчувствие оправдалось. В дальнейшем Анатолий Васильевич опубликовал много работ – их общий список превышает 130 названий, – но другой монографии он не написал⁵².

Выход в свет книги Анатолия Васильевича привлек внимание историков в Советском Союзе и за его пределами. На его монографию откликнулись оба ведущих советских исторических журнала – "Вопросы истории" и "Новая и новейшая история". Выдающийся знаток истории Франции профессор В.М. Далин в рецензии, опубликованной в "Новой и новейшей истории", расценил книгу Адо как "капитальный труд"⁵³. Рецензент "Вопросов истории" – специалист по истории Французской революции В.А. Гавриличев – также отметил "большую научную ценность", высокий уровень и новизну монографии, выразив уверенность в том, что "результаты серьезного труда А.В. Адо будут широко учитываться исследователями"⁵⁴.

Рецензент главного американского исторического журнала "Американское историческое обозрение" подчеркнул, что книга Адо основана на серьезном изучении французских архивов и "намного менее догматична, чем большинство трудов советских ученых"⁵⁵. Ведущий французский журнал по истории революции – "Исторические анналы Французской революции" – поместил даже не рецензию, а большую статью Собуля, излагавшую основное содержание книги Адо⁵⁶. Отметив "широту взглядов" Адо и "основательность его документальных исследований", Собуль заявил: "Этой работой А. Адо, профессор Московского университета, утвердил себя как один из лучших знатоков аграрной истории революции"⁵⁷.

Собуль предложил перевести книгу Адо на французский язык⁵⁸, однако попытки выпустить ее за границей долго не давали результатов. Анатолий Васильевич не был "предприимчивым" и "деловым" человеком в современном смысле слова. Он не умел добывать деньги и ходить по издательствам, к тому же ему просто не везло. Два французских издательства, взявшихся выпустить его книгу, обанкротились одно за другим. Окончилась неудачей и попытка издать французский перевод книги в Москве,

---

⁵¹ Адо А.В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII в. М., 1971.

⁵² Список печатных трудов А.В. Адо см. Вестник Московского университета. Серия 8. История, 1996, № 5.

⁵³ Новая и новейшая история, 1972, № 3, с. 182–184.

⁵⁴ Вопросы истории, 1972, № 5, с. 178.

⁵⁵ The American Historical Review, v. 80, № 1, February 1975, p. 124.

⁵⁶ Soboul A. Sur le mouvement paysan dans la révolution française. A propos d'une thèse récente. – Annales historiques de la Révolution française, № 211, janvier-mars 1973, p. 85–101.

⁵⁷ Ibid., p. 87.

⁵⁸ Ibid., p. 97.

в издательстве "Прогресс", которое тоже разорилось. Лишь в последние годы жизни Анатолия Васильевича за перевод его книги вновь взялись два издательства: одно – во Франции, другое – в Германии. Анатолий Васильевич уделял этому большое внимание, проверял и дорабатывал французский перевод, читал корректуру. В основном он завершил эту работу, но появления книги так и не дождался. Она вышла в свет только после его смерти – в январе 1996 г.⁵⁹

* * *

Защита докторской диссертации, звание профессора Московского университета и особенно выход в свет монографии Адо создали ему имя в исторической науке. Он окончательно вошел в состав той очень небольшой группы ученых, труды которых определяют уровень соответствующей отрасли знаний, стал получать многочисленные приглашения на международные встречи историков.

В 60-е и 70-е годы эти встречи стали уже довольно обычными, но выезд за границу по-прежнему был возможен лишь с особого разрешения властей, которые давали его очень неохотно и нередко не считались с приглашениями. Бывало, что организаторы международной конференции приглашали одного советского ученого, а вместо него приезжал другой, иногда и вовсе не ученый.

Анатолий Васильевич охотно принимал приглашения на международные встречи историков, так как понимал, что такие встречи становятся не менее, а может быть, и более важным средством информации научного сообщества, чем традиционная научная статья. В 1965 г. он впервые принял участие в XII Международном конгрессе историков в Вене, а в 1970 г. – в XIII Международном конгрессе в Москве. Позднее, когда ограничения на выезд за границу стали уменьшаться и наконец в годы "перестройки" были полностью отменены, Анатолий Васильевич побывал на многих международных встречах историков – в Париже, Берлине, Лейпциге и других городах. Он с успехом читал лекции в Сорбонне, в университетах Будапешта, Сегеда, Лейпцига и Руана. Его работы публиковались во Франции, Германии, Италии, Португалии, США. Адо вошел в состав редколлегии советского исторического журнала "Новая и новейшая история", французского журнала "Исторические анналы Французской революции" и немецкого журнала "Компаратив".

На кафедре новой и новейшей истории Анатолий Васильевич стал одним из ведущих сотрудников, определявших общее направление научных исследований. Вместе с другими специалистами "галкинского призыва", составившими ядро кафедры, он обновил ее работу и поднял ее научную репутацию. Возглавляя "французскую группу" кафедры, т.е. работавших там франковедов, Адо сумел создать обстановку научной требовательности и в то же время товарищеских отношений преподавателей разных поколений.

С конца 60-х годов Адо много работал в области историографии. Он написал несколько глав в задуманном И.С. Галкиным уникальном издании – учебном пособии по историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки⁶⁰. Созданная большим коллективом историков под общим руководством Галкина, эта работа вышла далеко за рамки учебного пособия, фактически став первым, во многом оригинальным советским исследованием по истории мировой исторической науки. В дальнейшем Анатолий Васильевич участвовал в подготовке всех вариантов этого труда⁶¹, а кроме того, опубликовал ряд специальных работ по историографии. Одним из первых он

⁵⁹ *Ado A. Paysans en révolution. Terre, pouvoir et jacquerie. 1789–1794. Paris. 1996.*

⁶⁰ *Историография нового времени стран Европы и Америки. Учебное пособие для университетов и пединститутов. М., 1967.*

⁶¹ *Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Учебник для студентов исторических факультетов университетов. М., 1977; Историография истории нового времени стран Европы и Америки. Под редакцией профессора И.П. Дементьева. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений по специальности "история". М., 1990.*

обратил внимание на очень серьезные перемены, происходившие во французской и мировой историографии в 70–80-е годы. В это время резко упал интерес к социально-экономической проблематике, которая в начале 60-х годов занимала центральное место в исследованиях французских ученых. Внимание историков переместилось в область изучения менталитета, идеологии, коллективной психологии, исторической антропологии. По словам известного французского историка, профессора Ж. Бувье, социально-экономические исследования оказались среди "забытых тем"⁶². Перемены такого рода время от времени происходят в историографии любой страны, да и во всей мировой историографии. Отражая движение мысли и новые запросы общества, они обогащают науку исследованием новых проблем и новыми методологическими подходами, но, к сожалению, нередко сопровождаются огульным отрицанием прежних работ.

Новые тенденции в науке совпали с глубокими идейно-политическими сдвигами в европейском и американском обществе. Революционные, социалистические и коммунистические идеалы, распространенные в послевоенное время в сознании значительной части французской интеллигенции и всего французского общества, в 70-е и 80-е годы вытеснились либеральными и консервативными ценностями, критикой социализма и революций. На смену характерному для большинства французских историков преклонению перед Великой французской революцией и вообще перед революциями пришло их осуждение. Некоторые историки начали выступать против традиционного подхода к изучению Великой французской революции как социальной революции, которая привела к разрыву с феодализмом и переходу к капитализму.

Ведущую роль среди сторонников этой так называемой "ревизионистской" интерпретации истории революции играл хорошо известный Анатолию Васильевичу профессор Фюре. Он утверждал, что Французская революция конца XVIII в. не была ни буржуазной, ни антифеодальной и не означала "разрыва" с феодализмом, потому что к началу революции феодализма во Франции уже не было. По его мнению, в конце XVIII в. во Франции произошла не социальная, а "идеологическая и политическая" революция Просвещения", которая не может анализироваться в рамках экономических и социальных противоречий"⁶³. Ее главным достижением Фюре считал "рождение феномена демократии", установление политической свободы, создание новой политической культуры. Руководящей силой революции, с его точки зрения, была не буржуазия как социальный класс, а образованная и воспитанная в духе Просвещения дворянско-буржуазная элита. Народные, в частности крестьянские, массы, проникнутые уравнительными настроениями, выдвигали, по мнению Фюре, архаичные и реакционные требования равенства, мешая тем самым развитию Франции по пути капитализма. Особенно резко Фюре критиковал якобинскую диктатуру, когда революцию, по его выражению, "занесло" в сторону от пути, намеченного либеральной элитой.

Внимательно следя за дискуссиями во французской и мировой историографии, Анатолий Васильевич пришел к выводу, что некоторые прежние представления и оценки историков-марксистов оказались неверными, недостаточными или неточными. Так, например, "большим, чем представлялось, оказывается в XVIII в. проникновение капиталистических форм в аграрную сферу", более тесной является связь либерального дворянства с буржуазией и более значительной – его революционная роль⁶⁴. Однако, по мнению Анатолия Васильевича, "несмотря на далеко зашедший процесс разложения феодализма и заметно ускорившееся в XVIII в. становление капиталистических отношений, нет оснований говорить о "дефеодализации" Франции, свершившейся до революции и помимо нее"⁶⁵.

⁶² L'Histoire en France. Ouvrage collectif. Paris, 1990, p. 62–63.

⁶³ Furet F. Penser la Révolution française. Paris, 1978, p. 40.

⁶⁴ Адо А.В. Великая французская революция и ее современные критики. – В кн.: Буржуазные революции XVII–XIX вв. в современной зарубежной историографии. М., 1986, с. 109.

⁶⁵ Там же, с. 112.

Неубедительными, с его точки зрения, оставались и утверждения о том, что сохранение и расширение мелкого крестьянского землепользования явились главной причиной замедленного экономического развития Франции в начале XIX в. Напротив, основным тормозом экономического развития, по его мнению, следует считать недостаточную "чистку" земельной собственности от всех остатков сеньориального строя, к которой стремились крестьяне⁶⁶.

Точка зрения Адо нашла поддержку у ряда французских историков, в том числе у Соболя, который в 1976 г. пришел к выводу, что "крестьянская революция являлась лишь выражением одного из возможных вариантов буржуазной революции"⁶⁷. В своей последней работе – монументальном издании "Цивилизация и Французская революция" (1982 г.) – Соболю повторил основное содержание своей рецензии на книгу Адо, особо отметив, что, "несмотря на антикапиталистические тенденции, программа мелкого крестьянства объективно не вступала в противоречие с капиталистическим развитием страны"⁶⁸.

Свидетельством международного признания научных заслуг Анатолия Васильевича стал "круглый стол" под названием "О работах Анатолия Адо по истории крестьянских восстаний во время Французской революции", проведенный в рамках международного colloquium в Париже в 1987 г. К сожалению, Анатолий Васильевич тогда тяжело болел и не смог приехать на colloquium, хотя очень этого хотел.

* * *

Сильное воздействие на политические и научные взгляды Адо оказали глубочайшие перемены, которые произошли в СССР и России в 80-е и 90-е годы. Политика "перестройки" социализма, начатая генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым, демократизация советского политического режима, а затем падение советской власти, распад СССР, категорическое осуждение коммунизма новым правительством России во главе с Б.Н. Ельциным очень волновали Адо.

Анатолий Васильевич приветствовал "перестройку", установление политических свобод, ликвидацию тоталитарного режима. "Какой же чудовищный античеловеческий режим породила советская действительность после 1917 года"⁶⁹, – написал он в своей рабочей тетради.

Но радуясь успехам демократии, Анатолий Васильевич трезво оценивал обстановку, сложившуюся в России после распада СССР. Он отчетливо видел парадоксальность ситуации: с одной стороны, воцарилась долгожданная политическая и интеллектуальная свобода, с другой стороны, головокружительный рост цен привел к быстрому падению жизненного уровня значительной части населения, причем ученые и преподаватели попали в число низкооплачиваемых профессий. Если раньше профессорская зарплата обеспечивала скромный, но все же достойный уровень жизни, то теперь профессору стало не по карману взять такси, пригласить коллегу в ресторан, подлечиться и отдохнуть в санатории.

Историческая наука в СССР оказалась не только в экономическом, но и в идейном кризисе. Уничтожающей критике со стороны средств массовой информации, власти и общества подверглись ее прежние – марксистско-ленинские – методологические принципы, многие ошибочные или прямо фальсифицированные оценки исторических событий и деятелей, замалчивание или извращение трагических страниц истории СССР и России.

Анатолий Васильевич принимал активное участие в очищении исторической науки от догматизма, вульгаризации, подчинения политике. Он был уверен, что "назрела по-

⁶⁶ Там же, с. 117–118.

⁶⁷ Soboul A. Problèmes paysans de la révolution. (1789–1848). Paris, 1976, p. 440, 134.

⁶⁸ Soboul A. La civilisation et la révolution française, v. II. Paris, 1982, p. 301.

⁶⁹ Запись в рабочей тетради А.В. Адо от 6 ноября 1988 г.

требность в новом осмыслении целого ряда проблем истории Французской революции, в поисках новых подходов, обновлении проблематики, пересмотре некоторых схем"⁷⁰. Вместе с другими историками он критиковал "упрощенное, прямолинейное применение классового подхода к изучению и осмыслению Французской революции"; "односторонность научной ориентации" на изучение главным образом левых группировок и деятельности "низов"; предлагал пересмотреть прежние идеализированные представления о якобинской диктатуре. Вместе с тем Анатолий Васильевич предостерегал историков от стремления "совершить поворот на 180 градусов", не проводя никаких новых исследований. По его словам, это было бы "повторением не лучших наших традиций – на смену одним мифам создавать другие, следуя меняющейся политической конъюнктуре"⁷¹.

Главной задачей историков в новых условиях Анатолий Васильевич считал продолжение научных исследований, накопление новых фактов, а также обновление понятийного аппарата и разработку новых исторических концепций. К возникшим перед учеными и преподавателями материальным трудностям Анатолий Васильевич, никогда не имевший ни автомобиля, ни дачи, ни сколько-нибудь значительных сбережений, относился философски, стараясь не отвлекаться от преподавательской и научной работы. Несмотря на свои болезни и тяжелую болезнь жены, он продолжал регулярно работать, уверяя, что занятия в библиотеке для него не работа, а отдых.

Очень большое внимание Адо уделял подготовке к 200-летию Французской революции. Только в 1988–1989 гг. он 13 раз выступал в университетах, научных и педагогических институтах Москвы, Казани, Саратова, Владимира, на международных конференциях в Берлине, Пизе, Лейпциге, Москве. Летом 1989 г. на Всемирном конгрессе историков в Париже, посвященном 200-летию Французской революции, Анатолий Васильевич сделал доклад "Французская революция в современной советской историографии"⁷².

В связи с юбилеем он задумал и осуществил не имеющую себе равных в СССР серию публикаций "Великая французская революция. Документы и исследования". В 1985–1992 гг. под его общей редакцией были опубликованы пять монографий, в которых в свете последних достижений науки рассматривались положение и поведение основных классов французского общества накануне и во время революции⁷³, а также роль революционных традиций⁷⁴. Кроме того, под редакцией Адо вышли два тома документов Французской революции⁷⁵. Предназначенные в первую очередь для работы со студентами, они имели и самостоятельное научное значение. Большинство документов впервые публиковалось на русском языке; часть из них вообще ранее не публиковалась.

Для этой же серии Анатолий Васильевич подготовил второе, значительно переработанное и расширенное издание своей книги. Она вышла в 1987 г. под заглавием "Крестьяне и Великая французская революция"⁷⁶. Во втором издании Анатолий Васильевич учел последние результаты научных исследований, уточнил формулировки,

---

⁷⁰ Адо А.В. Место Французской революции в процессе перехода страны от феодализма к капитализму. – Новая и новейшая история, 1989, № 3, с. 17.

⁷¹ Адо А.В. Выступление на международной научной конференции в Москве. – В кн.: Великая французская революция и современность. Материалы международной научной конференции 23–24 ноября 1989. М., 1990, с. 139, 140–142, 149.

⁷² Адо А. La révolution française dans l'historiographie soviétique actuelle. – In: L'image de la révolution française, v. II. Paris, 1989, p. 1197–1202.

⁷³ Кожокин Е.М. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года. М., 1985; Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986; Буржуазия и Великая французская революция. М., 1989.

⁷⁴ Смирнов В.П., Посконин В.С. Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. 1789–1989. М., 1991.

⁷⁵ Документы истории Великой французской революции, т. 1–2. М., 1990–1992.

⁷⁶ Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789–1794 гг., 2-е изд., дополненное и переработанное. М., 1987.

расширил фактический материал, переработал введение и заключение. Продолжая считать крестьянское движение частью буржуазной революции, он пришел к мысли о том, что можно говорить и о некоторой автономии крестьянского движения от буржуазии. Основная концепция книги не изменилась. В бумагах Адо сохранился отрывок, где он сам изложил эту концепцию в следующих словах: "Автор поддерживает идею об относительной автономии крестьянского революционного потока относительно буржуазного политического руководства революции. Но он полемизирует с трактовкой "крестьянской революции" 1789–1794 гг. как явления консервативного, архаического по форме и содержанию. В книге Адо обосновывается мысль, что выдвинутая этой революцией своеобразная аграрная программа заключала в себе крестьянскую альтернативу политике умеренной буржуазии, имевшую в исторических условиях эпохи реальный и отнюдь не ретроградный потенциал".

Не прерывая научной работы, Анатолий Васильевич готовил новые учебники и научные пособия. В 1986 г. под его редакцией вышел учебник по новой истории стран Европы и Америки для студентов высших учебных заведений⁷⁷, в котором Анатолию Васильевичу принадлежат многие ключевые разделы. В связи с открытием специализации по политологии на кафедре новой и новейшей истории Анатолий Васильевич взял на себя чтение курса по истории политических учений и с увлечением работал над этой новой для него темой.

Большую радость доставляли ему успехи его учеников – некоторые из них уже стали самостоятельными учеными. Его первая аспирантка, Т.С. Кондратьева, ныне доктор исторических наук, преподает в Парижском университете, доктор исторических наук С.Ф. Блуменау руководит кафедрой в Брянском государственном педагогическом университете, профессор З.А. Чеканцева возглавляет кафедру в Новосибирском педагогическом университете. Многие ученики Анатолия Васильевича стали сотрудниками Института всеобщей истории Российской академии наук и кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ.

Своим учителем Анатолия Васильевича считали и многие историки, никогда не посещавшие его лекций и семинаров, но знакомые с его работами или состоявшие с ним в переписке.

В последние годы жизни Анатолий Васильевич собирался расширить тематику своих исследований и написать работу о контрреволюционных крестьянских движениях во Франции, но не успел этого сделать. Его здоровье постепенно ухудшалось. После инфаркта в 1979 г. он перенес еще два инфаркта, правда, не таких тяжелых; постоянно носил с собой лекарства, часто недомогал, но сохранял бодрость и не любил говорить о своих болезнях. Обычно часть летнего отпуска Анатолий Васильевич вместе с женой проводил в санатории, но в 1995 г. сделать этого им не удалось: путевки стали слишком дорогими для профессора и его семьи. Анатолий Васильевич съездил в Казань, побывал там на могиле матери и отпраздновал 90-летие отца, но чувствовал себя очень уставшим.

1 июля 1995 г. он вместе с женой был в гостях у старого друга, который отмечал свое 70-летие. Юбилей прошел очень весело, Анатолий Васильевич шутил и смеялся. К вечеру гости стали расходиться. Часть из них стояла у подъезда, на улице, ожидая остальных. Анатолий Васильевич вышел последним, улыбаясь подошел к ожидавшим его друзьям и вдруг внезапно упал на спину, как сраженный пулей. Друзья бросились к нему, но он был уже мертв. Тромб закупорил аорту и вызвал мгновенную смерть.

Через несколько дней мы хоронили Анатолия Васильевича. Проститься с ним пришли сотни людей. Соболезнования посольства Франции в России выразила супруга французского посла госпожа О. Морель. Многие крупные французские историки, в том числе председатель международной комиссии истории революции профессор М. Вовель, директор Института истории французской революции профессор К. Дюп-

---

⁷⁷ Новая история стран Европы и Америки. Первый период. Под редакцией профессора А.В. Адо. Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "история". М., 1986.

ра, сопредседатель Общества робеспьеристских исследований профессор Ж.-П. Берто, администратор Дома наук о человеке профессор М. Эмар, профессор Руанского университета К. Мазорик прислали письма и телеграммы соболезнования семье и коллегам Адо. Все они отмечали большие научные заслуги Анатолия Васильевича как "крупнейшего историка Французской революции"⁷⁸, высоко оценивали его труд, "ставший фундаментальным для осмысления революционных процессов XVIII в."⁷⁹, подчеркивали, что "не смогут забыть всего того, чем они обязаны трудам профессора Адо по истории крестьянского движения"⁸⁰. Пожалуй, наиболее емко оценил роль Анатолия Васильевича Адо его давний знакомый и постоянный оппонент профессор Фюре. "Профессор Адо был одним из блестящих специалистов по истории Французской революции, и он останется в памяти французских историков как один из наиболее выдающихся представителей русской историографической школы"⁸¹, – говорилось в его послании.

Жизненный путь Анатолия Васильевича оборвался. Остались лишь память о нем, его труды и его ученики.

---

⁷⁸ Телеграмма профессора М. Вовеля от 3 июля 1995 г.

⁷⁹ Телеграмма профессора К. Дюпра от 3 июля 1995 г.

⁸⁰ Телеграмма профессора Ж.-П. Берто от 3 июля 1995 г.

⁸¹ Телеграмма профессора Ф. Фюре от 5 июля 1995 г.

В ЖАНРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СТРАНОВЕДЕНИЯ

Наука, говорил Лев Толстой, должна идти радиусами во всех направлениях. Он скептически отзывался о П.А. Кропоткине и "подобных ученых", которые "тянут одну линию (радиус), пренебрегая другими"¹. Заложенный в этом высказывании великого писателя релятивистский подход, представление о неокончателности тех или иных результатов наших изысканий, в особенности в гуманитарных областях знания, мог бы послужить путеводной нитью для отечественной американистики, переживающей сложный период поиска и обновления. Не нуждается и в специальных пояснениях тезис о том, что этот важный раздел нашего обществоведения с учетом всех достижений, которые было бы нелепо отрицать, развивался преимущественно в одномерном, безальтернативном варианте и, стало быть, с изначально предсказуемым результатом. Никакой интриги в поисках ответов на сложные, противоречивые, нестандартные вопросы, поставленные историческим развитием американской нации, включая, разумеется, все его компоненты, не предполагалось..

Неизбежным отголоском этого в исторических "дайджестах" – книгах для чтения для обучающихся, учебниках и учебных пособиях – являлось весьма схематическое изображение полифонически пестрой, самобытной и по многим параметрам и в самом деле исключительной хроники американской жизни, начиная с ее первой, эмбриональной стадии. Изгонялась сама мысль, что душа американского народа тоже может быть "загадочной", имеющей и внешнюю оболочку, и внутреннее содержание, постижение которого требует неординарных и разнонаправленных усилий. Историки-американисты, в особенности те из них, кто брался за написание обобщающих трудов по истории США, долгое время принуждены были вращаться в кругу привычных представлений, стереотипов и навязчивых исторических аналогий. Опасным побочным результатом такой унификации, упрощения исторических процессов и канонизации типического в ущерб особенному становилось заметное распространение равнодушия в обществе к трудам историков, создающих полотна национальных историй, которые и в самом деле были (не боюсь показаться слишком придирчивым) "все на одно лицо".

Раскрепощение общественного сознания, вызванное перестройкой, создало новую ситуацию. Осознанная острая потребность увидеть "в подлиннике" собственную историческую родословную пробудила интерес и к "аутентичной" истории других народов, к "их" истории, к которой еще вчера многие приучали себя относиться "свысока", как к проявлению нисходящей линии цивилизации, отмирающим участкам ее ткани. Достоверно установленный факт – у нас долго, слишком долго почитали необходимым культивирование отграничения нашего национального исторического сознания от исторического опыта тех стран, которые в совокупности принято было называть "капиталистическим окружением". Два мира – две системы, каждый со своей судьбой, не пересекающиеся социумы, идеологически несовместимые. Один неуклонно развивающийся по восходящей линии, другой – скользящий по наклонной вниз, в пропасть.

---

¹ У Толстого, 1904–1910. Яснополянские записки Д.П. Маковецкого, кн. 3. М., 1979, с. 91.

Не потому ли такими непопулярными и невостребованными оставались сравнительно-исторические исследования, способные не только дать научно обоснованную целостную картину историко-культурной эпохи, но и помочь глубже, обстоятельнее раскрыть и объяснить общие или схожие черты в развитии национальных исторических традиций, специфичность народной жизни в каждой отдельной стране и полиморфизм целостного взаимозависимого мира. Но коль скоро лед тронулся, а перемены в духовной жизни последних лет отняли у концепции разведенных, непесекающихся цивилизационных потоков рациональное истолкование, мы остро почувствовали, чего нам не достает. Жажда узнать соседей, географически более близких и более удаленных, непредвзято, в максимально полном объеме оценить накопленный ими положительный и отрицательный опыт, проявившаяся в наши дни, есть прямой результат снятия разного рода запретов, восстановления в обществе чувства самокритики и преодоления культурной замкнутости. Увы, порой в этом деле не обходится и без крайностей вплоть до унижительных для национального достоинства эскапад и перегибов.

Этот поворот общественного интереса к "чужой истории", и в особенности к тем ее страницам и главам, которые еще вчера казались нам бесполезными, архаичными, имеющими чисто локальное значение, внутренне обусловлен еще и практической целесообразностью. Как ни грустно, но оказалось, что о "догнать и перегнать" пока говорить трудно. Хватило бы сил сначала перестроиться и восстановить кое-что важное, что в невежественном снобизме отброшено прочь и утрачено. Но так или иначе, нам кажется, что именно осознание того, что пионерами в реализации метода ускоренной модернизации экономических и политических структур с целью углубления демократических процессов и преодоления кризисных ситуаций общенационального и глобального характера были во многих случаях американцы (сегодня имена А. Гамильтона, А. Линкольна, В. Вильсона, Ф. Рузвельта, Дж. Кеннеди у всех на устах), и привело к повышенному спросу на обобщающие в подлинном смысле этого слова страноведческие труды по истории США. Отчасти этим объясняется, почему в ряду учебных изданий бесспорно заметным явлением стал выход в свет книги профессора Б.Д. Козенко и академика Г.Н. Севостьянова "История США"².

Труд этот – всеохватывающая во времени панорама американской жизни, рассмотренной в обоих ее главнейших измерениях – внутреннем и внешнем. Читатель, образно говоря, вместе с первыми европейскими колонистами-викингами высаживается в 1000 г. н.э. на территории Северной Америки и проделывает затем совсем не сентиментальное путешествие по историческому пути американской нации, которое заканчивается в Америке 90-х годов нашего столетия, накануне вступления в технотронный век. Авторы выдвигают свою версию (в широком понимании этого слова) всей истории США, которую отнюдь не считают канонической. Более того, в ряде случаев они, я бы сказал, умышленно придерживаются традиционных подходов. Это их право. Но историческая реконструкция такого масштаба в форме краткого очерка само по себе явление новаторское, она требует концентрации неординарных усилий, огромного опыта, творческой смелости и высокого профессионализма. Сплав, рождающий достойный результат.

Существует мнение, что США прошли слишком короткий путь – всего 200 с небольшим лет, чтобы претендовать на самобытность. Для многих серьезных исследователей культура страны "плавильного котла" являет собой некий экстракт из множества национальных культур заморского происхождения, что-то вроде здания на холме, построенного путем заимствования чужих инженерных решений, чужой архитектуры, чужой идейной закваски. Но вчитываясь в яркие, полные подлинного драматизма, порой даже трагического звучания страницы истории американского народа в книге Б.Д. Козенко и Г.Н. Севостьянова и приходишь к иному выводу. Нет, речь идет не об исключительности и не о "великом предназначении" – мотивах,

² Козенко Б.Д., Севостьянов Г.Н. История США. Учебное пособие. Самара, 1994, 479 с.

хорошо знакомых по давно отвергнутым многими американскими историками концепциям апологетической школы. Подлинный выбор Америки – это признание обдуманного риска, непрерывная экономическая и социально-политическая модернизация. Однако тут же добавим – модернизация на почве рационального мышления, строго в рамках уважения к историческим завоеваниям страны, ее традициям и обычаям, устойчивого гражданского правового общества, умело использующего благоприятные условия внутренней и внешней среды.

Шаг за шагом, не делая уступок тенденции идеализации всего, возникшего на американской почве, подогретой нашей доморощенной публицистикой, авторы книги отмеряют веки этого впечатляющего исторического эксперимента, если здесь употребимо это понятие. Он не устранил деление общества на бедных и богатых, но выковал национальный характер, предприимчивый, не пасующий перед трудностями и безжалостно требовательный к самому себе, более всего дорожащий возможностью самореализации. И мы убеждаемся, что ни одно прожитое десятилетие от Войны за независимость до современной нам эпохи не было отмечено гармонией, отсутствием стрессовых ситуаций, социальной, классовой и расовой напряженности. Скорее наоборот. Америку не обошли ни невзгоды, ни поражения на крутых поворотах истории, ни чередование подъемов и спадов, о которых многие проницательные наблюдатели и вовсе не только ради красного словца говорили как о закате капитализма в его цитадели. Но чувство признания вызывает способность нации "держать удар", искать и находить смелые решения, оставаясь самой собой, сохраняя уважение к своим истокам, заботясь о преемственности в развитии государственных и гражданских институтов, не страшиться вызова времени.

Тем не менее давно сложилось представление о США как о консервативной стране. Нет, это не было данью обвинительному уклону, который господствовал в советской американистике долгое время. Эта мифологема давно укоренилась в сознании многих исследователей самой разной национальной принадлежности, от француза А. Токвиля до американца Р. Хофстедтера. Но (и в этом заключается сквозная и ведущая тема книги Б.Д. Козенко и Г.Н. Севостьянова) следует помнить, что американская нация родилась благодаря революции и что крупнейшие реформационные, инновационные процессы в рамках буржуазного правопорядка зарождались именно на американской почве: "джексоновская демократия", реформы "прогрессивной эры", "новый курс" Ф. Рузвельта и "новые рубежи" Дж. Кеннеди. Можно спорить по поводу того, была ли гражданская война 1861–1865 гг. второй американской революцией, но нельзя не признать, что победа Севера означала бесповоротную победу фермерского ("американского") пути в сельском хозяйстве. Америка вела самую долгую и кровавую колониальную войну второй половины XX в. (Вьетнам), но она же дала пример общенационального протеста против этой войны, который призван был стать катализатором переосмысления (совсем, впрочем, незавершенного) поведенческих стереотипов великой державы в условиях повышенного риска вхождения в конфликт с мировым общественным мнением. Как жаль, что этот урок своевременно не стал достоянием и нашей страны, чья роль в деле налаживания равноправных партнерских отношений могла бы стать определяющей уже в 70-х годах. Возможно, если бы это было сделано тогда, путь к снижению военного противостояния оказался бы короче: мы бы не имели Афганистана.

Повторю еще раз, читателя, который позволил приучить себя думать, что история американской нации была историей бесконфликтного, спокойно-размеренного развития, ждет разочарование. Создание новой государственности, территориальная экспансия, социально-классовые и расовые конфликты, выработка механизма регулируемой рыночной экономики – все это годы и годы непрерывных общественных конфликтов, жесточайшей политической борьбы, ломки старого, отжившего и трудного, порой мучительно трудного, появления и закрепления нового. Еще не все осмыслено и далеко не все сказано о том, чем были для Америки и не только для нее "Великая депрессия" 30-х годов и "критические 60-е годы" XX в., вызвавшие потря-

сения во внутренней и внешней политике США, в духовном укладе американцев, в их образе жизни. Но благодаря прежде всего хорошо структурированному гражданскому обществу, высокой политической культуре и интеллектуальной зрелости правящей элиты им удалось в ходе реструктуризации исторически обусловленной кризисами экономики (промышленная революция, 30-е годы XX в., послевоенная реконверсия и т.д.) общественно-политической системы (гражданская война, "вторая негритянская революция", Уотергейт и др.) избежать невосполнимых потерь и сохранить темп и ритм поступательного движения.

XX столетие в книге представлено шире и обстоятельнее, нежели предшествующий период, и это вполне объяснимо. На рубеже XIX и XX вв. США превращаются в великую державу, их роль и значение в мировых делах, в мировой экономике и духовной культуре возрастают существенно и многократно. Это и делает неизбежным расширение соответствующих разделов учебного пособия. Пожалуй, этот период, особенно его вторая половина, предъявляет исследователям и самое трудное требование – ответить на вопросы, находящиеся в центре современной общественной полемики и к тому же не поддающиеся простым решениям. Именно о таких сохраняющих свою политическую злободневность сюжетах говорил М. Блок, когда предупреждал об опасности привычки судить, но не объяснять. Разве не нам, историкам современности, были адресованы его вещие слова: "Когда отблески страстей прошлого смешиваются с пристрастиями настоящего, реальная человеческая жизнь превращается в черно-белую картину"³. Чувствуется, что авторы "Истории США" стремились избежать такого перекоса.

К наиболее каверзным вопросам послевоенной истории и для исследователя, и для преподавателя относится вопрос о генезисе "холодной войны", о вине и ответственности за ее развязывание. Разные историки, как у нас в стране, так и за рубежом, имеют на этот счет различные, порой полярные точки зрения. Это объясняется состоянием источниковой базы, разработанностью проблемы, невыясненностью многих обстоятельств. Свою позицию высказывают и авторы "Истории США", не прячась за маловразумительные рассуждения и не стремясь попасть в "тон" конъюнктурным колебаниям. Эта позиция ближе всего к формуле, согласно которой инициатива принадлежала руководящим кругам США (с. 316). Заметим, кстати, что такого же взгляда придерживается и автор фундаментального в научном отношении исследования о внешней политике Трумэна американский историк М. Лефлер⁴.

В самом деле, есть немало серьезных аргументов в пользу такого вывода. Но он не снимает все важные вопросы, на которые еще предстоит найти ответы после получения доступа к документальным источникам, дающим полное представление о глобальных замыслах советского политического руководства, лично Сталина, а также некоторых его союзников среди руководителей "социалистического лагеря" и международного коммунистического движения, по-своему отмерявших длительность мирной передышки.

Познавательное пространство продолжает расширяться, пополняется база данных, появляются все новые гипотезы, которые требуют проверки, осмысления. Мы вправе говорить и о так называемой виртуальной реальности. Она позволяет лучше прочувствовать, как говорят шахматисты, "богатство позиции", все ее плюсы и минусы. Резонно поставить, например, вопрос, что было бы, если бы Рузвельт не умер 12 апреля 1945 г. или вместо Трумэна на пост вице-президента США в 1944 г. был избран в очередной раз сторонник американско-советского сближения Г. Уоллес? Или – возникла бы "холодная война", если бы во главе Советского Союза в 1945 г. оказался не Сталин, а лидер, более склонный к компромиссам и трезвой самооценке? Для пытливого мысли молодежи такие "задачи" – это подлинно занимательная история.

³ Блок М. Апология истории. М., 1973, с. 77.

⁴ Leffler M.P. A Preponderance of Power. National Security. The Truman Administration, and the Cold War. Stanford (CA), 1992.

А уж если мы говорим об упущенных возможностях укрепления доверия между двумя сверхдержавами послевоенного мира, то в этом случае обязательно должно быть сказано и о не востребуемых, а может быть сознательно подавленных внутренних резервах с обеих сторон, а также о роли в этом процессе средств массовой информации, других пропагандистских органов, и о демонстративном разрыве экономических связей, о маниакальной политике культурной изоляции и замораживании контактов между людьми, гражданами СССР и США, о поддержании психологического климата "ни мира", "ни войны", отравлявшего сознание больших масс населения ядом подозрительности и ксенофобии. Всего этого с обеих сторон было предостаточно. Иными словами, в исторической реконструкции истории "холодной войны" приоритет, бесспорно, должен быть отдан многофакторному анализу, такому прочтению прошлого, в котором не будет места скороспелым суждениям в духе обвинительных приговоров, вольному или невольному совмещению личного опыта историка, его идейной "закалки", с объектом исследования, в данном случае с драматическими событиями "холодной войны". Это дело будущего, хотя, может быть, и не такого далекого. Хорошо уже, однако, что книга Б.Д. Козенко и Г.Н. Севостьянова наталкивает на такого рода размышления, оставляя и тем, кто учит, и тем, кто учится, право судить самостоятельно о ключевых вопросах международных отношений нашего времени.

В заключение позволю себе высказать еще ряд соображений, которые, возможно, кому-то покажутся неправомерными из-за своей "усложненности". Ведь Б.Д. Козенко и Г.Н. Севостьянов написали учебное пособие, а не исследование для узкого круга специалистов. Впрочем, повод для того, чтобы такие соображения были высказаны, предоставили сами авторы, вполне обоснованно уделив в работе большое место российско-американским отношениям. Однако, желая того или нет, они тем самым поставили вопрос и о том, как следует решать тему истории двусторонних отношений в обобщающем труде, который можно, пожалуй, отнести к жанру исторического страноведения. И в самом деле, какому методу следовать – описательно-событийному или аналитическому, проблемному? А может быть, их следует сочетать, и если да, то как?

Есть учебник по истории США, завтра появятся аналоги по истории Англии, Франции, Германии, Китая... А каждая страна – это целая вселенная, свой собственный мир, следовательно, ее отношения с другой страной, в данном случае с Россией, всегда индивидуализированы, неповторимы, детерминированы подчас вековыми традициями, возникшими на почве различия или близости культур, совместности или несовместности этно-психологического склада, правового самосознания народов, их религиозных и этических ценностей – всего того, что называют стилем жизни.

Здесь, по-видимому, уместно сказать, возвращаясь к нашей теме, что само время требует утверждения новых подходов к изучению и воспроизведению истории межгосударственных отношений, будь то отношения между Россией и США или Россией и Францией. Не секрет, что в этой важной области как у российских, так и американских историков внешней политики сложились "любимые" стереотипы, и те и другие в сущности неизменно стремились объяснить все подъемы и спады в межгосударственных отношениях двух стран в контексте идеологического противоборства и в традиционных понятиях, т.е. главным образом во внешних проявлениях дипломатической практики, путем цитирования официальных документов, высказываний государственных мужей, а также процедуры синхронизации фактов, событий в логической последовательности их чередования. Но молодое поколение вправе знать не только удобную для запоминания схему, но и ее человеческое измерение, или иначе – все то, то придавало отношениям России и США всегда особый характер, суть которого проявлялась в неожиданно возникающей опасной аритмии, в предрасположенности к конфликту, ссоре, ажитации.

А.И. Солженицын, выступая на приеме в Гуверовском институте (Стэнфорд) 24 мая 1976 г., объяснил "ненормальность" в российско-американских отношениях с

конца XIX в. непониманием России Западом, которому не удалось прочувствовать "глубины ее тысячелетней народной жизни"⁵. Вину за искажение российской исторической ретроспективы А.И. Солженицын возлагал тогда на русских революционных эмигрантов и на "запрограммированную ложь" советских пропагандистов. С выводами А.И. Солженицына можно поспорить, но его основная посылка, безусловно, верна. Адекватное представление о "жизненном укладе" страны крайне важно иметь для политика и вдвойне для историка, вознамерившегося одарить массового читателя и исследователей историей другой страны "без мифов" и одновременно объяснить характер ее взаимодействия со своей страной. Очень важно сейчас безбоязненное приятие правды, хотя это нельзя понимать как отказ от собственной оценки событий. В то же время стоит напомнить мудрый совет историка православия А. Шмемана, сказавшего, что собственную оценку следует скорее понимать как вопрос, чем как ответ или "суд"⁶.

Я уже писал, что можно предвидеть появление в будущем учебников, учебных пособий и обобщающих трудов нового поколения. Хотелось бы надеяться, что высказанные соображения в связи со ставшей приметным событием на книжном рынке учебной литературы "Историей США" Б.Д. Козенко и Г.Н. Севостьянова не останутся незамеченными.

В. Л. Мальков,
доктор исторических наук,
профессор, руководитель научного центра
историко-теоретических исследований
Института всеобщей истории РАН

---

⁵ Солженицын А. Публицистика, в 3-х т., т. 1. Ярославль, 1995, с. 301.

⁶ Шмеман А. Исторический путь православия. Париж, 1989, с. 7.

ОБ "ЭНЦИКЛОПЕДИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ" ПО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

В моих руках книга¹. Внешне она производит самое благоприятное впечатление. Прекрасный переплет. Бумага мелованная, матовая. Богатый и хорошо подобранный иконографический материал. Чувствуется, что художники, как говорится, на славу потрудились. Об их искусстве свидетельствует форзац книги, заставки, полосные иллюстрации, монтаж изображений. Автор наиболее запоминающихся из них – художник Михаил Горелик. Удачно подобраны гравюры, миниатюры из хроник, средневековые рисунки, скульптурные изображения, архитектурные памятники, цветные карты, фотоматериалы.

Однако, к сожалению, редакторская работа над иллюстративным и в большей степени над текстовым материалом оказалась не на должной высоте. Указано местонахождение тех или иных предметов художественного творчества и имя художника (скульптора). Но это принцип проведен далеко не везде: имя автора часто отсутствует. Имеет место существенный разнобой в подписях под иконографическим материалом. В ряде случаев вначале приводится имя художника, а затем его произведения. В других наоборот. Иногда просто: Людовик XVI, Дизраэли, статуя Бисмарка – где она установлена? Кто ее создатель? Ответа нет.

И уж совсем неграмотно маршала Жана Батиста Журдана именовать "фельд-маршалом" (с. 534). Во Франции этого воинского звания не было. Непонятно также, почему, хотя и не всегда, названия воспроизводимых картин берутся в кавычки.

В аннотации к изданию читаем: "Статьи данного тома являются экспериментальным материалом, авторы их – профессиональные историки... Книга рассчитана для детей среднего и старшего школьного возраста, их родителей и учителей". Специально отмечено, что представляют интерес богато иллюстрированные статьи по военному делу всех периодов истории.

Не имея детей "среднего и старшего школьного возраста", я, быть может, и прошел бы мимо этой книги, но на нее обратил мое внимание сосед по дому Вова Максаков, ученик средней школы № 1214 г. Москвы. Отмечу, что Вова, хоть и учится еще в начальной школе, уже давно интересуется историей, особенно военной, изучает ее по первоисточникам.

Зная, что одной из тем моих исследовательских интересов является Отечественная война 1812 г. и участие в ней выдающихся российских и французских полководцев, сам ход войны, мой юный друг решил поделиться со мной некоторыми сомнениями, возникшими у него после чтения очерка И. Алёшиной "Наполеон и его империя".

Мальчик, в частности, обратил внимание на слова автора, в которых определялось положение наполеоновских войск после Бородинской битвы. "В Москве, обложенной со всех сторон русскими войсками, – пишет И. Алёшина, – Наполеон продолжал считать себя победителем" (с. 532). И у школьника возник естественный вопрос: каким образом отступавшая армия могла "со всех сторон" обложить неприятеля. Как вполне обоснованно писал автор последней из фундаментальных монографий о войне 1812 г. Н.А. Троицкий: "Русская армия от Бородина по-прежнему отступала, французская, как и прежде, ее преследовала"². Естественно, никакого разумного ответа юному историку мне дать не удалось.

¹ "Энциклопедия для детей". Т. I (Всемирная история). Сост. С.Т. Исмаилова. Изд-во "Аванта+", 3-е переработанное и исправленное издание. М., 1995, 702 стр.

² Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988, с. 181–182.

Но вопрос мальчика стимулировал меня прочесть очерк "Наполеон и его империя" (с. 529–533). Учитывая целевое назначение "Энциклопедии", где каждое слово должно быть предельно выверено, а также, имея в виду, что подчеркивают сами издатели, опубликованная ими книга "эсклюзивна", требования к ней должны быть самыми высокими. К тому же следует иметь в виду, что большинство читателей "Энциклопедии" не столь исторически подготовлены, как мой сосед.

Ознакомившись с очерком И. Алёшиной, стоит, пожалуй, отметить как положительное качество, живой и доходчивый язык автора, что способствует "читабельности" материала. Однако это обстоятельство ни в коей мере не дает право автору совершать досадные фактические ошибки.

Начнем с Тулона. Автор пишет: "Город захватили англичане... Осада Тулона французской революционной армией длилась два месяца... Капитан Буонапарте предложил отечеству свои услуги. Его план штурма города был рискованным, однако имел шансы на успех. План приняли. 17 декабря начался штурм Тулона. Наполеон шел во главе атакующих. Был ранен. К вечеру 18 декабря Тулон пал... Французская республика присвоила ему чин генерала" (с. 530).

Конечно, первую скрипку играли англичане, но город был занят соединенной англо-испанской эскадрой, причем, как пишет сам Наполеон: "К концу сентября (1793 г. – В.Д.) в гарнизоне находилось 14 тысяч человек: 3000 англичан, 4000 неаполитанцев, 2000 сардинцев и 5000 испанцев"³. И это уже была коалиция, а не одни англичане. Заметим также, что первая коалиция против Франции, в которую входили Австрия и Пруссия, была заключена не в 1793 г. (с. 530), а 7 февраля 1792 г. К этой коалиции позднее присоединилась и часть малых германских государств. Массовый патриотический подъем во Франции способствовал успехам французского оружия в хрестоматийно известном сражении при Вальми (департамент Марна), где прусские войска, которыми командовал генерал Карл Брауншвейгский, 20 сентября были остановлены и вскоре отступили.

Моральное значение этой битвы огромно. Один из ее участников, прусский майор Мессербах, писал: "Мы потеряли не только сражение, 20-е сентября произвело переворот в истории, это важнейший день века".

Аналогичную оценку сражению 20 сентября дал и великий Гёте, который сражался в этот день на стороне пруссаков: "С этого дня и с этого места начинается новая эпоха в истории"⁴. 21 сентября был принят Декрет Национального Конвента об упразднении королевской власти во Франции. Так при чем же здесь 1793 г.?

Что касается направления Наполеона Бонапарта в Тулон, то здесь есть также нюансы. Сам он предложил свои услуги в письме к военному министру Бушотту, прося его направить в Рейнскую армию, а в Тулон он попал по рекомендации военного комиссара Конвента Саличетти, который назначил Бонапарта командиром батальона при штабе армии юга и он же поручил майору (а не капитану, как пишет И. Алёшина) Бонапарту командовать артиллерией в армии, осаждавшей Тулон.

Коснемся проблемы штурма Тулона. Наполеон Буонапарте никогда бы не стал императором Наполеоном Бонапартом, если бы не готовил любую боевую операцию самым тщательным образом. Тулон – это его первый шаг к боевой славе. Главную задачу он поставил перед артиллерией. Поэтому еще 14 декабря она открыла огонь по укреплениям противника. Каноада продолжалась и 15-го и 16-го, причем 16-го был осуществлен штурм форта Малый Гибралтар, когда Бонапарт получил осколочное и колотое ранения. Следовательно, все это было еще до штурма Тулона (17 декабря). И у Наполеона были все основания сказать, что "Артиллерия действовала очень удачно".

И не случайно через несколько дней после взятия Тулона комиссары Конвента Саличетти и Робеспьер-младший своею властью присвоили Бонапарту воинское

³ Наполеон. Воспоминания и военно-исторические произведения. СПб., 1992, с. 8.

⁴ Цит. по: Лукин Н. (Антонов Н.). Из истории революционных армий. М., 1923, с. 122.

звание бригадного генерала (а не генерала, как пишет И. Алёшина) и только в феврале 1794 г. это решение было утверждено правительством.

Добавим также, об этом пишет сам Наполеон, что первым "18-го в 10 часов вечера полковник Червони взломал ворота и с патрулем вошел в город. Им был обойден весь Тулон... Армия вошла в город 19-го"⁵.

Отметим еще одну неточность по времени после Тулона, когда автор пишет, что "чудом он (Бонапарт) избежал ареста" (с. 530). Ареста ему избежать не удалось и в августе 1794 г. Бонапарт около двух недель провел в заключении.

Перейдем к Итальянской кампании. Говоря о ней, автор пишет: "Другие крупные сражения с австрийской армией (Арколь и Лоди)..." (с. 530). Заметим, что географического названия "Арколь" нет. Есть – Арколе. Кстати, еще раньше деревню "Монтенетте" автор именует "Монтенетто". Но важнее другое. Ни в коем случае нельзя ставить Арколе до Лоди, ибо сражение за крепость Лоди имело место 10 мая 1796 г., а за селение Арколе 15–17 ноября того же года. И разве можно было не привести слова Наполеона из его "Дневника о. Св. Елены", сказанные после сражения за Лоди: "Вандемьер и даже Монтенетте не побуждали еще меня смотреть на себя как на необыкновенного человека. Только после Лоди у меня появилась мысль, что я мог бы сделаться, пожалуй, решающим лицом на нашей политической арене. Первая искра честолюбия появилась тогда"⁶.

Говоря об итальянской кампании, нельзя было не упомянуть битву при Риволи и ее разгар 14–15 января 1797 г. Кстати, всю Северную Италию И. Алёшина решила включать в состав Австрии (с. 530), не ведая о существовании еще с 1720 г. независимого королевства Сардинии (Пьемонт).

Здесь же автор пишет, что "французские войска заняли Венецию и Рим". В Венецию французы действительно вступили 16 мая 1797 г. С Римом же было все сложнее. По договору в Толентино 14 февраля 1797 г. папа отказался от легатств Болонья, Феррара и Романья и Наполеон имел все основания писать: "Мир остановил продвижение французских войск"⁷. Занят же Рим был не Наполеоном, а авангардом войск генерала Этъена Шампюиона 15 декабря 1798 г., уже во время образования второй коалиции. Официально же Рим был присоединен к Франции в мае 1808 г.

Обратимся к походу в Египет. Здесь нас сразу же ждет откровение. "Бонапарт, – пишет И. Алёшина, – предложил завоевать Египет – английскую колонию" (с. 530). К сведению автора, Египет, находившийся в вассальной зависимости от Османской империи, никогда не был английской колонией. Разговор может идти только о том, что в 1882 г. Великобритания оккупировала Египет, а свой протекторат над ним установила в 1914 г. Но это уже другое столетие. Что же касается конца XVIII в., то там с 1711 по 1797 гг. правили мамлюкские эмиры, а затем пашаи.

Главнокомандующим военными формированиями мамлюков был Мурад-бей, не имевший с англичанами никакого союза. Продолжая в том же духе, И. Алёшина пишет: "Ряд сражений при Абукире, у пирамид, закончился тем, что англичане и их сторонники были разбиты" (с. 530). В битве у пирамид мамлюки Мурад-бея, янычары Ибрагим-бея, формирования арабских ополченцев потерпели сокрушительное поражение. Но как французы могли победить при Абукире, непонятно. Ведь Абукир – остров и мыс в дельте Нила. Никаких военных действий пешая и конная армия там вести не могла. Флот – другое дело. Далее об этом автор пишет, но говоря уже не о победе французов, а адмирала Нельсона. Это – неоспоримо.

Сообщая об отступлении французов от крепости Сен-Жан д'Акр (кстати, следовало бы сказать, что она находится в Сирии), автор утверждает, что, покинув Египет, Бонапарт оставил "армию в полной боевой готовности на генерала Клебера" (с. 532). А вот, что пишет "о боевой готовности" один из наших выдающихся историков

⁵ Наполеон. Воспоминания и военно-исторические произведения, с. 22.

⁶ Там же, с. 67.

⁷ Там же, с. 190.

А.З. Манфред в монографии "Наполеон Бонапарт": "То было страшное отступление... солдаты с трудом волочили ноги по горячим пескам, по раскаляющимся дорогам пустыни. Люди выбивались из сил... кто отставал, кто падал – погибал... Армия таяла от губительной чумы, от жары, от переутомления, более трети ее состава погибло"⁸. Такова была "боевая готовность".

Явно загадочно утверждение автора о том, что "в мае 1804 г. пожизненный консул был провозглашен императором французской республики, а в 1808 г. – Французской империи" (с. 532). Известно, что 18 мая 1804 г. был принят Сенатский указ об учреждении империи. Наполеон принял титул императора французов. 25 августа того же года в соборе Парижской богородицы в присутствии папы Пия VII состоялась торжественная церемония коронации. При чем здесь 1808 год?

На этой же странице И. Алёшина пишет: "В 1806 г. под Иеной и Ауэрштедтом Наполеон в неделю разгромил хваленую прусскую армию".

Вряд ли кто решится оспаривать тот факт, что Наполеон был гениальным полководцем, но даже он не мог одновременно воевать в двух отстоящих друг от друга местах. Битва под Иеной и Ауэрштедтом состоялась в один и тот же день – 14 октября 1806 г. Под Иеной войсками командовал сам Наполеон. Под Ауэрштедтом – маршал Луи-Николя Даву. Для разгрома прусской армии недели не потребовалось. Хватило одного дня. Весьма спорно заключение И. Алёшиной о том, что "в начале 1807 г. французская армия в ряде сражений под Прейсиш-Эйлау и Фридландом добилась существенного преимущества" (с. 532). При первом же из них русским войскам удалось отразить атаки войск противника.

Утверждение же автора о том, что 1-я и 2-я российские армии (М.Б. Барклая де Толли и П.И. Багратиона) встретились не под Смоленском, 22 июля 1812 г., а "подле села Бородино" (с. 532), являет собой полное незнание военной истории России в священный для всех россиян 1812 год.

Таковы некоторые замечания и соображения, возникшие после чтения одного очерка. Главный вывод – недостаточный профессионализм автора. Создается впечатление, что любой человек, имеющий диплом, может писать на историческую тему. Любой человек может входить в состав редколлегий фундаментальных изданий. Не исключение и данное издание. Ведь среди членов главной редакции нет ни одного ведущего историка – специалиста по всеобщей истории. Вопрос об этом ставится отнюдь не для того, чтобы принизить значимость энциклопедии для детей. Наоборот. Полагаю, что значительное количество очерков, написанных прежде всего научными сотрудниками Института всеобщей истории РАН и другими учеными, заслужат признание и одобрение читателей. И тем важнее тщательная работа над текстами, глубокое знание источников и фактического материала, способность к обобщениям. И необходимо, чтобы тот орган, который рекомендует те или иные издания "к использованию в средних общеобразовательных учреждениях Российской Федерации в качестве книги для дополнительного чтения учащихся" (об. титул. л.), отвечал бы за свои рекомендации.

В.А. Дунаевский,
член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук, профессор

⁸ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1971, с. 220.

В. С. Мясников. ДОГОВОРНЫМИ СТАТЬЯМИ УТВЕРДИЛИ. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РУССКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ. 17–20 вв. М.: изд-во Института Дальнего Востока РАН, 1996, 482 с.

Монография В.С. Мясникова – член-корр. РАН, профессора, первого заместителя директора Института Дальнего Востока РАН и руководителя Центра "Россия – Китай" этого же института – посвящена проблеме дипломатического урегулирования линии границы между Россией и Китаем. Исследование охватывает не только отдельные ключевые моменты российско-китайских отношений – автор сделал это в ряде своих предыдущих работ, – но всю 300-летнюю эпоху взаимосвязей двух стран. Монография стала итогом десятилетий кропотливого труда В.С. Мясникова по освоению и осмыслению истории русско-китайских отношений, начатого еще в 50-е годы, когда он приступил к работе в архивах КНР, изучая документы цинского правительства Китая.

Написанию работы способствовало и то, что с 1964 г. В.С. Мясников является участником почти всех этапов переговоров об уточнении прохождения линии границы между СССР (Россией) и КНР на отдельных ее участках. В работе отразились также особенности развития отечественного Китаеведения в последнее десятилетие, когда появилась возможность по-новому взглянуть на многие аспекты российско-китайских связей, передать многообразие исторической действительности, свободное от прежней политизированности.

Сделать это было нелегко, поскольку за годы дипломатических контактов двух стран, и в особенности на начальных этапах их развития, произошло много важных событий, было подписано немало двусторонних документов по пограничному вопросу. Автору пришлось не только учесть, проанализировать, осмыслить и объяснить документы и материалы далеких лет, но и определить их место в современной истории отношений двух великих соседей. В.С. Мясникову удалось успешно справиться с этой задачей. Книга получилась интересная и полезная.

Монография В.С. Мясникова состоит из обращения "К читателю", семи глав: "Исторический фон. источники и историография", "Географическое сближение России и Китая, дипломатия преддоговорного периода", "Первый русско-китайский договор и установление границы в 1689 г.", "Буринский и Кяхтинский договоры 1727 г. и установление границы в районе Монголии", "Борьба за

свободное судоходство по Амуру", "Завершение территориального размежевания между Россией и Империей Цин на Дальнем Востоке", "Век перемен и потрясений", а также завершающего текста "Будет ли заключение" и примечаний.

В книге широко использованы материалы российских и китайских архивов: Архива внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел России, Российского архива древних актов, коллекции Российской академии наук, Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Ленинградского отделения института истории, коллекции Оружейной палаты, Российского государственного исторического архива, фонды Минской и Цинской династий Центрального государственного архива КНР, Пекинского государственного архива КНР. Были также привлечены многочисленные публикации документов, вышедших в СССР и в Китае, учтена отечественная и зарубежная литература по теме.

Постановка вопроса, как она вынесена в подзаголовок работы, потребовала углубленного знания китайского, маньчжурского и других языков, без которого невозможно оценить глубинный смысл таких китайских текстов, как императорские указы и доклады императору, и добиться адекватного восприятия исторических реалий.

Заглавием книги взяты слова преамбулы Нерчинского договора 1689 г. – документа, с которого начался процесс международно-правового оформления российско-китайской границы. Осуществленное по Нерчинскому договору территориальное разграничение двух стран было крайне невыгодным для России, поскольку отрезало российские владения в Восточной Сибири от Амура, являвшегося в те времена единственной транспортной артерией широтного направления, затрудняя выход России к морю, снабжение владений России на Тихом океане, установление связей российского государства с Кореей и Японией.

Ценность исследованию придает помещенное на 146–151 с. сопоставление переводов на русский маньчжурского и китайского текстов договора (перевод с китайского сделан русским Китаеведом прошлого века Иакинфом Бичуриным) и перевода на русский язык опубликованного в официальных и

полуофициальных китайских изданиях XIX в. текста этого же документа, который был выбит на стеле, установленной цинскими властями близ устья реки Аргунь. Из документов следует, что цинские власти, как правило, публиковали неполный текст Нерчинского договора, урезая те его пункты, где говорилось об оставлении неразграниченными земель по реке Уде.

Изучить и сличить упомянутые три текста интересно даже неспециалисту, тем более что до этого они публиковались в изданиях, ставших сегодня чуть ли не раритетом; к примеру, перевод китайского текста Нерчинского договора, воспроизводимый в исследовании В.С. Мясникова, был опубликован в вышедшем в 1882 г. в Пекине "Сборнике договоров Китая с Россией", который подготовил цинский историк Хэ Цютао.

Изучение В.С. Мясниковым раннего этапа истории русско-китайских отношений позволило ему сделать по крайней мере два важных вывода. Во-первых, цинская историография шла на фальсификацию текста Нерчинского договора, потому что в этом были заинтересованы правящие круги цинского Китая; во-вторых, очевидным становится несовершенство договора как международно-правового документа, и это обстоятельство особо подчеркивает В.С. Мясников, не отрицая главного – того, что договор стал первым международно-правовым актом, способствовавшим ликвидации конфликтной ситуации на заре международных отношений на Дальнем Востоке.

Представляется, что в этих рассуждениях заложен глубокий политический смысл, своеобразный фундамент, на котором выстраивается логическая цепочка дальнейшего повествования, раскрывающая последовательность и закономерность дальнейших действий России в отношении Китая. В первой половине XVIII в. главным для России элементом русско-китайских связей стала выработка общего трактата о взаимоотношениях с Китаем. Эта задача была возложена на опытного дипломата петровской эпохи графа С.Л. Владиславича-Рагузинского. В ходе переговоров ему удалось отклонить абсурдные притязания цинских уполномоченных на российские территории и с незначительными для российского государства той поры территориальными уступками, заключить с Китаем трактат, главным содержанием которого были расширение экономических связей и оформление официальных дипломатических каналов между обоими государствами.

В.С. Мясникову удалось достоверно воссоздать атмосферу, в которой готовились русско-китайские Буринский и Кяхтинский трактаты 1727 г., и показать, как устанавливались границы двух государств в районе Монголии. Успехи России объяснялись тем, пишет автор, что российская дипломатия при разграничении в районе Халма-Монголии сумела противопоставить территориальным притязаниям маньчжурских правителей Китая принцип

"каждый владеет тем, чем владеет теперь" и последовательно претворить его в жизнь. Решающим фактором здесь стал общий подъем мощи России в петровскую эпоху, сказавшийся и на укреплении позиций русских на отдаленных окраинах государства (с. 195).

В работе отмечаются как положительные последствия Кяхтинского договора, так и ограничительный и неравносторонний характер отдельных его положений по отношению к России. В своих оценках этого договора В.С. Мясников выходит за рамки чисто двусторонних отношений и подчеркивает, что Владиславич-Рагузинский был первым европейским дипломатом, разгадавшим ¹ "стратагемный" характер китайской дипломатии и политической культуры в целом (с. 218).

В.С. Мясников четко характеризует своеобразие взглядов политиков цинского Китая, определяя действия цинского правительства после подписания Кяхтинского договора как "политику великодержавного самообмана". Получив желанное разграничение территорий в районе Халма-Монголии, оно не проявляло заинтересованности в расширении политических и экономических отношений с Россией, ограничивало ее торговлю в Цинской империи, всячески старалось подчеркнуть, что Россия является младшим партнером во взаимоотношениях с Маньчжурским государством, и упорно продолжало рассматривать Россию не как равного партнера в международных отношениях, а как порубежное данническое государство (с. 208, 209).

Важным элементом политики России в отношении Китая было стремление урегулировать имевшиеся конфликты мирным путем и всемерно развивать торговлю. Неоднократно отмечая это обстоятельство (с. 229, 232 и др.), автор подчеркивает, что маньчжурское правительство Китая со своей стороны руководствовалося в международных отношениях идеями китаецентризма, все дальше отходило от реалистичной политики, допускало кичливый тон в отношении России. Такая позиция Китая не отражала реального соотношения сил и взаимного положения двух государств, но русская сторона терпела ее ради сохранения торговых выгод, получавшихся от операций в Кяхте (с. 236).

Немало интересного сообщается и в разделе, посвященном посольству в Китай Ю.А. Головкина в начале первого десятилетия XIX в. (с. 237–257). Посольство должно было утвердить новую политику России на Дальнем Востоке, однако своей цели не выполнило. Как считает автор, причиной неудачного посольства Головкина стала, с одной сто-

¹ *Стратагемы* – политические принципы, предусматривавшие, по аналогии с военным искусством, достижение поставленных целей путем обмана противника или использование противоречий среди врагов.

роны, незаинтересованность цинского двора в результативности этого посольства, а с другой – тактическая ошибка русской дипломатии, не сумевшей усилить интерес китайской стороны к своим планам и к тому же действовавшей методами традиционной европейской политики (с. 252–253).

Важное место в отношениях двух стран принадлежит договорам, подписанным во второй половине XIX в.: Кульджинского 1851 г., Айгуньского 1858 г., Пекинского 1860 г. и др. Их подписание, как справедливо отмечает автор, было объективно целесообразным и диктовалось пониманием того, что уровень отношений между Россией и Китаем явно не соответствовал заинтересованности обоих государств в укреплении и расширении взаимных связей и сотрудничеству для противодействия расширявшейся экспансии Англии, создававшей угрозу как Китаю, так и дальневосточным владениям России (с. 256). Подробный и беспристрастный анализ текстов этих и других документов позволил автору сделать вывод, что к началу 60-х годов XIX в. между двумя государствами были разрешены две главные проблемы: определение условий взаимовыгодной двусторонней торговли и установление линии границы на большей части сопредельных территорий (с. 294).

Во второй половине XIX в. отношения России с Китаем строились на добрососедской основе; к тому же Россия стремилась не допустить расчленения Китая колониальными державами, а одной из главных задач российской дипломатии было сохранение баланса сил в Восточной Азии. Китай же – это отчетливо проявилось в дипломатии руководителя внешней политики Империи Цин во второй половине XIX в. Ли Хунчжана, который стремился использовать русско-английское соперничество в Азии, – пытался столкнуть Россию с Японией и Англией. Особенно отчетливо это осу-

щалось в ходе кризиса на Корейском полуострове в середине 90-х годов XIX в. (с. 294–300). Выявились, однако, и другие.

Как подчеркивает автор, к концу XIX в. стало ясно, что сохранение в быстро менявшемся мире таких атрибутов китайского мирового порядка, сложившихся в древности и средневековье, как остатки даннической системы и основанного на ней межгосударственного вассалитета, противоречило основным тенденциям развития всемирной истории (с. 300). Значительная часть работы (с. 342–409) посвящена анализу того, как в XX в. осуществлялось уточнение линии государственной границы между двумя государствами.

Практическая и научная ценность монографии В.С. Мясникова лежит в нескольких плоскостях. Во-первых, работа дает целостное представление об истории вопроса пограничного урегулирования в российско-китайских отношениях за 300 с лишним лет. Во-вторых, в работе собрана воедино почти вся практическая и международно-правовая аргументация, которая может быть использована отечественной дипломатией в процессе обсуждения с китайской стороной вопросов пограничного урегулирования. В-третьих, в работе приведены редкие тексты документов, труднодоступных не только для политиков, но и для исследователей, которые тем не менее необходимо знать каждому, кто садится за стол переговоров с китайской стороной по вопросам прохождения линии границы, и любому, кто интересуется историей отношений двух стран.

Единственный недостаток этой ценной книги – небольшой тираж: всего 500 экземпляров. Впрочем, в условиях нашей сегодняшней жизни это не удивительно. Это обстоятельство не зависит от автора.

С.Н. Гончаренко,
доктор исторических наук

ФРАНЦИЯ: ПРИВАТИЗАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Сборник. М.: ИНИОН РАН, 1996, 162 с.

Предлагаемая читателю книга¹, являющаяся сборником работ разных авторов, представляет собой многоплановое исследование, раскрывающее экономические, юридические и социальные аспекты системы отношений между государством, рынком и обществом в одной из наиболее развитых стран мира в 80–90-е годы XX в.

Книга состоит из вводного очерка академика В.А. Виноградова "Приватизация: глобальные

тенденции и опыт Франции" и трех разделов: Н.Ю. Лапиной и Ф. Шассань "Правовые, социальные и экономические аспекты приватизации", Ж.де Банд, Д. Анкуа, А. Шеврийон "Макроэкономические аспекты приватизации", М. Вьено "Из практики приватизации".

В качестве объекта исследования выбрана Франция, страна, в которой еще до второй мировой войны сложился значительный государственный сектор, в основу управления которым был положен принцип планового развития экономики. В последующие годы этот сектор постоянно увеличивался и к началу крупномасштабной прива-

¹ Редакционная коллегия: В.А. Виноградов (отв. ред.), Н.А. Макашева, к.и.н. Н.Ю. Лапина, С.Я. Веселовский.

тизации во второй половине 80-х годов Франция располагала мощным, широко разветвленным механизмом организации хозяйственной деятельности государства, занимая в этом отношении первое место среди ведущих стран Запада.

Отличительная черта исследования – сочетание теоретического подхода с конкретно-историческим, что позволяет, с одной стороны, увидеть процесс приватизации как тенденцию мирового масштаба, а с другой – проследить живую динамику и специфические проявления этого процесса в пределах одной страны, отраслей ее экономики и фирм.

Такой подход последовательно реализован в очерке академика В.А. Виноградова, где опыт Франции рассматривается в контексте глобальных проблем приватизации. В нем показано, что при всей специфике национальных условий в основе поворота к приватизации были сходные прагматические, идеологические, популистские соображения правящих политических сил, а приватизация явилась в первую очередь инструментом экономической политики преодоления объективных препятствий дальнейшего развития национальных экономик.

Вскрывая закономерный характер приватизации, В.А. Виноградов не допускает упрощенных, однозначных суждений, часто встречающихся в отечественных и зарубежных работах при оценке этого сложного явления. Он дает взвешенный анализ различных точек зрения как "за", так и "против", предостерегает от поспешных выводов по такому важному вопросу, как эффективность предприятий, находящихся в собственности или под управлением государства, указывая, что при ее оценке следует учитывать многие факторы не только экономические, но и политические и социальные. Логика исследования шаг за шагом подводит читателя к мысли о том, что решение проблемы эффективности заключается в конечном счете не в поглощении одной формы собственности другой, а в возникновении и развитии разных форм взаимопроникновения государственного и частного капитала, что, собственно, и происходит в последние полтора десятилетия в разных странах мира (с. 20–21).

Большое внимание в книге уделено правовым аспектам французского опыта разгосударствления. Им посвящена статья Н.Ю. Лапиной "Правовая основа приватизации", в которой дан сопоставительный анализ французских законов 1986 и 1993 гг., предвавших две волны приватизации. В обоих случаях ставилась двойная сверхзадача – либерализация экономики и развитие "народного акционерства", включая распространение акций среди сотрудников приватизируемых предприятий. Но если в 1988 г. основной спор в парламенте велся о том, проводить или не проводить приватизацию, и имел сильную идеологическую окраску, то в 1993 г. в центре дебатов стоял вопрос, как

это сделать, каким должен быть механизм разгосударствления. Новый закон расширил пространственные и временные границы приватизации, сделал процедуру ее проведения гласной и более демократичной, передав основные полномочия из рук министра экономики членам специальной независимой комиссии, снял ограничения на участие иностранных инвесторов. В статье отмечается, что с принятием закона 1993 г. приватизация из чрезвычайной меры превратилась в постоянный элемент структурной экономической политики. Вместе с тем по сравнению с другими развитыми странами Запада приватизация во Франции остается "осторожной", так как сохраняется весомый государственный сектор, ориентированный на удовлетворение собственных потребностей (с. 70).

Интересный фактический и аналитический материал содержится в рефератах, представляющих разработки западных экспертов. Следует отметить доклад, подготовленный в 1994 г. по запросу правительства Франции депутатом Национального собрания страны А. Гриоттери, в котором рассмотрены основные направления, итоги и перспектива развития государственного сектора во Франции и других европейских странах, включая и бывшие социалистические, дан сравнительный анализ национальных особенностей проведения приватизации. В заключение автор, являющийся одним из разработчиков закона 1993 г., предлагает провести приватизацию в сфере общественных услуг во Франции по схеме, близкой другим европейским странам, с тем чтобы облегчить в будущем сотрудничество Франции со странами Европейского союза.

Помимо макроэкономических аспектов приватизации в сборнике обстоятельно освещены практические вопросы. В разделе "Из практики приватизации" анализируется опыт приватизации ведущих французских банков "Сосьете женераль" и "Банк насьональ де Пари", лидера французской химической и фармацевтической промышленности компании "Рон-Пуленк", автомобильного гиганта "Рено", крупнейшего в мире производителя упаковочных средств "Пешине" и ряда других крупных фирм.

Во многом неожиданный успех, который выпал на долю начатой в 1986 г. во Франции приватизации, был обусловлен главным образом ее широкой популярностью среди населения, получившего возможность покупать акции приватизируемых предприятий по ценам ниже биржевых. Для многих покупка акций стала выгодным краткосрочным вложением капитала. Однако, как отмечается в книге, появление в стране миллионов мелких держателей акций не привело к созданию "народного капитализма", право контроля над приватизированными предприятиями получили лишь крупные вкладчики (с. 31). Правительство ничего не сделало для объединения мелких акционеров и

обеспечения их представительства в правлении реорганизованных компаний, а финансовый кризис 1987 г. показал, что акции – ненадежная форма капиталовложений. Надежды на то, что приватизация решит основные экономические проблемы страны, быстро развеялись.

Вторая волна приватизации, последовавшая в 1993 г., была встречена общественностью страны весьма сдержанно. Более того, если большинство французов в принципе приняли политику экономической либерализации, то многие из них не согласились платить ту социальную цену, которую от них потребовали власти. В конце 1995 г. по всей стране прокатилась мощная волна забастовок государственных служащих, вынудившая правительство отказаться от своей программы, изменить статус этой категории работников, лишив их значительной части социальных льгот.

STALIN'S GENERALS. ED. BY H. SHUKMAN. London: Weidenfeld and Nicolson, 1993, 394 p.

ГЕНЕРАЛЫ СТАЛИНА. Ред. Г. Шукман. Лондон, 1993, 394 с.

В англо-американской военной историографии последних десятилетий особую страницу занимают биографии военачальников, возглавлявших фронты, группы армий и армии различных стран в годы второй мировой войны. В 70–90-х годах вышли в свет монографии "Генералы Гитлера" (несколько книг разных авторов), "Генералы Черчилля"¹ и, наконец, "Генералы Сталина".

Издатель книги Гарольд Шукман – английский специалист по русской истории, автор и переводчик ряда книг, изданных в СССР и России в последние годы².

Авторами биографических очерков о советских полководцах и военачальниках стали авторитетные ученые, представители различных стран и различных школ из Австрии, Великобритании, США, Израиля, России. Книга содержит 26 биографий крупных сталинских военачальников, снабжена картами основных кампаний и некоторых битв Великой Отечественной войны, иллюстрациями, портретами полководцев. Книгу предваряет обстоятельное предисловие Г. Шукмана.

Представленные в труде персоналии состав-

В этой связи можно лишь сожалеть о том, что вопросы социального характера получили в книге гораздо меньшее отражение, чем юридические. Вряд ли стоило помещать в самый конец вводного очерка информацию, касающуюся подготовки, целей и задач сборника, значения его проблематики для российского читателя. Эти сведения целесообразно бы привести в самом начале книги или же на обложке сборника.

В целом же книга вносит весомый вклад в разработку одной из наиболее актуальных проблем новейшей истории.

А.Л. Семенов,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИВИ РАН

ляют несколько категорий. Одна из них посвящена военачальникам старшего поколения, занимавшим высшие посты еще в ходе гражданской войны: К.Е. Ворошилову, С.М. Буденному, С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошникову, М.Н. Тухачевскому³. Все они после гражданской войны занимали руководящие посты в Красной Армии межвоенного периода и, кроме Тухачевского, активно участвовали в Великой Отечественной войне.

В другую категорию входят полководцы и военачальники, выдвинувшиеся в высший эшелон военного командования либо перед Великой Отечественной войной – Г.К. Жуков, К.А. Мерецков, Ф.И. Голиков, либо в ходе ее – И.Х. Баграмян, Н.Ф. Ватутин, И.С. Конев, Р.Я. Малиновский, К.К. Рокоссовский, ставшие командующими фронтами⁴. На страницах книги представлены и руководители Генерального штаба: сменивший Б.М. Шапошникова А.М. Василевский, его преемник А.И. Антонов, их ближайший помощник С.М. Штеменко, начальник ряда фронтовых штабов и впоследствии Генерального штаба М.В. Захаров⁵.

¹ Brett-Smith R. Hitler's Generals. London, 1976; Humble R. Hitler's Generals. New York, 1979; Churchill's Generals. Ed. by Harold Shukman. London, 1993.

² "Lenin and Russian Revolution", "The Blackwell Encyclopedia of Russian Revolution". Ему принадлежат также переводы книг "Тяжелый песок" и "Дети Арбата" А. Рыбакова, воспоминания А. Громыко, "Триумф и трагедия", "Ленин" Д. Волкогонова, изданные в Лондоне.

³ Авторы: Д. Волкогонов (Ворошилов), В. Анфилов (Буденный), О. Ржевский (Шапошников), Ш. Навех (Тухачевский).

⁴ Авторы: В. Анфилов (Жуков), Г. Городецкий (Голиков), Дж. Джукс (Баграмян, Мерецков), О. Ржевский (Конев), Дж. Эрикссон и Р. Уофф (Малиновский), Д. Глэнтц (Ватутин).

⁵ Авторы: Р. Уофф (Антонов, Захаров). Дж. Джукс (Василевский, Штеменко).

Из прославленных командармов Великой Отечественной войны в книге помещены очерки о П.И. Батове, И.В. Болдине, В.И. Чуйкове, К.С. Москаленко⁶. Еще одна плеяда военачальников – это командующие видами вооруженных сил: ВМФ – Н.Г. Кузнецов и ВВС – А.А. Новиков, а также командующие 16-й воздушной армией С.И. Руденко и 3-й гвардейской танковой армией П.С. Рыбалко⁷.

Особняком стоят два очерка: о генерале А.А. Власове и его эволюции от известного советского военачальника до руководителя так называемой Русской освободительной армии, сражавшейся на стороне вермахта, а также о жертвах сталинского террора 30–50-х годов⁸. Таким образом, книга, посвященная биографиям советских полководцев и военачальников, их роли на разных этапах истории Красной Армии, – это широкое полотно жизни и боевой деятельности советских Вооруженных Сил. Основное внимание большинства авторов сосредоточено на событиях Великой Отечественной войны, росте военного искусства генералов сталинской школы от поражений 1941 г. до триумфов 1945-го.

Часть очерков носит биографический характер, другие содержат элементы анализа военного искусства, присущие представленным читателю военачальникам, в третьих рассматриваются различные проблемы, стоявшие перед Красной Армией в предвоенные годы или во время войны (например, теория глубокой операции, становление и развитие танковых и воздушных армий, совершенствование работы Генерального штаба).

Так, в очерке о Тухачевском анализируется советская военная мысль 20–30-х годов, прослеживается возникновение концепции "глубокой наступательной операции", даются оценки теоретических работ Тухачевского, В.К. Триандафилова, Г. Иссерсона о характере будущей войны. Однако не упоминается А.А. Свечин, серьезный советский военный теоретик, оппонент Тухачевского по многим вопросам военного дела.

Автор очерка о Шапошникове наряду с биографическими сведениями показывает, как глубоко продуманные оценки и предложения Шапошникова о вероятном направлении главного удара немцев в случае войны против СССР, о действиях Красной Армии в войне с Финляндией, о плане летней кампании на 1942 г. отвергались сталинским руководством, что в конечном счете приводило к неудачам и большим потерям. В очерках о Шапошникове, Василевском, Антонове, Штеменко раскрывается становление и развитие "шапошниковской школы", как называл ее Сталин, которая,

совершенствуясь с каждым военным годом, с каждой крупной операцией, сделала советский Генеральный штаб высоко профессиональным органом управления огромными массами войск в небывалых по масштабам битвах Великой Отечественной войны.

В материалах о командующих фронтами аналитическим характером, раскрытием "почерка полководца" отличается очерк о Жукове. Автор его В.А. Анфилов неоднократно лично встречался с Жуковым, вел с ним длительные беседы о второй мировой войне. В очерках о других командующих их авторы, несмотря на ограниченный объем материала, умело подчеркивают отличительные черты своего героя как полководца и человека. Так, в очерке о Рокоссовском прослеживается нелегкая судьба замечательного полководца, героя первой мировой (три "Георгия") и гражданской (два ордена Красного Знамени) войн, прошедшего через репрессии 30-х годов. В годы Великой Отечественной войны Рокоссовский – на труднейших участках. Здесь и оборона Москвы, и разгром армии Паулюса, и жесточайшая битва на Курской дуге, и освобождение Белоруссии и Польши, и Берлинская операция. Он снискал великую славу и, что очень важно, всенародную любовь. Очерки о Рокоссовском, Коневе, Баграмяне, Ватутине, Малиновском, Мерецкове создают впечатляющую картину того, "как шли мы к победе", как развивалась и набирала силу советская "наука побеждать".

Достоинством книги является и то, что авторы не остановились на уровне только "высшего эшелона" военачальников, но показали и тех, кто стоял ближе к войскам, организуя боевые действия и непосредственно руководя ими, – командармов. В очерке о В.И. Чуйкове показана негнбаемая воля прославленного защитника Сталинграда, а автор биографии П.И. Батова рассказал, что его 65-я армия была всегда на "острие" наступающих войск Рокоссовского; Батов первым в нашей армии применил двойной "огневой вал". Организаторский талант П.С. Рыбалко, его опыт позволили превратить страдавшую многими недостатками 3-ю танковую армию в прославленное танковое объединение – 3 гвардейскую танковую армию, прошедшую от Курска до Берлина и Праги. Становление и развитие советских воздушных армий прослежено в очерке о С.И. Руденко.

Не обойдена молчанием и непростая судьба таких военачальников, как Тимошенко, Голиков, Новиков. Их "взлеты" и "падения" нашли отражение в посвященных им очерках.

Наряду с показом советского военного искусства во многих очерках и особенно в предисловии к книге значительное внимание уделено репрессиям в СССР.

Главным достоинством книги является то, что англоязычный читатель познакомится теперь и с биографиями генералов и маршалов Советского

⁶ Авторы: Д. Глэнц (Батов, Болдин), Р. Уофф (Чуйков), Дж. Эриксон (Москаленко).

⁷ Авторы: Дж. Джукс (Кузнецов), Дж. Эриксон (Новиков), Р. Уофф (Руденко и Рыбалко).

⁸ Авторы Е. Андреева и Г. Шукман.

Союза, страны, которая с наибольшим упорством и потерями сражалась с гитлеровскими захватчиками и внесла наибольший вклад в победу над фашизмом государств антигитлеровской коалиции. При этом в отличие от десятилетий "холодной войны", когда на Западе история войны СССР против Германии либо замалчивалась, либо искажалась, в книге "Генералы Сталина" материал подается в объективном изложении. Важно также и то, что авторами труда стали историки разных стран и континентов.

Однако авторам и издателям труда не удалось избежать ряда неточностей и опечаток. Так, в очерке о Рокоссовском говорится, что подготовка Варшавского восстания в августе 1944 г. не была секретом для Москвы (с. 190). Однако имеющиеся документы и свидетельства о Варшавском восстании этого не подтверждают. На с. 260 отмечается, что в 1925 г. М.В. Фрунзе был начальником Генерального штаба, тогда как в действительности он был тогда председателем Реввоенсовета СССР и наркомом по военным и морским делам с января 1925 г., а с февраля 1925 г. также членом Совета труда и обороны. На с. 304 утверждается, что в ноябре 1941 г. генерал Власов "командовал 20-й армией, которая

была частью северной группировки, защищавшей Москву". На самом деле Власов был назначен указом на эту должность действительно в ноябре, но вступил в командование только 18 декабря 1941 г. До этого 20-я армия обороняла Москву, а затем перешла в контрнаступление под командованием генерала А.И. Лизюкова. В очерке о Жукове пропущено награждение его второй Золотой Звездой Героя Советского Союза (по тексту должно быть на с. 356). Есть опечатки в датах. В очерке о И.В. Болдине на с. 48 вместо 21 октября 1939 г. указан 1941 г., на с. 251, в очерке о Тимошенко, вместо 1942 г. назван 1941 г. Дважды упомянута дата смерти Ворошилова: на с. 313–2 декабря 1963 г., а на с. 324 – 2 декабря 1969 г. (последняя правильна). На с. 335 исключена фамилия члена Военного Совета 1-го Украинского фронта К.В. Крайнюкова. Есть и другие опечатки. Но все эти недочеты не умаляют достоинств книги.

Создан полезный в научном и познавательном отношении международный труд, который найдет широкого читателя.

А.С. Орлов,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института военной истории МО РФ

Р. Кальдера. АНДРЕС БЕЛЬО. М.: Российский комитет сотрудничества с Латинской Америкой. 1995, 208 с.

Выход в свет рассматриваемой книги – двойное событие в отечественной латиноамериканистике. Это первая в нашей стране монография о выдающемся латиноамериканском просветителе Андресе Бельо и первая переведенная на русский язык работа видного государственного деятеля Венесуэлы Рафаэля Кальдера. Автор книги – президент Венесуэлы в 1969–1974 гг. и с 1993 г. по настоящее время. В то же время он известный ученый, доктор политических наук, профессор Центрального университета Венесуэлы и Католического университета имени Андреса Бельо, автор многих книг по латиноамериканской истории, юриспруденции и культуре. Первой его работой по истории своей страны и стала книга об Андресе Бельо, переиздававшаяся только в Венесуэле восемь раз и многократно изданная за рубежом на испанском, английском, французском, итальянском, португальском языках. Перевод с испанского языка на русский осуществлен по каракасскому изданию 1992 г. После выхода первой книги Кальдера не раз обращался к биографии Бельо¹.

¹ *Caldera R. Caracas, London, Santiago de Chile: las tres etapas de la vida de Bello. Caracas, 1981; idem. El pensamiento político y social de Andrés Bello. Caracas, 1987.*

Фигура Андреса Бельо (1781–1865) – писателя, историка, филолога, правоведа, государственного деятеля – поражает своей разносторонностью и масштабностью даже в сравнении с энциклопедистами Европы, а для Латинской Америки Бельо стал Колумбом духовной жизни всего континента. Представляя своего героя, Кальдера подчеркивает, что Венесуэла дала миру трех великих деятелей: Франсиско Миранду, Симона Боливар и Андреса Бельо. "Все трое, – пишет он, – принадлежат к лучшим из лучших представителей нашего континента. Миранда вошел в историю как Предтеча, Боливар как Освободитель, Бельо – как Просветитель" (с. 11). Последнее понятие объединяет различные направления деятельности Бельо. Показать этого человека во всем богатстве его деяний – вот задача, которую поставил перед собой автор: "Не просто изложить события его жизни, но привлечь внимание к его трудам и, самое главное, попытаться обобщить его идеи, по сей день сохраняющие свою жизненность для Америки" (с. 14). В соответствии с этим замыслом Р.Кальдера разделяет книгу на две части, озаглавив их: "Личность" и "Мудрец". В первой дается очерк жизни Бельо, во второй – анализ его деятельности и творчества.

Источниками для написания книги послужили

прежде всего Полное собрание сочинений Бельо в 22-х томах – самое систематизированное издание его трудов, а также современная Бельо пресса, письма и воспоминания его сотрудников на педагогическом и юридическом поприщах. Р. Кальдера использовал и обширную литературу о Бельо, в том числе и работы весьма критически настроенных по отношению к нему авторов, конкретными фактами доказывая в полемике с ними справедливость своих утверждений.

Андрес Бельо родился в семье адвоката в Каракасе – столице испанской колонии генерал-капитанства Венесуэла. Он получил хорошее образование, окончил Каракасский университет со степенью бакалавра искусств, но продолжал изучать право и медицину, овладел французским и английским языками. затем поступил в администрацию генерал-капитанства. Переломным моментом в его жизни стало 19 апреля 1810 г. В этот день венесуэльские патриоты подняли восстание, явившееся началом Войны за независимость испанских колоний в Америке, и свергли генерал-капитана. Бельо занял важные посты в новых органах власти и в августе 1810 г. был направлен в составе дипломатической миссии в Лондон добиться если не прямой помощи Англии, то хотя бы "благожелательного нейтралитета" в борьбе против Испании. На родину ему уже не суждено было вернуться.

В Англии Бельо пробыл почти 20 лет. Он покинул Венесуэлу сформировавшимся гуманистом, но в Лондоне, отмечает автор, "приобретет широчайшую эрудицию, достигнет той удивительной ясности стиля, которая будет присутствовать потом в его трудах" (с. 25). Знакомство с английскими учеными – И. Бентамом, Дж. Миллем, дружба с Мирандой и другими американскими изгнанниками способствовали его напряженным интеллектуальным занятиям, но сама жизнь в Лондоне была тяжела: неблагоприятная работа ради куска хлеба, чтобы прокормить семью, тоска по родине, смерть малолетних детей... Пристально следя за тем, что совершалось в его родной Испанской Америке, где одна за другой рождались независимые республики, Бельо в 1822 г. поступил на службу в дипломатическое представительство Чили, а в 1829 г. принял предложение переехать в Чили, где прожил три с половиной десятилетия, вплоть до своей смерти в 1865 г.

Наступило "время собирать урожай", как определил Р. Кальдера чилийский период его жизни. Деятельность Бельо в этой стране была необычайно разносторонней. Один из руководителей министерства иностранных дел, сенатор, советник правительства, разработчик "Гражданского кодекса", создатель и пожизненный ректор Чилийского университета – таков далеко не полный перечень его постов. В то же время именно в Чили были написаны и изданы многочисленные труды Бельо по философии, филологии, юриспруденции, исто-

рии, литературно-критические работы и стихотворения.

Анализу творчества Бельо посвящена вторая, основная часть книги; по объему она в пять раз больше первой. Одни лишь названия глав дают представление как об энциклопедичности творчества Бельо, так и об обстоятельствах исследования Р. Кальдерой его трудов: "Философ", "Человек искусства", "Филолог", "Педагог", "Юрист", "Обществовед". В каждой из глав автор стремится выявить значимость идей Бельо для всей Латинской Америки.

Начиная с "Философии понимания" (1843 г.) – основного общетеоретического труда Бельо, отдавая должное оригинальности его идей, Р. Кальдера всячески подчеркивает, что они – плод латиноамериканской почвы, отражение общественных стремлений и влияния природы Иberoамерики. Большинству латиноамериканцев Бельо известен как поэт. Кальдера же стремится прежде всего показать, что он "был освободителем Америки в области искусства" (с. 95). Одно из наиболее известных стихотворений Бельо – оду "Сельскому хозяйству в тропической зоне" – он характеризует следующими словами: "До появления Бельо в Америке царил литературный обскурантизм, искусство было шаблонным, речь – вялой, а природа – безмолвной. Пришел Бельо – и родилась мысль, эстетика, стиль, филология, национально-самобытная вдохновенность, порожденная великолепной и щедрой природой Америки" (с. 95). Более того, задачей литературно-критической деятельности Бельо Р. Кальдера, явно преувеличивая, считает "отстаивание исторического подхода и социальной направленности произведений словесности" (с. 107). Впрочем, если отойти от поэзии, то все другие стороны творчества Бельо, пожалуй, подпадают под это определение.

Одна из важнейших работ Бельо – "Грамматика кастильского языка для испаноамериканцев". Он был основоположником латиноамериканской филологии, разработав общую теорию языкознания, в которой выявился "чудесный синтез новаторства и традиции" (с. 114). Р. Кальдера считает, что Бельо "был самым настоящим революционером в грамматике": он пришел к заключению, что "языки, подобно живым организмам, постоянно усваивают, ассимилируют новые элементы. Извлекая эти слова из окружающей среды обитания, люди, говоря на своем языке, приводят их в соответствие с господствующими в том или ином обществе идеями, обновляющимися под воздействием внешних факторов" (с. 114). Мнение Р. Кальдеры подтверждают приводимые им слова Бельо: "Лишь народ является истинным и единственным творцом языка" (с. 115). "Грамматика..." Бельо была написана специально для испаноамериканцев – с целью сохранения общего для них испанского языка, для того чтобы не допустить превращения диалектов в государственную норму,

когда "Сантьяго, Лима, Буэнос-Айрес, Мехико заговяют каждый на своем языке" (с. 130). Тем самым, пишет автор, Бельо боролся за единство народов Латинской Америки.

Не меньшее значение для молодых государств Западного полушария имели труды Бельо по юриспруденции. В первую очередь это касалось международного права: возникшие на месте испанских колоний независимые республики, слаборазвитые и истощенные многолетними освободительными войнами, нуждались в четком определении своих прав, чтобы в конфликтах с могущественными державами юридически защищать свое положение, которое они не могли отстаивать силой. Вышедшие в 1844 г. в Чили "Основы международного права" Бельо были вскоре же переизданы в Колумбии, Боливии, Перу и Венесуэле, а затем в Париже и Мадриде. Мысль о необходимости отстаивать независимость, стоившую стольких жертв, пронизывает все труды Бельо, посвященные, казалось бы, сугубо правовым вопросам. Он утверждал, что Война за независимость в Испанской Америке была гражданской войной, но добавлял: "Когда новое государство, возникшее в результате гражданской войны или иным образом, начинает действовать как независимое, оно получает полное право на то, чтобы народы, с которыми оно не находится в состоянии войны, не посягали на его независимость" (с. 164). Столь же важным вопросам посвящен составленный Бельо "Гражданский кодекс", отражавший потребность привести законы "в соответствие с действующими формами общественного порядка" (с. 153). Затем он был взят за образец в Никарагуа, Колумбии, Эквадоре, Уругвае, Аргентине и Бразилии.

Особый интерес представляет последняя глава книги, посвященная трактовке Андресом Бельо проблем общественной жизни Латинской Америки. Р. Кальдера подходит к ним прежде всего как критик его трудов, обходя собственно общественную деятельность Бельо, которая и поныне вызывает споры в исторической литературе². Начав с совместной работы с Боливаром в составе дипломатической миссии 1810 г., Бельо в дальнейшем отошел от непосредственного участия в освободительном движении, наблюдая за ним из далекого Лондона, что зачастую вызывало неприязнь на его родине. Р. Кальдера не считает нужным останавливаться на этом, отмечая лишь "незаслуженную клевету, болью отдававшуюся в сердце дона Андреса" (с. 26). Гораздо важнее для автора проанализировать исторические идеи Бельо, глядя на них не пристрастным взором современника событий, а объективным, хотя и благожелательным взглядом ученого.

Здесь на первое место выходит оценка колониального господства Испании в Америке. Если борцы за независимость всегда подчеркивали гнет метрополии, притеснения колониального режима, контроль Испании над экономической и духовной жизнью колоний, то Бельо, отмечает Р. Кальдера, стремясь "примирить патриотизм с историческими фактами", выступал против ряда обвинений в адрес Испании. В обширной работе 1844 г., посвященной критике книги Х. Ластарриа "Исследования о влиянии конквисты и испанской колониальной системы в Чили", Бельо писал: "Нам глубоко отвратительно мнение, будто народ Чили (как и другие испаноамериканские народы) глубоко унижен, почти полностью истреблен и лишен каких бы то ни было общественных добродетелей... Испаноамериканская революция противоречит подобным утверждениям. Некогда глубоко униженный, чуть ли не целиком истребленный и лишенный добродетелей народ не мог бы провести столь блистательные военные кампании и принести также жертвы, благодаря чему Чили и другие страны Америки добились политического освобождения" (с. 180). "Неужели родина наших отцов, – писал он в другой работе, – всегда будет для нас вражеской землей?" (с. 179).

Эти строки оказались весьма актуальны в наши дни, когда в связи с 500-летием открытия Америки, обсуждая значение этой даты, большинство ученых и общественных деятелей пришли к выводу, что ее следует отмечать не как начало колонизации Америки, а как "встречу двух миров", двух цивилизаций.

Значение идей Бельо для Латинской Америки огромно. Но оно не ограничивается лишь рамками этого континента. "В моменты, когда в силу коллективной потребности и по велению эпохи утилитаризм расцветает, причем иногда так пышно, что деформирует дух, отрицает гуманистические ценности, попирает основное содержание культуры и подчиняет ее безнадежным поискам чисто материальных интересов, замаскированных под технический прогресс, обращение к наследию таких разносторонних и одновременно целостных людей, как Бельо, может означать для нас спасение" (с. 203), – заканчивает книгу Р. Кальдера.

В "Предисловии к русскому изданию" автор высказал надежду, что его книга послужит "еще одним основанием для того, чтобы полюбить Латинскую Америку" (с. 12). Безусловно, его надежда оправдается.

Е.Л. Ровинская,
редактор отдела журнала "Новая
и новейшая история"

² Шульговский А.Ф. Боливар и Бельо: их роль в борьбе за свободу Латинской Америки. – Латинская Америка, 1981, № 6.

DIE ROTE KAPELLE IM WIDERSTAND GEGEN DEN NAZIONALSOZIALISMUS. Hrsg. H. Coppi, J. Danyel, J. Tuchel. Berlin: Edition Hentrich, 1994, 307 S.
"КРАСНАЯ КАПЕЛЛА" ПРОТИВ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА В ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ. Под ред. Г. Коппи, Ю. Даниэля, Й. Тухеля. Берлин, 1994, 307 с.

В истории борьбы немецких демократов против гитлеровской диктатуры видное место принадлежит подпольной организации, которая в нацистских документах именовалась "Красная капелла" и под этим названием вошла в историю. Ее отличала широта социального состава; имелись связи с коммунистическим подпольем, определявшиеся идейной близостью ряда ее участников – представителей немецкой интеллигенции – к научному социализму.

Книга представляет собой сборник статей, подготовленных на основе докладов на научной конференции мемориала немецкого Сопrotивления в Берлине, состоявшейся в 1992 г. в связи с открытием выставки о "Красной капелле". Доклады основаны на архивных документах и освещают разные стороны деятельности антифашистов, их жизненный путь, историю слежки за ними гестапо, суда над ними и их казни.

Общий, установочный характер имеет статья директора Мемориала П. Штайнбаха «"Красная капелла". 50 лет спустя», в которой изложена оценка изучения в обоих германских государствах с 40-х до начала 90-х годов истории "Красной капеллы". "Остракизм, – подчеркивает П. Штайнбах, – которому "Красная капелла" подвергалась в ФРГ до воссоединения Германии, определялся прежде всего антикоммунистическими настроениями "холодной войны", широко распространенными убеждениями, что речь идет о "шпионской организации предателей родины", активно действовавшей в годы второй мировой войны в пользу СССР. П. Штайнбах вспоминает 50-е годы, когда в ФРГ в ходе судебного разбирательства дела бывшего нацистского генерального судьи и главного обвинителя против "Красной капеллы" М. Рёдера, приговорившего к смертной казни десятки членов этой антифашистской организации. М. Рёдер фактически выступал в привычной ему роли, полностью повторяя клевету нацистов. Тогда же, отмечает П. Штайнбах, немногих уцелевших участников "Красной капеллы" власти ФРГ лишили материальной компенсации, полагаваемой активным антифашистам.

В западногерманской литературе по истории Сопrotивления, когда речь шла о "Красной капелле", все внимание сосредоточивалось на ее разведывательной деятельности в пользу СССР, хотя свидетельствовавшие об этом советские документы были абсолютно недоступны. Другие стороны деятельности антифашистов – пропагандистская, просветительская, издательская – замалчивались или даже отрицались.

Однобокому освещению истории "Красной капеллы" по-своему способствовали работы историков СССР и ГДР. В них неизменно подчеркивалось все, что имело отношение к участию "Красной капеллы" в информировании СССР о военных приготовлениях Германии, направленных против Советского Союза. При этом публиковались донесения, которые Х. Шульце-Бойзен, А. Харнак и их друзья будто бы направляли в Москву после 22 июня 1941 г. Кроме того, в соответствии с господствовавшей в ГДР доктриной, согласно которой руководящей силой в движении Сопrotивления была Коммунистическая партия Германии (КПГ), в деятельности "Красной капеллы" преувеличивалась роль КПГ. В жизни все было гораздо сложнее; хотя коммунисты и принадлежали к активным участникам организации, их идеология не имела определяющего влияния. Идейной основой деятельности "Красной капеллы" был не коммунизм, а антифашизм. У немецких патриотов, боровшихся против нацизма и войны, были разные представления о характере и методах этой борьбы.

П. Штайнбах отмечает, что с окончанием "холодной войны" в ФРГ стало меняться и отношение к "Красной капелле". Новые источники заставили пересмотреть точку зрения на историю этой организации. Стала известна правда о том, что представляла собой разведывательная деятельность "Красной капеллы". С обнаружением немецких¹, а также советских² и американских³ документов, с выходом в свет мемуаров советских разведчиков Л.З. Треп-

¹ Griebel K., Coburger M., Scheel H. Erfasst? Das Gestapo – Album zur Roten Kapelle. Berlin, 1992.

² Кириллов И., Мурин Ю., Николаев Г., Сизачев Ю., Степанов А. Из истории Великой Отечественной войны. Накануне войны (1940–1941 г.). О подготовке Германии к нападению на СССР. О разведывательной деятельности органов госбезопасности накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз. Справка Комитета государственной безопасности СССР. – Известия ЦК КПСС, 1990, № 4, с. 198–223; Решин Л.Е. Разведчиков готовили по энциклопедическому словарю. – Источник, 1994, № 4; Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март – июнь 1941 г. М., 1995.

³ The Rote Kapelle: The CIA's History of Soviet Intelligence Networks in Western Europe, 1936–1945. Maryland, 1979.

пера⁴ и П.Г. Судоплатова⁵, с появлением материалов о ныне здравствующем руководителе советской агентуры в Бельгии А.М. Гуревиче и после его публичных выступлений⁶ стало ясно, что утверждения о передаче "Красной капеллой" Советскому Союзу военных тайн "третьего рейха" после нападения Германии на СССР – не более, чем миф.

Наибольший интерес в сборнике вызывает основанная на архивах разведывательных ведомств бывшего СССР документальная публикация «Российские источники по "Красной капелле"», подготовленная немецким исследователем Г. Коппи совместно с российскими учеными Б.Л. Хавкиным и Ю.Н. Зоря. Публикация содержит 63 документа, снабженных обстоятельными комментариями. Историки впервые вводят в научный оборот выявленные в архивах к 1993 г. предупреждения о подготовке гитлеровской агрессии против СССР, которые Харнак с осени 1940 г., а Шульце-Бойзен с марта 1941 г. передавали в советское полпредство в Берлине до 17 июня 1941 г.⁷ Но Сталин игнорировал предупреждения немецких антифашистов.

Публикация ставит под сомнение многие представления, господствовавшие ранее в историографии ФРГ, ГДР и СССР. Можно считать доказанным, что после 22 июня 1941 г. имевшиеся для связи с Москвой радиопередатчики вообще не использовались из-за их технической непригодности и плохой специальной подготовки радистов "Красной капеллы". Если какие-то сведения и были сообщены в Москву, то только с помощью А.М. Гуревича, в октябре 1941 г. посетившего Берлин и встречавшегося с Шульце-Бойзенем. Таким образом, версия о том, что берлинская группа "Красной капеллы" своей разведывательной деятельностью в пользу СССР нанесла "третьему рейху" серьезный ущерб, не подтверждается. Надо иметь в виду и то, что участники военной оппозиции Гитлеру, известные как деятели 20 июля 1944 г., ставили западных противников "третьего рейха" в известность о военных планах Гитлера, о чем также говорится в книге. Однако факт сотрудничества оппозицион-

ных нацизму германских военных с англичанами и американцами не воспринимался в послевоенной Западной Германии негативно. Значит, вся разница в том, кому передавались военные секреты нацистов – западным странам или СССР.

В том, что часть российских документов по истории "Красной капеллы" стала достоянием гласности, велика заслуга Г. Коппи. Сын казненных гитлеровцами немецких антифашистов Ганса и Хильды Коппи, историк из Берлина стремился лично ознакомиться с российскими архивными материалами по "Красной капелле", увидеть оригиналы, ныне опубликованные в книге О. Царева и Дж. Костелло⁸. В рассматриваемом труде Г. Коппи выступает и как один из редакторов и как автор биографических очерков о Шульце-Бойзене⁹ и его жене Либертас и о полковнике Э. Герсте, коллеге Шульце-Бойзена по работе в имперском министерстве авиации.

В создании книги участвовал один из активных деятелей "Красной капеллы" историк Г. Шеель, умерший в январе 1996 г. Его перу принадлежит очерк «"Красная капелла" – Сопротивление, преследования, аресты», основанный как на личных воспоминаниях, так и на архивных источниках; в сборнике опубликованы также его биографические заметки об антифашистах супругах Элизабет и Курте Шумахер.

Серьезный интерес представляют статьи, в которых исследуются материалы следствия и суда над членами этой организации. Один из редакторов книги Й. Тухель изучил документы специальной комиссии гестапо "Красная капелла", а Н. Хаазе – документы германского имперского военного суда по этому делу. Эти источники стали доступными лишь в последние годы – некоторые документы оставались под спудом не только в СССР. Работы Й. Тухеля и Н. Хаазе обстоятельно раскрывают коварные методы работы карательных органов нацизма, показывают мужество обвиняемых, стойко защищавших свои убеждения перед гитлеровскими палачами в эсэсовских мундирах и судейских мантиях, из них после войны никто не понес наказания.

Среди героев "Красной капеллы" было много женщин. О них идет речь в статье М. Кобургер «Женщины в берлинской "Красной капелле"». Ее перу принадлежит также биографический материал еще об одной супружеской паре – активистах организации Марте и Вальтере Хузман.

Большой интерес вызывает работа дипломата, бывшего посла ФРГ в Москве У. Зама "Ильзе Штёбе". И. Штёбе, связанная с советской военной разведкой, была осуждена и казнена по делу

⁴ Перро Ж. Красная капелла. М., 1990; Треннер Л.З. Большая игра. Воспоминания руководителя "Красного оркестра". М., 1990.

⁵ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.

⁶ Тайна "Кента": судьба советского разведчика А.М. Гуревича. – Новая и новейшая история. 1993, № 5: Возвращение к живым. Интервью А.М. Гуревича. – "Совершенно секретно", 1993, № 9.

⁷ См. также: Секреты Гитлера на столе у Сталина, с. 35–37, 61–62, 65–66, 93, 102–104, 121–122, 155–156, 161–162.

⁸ Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. М., 1995.

⁹ Coppi H. Harro Schulze-Boysen. Wege in den Widerstand. Eine biographische Studie. Koblenz, 1993.

"Красной капеллы", хотя в этой организации она не участвовала. Анализируя документы гестапо и судебные материалы, У. Зам пришел к выводу о недоказанности обвинения в адрес Штёбе. Карательный аппарат "третьего рейха" – в этом он был весьма близок к своему аналогу в СССР, репрессировавшему Р. Барта, Й. Венцеля, А.М. Гуревича, Р. Дюбендёрфер, Л.З. Треппера и многих других немецких антифашистов и советских разведчиков¹⁰ – карал даже за несовершенные преступления, основываясь на подозрениях и не утруждая себя поиском юридических доказательств.

Б. Херлеман, специалист по истории коммунистического подполья в годы нацизма, выступила со статьей «"Красная капелла" и коммунистическое Сопротивление». Подчеркивая, что она не собирается отрицать активную деятельность коммунистов в "Красной капелле", автор отмечает, что состав "Красной капеллы" значительно отличался от состава коммунистических групп. Коммунисты – участники "Красной капеллы", как правило, были исключены из партии за "уклоны" и оппозиционность "генеральной линии" КПГ. Поэтому не могло быть и речи об их подчинении директивам ЦК КПГ, тем более, что и технически это было невозможно. Иное дело – помочь "отечеству трудящихся всего мира" СССР встретить гитлеровскую агрессию во всеоружии. Отсюда – предупреждения о ходе подготовки нацистов к нападению на СССР, которые Шульце-Бойзен, Харнак и их единомышленники передавали в советское полпредство в Берлине¹¹.

¹⁰ См. также: In den Fängen des NKWD. Deutsche Opfer des stalinschen Terror in der UdSSR. Berlin, 1991.

¹¹ См.: *Пеццерский В.Л.* Два досье "Красной капеллы". – Военно-исторический журнал, 1995, № 6: *его же.* Неразгаданные тайны "Красной капеллы". – Новая и новейшая история, 1996, № 3.

В статье "Формирование групп в Сопротивлении" Я. Фойцик анализирует особенность "Красной капеллы" как организации, стремившейся к максимально широкому охвату противников гитлеризма из разных социальных слоев – от рабочих до богемы. При этом важнейшими факторами были личное знакомство, надежность, человеческая порядочность. Провал организации произошел не в результате предательства или проникновения в нее гестаповских агентов, а вследствие дешифровки нацистскими спецслужбами директивы Москвы о восстановлении прервавшейся после нападения Германии на СССР связи с группой Шульце-Бойзена – Харнака, направленной в Брюссель А.М. Гуревичу.

"Красная капелла" своей пропагандистской деятельностью оставила след в истории антифашистского Сопротивления. В 1942 г. ее члены написали и распространяли в Берлине листовку "Нацистский рай", разоблачавшую ложь геббельсовской пропаганды. Заслуживает внимания брошюра Шульце-Бойзена "Жизнь Наполеона", написанная осенью 1941 г., в которой проводилась параллель между фашистским "блицкригом" и походом Наполеона в Россию в 1812 г. и высказывалась уверенность в поражении Гитлера. В 1941 г. эта брошюра нелегально распространялась в антифашистских кругах Берлина.

Книга, подготовленная германскими и российскими авторами и приуроченная к 50-летию Победы над фашизмом во второй мировой войне, не только может служить образцом сотрудничества историков наших стран, но и является примером современного взвешенного, непредвзятого и не "заидеологизированного" подхода к изучению истории антифашистской борьбы в Германии.

Л.И. Гиццберг,
доктор исторических наук

© 1997 г.

Н. Л. ТУДОРЯНУ

ПОМОЩЬ АВСТРАЛИЙЦЕВ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Известие о нападении фашистской Германии на СССР всколыхнуло весь мир. Во всех странах по инициативе прогрессивной общественности началось широкое движение населения по оказанию моральной и материальной помощи советскому народу. Если помощь США СССР по ленд-лизу стала в последние годы известна российскому читателю, то о гуманитарной помощи населения других стран советскому народу в годы войны почти неизвестно.

Одной из первых откликнулась далекая Австралия. Движение австралийцев по оказанию помощи советским людям возглавила видная общественная деятельница Австралии, председатель объединенной женской Ассоциации Дж. Стрит. Задолго до войны она возглавила Сиднейское общество культурного сближения с СССР, вела переписку с Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (ВОКС), а в 1938 г. посетила Советский Союз. Впоследствии она выступала с докладами и лекциями о СССР.

В начале июля 1941 г. по инициативе Дж. Стрит на основе Общества культурных связей с СССР был создан "Комитет медицинской и вещественной помощи России". Такие же комитеты были образованы во всех главных городах штатов, за исключением Тасмании, во многих городах по всей стране, на фабриках и заводах. Так, в штате Новый Южный Уэльс "Комитет медицинской помощи России" был создан на большом Конгрессе дружбы и помощи Советскому Союзу, состоявшемся в Таун Холле 30 августа и на стадионе Лейнхардт 31 августа 1941 г. В работе конгресса участвовали 2300 делегатов, представлявших 594 организации. Президентом комитета был избран Бургман – епископ Голбурнский¹. Конгресс был самым большим в Австралии и отразил искреннее желание австралийцев помочь советскому народу в общей борьбе за победу над фашизмом.

В целях организации кампании помощи СССР

в масштабах всей страны 25 сентября 1941 г. в Канберре был созван митинг представителей всех штатов Австралии. Избранная на митинге делегация посетила правительство и изложила ему ряд требований: выдать "Комитету медицинской и вещественной помощи России" разрешения для экспорта из Австралии в Россию медикаментов, продовольствия, госпитального оборудования, шерстяных вещей, выделанных овчин и всего необходимого в помощь раненым и лишенному крова населению; разрешить Комитету переводить деньги в другие страны для закупки медикаментов и госпитального оборудования, которых нельзя было приобрести в Австралии; снять пошлины на материалы, закупленные Комитетом; разрешить производителям и поставщикам материалов, запрашиваемых Советским Союзом, сопровождать эти материалы до места назначения; организовать запрос премьер-министра в парламент о поддержке кампании помощи советскому народу; провести совместными усилиями национальный русский день по всей Австралии².

Произошел перелом и в сознании духовенства, вышедшего из-под влияния антисоветской пропаганды. В начале декабря 1941 г. состоялась конференция Конгрегационной церкви в присутствии священнослужителей различных протестантских направлений и раввина. Она приняла резолюцию: "Конференция духовенства и священнослужителей выражает свое глубокое восхищение героизмом русского народа, противостоящего провокационному нападению нацистов, и просит все церковные организации сообщить, какую поддержку или медицинскую помощь России они могли бы оказать". Духовенство просило направить эту резолюцию советскому правительству с заверением, что "вся работа будет выполнена в соответствии с постановлением"³. Среди попечителей "Комитета медицинской помощи и поддержки России", как он стал называться, были иерархи англиканской церкви и руководители Верховного Совета Церк-

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 5283, оп. 15, д. 59, л. 145.

² Там же, д. 20, л. 58.

³ Там же, д. 59, л. 138.

вей, в ведении которого находились все христианские церкви, кроме римско-католической. В последнее воскресенье 1941 г. в Сиднее была устроена объединенная церковная служба, имевшая большой резонанс в стране.

Население Австралии проявило огромную симпатию к русскому народу, сознавая, что в борьбе с фашизмом решалась не только судьба России, но и Австралии, Англии и всех цивилизованных стран. Хотя газеты сообщали о приближении немцев к Москве, австралийцы "были уверены, что даже, если Москва будет взята, русский народ все равно не будет побежден"⁴.

"Комитет медицинской помощи и поддержки России" развернул большую работу среди населения страны. Его члены организовывали митинги, выставки об СССР периода войны, концерты русской и советской музыки, демонстрировали кинохронику об СССР, выступали с докладами и лекциями. Дж. Стрит в этой связи писала: "Всколыхнулась такая волна симпатии и интереса к России, мы окунулись в такое море работы в нашем новом Комитете, что времени совершенно не хватает"⁵. Призыв Комитета о сборе средств для оказания помощи России нашел широкий отклик среди австралийцев, особенно в рабочих организациях. Портовые рабочие, а также рабочие других специальностей в день получения собирали средства и каждую неделю приносили в Комитет крупные суммы денег. Уже в первой половине октября 1941 г. в советское генеральное консульство в Сан-Франциско было отправлено 30 тыс. долл. для приобретения медикаментов⁶. На собранные у населения средства была закуплена и отправлена в советскую страну большая партия подарков для бойцов Красной Армии. О поступлении этих подарков по назначению свидетельствовали благодарственные письма советских солдат австралийцам, сохранившиеся в архивах.

В 1942–1943 гг. были приобретены и отправлены в СССР через Персидский залив около 325 тыс. выделанных овчин, поступившие затем в бакинские склады. По отчету Комитета с июля 1941 г. по июнь 1945 г. было собрано пожертвований на 200 тыс. австр. ф. ст., отправлено в СССР 36 контейнеров различных медикаментов, 200 контейнеров разнообразного медицинского

оборудования, десятки контейнеров теплой одежды.

В сентябре 1944 г. Наркомздрав СССР на средства, собранные австралийским "Комитетом медицинской помощи и поддержки России", решил оборудовать две больницы в Гомеле и Витебске по 500 коек каждая⁷. Помощь советскому народу поступала и от Австралийского Красного Креста. В 1944–1945 гг. в различные организации СССР пришло более 1300 писем от австралийских школьников, студентов, людей разных возрастов и специальностей, желающих переписываться с советскими гражданами⁸.

В Австралии накануне второй мировой войны проживало около 40 тыс. славян, в частности в Канберре из 12982 славян 4890 были русскими⁹. Более половины славянского населения страны составляли южные славяне, в основном хорваты из Далмации. Интеллигенции среди славян было очень мало. В течение многих лет в Австралии работали различные славянские организации. Наиболее крупной из них была "Федерация югославских эмигрантов", ответственным секретарем которой был политический эмигрант И. Косович, ставший впоследствии югославским консулом в Австралии. Во время войны "Федерация югославских эмигрантов" активно боролась за открытие второго фронта и за признание правительства Иосипа Броз Тито¹⁰.

В сентябре 1944 г. в Сиднее состоялась славянская конференция, в которой участвовала 41 делегация из Южного Уэльса, Викторнии, Западной Австралии и Южной Австралии. Впервые русские, сербы, хорваты, поляки, чехи, словаки и болгары заложили основу единства и сотрудничества между австралийскими славянами. Конференция прошла с большим успехом. Вслед за конференцией в октябре 1944 г. состоялся первый Австралийский славянский конгресс, открытие которого ознаменовалось массовыми митингами во всех крупных городах страны. Председателем Австралийского славянского конгресса был избран З. Дарвеница, секретарем – Г. Стипеч и казначеем М. Юнгер¹¹. Австралийский славянский конгресс занимался сбором средств в пользу Красной Армии и разоренных фашистскими оккупантами славянских стран.

⁴ Там же, д. 20, л. 85.

⁵ Там же, л. 79.

⁶ Там же, л. 85.

⁷ Там же, л. 11, 19, 26.

⁸ Там же, д. 133, ч. I, л. 8, 20, 21.

⁹ ГАРФ, ф. 6646, оп. 1, д. 97, л. 3.

¹⁰ Там же, д. 148, л. 54.

¹¹ Там же.

МАКС ВЕБЕР В ВЕНЕ В 1918 г.

Макс Вебер – мыслитель эпохи перемен, и в этом смысле он наш современник. Научная и политическая деятельность и даже личная судьба ученого вобрала в себя противоречия и катаклизмы его времени.

Существует множество интерпретаций его научных и политических идей, однако вне поля зрения ученых остается, как правило, личность автора. Обращение же к личности Вебера необходимо – его биография неотделима от истории времени, и в этом смысле характерен эпизод его пребывания в Вене в 1918 г.

Отъезд Вебера в Австрию весной 1918 г. не был поиском передышки, паузой для отдыха в тяжелые для Германии годы, поскольку и Австрия воевала на стороне держав Центрального блока.

В воспоминаниях вдовы Вебера Марианны его пребывание в Вене названо "интермеццо"¹ и характеризуется как некий чуждый течению его жизни "вставной эпизод". Вероятно поэтому, венский период деятельности Вебера во всех биографических справках вкладывается в одну скупую строчку: читал лекции по социологии религии в Венском университете.

Вена в переломную для истории XX в. весну 1918 г. – это нечто большее, чем Гейдельберг, где до этого работал Вебер.

Из чопорного академического Гейдельберга Вебер уехал без сожаления, хотя незавершенных дел у него оставалось немало. Ученый устал от бессмысленных рассуждений о конце цивилизаций, от мистических настроений и болезненных прогнозов. Чашу терпения переполнила дискуссия на тему "Смысл и задачи нашего времени", прошедшая осенью 1917 г. под эгидой книгоиздательского дома Е. Дидерихса. Вебер раздраженно вслушивался в призывы к новой социальной общности и новым верованиям, в сентенции о бесплодности творческого труда и обманутых надеждах. Его задела и неприятно поразила слепая готовность молодежи, участвовавшей в дискуссии, отказаться от ценностей культуры и человеческого общежития. Размытым романтическим мечтам о будущем мире, солидарности и социализме Вебер склонен был противопоставлять жесткую и четкую характеристику ситуации и такой же ясности ожидал от других, но вместо определенности оценок натолкнулся на стену отчуждения.

Вена же того времени оставалась средоточием новых веяний в науке, искусстве. С особой

силой и блеском расцвел здесь "югендстиль", хиревший и увядавший в Германии, а вся духовная жизнь австрийской столицы была пропитана духом новизны. Импрессионизм, культ формы, слова изгоняли позитивистский натурализм не только в искусстве, но и в социальной науке. "Интеллектуальное обновление на экономических руинах", – так характеризовал эту ситуацию историк В. Джонстон².

Если Германию преследовали, говоря словами Т. Манна, "видения Апокалипсиса", ощущения неотвратимой катастрофы, а введенное там в январе 1915 г. рационированное распределение товаров и продуктов питания внесло в настроение немцев ноту холодной напряженности и подавленности, то в Австрии, где тоже господствовало военное положение, "общественная жизнь" не прекращалась ни на минуту. Вебер с удовольствием отмечал: "Театры полны, повсюду царит сказочная изысканность и элегантность". Художественные выставки и салоны, театральные премьеры в Бургтеатре и Королевской опере, первые исполнения произведений самых ярких музыкантов, например Рихарда Штрауса, и литературные чтения самых притягательных поэтов и публицистов – Артура Шницлера и Карла Крауса. Всех их манила и объединила Вена, даже в суровом военном 1918 г. Австрийский историк Р. Плашка отмечал: "Вена – единственный город в Европе, который является европейским во всех своих проявлениях и представляет не только национальную культуру. Вена – естественный центр европейской цивилизации"³.

Переговоры о возможном чтении курса лекций в Венском университете Вебер вел давно и даже выезжал для этого в Вену осенью 1917 г. Он прибыл в университет весной 1918 г., за несколько недель до начала семестра. Первым делом он занялся поиском приличной квартиры, что в условиях военного положения было отнюдь не просто. С трудом удалось найти пристанище в построенном в 1912 г. респектабельном пансионе "Балтик", и 9 апреля Вебер представил документ об этом университетской администрации⁴. Отрадным было то, что пансион находился в десяти минутах

² Johnston W.M. *Österreichische Kultur- und Geistesgeschichte*. Wien, 1974. S. 87.

³ Плашка Р. Вена в европейской исторической перспективе. – *Европейский альманах*. М., 1992, с. 143–144.

⁴ Документ любезно предоставлен автору директором Института социологии в Вене профессором А. Аманом.

¹ Weber M. *Max Weber: Sein Lebensbild*. Tübingen, 1926. S. 607.

ходьбы от факультета и Национальной библиотеки, а проходившая рядом трамвайная линия удобно связывала его с привлекательными уголками города и пригородами. Пансион "Балтик" существует и сегодня, но переживает не лучшие дни. Ему уже не принадлежит мансарда, квартиру в которой занимал Вебер, а документы о постояльцах той поры давно исчезли.

Над Вебером – в обыденной жизни замкнутым, суровым человеком – как будто бы зажглась и засияла звезда обновления. Болезнь, отравлявшая ему жизнь в Гейдельберге, казалось, внезапно отступила, он был весел, необычно контактен и впервые за много лет до полуночи засиживался в обществе старых знакомых из научных кругов, среди политических деятелей, журналистов. Автору настоящих строк удалось найти неизвестное ранее письмо Вебера к одному из них – Антону Беттельхайму (1851–1930 гг.), венскому писателю и публицисту. Судя по переписке Вебера и даже по этому письму от 24 января 1913 г., круг его знакомых в Вене был обширен.

Полный энергии, Вебер взялся за работу, начатую еще дома, и по листам восстанавливал весь замысел и уже готовые части большого труда "Хозяйство и общество".

Вебер был знаком с трудами профессора Карла Менгера, главы австрийской школы национал-экономики⁵, давно признанными классикой историко-экономической науки. В лекционной программе "Основания общей (теоретической) национал-экономики", составленной еще в 1898 г. для студентов Гейдельбергского университета⁶, в списке литературы к темам курса Вебер указывал сочинения Менгера "Исследования методов социальных наук" и "Основы учения о народном хозяйстве".

Но Вебер не разделял позиции Менгера по методологии историко-социального знания. Его возражения адресованы прежде всего психологической интерпретации развивающихся человеческих потребностей, доминировавшей в концепции Менгера. Но как объективный исследователь Вебер счел необходимым представить даже студентам существующие научные позиции в оригинале, а не опосредованно.

Вебер занимал профессорскую ординатуру сроком на один семестр, относясь к группе приглашенных преподавателей⁷. Он получил в свое распоряжение удобную аудиторию за номером 22,

⁵ Übersicht der akademischen Behörchen, Professoren, Privatdozenten, Lehrer, Beamten an der Universität zu Wien für das Studiumjahr 1917–1918. Wien, 1917. S. 8.

⁶ Weber M. Grundriss zu den Vorlesungen über allgemeine (theoretische) Nationalökonomie (1898). Tübingen, 1990.

⁷ Öffentliche Vorlesungen an der Universität zu Wien im Sommer-Semester 1918. Wien, 1918.

приличные деньги, а единственным, что вызывало его нареkania, было то, что они не всегда приходили своевременно. В отличие от Германии за деньги здесь можно было купить все и жить, как до войны.

В книге "Публичные лекции в Венском университете в летнем семестре 1928 г." профессор Вебер значится как лектор факультета правовых и государственных наук и относится к секции, которая называется "Национал-экономика и политика в народном хозяйстве". Справочник четко характеризует и объем педагогической деятельности Вебера: «Лекционный курс "Хозяйство и общество" (позитивная критика материалистического понимания истории) – один час в неделю, по понедельникам с 18 до 19 ч.; ауд. № 22; социологический коллоквиум (с выпускниками) – 1 час в неделю, в соответствии с предварительной договоренностью и по записи, ауд. № 22»⁸.

Лекции Вебера для Вены сразу стали событием. Комментаратор одной из газет подчеркивал: "Со времени профессоров фон Унгера, Лоренце фон Штайна и Иеринга ни один из академических преподавателей не собирал на юридическом факультете Венского университета так много слушателей, как Макс Вебер. Но дело вовсе не в мастерской риторике и не в примитивном эмпиризме, на котором строится и держится логика изложения, а прежде всего в притягательной способности пробуждать чувства, дремлющие в душах других людей. Каждое его слово свидетельствует о том, что он считает себя наследником немецкой истории и проникнут сознанием ответственности перед потомками"⁹.

Его лекции собирали много слушателей. Они не умещались в аудитории, стояли вдоль стен, но другой аудитории не было. Значительная часть присутствовавших являлась коллегами и друзьями Вебера, политиками, высшими чиновниками. Эти лекции надолго им запомнились, а для некоторых стали определяющими в выборе сфер деятельности и направления научного поиска. Так случилось с тогдашними приват-доцентами юристом Г. Кельзенем и экономистом Л. фон Мизесом. Последний спустя много лет, находясь уже в эмиграции в США, в 1938 г. говорил своим студентам о той большой роли, которую сыграли в его жизни лекции Вебера и простые дружеские встречи с ним.

Вряд ли эти лекции были только лекциями по социологии религии. Во-первых, Вебер сознательно озаглавил свой лекционный курс "Хозяйство и общество", а не "Социология религии". Этот курс имел весьма обязывающий подзаголовок: "Позитивная критика материалистического понимания истории". Понятно, что даже самый глубокий

⁸ Archiv der Universität zu Wien, R. 57, № 7.

⁹ Öffentliche Vorlesungen..., S. 10.

анализ всех религий не смог бы стать адекватным ответом и соответствовать этому подзаголовку.

Во-вторых, именно в эти годы Вебер создавал свой капитальный труд, озаглавленный, как и курс лекций, "Хозяйство и общество" (с первоначальным названием "Хозяйство и общественный порядок и власти", которое звучало громоздко и было сокращено). В этом труде "социология религии" занимала скромное место – один раздел. Бесспорно, избежать выяснения роли и значения такого мощного идеологического фактора, каким являются религии, невозможно, да и сама тематика для того времени была отмечена новизной, а приоритет в ее разработке принадлежал Веберу. Поэтому можно уверенно высказать предположение, что проблемы социологии религии входили составной частью в этот курс, но они не были ключевыми.

В-третьих, еще до Вены у Вебера был солидный опыт преподавания национал-экономики, он же являлся автором солидных разработок в области экономической истории. Как можно судить по уже упомянутой ранее программе курса лекций "Основания общей (теоретической) национал-экономики", он выводил далеко за пределы темы, связывая историю и современность. Эта программа содержит обширную социалистическую и марксистскую литературу, весьма далекую от проблем религии.

Сама же программа, ставшая известной совсем недавно, демонстрирует состоятельное и пограничное знание Вебером этой литературы. Параграф 15 этой программы содержит главу "Теоретические основы научного социализма", в которой рекомендованы фундаментальные труды К. Маркса и Ф. Энгельса, а также сочинения Э. Бернштейна и К. Каутского. Следующий параграф "Производство и его теоретические проблемы" напрямую связан с "Капиталом" Маркса в издании 1894 г. Вебер особо указывает на значение страниц 245 и следующих, а также страниц 469 и следующих в том же издании.

Эти детальные обозначения позволяют сделать вывод о том, что знание Вебером трудов основоположников марксизма намного превосходило проблематику социологии религии. Понимание же ими экономики и культурно-исторических факторов в общественном развитии, характере движущих сил эпохи давали основания для "позитивной критики материалистического понимания истории".

Курс лекций "Хозяйство и общество" в Вене, как и программа лекционного курса "Основания общей (теоретической) национал-экономики" в Гейдельберге, которую можно рассматривать в качестве надежного документа, опровергают давний тезис в западной и отечественной литературе о том, что Вебер не читал работ основоположников марксизма. Маститые Р. Бендикс, В. Моммзен и другие много сделали для укорене-

ния этого тезиса. Но уже речь на тему "Социализм" его опровергает.

Ее он произнес в Вене перед офицерским корпусом, в составе которого было более 200 человек. Сам Вебер, как и его вдова, очень бегло упоминал о ней, хотя длилась речь полтора часа и потребовала от Вебера большого напряжения. Уже из того факта, что она сразу же была опубликована в Вене, можно судить о вызванном ею резонансе.

В этом выступлении Вебер ясно показал, что модель капитализма, данная Марксом и Энгельсом, к XX в. неприменима и требует принципиального пересмотра. Современный капитализм выработал мощные стабилизирующие и защитные механизмы, он вызвал к жизни невиданные прежде сильные капиталистические объединения, прочные управленческие группы в политике и экономике, новые слои в социальной структуре. Численность пролетариата сокращается, а сам он уже не исповедует революционных идей. Рассуждения Маркса об отчуждении, отнесенные им только к рабочим, следует распространить почти на все группы общества, говорил Вебер. Всем им одинаково безразлично, кому принадлежат средства производства – государству, акционерному обществу или частному лицу. А идея поляризации общества, росте классовой напряженности между рабочими и предпринимателями, считал Вебер, ошибочна – в XX в. растет не рабочий класс, а лишь средние слои города и деревни, интересы которых "вовсе не на стороне пролетарской диктатуры"¹⁰. Сложная организация современного общества требует от руководящих им сил высокого профессионализма, "и с этим обстоятельством должен считаться социализм... ибо иначе управлять современным обществом, современной экономикой нельзя"¹¹. По мнению Вебера, высказанному в этой речи, концепции социализма авторов "Манифеста коммунистической партии" – "морализаторская проповедь, но не конкретная перспектива"¹², а понятие "ассоциация свободных людей" как воплощение этой перспективы весьма неопределенно.

Вебер говорил об отупичности марксистского социализма, оказавшегося, по его мнению, неспособным ответить на вызов нового века. Не просто время изменилось – пришла другая эпоха, и Вебер последовательно излагал ее характеристики, противопоставляя предсказаниям, содержащимся в "Манифесте коммунистической партии", реальные факты.

У Вебера не было намерения специально и глубоко заниматься социалистической идеологией

¹⁰ Weber M. Der Sozialismus. Wien. 1918. S. 620.

¹¹ Ibid., S. 19.

¹² Ibid., S. 24.

и ее вариациями, в частности австро-марксизмом. Ему больше импонировали австрийская национал-экономика и юриспруденция, которые давно снискали мировую славу. В Вене Вебер получил широкую возможность вести дискуссии с такими видными историками экономики и права, как З. Адлер, К. Грюнберг, М. Влассак. Совместная работа на одном факультете и даже в одной секции с юристами Кельзенем и Менцелем, экономистами фон Мизесом и Зигхартом обещала быть взаимно плодотворной и действительно стала таковой.

В архивах отражено не все. Официальный перечень публичных лекций рисует нам безмятежную жизнь приглашенного профессора: лишь два часа в неделю он должен выступать в университетской аудитории. Однако письма Вебера домой, адресованные матери и сестре, говорят о другом. Им он писал об изматывающем режиме ежедневных лекций, невыносимо долгих заседаниях – "бюрократической рутине". "Присутствие на них для меня жутко тяжело, я не могу их терпеть", – жаловался он в одном из писем¹³. Не вызывали у него восторга и коллоквиумы. "Лучше десять часов лекций, чем два часа коллоквиума", – писал он там же¹⁴. Вебер подолгу просиживал в библиотеке, работая над лекциями и главами своего труда "Хозяйство и общество".

В Вене Вебер испытал особенный прилив сил, его радовали открытость и доброжелательность коллег, и общение с ними продолжалось за пределами университетских аудиторий. Совместные прогулки и развлечения, посещения венских кафе и пивных, острые споры, шутки. "Все мне здесь нравится, надолго ли, не знаю, но пока так", – сообщал он родным. Вместе с друзьями и коллегами он не пропускал театральные премьеры, например поставленной в Бургтеатре пьесы Шекспира "Король Лир", симфонических концертов.

Приехавший в Вену "великий Рихард" – Рихард Штраус – дирижировал своей новой симфонией, и Вебер был среди слушателей. "Я ни от чего не уйду, ни от чего не отказываюсь, мне живется здесь очень хорошо", – признавался он. "Все просто волшебное", "я чувствую себя превосходно", "идеально" – вот рефрен его писем. Очарование весенней Вены его притягивало и восхищало, и это заметно влияло на настроение. Он наслаждался тишиной, свежей зеленью, солнцем и признавал, что "теперь такое возможно только в Вене"¹⁵.

Эти недолгие недели стали для Вебера плодотворным временем обновления, прилива творческой энергии. Время, прожитое Вебером в Вене, – действительно своего рода "интермеццо", пауза, наполненная творчеством, теплотой новых дружеских отношений, обретенной красотой.

Но за внешней умиротворенностью Вебер не мог спрятать пристального, напряженного внимания к событиям в мире. Он переживал провал наступления немецкой армии в Италии, грозную волну революционных выступлений по всей Европе, начиная с России. Но все это не поколебало его уверенности в том, что, "как бы ни ужасно было наше время, все-таки это великое время"¹⁶.

Трагедии на фронтах, лично задевшие Вебера, накопившаяся усталость и тревога усугублялись осложнившимся положением в Германии. Австрия прекрасна, "но это не родина"¹⁷. Беспокойство косвенно влияло на состояние его здоровья, которое стало ухудшаться. И Вебер принял решение вернуться в Германию. Он направился снова в Гейдельберг – навстречу неотвратимой национальной катастрофе – поражению в войне, революции и тяжелейшему Версальскому миру.

¹³ Weber M. Max Weber. Sein Lebensbild, S. 617.

¹⁴ Ibid., S. 624.

¹⁵ Ibid., S. 621.

¹⁶ Ibid., S. 622.

¹⁷ Ibid., S. 623.

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИИ РАН

На заседании Бюро Отделения истории был заслушан и обсужден доклад руководителя Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН д.и.н. А.Б. Давидсона "Феномен антиевропеизма и историческая наука".

Докладчик заявил, что видит свою цель в том, чтобы привлечь внимание историков к явлению, которое он условно назвал антиевропеизмом, а также к той роли, которую это явление должно, по его мнению, играть в исторических исследованиях как в нашей стране, так и за рубежом.

Отметив, что в современном мире идут интеграционные процессы, А.Б. Давидсон остановился на некоторых из препятствующих им исторически сложившихся противоречиях, прежде всего цивилизационных. Именно они в большей мере являются подоплекой тех разногласий, которые существуют между развивающимися и развитыми государствами, бывшими колониальными и зависимыми странами – и бывшими метрополиями, да и в целом между Югом и Севером. Многие из этих противоречий выглядят в наши дни сугубо современными, в частности потому, что "холодная война" долгое время заслоняла их, но в действительности у большинства из них есть корни, уходящие в далекое историческое прошлое.

Сопоставляя взгляды известных американских ученых Френсиса Фукуямы и Сэмуэла Хантингтона, докладчик согласился скорее с мнением Хантингтона, ибо конец "холодной войны" привел не столько к провозглашенному Фукуямой торжеству либеральных идей Запада, сколько к усилению во многих неевропейских странах тенденций к девестернизации и, в целом, к "столкновению цивилизаций" (Хантингтон). Политикам, политологам и, разумеется, историкам приходится задумываться над утверждениями о том, что с окончанием "холодной войны" подходит к концу европейско-американская фаза мировой политики и на смену ей приходит взаимодействие европейской цивилизации с неевропейскими.

Корни современного антиевропеизма А.Б. Давидсон видит в следующих явлениях: рост национального (в определенной мере и расового) самосознания в странах, которые были колониальными и зависимыми, стремление народов этих стран к самоутверждению и отторжению прошлого, связанного с колониализмом; их растущий интерес к

своим истокам, к собственной культуре и истории; широко распространенная в этих странах убежденность, что за их тяжелое положение несет ответственность Европа, породившая колониализм; наконец, протест бедных стран против "богатых".

Явление, которое докладчик назвал антиевропеизмом, включает также расовые и конфессиональные компоненты, и сфера его действия не ограничивается странами Юга. Так, Луис Фаррахан, создатель партии "Нация ислама" в США, стремится объединить афроамериканцев против белых. Он провозгласил, что "белая Америка" в долгу перед афроамериканцами за страдания их предков, которые были обращены в рабство, насильственно вывезены из Африки и работали невольниками на плантациях Америки. Идеи Фаррахана получили довольно широкое распространение. На его призыв провести в 1995 г. марш "миллиона черных мужчин" на Вашингтон откликнулось если и не миллион, то несколько сот тысяч афроамериканцев. И этот марш действительно потряс "белую Америку". Закрепляя свой успех, Фаррахан в марте – апреле 1996 г. объездил многие государства мира – не только мусульманские, но и страны со значительными мусульманскими меньшинствами. Встречался он с Муамаром Каддафи, Саддамом Хусейном и рядом других афро-азиатских лидеров.

А.Б. Давидсон отметил, что призыв к расовому и национальному разделению на юге Африки воплотился в политике апартеида, которая окончилась провалом.

Расовая и национальная стратегия, подчеркнул докладчик, невозможна в современном мире, который стал похож на большую коммунальную квартиру. Однако цивилизационные конфликты, и, как важная их составная часть, явление антиевропеизма – реальность, которую чрезвычайно важно изучать как с чисто научной, так и с практической точки зрения: чтобы хоть как-то смягчить эти конфликты, а, может быть, и предотвращать.

Роль историков здесь велика. Исследование истории взаимодействия между различными цивилизациями – объективное, непредвзятое, не искаженное расовыми, националистическими или иными идеологическими влияниями, – могло бы дать и во многих случаях уже дает плодотворные результаты.

В частности, значительный опыт накоплен историками Великобритании, Франции, Бельгии и Португалии. Он достался им дорогой ценой. Глубокий внутренний кризис, который переживали эти страны во время распада колониальных империй, заставил пересмотреть привычную трактовку истории взаимоотношений различных обществ, долгое время существовавших в составе этих империй. Этот пересмотр нанес болезненный удар по имперским чувствам народов метрополий, но он все же несколько ослабил многие из уже назревших или назревавших конфликтов, укрепив предпосылки для взаимопонимания.

Сейчас, по прошествии десятилетий после распада Британской, Французской, Португальской империй, стало очевидно, что между странами, входившими в их состав, все же сохранились немалые экономические, культурные, да нередко и политические связи. Этому способствовали английские, французские и португальские историки –

своим отказом от привычных шовинистических теорий и поисками путей к взаимопониманию. Их опыт заслуживает изучения.

Высказывая эти соображения, А.Б. Давидсон опирался не только на исторические документы и литературные источники, но и на свой опыт работы в странах Африки и в США.

В обсуждении доклада приняли участие члены-корреспонденты РАН Л.В. Милов, В.С. Мясников, Ю.А. Поляков, А.Н. Сахаров, А.О. Чубарьян, заведующая департаментом истории университета Дурбан – Уэствилл (ЮАР) профессор И.И. Филатова, заместитель директора Института стран Азии и Африки при МГУ Н.Г. Щербаков. Все выступавшие отметили актуальность поставленных в докладе проблем. Заключая обсуждение, и.о. академика-секретаря Г.Н. Севостьянов подчеркнул необходимость внимания к ним со стороны отечественных историков.

Р.Р. Вяткина

СОБРАНИЕ АССОЦИАЦИИ БРИТАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

12 марта 1996 г. в Красном зале нового здания Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ) прошло очередное ежегодное собрание Ассоциации британских исследований – "Английский клуб". Эта общественно-научная организация российских англоведов была основана четыре года назад по инициативе ученых Института всеобщей истории (ИВИ) РАН при активной поддержке директора института члена-корреспондента РАН А.О. Чубарьяна. Она объединила ученых-англоведов научных институтов и вузов не только Москвы, но и многих городов России и СНГ. Бесменным президентом Ассоциации все эти годы является академик В.Г. Трухановский¹.

До открытия собрания и позже в перерывах его работы присутствовавшие члены Ассоциации и гости имели возможность ознакомиться с развернутыми в Красном зале ГПИБ несколькими интересными экспозициями. По поручению директора ГПИБ к.п.н. М.Д. Афанасьева группа сотрудников библиотеки во главе с М.В. Тарасовой подготовили выставку новейшей литературы по истории и культуре Великобритании, включающую около 300 томов по истории и культуре Англии, Шотландии, Ирландии и стран Британского Содружества, поступивших в фонды ГПИБ в 1994–1995 гг. Внимание собравшихся привлекли

экспозиции документов и фотографий из фондов трех российских архивов. Так, Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) – экспозиция подготовлена под руководством зав. отделом ГАРФ к.и.н. З.И. Перегудовой – представил около 40 документов, касающихся контактов царского дома Романовых с британской королевской семьей, в частности – переписку королевы Виктории и императрицы Александры Федоровны. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) – готовили экспозицию А.В. Бульканова и В.Н. Елисеев – показал около 40 документов из фондов Главного Штаба Российской империи, относящихся к политике Англии и России в Дальневосточном регионе в начале XX в. и кроме того – уникальный материал о роли английского масонства на рубеже XIX–XX вв. в мировой политике и стелени его влияния на внутреннюю обстановку в различных странах. Центр хранения историко-документальных коллекций (Особый архив) продемонстрировал несколько отобранных Т.А. Васильевой документов из фонда "Английский экспедиционный корпус", в том числе и экземпляр рукописи, авторство которой предположительно принадлежит У. Черчиллю. Своеобразным фоном и хорошим дополнением к экспозиции архивных документов и печатных изданий стала небольшая, но яркая выставка авторских работ в технике батика на британские сюжеты члена Международного союза дизайнеров И.В. Кирилленко.

¹ Подробнее о деятельности Ассоциации британских исследований см. материал Л.Ф. Туполевой в нашем журнале – "НИИ", 1995, № 4.

Открывая ежегодное собрание, вице-президент Ассоциации к.и.н. Л.Ф. Туполева передала его участникам приветственные слова В.Г. Трухановского, который не смог принять участия в его работе. Л.Ф. Туполева остановилась на важности контактов российских ученых-англоведов с британскими историками, подчеркнув большую роль в развитии этих связей Британского Совета и особенно директора Бюро Британского Совета в Москве господина М. Эванса.

Другой вице-президент Ассоциации к.и.н. С.А. Соловьев охарактеризовал деятельность "Английского клуба" как процесс постепенного обретения им своего лица именно как общественно-научной организации. Ассоциация провела ряд научных конференций, в том числе – международных, приступила к изданию своего информационного Бюллетеня, завершила работу и надеется на публикацию уже в этом году сборника статей российских и британских ученых "Россия и Британия" (отв. редактор к.и.н. Е.Ю. Полякова). Ученым Советом ИВИ РАН утверждён к печати сборник материалов предыдущей научной конференции Ассоциации на тему "Россия и Великобритания: культурно-историческое взаимодействие" (ответственная к.и.н. М.П. Айзенштат).

Ассоциация с самого начала стремится привлекать к своей работе не только профессиональных англоведов, но всех, кому дорого и важно развитие и углубление связей между нашими странами и народами, кто действительно интересуется традициями, историей и культурой Соединенного Королевства. Об этом свидетельствовал и состав участников ежегодного собрания, где наряду с ведущими учеными-англоведами присутствовали многочисленные гости, проявившие заинтересованность в целях "Английского клуба". Немаловажно и то, что в последнее время Ассоциация обрела полноценный юридический статус, что во многом достигнуто усилиями н.с. Н.Ю. Степанова.

Рабочие отношения давно связали Ассоциацию и Государственную публичную историческую библиотеку. В приветственном слове М.Д. Афанасьева значение русско-английских культурно-исторических связей было проиллюстрировано, в частности, следующим примечательным событием. Открытая для публичного пользования в 1863 г. в Москве на Мясницкой библиотека А.Г. Черткова, оказывается, расстановкой фонда, организацией обслуживания и даже планировкой зала в миниатюре воспроизводила систему работы, принятую в Библиотеке Британского музея, знаменитый круглый читальный зал которой был открыт шестью годами раньше. И это не случайно, ибо именно английское библиотечное дело в ту пору было наиболее развитым и созвучным идеям распространения научных знаний, которые вдохновляли создателей Исторической библиотеки.

Высоко оценив деятельность российской Ассо-

циации англоведов, М. Эванс выразил готовность Британского Совета к углублению сотрудничества с ней, в частности, в организации контактов с британскими учеными и в области публикаторской деятельности.

С приветствиями и пожеланиями успеха в деятельности Ассоциации к собравшимся также обратились: профессор В.А. Дунаевский (Московский государственный открытый педагогический университет – МГОПУ), особо отметивший роль молодых ученых в развитии британских исследований: к.и.н. А.В. Голубев (Институт российской истории РАН), подчеркнувший значение изучения русско-английских культурных связей и предложивший объединение усилий Ассоциации и ИРИ РАН в этом направлении; к.и.н. И.И. Абрамова (Костромской государственный педагогический университет) и инженер Московского энергетического института В.В. Сидеев (Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры), сообщившие об интересных результатах краеведческой работы в области изучения русско-английских отношений; член Союза дизайнеров И.В. Кирилленко, предложившая конкретные варианты расширения связей Ассоциации с зарубежными коллегами.

Второй частью ежегодного собрания Ассоциации британских исследований стала научная конференция на тему "Россия и Англия: история, культура, бизнес, экология..." С научными сообщениями выступили доктор исторических наук Т.Н. Лабутина – "Двор Екатерины II" глазами английской аристократки XVIII в.", Г.С. Остапенко – "Проблема женских прав и британская церковь", Т.А. Павлова – "Поклонение "духу и истине" в произведениях ранних "Друзей", Н.Ю. Степанов – "Евразийство в Англии"; кандидаты исторических наук Е.Ю. Полякова – "В.С. Печерин и Ирландия (вторая половина XIX в.)", Е.Ю. Сергеев – "Миссия лорда Берисфорда и англо-русские противоречия в дальневосточном регионе в 1898–1899 гг.", Т.В. Шаповалова – "Влияние англо-бурской войны на внешнюю политику России на Дальнем Востоке", Н.Н. Яковлев – "Эволюция британских консерваторов в 80–90-е годы XIX в.", а также Е.А. Доброва – "Некоторые аспекты научно-технического развития Англии в XIX в." и Д.А. Модель (все – ИВИ РАН) – "О защите кандидатских и докторских диссертаций по истории Англии"; к.и.н. Ю.Д. Акашев – "Происхождение славянских и германских народов по Ветхому Завету", к.филос. н. Е.В. Жаринов – "XX век: смена исторического мышления мифологическим", А.А. Орлов (все – МГОПУ) – "Английские моряки в российской флоте в Отечественную войну 1812 г."; А.В. Бульканова – "Секретные англо-японские договоры 1902–1911 гг. (по донесениям военных агентов генерального штаба Российской империи)", В.Н. Елисеев (оба – РГВИА) – "Английское

масонство в России в XIX в."; к.т.н. И.В. Маркова (Российский институт мониторинга земель) – "Использование аэрокосмических средств наблюдения за экологическим состоянием земель", Т.В. Папаскири (Госуниверситет по землеустройству) – "Экологический мониторинг в управлении земельными ресурсами с использованием чистых технологий".

Итоги ежегодного собрания Ассоциации британских исследований показывают, что за сравнительно короткое время, прошедшее с момента ее основания, эта самодетельная общественная организация сумела обрести свое место в отечественном англоведении и внести свою лепту в развитие взаимопонимания между нашими странами.

С.А. Соловьев

В СЕКТОРЕ ИСТОРИИ ВОЙН XX в. ИВИ РАН

Возглавляемый членом Российской академии естественных наук, д.и.н., проф. О.А. Ржешевским сектор Института всеобщей истории (ИВИ) РАН за последние годы значительно расширил диапазон исследований и немало сделал для того, чтобы привлечь внимание научной и широкой общественности к более глубокому изучению глобальных и региональных конфликтов уходящего столетия. Успешному решению этой задачи во многом способствовали как накопленный сотрудниками сектора научный потенциал, так и открывшаяся возможность для введения в научный оборот многих новых документов и материалов из отечественных и зарубежных архивов.

Приоритетными направлениями работы сектора в 1994–1995 гг. являлись исследования по истории двух мировых войн. В связи с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. наибольшее значение придавалось исследованию политики и стратегии СССР и других стран антигитлеровской коалиции, противостоявшего им военно-политического блока нацистской Германии и других проблем, связанных с углублением знаний и извлечением опыта из событий второй мировой войны. Эта работа велась сектором в тесном контакте с историками как российских, так и зарубежных научных учреждений. Одним из первых плодов такого сотрудничества стала совместная книга группы исследователей ИВИ РАН, включавшей сотрудников сектора – О.А. Ржешевского и д.и.н. Л.В. Поздееву, с ведущими американскими и британскими учеными – "Союзники в войне 1941–1945"¹.

К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне был специально приурочен выход в свет сборника статей по малоизученным и дискуссион-

ным проблемам истории второй мировой войны². В подготовке этого издания участвовали многие ученые ИВИ РАН, в частности сотрудники сектора – О.А. Ржешевский, Л.В. Поздеева, кандидаты исторических наук Е.Н. Кульков, Н.С. Лебедева, а также М.Ю. Мягков, специалисты из Института военной истории Министерства обороны РФ и других научных учреждений Москвы.

Ученые сектора в качестве научных консультантов, авторов, членов редколлегий и рецензентов работают над подготовкой четырех книг "Великая Отечественная война 1941–1945: военно-исторические очерки" совместного труда трех институтов: военной истории МО РФ, ИВИ РАН и российской истории РАН. В 1995 г. опубликована первая книга этого труда³ (среди авторов – Л.В. Поздеева), в которой с учетом современных знаний рассмотрены проблемы первого периода Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 19 ноября 1942 г.).

В 1995 г. в рамках федеральной программы увековечивания памяти воинов, погибших в борьбе против нацистской агрессии, было осуществлено издание обзорного тома "Всероссийской книги памяти 1941–1945"⁴. Посильный вклад в это благородное дело внес ИВИ РАН, включая и сотрудников сектора (О.А. Ржешевского, Л.В. Поздееву, Е.Н. Кулькова).

Большую ценность представляют документальные публикации, изданные при участии сектора в последние годы. Среди них – документы Архива Президента РФ о визите А.Идена в Москву в декабре 1941 г.; о переговорах В.М. Молотова в Лондоне и Вашингтоне в мае –

¹ *Allies at War: The Soviet, American and British Experience, 1939–1945*. Ed. by D. Reynolds, W.F. Kimball, A.O. Chubarian. New York, 1994; *Союзники в войне 1941–1945*. Отв. ред. А.О. Чубарьян. У.Ф. Кимболл, Д. Рейнольдс. М., 1995. См. рецензию на эту книгу: *Новая и новейшая история*, 1996, № 6.

² Вторая мировая война: актуальные проблемы. Отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1995. См. рецензию на эту книгу: *Новая и новейшая история*, 1996, № 6.

³ *Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки*. в 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1995.

⁴ *Всероссийская книга памяти 1941–1945. Обзорный том*. М., 1995.

июне 1942 г.⁵; двухтомник ранее неизвестных архивных материалов Коминтерна из Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), подготовленный Н.С. Лебедевой и д.и.н. М.М. Наринским. Уже вышел в свет первый том, охватывающий 1939–1940 гг.⁶. Издан также сборник документов "Катынь: документы преступления. Том 1. Пленники необъявленной войны" (пока издается только в Польше), подготовленный историками и архивистами России и Польши. Членами главной редакционной коллегии сборника являются директор ИВИ РАН член-корр. РАН А.О. Чубарьян и Н.С. Лебедева, она же совместно с польским профессором В. Матерским является составителем и автором предисловия и комментариев. Это первая публикация документов из российских архивов, раскрывающих историю расстрела в СССР 22 тыс. польских офицеров, полицейских и заключенных тюрем. Творческий поиск в этом направлении нашел свое воплощение в книге Н.С. Лебедевой "Катынь: преступление против человечности"⁷.

Оригинальным по замыслу и содержанию фактического материала явилось справочное издание "Кто был кто в Великой Отечественной войне"⁸. Оно положило начало созданию энциклопедического труда об участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла.

Сотрудники сектора совместно с финляндскими историками ведут авторскую работу над трудом "Зимняя война 1939–1940 гг. Политическая история", издание которого предусмотрено в 1997 г.

Большое место в работе сектора занимает проведение научно-теоретических конференций. Важное значение имели конференция "Вторая мировая война и XX в.", состоявшаяся 6–7 сентября 1994 г., и конференция, организованная по решению глав правительств СНГ "Уроки второй мировой войны и значение победы над фашизмом", проведенная 17–18 апреля 1995 г. В работе этих форумов приняли участие видные ученые из стран Европы и Америки, а также государств СНГ.

В 1995 г. сотрудники сектора представляли российскую науку за рубежом: в июне – в Мидделбурге (Нидерланды) – Л.В. Поздеева, О.А. Ржешевский; в сентябре – на XVIII Международном конгрессе исторических наук в Мон-

реале (Канада) – О.А. Ржешевский; в Стокгольме (Швеция), Гданьске и Гдыне (Польша) – Н.С. Лебедева; в Копенгагене (Дания) – к.и.н. Ю.В. Кудрина; в Познани (Польша) – М.Ю. Мягков.

Ряд молодых сотрудников сектора в 1995 г. выезжал в научные командировки: к.и.н. С.В. Листиков – в США, М.Ю. Мягков – в Польшу, к.и.н. В.К. Шацлло – в Германию, Е.В. Лоточникова – в Голландию.

Деятельность сектора неразрывно связана с работой Ассоциаций историков второй мировой войны, созданной в 1993 г. О.А. Ржешевским. Ассоциация регулярно два-три раза в год проводит заседания, посвященные самым различным вопросам международных отношений в 1939–1945 гг., на которые приглашаются крупные ученые из ведущих научных учреждений России. Вышло в свет два номера бюллетеня ассоциации⁹.

Весомый вклад сотрудники сектора вносят в разработку проблем истории первой мировой войны. За последние годы в секторе и в институте в целом произошел прорыв в изучении этой незаслуженно забытой темы. Значительная заслуга здесь руководителя одноименной группы в составе сектора Ю.В. Кудрина, сумевшей не только организовать работу молодых ученых подразделений, но и привлечь широкий круг специалистов по первой мировой войне Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Уссурийска.

В мае 1994 г. в связи с 80-летием первой мировой войны прошла международная научная конференция "Первая мировая война и XX в."¹⁰, в которой приняли участие 28 ученых западноевропейских стран и США и 35 ученых из России и ближнего зарубежья. Члены группы по изучению истории первой мировой войны (Ю.В. Кудрина, к.и.н. А.П. Жилин, С.В. Листиков, В.К. Шацлло) выступили на конференции с докладами. В 1995 г. при содействии Комиссии по международным отношениям (Милан) на английском языке были изданы материалы конференции.

Сотрудники группы явились авторами статей в коллективном труде "Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории" (отв. ред. академик Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков). Это была первая после долгого перерыва попытка нового прочтения многих страниц истории войны, включая и те, которые стали предметом

⁵ Вторая мировая война: актуальные проблемы, с. 133.

⁶ Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 1. До 22 июня 1941 г. Отв. ред. К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян. М., 1994.

⁷ Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечности. М., 1994.

⁸ Кто был кто в Великой Отечественной войне 1941–1945. Краткий справочник. Под ред. О.А. Ржешевского. М., 1995.

⁹ Информационный бюллетень Ассоциации историков второй мировой войны, № 1. М., 1993; Информационный бюллетень Ассоциации историков второй мировой войны. К XVIII Международному конгрессу исторических наук, № 2. М., 1995.

¹⁰ *Kan A. Aternamningstecken é ost-historick Zidsseriff, Stockholm, 1995, № 2; Rossi M. Le guerre mondiali del XX secolo et la storiografia russa. – Archivie trentino di storia contemporanea, 1995, № 2.*

развернувшейся сейчас острейшей полемики. Опубликованный в 1994 г. труд вызвал большой интерес научной общественности¹¹.

В стадии завершения большой коллективный проект "Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в." в 2-х частях (40 авторских листов). В первой части рассматривается проблематика истории первой мировой войны в контексте истории России, во второй – первая мировая война и страны Запада. Помимо отечественных специалистов в работе в качестве авторов ряда статей выступают видные зарубежные историки Л. Гарднер (США), Б. Виджецки (Польша), Б. Енсен (Дания) и др.

Сотрудники группы по изучению первой мировой войны в настоящее время работают над индивидуальными монографиями, посвященными ключевым проблемам истории первой мировой войны.

Полезную работу ведет Ассоциация историков первой мировой войны во главе с академиком П.В. Волобуевым. За 1992–1995 гг. с привлечением широкой научной общественности ассоциация провела пять "круглых столов": "Первая мировая война и ее воздействие на историю

XXв."¹², "К вопросу о немецком золоте", "Происхождение первой мировой войны", "Генерал Алексеев (1857–1918). Забытые имена". "Белое движение. Незвестные документы", "Россия и союзники"¹³, в которых активное участие принимали сотрудники сектора.

На одном из последних заседаний 1996 г. Ю.В. Кудрина, С.В. Листиков, В.К. Шаццлло рассказали о последних находках в архивах Дании, США, ФРГ. Год назад был проведен "круглый стол": "Брусиловский прорыв, Сомма, Верден", посвященный 80-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева – основателя ассоциации.

Сектор истории войн XX в. в не простые для российской науки 90-е годы сумел не только сохранить кадры видных ученых, плодотворно развивающих отечественную историческую науку, но и готовит новые кадры. Два молодых сотрудника – М.Ю. Мягков и Е.В. Лоточникова работают над диссертациями на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Е.В. Лоточникова

¹¹ См. рецензию: Новая и новейшая история, 1995, № 2, а также: Новая и новейшая история, 1995, № 5.

¹² Материалы "круглого стола" были опубликованы: Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. – Новая и новейшая история, 1994, № 4–5; *Виноградов В.Н.* О новых подходах к истории первой мировой войны. – Новая и новейшая история, 1995, № 5.

¹³ См. подробнее: *Кудрина Ю.В.* В Ассоциации историков первой мировой войны: – Новая и новейшая история, 1995, № 3.

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ В СВЯЗИ СО 100-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР А.В. ЕФИМОВА

31 января 1996 г. состоялись научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения выдающегося ученого, основателя отечественной школы американистики, историка-географа и педагога члена-корреспондента АН СССР и АПН СССР и РСФСР Алексея Владимировича Ефимова (1896–1971). Чтения были организованы Отделением истории РАН, Институтом всеобщей истории ИВИ РАН, Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Центром по изучению Русской Америки и русско-американских отношений.

Заседание открыл академик РАН Н.Н. Болховитинов. Он предложил собравшимся почтить память к.филол.н. В.И. Безъязычного, активно работавшего в Центре по изучению Русской Америки и русско-американских отношений, скончавшегося 24 января 1996 г.

Далее слово было предоставлено заслуженному деятелю науки РФ, действительному члену РАЕН

проф. Р.Ф. Иванову (ИВИ РАН), который выступил с докладом "Жизнь и деятельность члена-корреспондента АН СССР А.В. Ефимова"¹. Он охарактеризовал Алексея Владимировича как человека, которому были присущи такие черты, как порядочность, доброжелательность, преданность семье и друзьям.

Р.Ф. Иванов подчеркнул, что А.В. Ефимов по праву считается пионером и зачинателем советской американистики, большая часть его научных исследований посвящена кардинальным проблемам истории США XVIII–XIX вв. В поле зрения ученого оказались важнейшие теоретические вопросы: роль "свободных земель" в развитии аме-

¹ В основе доклада лежит статья Р.Ф. Иванова. См.: *Иванов Р.Ф.* Член-корреспондент АН СССР Алексей Владимирович Ефимов (1896–1971). – Новая и новейшая история, 1994, № 4–5, с. 284–298.

риканского капитализма, генезис рабовладения, причины и характер гражданской войны 1861–1865 гг., особенности и периодизация промышленного переворота. А.В. Ефимов дал сбалансированную оценку роли классовой борьбы в американской истории, внес большой вклад в разработку дипломатической истории США.

Еще с 30-х годов внимание Алексея Владимировича привлекали сложнейшие проблемы становления и развития американской нации, межрасовых отношений, положения в США национальных меньшинств. Особенно интенсивно он разрабатывал эти сюжеты во время работы в Институте этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН) с 1957 г. и вплоть до своей кончины в 1971 г.

Р.Ф. Иванов отметил также, что А.В. Ефимов был одним из основоположников отечественной школы историков-географов, более 20 лет отдавшим скрупулезному исследованию русских географических открытий в XVII–XVIII вв. на Тихоокеанском севере.

Докладчик подчеркнул, что Алексей Владимирович органично сочетал научную работу с педагогической деятельностью. Он преподавал в МГУ, МГИМО, был прекрасным лектором, имел множество учеников. У него учился и Р.Ф. Иванов. А.В. Ефимов писал учебники по новой истории США и Европы для школ и вузов. Поистине уникальным является тот факт, что школьный учебник по новой истории (1640–1870 гг.), впервые вышедший в свет в 1940 г., выдержал 300 изданий.

Р.Ф. Иванов признал, что культ личности Сталина, политические репрессии накладывали отпечаток на труды А.В. Ефимова. Но по принципиальным проблемам американистики ученый не шел на компромиссы, и в целом его научное наследие выдержало испытание временем. Докладчик предложил ознаменовать 100-летие со дня рождения А.В. Ефимова публикацией материалов сегодняшних чтений, а также обращением в Отделение истории РАН об учреждении стипендии имени этого выдающегося ученого.

Н.Н. Болховитинов выступил с докладом на тему «Подготовка "Истории Русской Америки" в трех томах в свете исследований А.В. Ефимова». Он сказал, что не сторонник встречающейся еще практики превращения юбилейных заседаний или статей о творчестве историков в сплошное хвалебное славословие. Докладчик выразил искреннее уважение к памяти А.В. Ефимова. Признавая его большой вклад в отечественную историческую науку, выступавший отметил, что исследованиям ученого были присущи и недостатки, свойственные в целом советской американистике.

Далее Н.Н. Болховитинов подчеркнул, что исключение из рядов ВКП(б) повлекло за собой

уход А.В. Ефимова из МГУ и Института истории АН СССР. Ученый был вынужден сосредоточиться на детальном исследовании богатейших архивных материалов, в частности карт, связанных с историей русских географических открытий в XVII–XVIII вв. на Северо-Востоке Азии и Северо-Западе Америки. Он доказал, что "колумбы русские" занимали почетное место в открытии Северной Америки со стороны Азии. Н.Н. Болховитинов считает, что именно в этой сфере А.В. Ефимов создал свои наиболее оригинальные труды. Но со времени их написания, 40–60-е годы, российские и иностранные ученые накопили новый разнообразный фактический материал, требующий иных подходов и осмысления при его интерпретации.

Докладчик отметил, что пришло время объективно и всесторонне рассмотреть историю русской колонизации на Северо-Западе Америки. Эта цель поставлена перед авторским коллективом "Истории Русской Америки". Остановившись на содержании первого тома, который готовится к выходу в свет в издательстве "Международные отношения", Н.Н. Болховитинов сообщил, что книга охватывает XVII–XVIII вв., т.е. с появления русских на берегах Тихого океана и до учреждения Российско-американской компании в 1799 г. Кроме собственно истории географических открытий, в работе будут освещены проблемы международных отношений, деятельности русских промышленников и купцов, русско-туземных отношений. распространения православия в Русской Америке.

Воспоминаниями об А.В. Ефимове поделились участники чтений. Д.и.н. М.С. Альперович (ИВИ РАН) начал с того, что в 30-е годы учился в школе по учебнику А. Ефимова и Н. Фрейберга "История. Эпоха промышленного капитализма". Позднее он познакомился с А.В. Ефимовым лично, будучи студентом МГУ. М.С. Альперович сказал, что это знакомство оказало огромное влияние на его становление как историка. Он также обратил внимание присутствовавших на необыкновенную деликатность этого человека, А.В. Ефимов обладал широким научным кругозором и проявлял большой интерес к истории стран Латинской Америки, в частности Мексики начала XX в.

Д.и.н. И.А. Белявская (ИВИ РАН) лично познакомилась с А.В. Ефимовым в 1956 г. в связи с подготовкой ею статьи для журнала "Вопросы истории", посвященной 250-летию со дня рождения Б. Франклина (1706–1796). Алексей Владимирович очень благожелательно отнесся к молодому автору, он поддержал намерение И.А. Белявской заниматься историко-биографическим жанром.

К.и.н. А.А. Истомин (Институт этнологии и антропологии РАН) сказал, что наиболее плодотворным этапом в жизни А.В. Ефимова была работа заведующим сектором (ныне – отдел) Америки в Институте этнографии АН СССР.

Влияние этого человека ощущается и поныне через его труды, а также через окружающих его людей (Н.Н. Болховитинова, С.Г. Федорову и др.). А.А. Истомин оспорил утверждение о бескомпромиссности А.В. Ефимова на примере его рассуждений о темпах русской колонизации Сибири и англо-американской колонизации Северной Америки, которые сегодня представляются неубедительными. Как считает А.А. Истомин, сейчас нам надо сохранить саму традицию российской американистики, блестящим представителем которой был А.В. Ефимов.

Д.и.н. Г.П. Куропятник (ИВИ РАН) высоко оценил вклад пионера американистики в конкретную разработку проблемы эволюции капитализма США "вширь" и "вглубь", показав противоречия и взаимодействие этих двух сторон. Большой заслугой А.В. Ефимова, было стремление к всестороннему изучению истории США в новое время.

К.и.н. С.Г. Федорова (Институт этнологии и антропологии РАН) рассказала о том, что начиная с 1948 г. А.В. Ефимова очень интересовал вопрос "откуда пошла быть Русская Америка", и вслед за американскими топографами, обнаружившими в 1937 г. на Кенайском полуострове Аляски якобы остатки русского поселения XVII в., полагал, что такое первозаселение было возможно. Но у историков эта находка вызвала сомнения. При дальнейшем изучении материалов, касавшихся неопознанной русской экспедиции из устья Лены на Камчатку, состоявшейся около 1680 г., исследователи допускали, что какие-то суда из многократно проходивших во второй половине XVII в. Беринговым проливом, могли быть отнесены к берегам Аляски. На основании длительного и тщательного изучения различных источников С.Г. Федорова пришла к заключению, что в 1937 г. были найдены остатки эскимосского поселения, а русский острожек, вероятнее всего, мог существовать на правом лесистом берегу в среднем течении р. Хеуверен (ныне – р. Коюк), впадающей в залив Нортон. К чести А.В. Ефимова он отнесся к этой версии своей ученицы с пониманием.

С большим интересом собравшиеся встретили

выступления сына А.В. Ефимова – Юрия Алексеевича и племянницы Лидии Борисовны Либединской. Ю.А. Ефимов рассказал о необыкновенной трудоспособности отца, его внимательном отношении к молодежи. Он напомнил присутствовавшим и о верном друге и помощнике Алексея Владимировича – его супруге Татьяне Федоровне (в девичестве Шимановской), скончавшейся ровно 25 лет назад. Л.Б. Либединская показала старинные семейные фотографии. Она поведала, как А.В. Ефимов помогал ее семье, когда в годы репрессий был арестован ее отец Борис Дмитриевич Толстой. Л.Б. Либединская особо отметила доброту, великодушие и порядочность Алексея Владимировича.

В заключение выступил В.П. Перепеченко – главный редактор научно-популярного историко-географического журнала "Русская Америка", издающегося в Вологде с 1993 г. Он отметил, что идея создания такого журнала возникла на волне празднования 500-летия открытия Колумбом Америки и 250-летия открытия Америки со стороны России. Журнал публикует разнообразные материалы из истории широких гуманитарных связей России и США, русской эмиграции, истории Русской Америки. Важным направлением является тема распространения православия в Америке. Публикуются также ранее малодоступные или неизвестные документы, рецензии на книги. В.П. Перепеченко высказался в пользу создания в Вологде при поддержке общественности Центра культуры и сотрудничества между Россией и США. Там можно было бы собрать документальную коллекцию по истории русско-американских отношений.

Итоги научных чтений подвел Н.Н. Болховитинов. В ответ на выступление В.П. Перепеченко он предложил начать работу над публикацией материалов, относящихся к Русской Америке, в частности бумаг первого директора Российско-американской компании М.М. Булдакова, хранящихся в вологодских архивах.

Л.М. Троцкая

Историческая наука за рубежом

НОВЫЙ ИНСТИТУТ В ФРГ ПО ИЗУЧЕНИЮ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В 1994 г. при Католическом университете в баварском городе Эйхштетте (ФРГ) был создан Центральный институт изучения Центральной и Восточной Европы (ЦИМОС). ЦИМОС – комп-

лексное научное и учебное заведение, занимающееся проблематикой гуманитарных наук, образования, религии, а также экономики стран Центральной и Восточной Европы. Институт возглав-

ляется бывшим президентом Католического университета проф., д-ром Н. Лобковицем и финансируется частными предприятиями и фондами, среди которых фонды Роберта Боша и Альфреда Круппа. В нем обучаются студенты не только из Германии, но и из Болгарии, Венгрии, Литвы, Польши, России, Румынии, Словакии, Чехии. ЦИМОС имеет контакты с учебными центрами и научными заведениями разных стран. Среди его российских партнеров – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Греко-православный университет, Гуманитарная академия Вооруженных Сил РФ (все – Москва), Новосибирский государственный университет.

Основными направлениями работы ЦИМОС по новейшей истории и политологии Центральной и Восточной Европы являются: научное осмысление актуальных проблем изучаемых стран, выработка концепций и организация международных встреч ученых, сотрудничество с деятелями науки и культуры с целью содействия процессам трансформации в государствах Центральной и Восточной Европы, подготовка специалистов и повышение уровня компетенции руководящих кадров.

В 1996 г. ЦИМОС начал издавать 300-страничный журнал под названием "Форум по истории идей и новейшей истории Восточной Европы", который будет выходить два раза в год. "Форум" создается как международный журнал. Он будет в равной мере предоставлять свои страницы как ученым из стран Запада, так и их коллегам из Восточной Европы. Журнал будет заниматься изучением и научным осмыслением всех периодов новейшей истории России и восточноевропейских государств.

В настоящее время стало возможным изучение новейшей истории Центральной и Восточной Европы на широкой документальной базе. Историки могут наконец покинуть область предположений и строить свои исследования на основе архивного материала. Стали доступными многие документы архивов, которые еще предстоит изучить. Это задача на долгие десятилетия. Свой вклад в ее решение намерен внести журнал "Форум". Исследования, проведенные на новых архивных источниках, и документы на языке оригинала и в немецком переводе составят основу исторической части "Форума".

В разделе по истории общественных идей будут изучаться духовные поиски восточно-европейских интеллектуалов. Исследователи, как живущие в странах Восточной Европы, так и находящиеся в эмиграции, примут участие в диалоге с Западом. Эти дискуссии будут документированы и осмыслены.

"Форум" готов сотрудничать с российскими журналами "Новая и новейшая история", "Вопросы философии", "Полис". Ведутся также переговоры с польскими и чешскими журналами. Издатели "Форума" готовы переводить на немецкий язык работы российских авторов. В то же время названные российские журналы могли бы публиковать некоторые материалы из "Форума".

Таким образом, новый издаваемый в Германии международный журнал стал бы форумом для историков, политологов, философов разных взглядов, идейных направлений и научных школ из стран Западной, Центральной и Восточной Европы.

*Л. Люкс
заместитель директора ЦИМОС,
главный редактор журнала "Форум"*

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ КУРИЛ

В конце 1990 г. независимо друг от друга в Москве и Подмоскowie были созданы инициативные группы, которые начали сбор подписей в защиту Курил. В Подмоскowie это были члены русского патриотического общества "Отечество" г. Калининграда, а в Москве – члены клуба любителей журнала "Наш современник" из Перово. Обе группы вскоре объединились для совместного сбора подписей. В нашу группу вошли обычные люди: инженеры и научные работники, рабочие и домохозяйки. Мы собирали подписи на патриотических собраниях, на предприятиях, а также на улице; чаще всего – на Красной площади у ГУМа. Впоследствии мы стали получать подписные листы из других городов. Интенсивность сбора подписей была 120–130 человек в час, т.е. около активистов часто стояла очередь. Наиболее неравнодушные готовы были нам помогать. Так росли наши ряды. Информация о ходе сбора подписей передавалась в прессу и на телевидение. Однако в свет и в эфир она не выходила. В результате мы пришли к следующим выводам:

Население в массе своей отрицательно относится к идее передачи островов Японии. Это подтвердили и социологические опросы, которые мы проводили под руководством профессионального социолога В.П. Кириленко¹. Следует привлечь к сотрудничеству с нами ученых – специалистов в области российско-японских отношений, специалистов по международному праву; необходима поддержка крупных общественных организаций и общественных деятелей; нужно найти способ довести информацию до широких слоев населения. Выполнение этих задач возможно, если будет создан постоянно действующий орган.

В конце 1991 г. инициативная группа оформилась в Московский общественный комитет защиты Курил с двумя сопредседателями: Р.Ф. Степановой, председателем русского патриотического общества "Отечество" (г. Калининград), и Ю.Г. Шевелевым, председателем клуба любителей журнала "Наш современник" (г. Москва). Обязанности распределились так: Р.Ф. Степанова работает в Москве и в области, Ю.Г. Шевелев отвечает за связь с регионами, распространение информации, наглядной агитации, листовок и т.п.

Первой организацией, которая нас поддержала, был Российский общенародный союз под руководством тогда еще депутата Верховного Совета РФ С.Н. Бабурина. На протяжении всей нашей деятельности мы поддерживаем тесную связь с ветеранами Тихоокеанского флота. Они, в частности, предоставляют нам свое помещение для наших заседаний. Сейчас налажена связь почти со всеми патриотическими партиями и общественными организациями, профсоюзом рыбаков, деловыми кругами, международной ассоциацией "За диалог и сотрудничество в азиатско-тихоокеанском регионе", Центральным домом ученых, с руководством Сахалинской области, с комитетом, подобным нашему, в Брянске, ведется переписка с активистами из Вологды и Санкт-Петербурга. Информационные материалы постоянно передаются на Дальний Восток.

Мы участвовали в трех пресс-конференциях, провели четыре пикета у посольства Японии и три – у МИД РФ, были одними из организаторов митинга в сентябре 1992 г. перед несостоявшимся визитом Президента РФ Б.Н. Ельцина в Японию, в этом есть и наша заслуга. Мы регулярно возлагаем цветы к могиле Неизвестного солдата 2 сентября, в день окончания войны на Дальнем Востоке. Регулярно, два раза в год – в сентябре – в честь окончания Великой Отечественной и второй мировой войн и в феврале – в честь Ялтинской конференции, – проводим научно-общественные чтения, которые посвящаются различным страницам истории освоения Курил. Задача этих чтений – познакомить широкую общественность с историей освоения островов России, с историей российско-японских отношений, рассказать о их современном состоянии. Мы выпускали листовки, писали обращения Президенту РФ Б.Н. Ельцину, протесты министру иностранных дел РФ А.В. Козыреву, японскому премьер-министру, послу Японии в России, регулярно выступаем в прессе, сами ведем анализ прессы, организуем доклады в вузах, школах, в казармах.

Известно, что в Японии территориальные вопросы широко обсуждаются в средствах массовой информации. Так, долгое время в России не публиковалась Токийская декларация 1993 г., соответственно не является достоянием научной общест-

¹ Советская Россия, 3.IX.1992.

венности "Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией", на который японская сторона предлагает опираться в переговорном процессе. Именно так зафиксировано в Токийской декларации. В Японии эти документы доступны. Знакомство с этими материалами, которые грешат предвзятой выборкой и антироссийской направленностью, заставило нас обратиться к созданию полного и объективного сборника документов по истории российско-японских отношений. К марту 1995 г. в комитете образовался широкий круг квалифицированных специалистов по истории Курил: доктора исторических наук А.А. Кошкин, И.А. Латышев, И.А. Сенченко, проф. В.К. Зиланов, к.и.н. А.Ю. Плотников, осуществившие этот проект. Денег на издание книги у нас не было, но это нас не остановило, мы решили, что деньги будем искать. Когда материал был готов, то нашлись люди, для которых интересы России не пустой звук, они спонсировали издание.

15 декабря 1995 г., в помещении Государственной Думы под руководством депутата С.Ю. Глазьева мы представили нашу книгу "Русские Курилы: история и современность" прессе, общественности как политической, так и научной. В сборнике документы расположены в хронологическом порядке, некоторые опубликованы впервые, разбиты по периодам, каждому периоду предпослана вступительная статья. Есть приложение, в котором представлены материалы, отражающие ход борьбы за Курилы: выступления крупных общественных деятелей страны, научной общественности, различных организаций, в частности нашего комитета.

Сейчас вопрос о Курилах не закрыт. Не успокаиваются определенные круги в Японии, поэтому и нам рано складывать руки. Да и жизнь все время подкидывает новые проблемы. Так, в

"Правде" от 23 декабря 1994 г. сообщалось о распродаже в Перми швейцарских зонтиков, на которых вместо декоративных рисунков была изображена политическая карта мира, где Курилы "отданы" Японии. То же самое случилось и с тайваньскими надувными глобусами, которые в 1994 г. появились в той же Перми, затем летом 1995 г. в подмосковном Калининграде, а зимой уже в Москве – в магазине "Прогресс", что на Садовом кольце. Мы обратились в Государственную думу с запросом о необходимости пресечения таких провокационных акций. В результате сейчас решается вопрос о лицензировании такого товара в Федеральной службе геодезии и картографии.

Есть еще один очень важный вопрос – дата окончания Великой Отечественной войны. Мы считаем, что точка в войне была поставлена в сентябре 1945 г. на Дальнем Востоке, когда капитулировала Япония. Поэтому этот день должен быть внесен в реестр памятных дат воинской славы России, а 9 мая останется Днем Победы над фашистской Германией. С этим предложением выступили ветераны-дальневосточники. Мы их поддержали, передали запрос в Государственную Думу предыдущего созыва, повторим этот запрос и в ныне действующую Думу.

Таким образом, работы много. Мы приглашаем к сотрудничеству всех, кому дорога земля, политая русской кровью и потом. Мы готовы принять любые предложения, направленные на благо русскому народу, на укрепление наших дальневосточных рубежей. Можно обращаться по тел. 516–78–07 или по адресу: г. Калининград, Московской области, ул. К. Маркса, д. 5, кв. 53, Степановой Р.Ф.

Р.Ф. Степанова
сопредседатель Московского
общественного комитета защиты Курил

ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ ОСТРИКОВУ – 70 ЛЕТ

В июне 1996 г. коллектив Курского государственного педагогического университета (КГПУ), коллеги из других вузов отметили юбилей известного российского ученого и педагога, заведующего кафедрой всеобщей истории КГПУ, д.и.н. проф. Петра Ивановича Острикова.

П.И. Остриков родился 15 июня 1926 г. в станице Ново-Марьевской Ставропольского края. На его юность пришлось суровые испытания Великой Отечественной войны. В декабре 1942 г. в дни немецкой оккупации г. Ставрополя 16-летним юношей П.И. Остриков был вывезен в Германию. За годы, проведенные в немецкой неволе, П.И. Остриков восемь раз сидел в тюрьмах

различных городов Польши, Чехии, Германии, в трех концлагерях (Освенцим, Бремен, Нойгамер) и одном штрафлагере (г. Эссен) за побеги, саботаж и связи с движением Сопротивления.

После возвращения на родину П.И. Остриков окончил 10-й класс вечерней средней школы рабочей молодежи Ставрополя и в 1947 г. поступил в Ставропольский государственный пединститут на исторический факультет. В 1948 г. он одновременно становится студентом английского факультета Ставропольского пединститута иностранных языков.

В 1958 г. после семи лет работы в школах края, Ставрополя и поселка Каменоломни Ростов-

ской области П.И. Остриков поступает в аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Московского государственного педагогического института им. В.П. Потемкина (в 1960 г. слился с Московским государственным педагогическим институтом им. В.И. Ленина). С этого года начинается многолетнее сотрудничество Петра Ивановича с выдающимся ученым и педагогом А.Л. Нарочницким и его замечательными коллегами С.Б. Каном, А.Н. Хейфецем, Е.И. Поповой, И.А. Никитиной, В.И. Шпильковой и др.

После окончания аспирантуры молодой специалист был направлен на работу в Курский государственный педагогический институт (ныне – КГПУ), с ним связана вся его последующая жизнь. Здесь он прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой всеобщей истории, которой руководит беспрерывно уже более 30 лет.

Под руководством и при непосредственном участии П.И. Острикова подготовлены сотни высококвалифицированных специалистов-историков, ныне работающих не только в Курской области, но и далеко за ее пределами. Некоторые из них – доцент И.Н. Селиванов, старшие преподаватели Ю.Ф. Коростелев, С.Н. Картамышева, ассистенты В.Л. Шаповалов и В.Д. Нечаев сегодня являются его коллегами по кафедре. Кроме того, десятки бывших студентов Петра Ивановича трудятся на других кафедрах КГПУ и вузов Курска, Белгорода и других городов.

Основной проблемой научных исследований Петра Ивановича была и остается внешняя политика Великобритании и международные отношения в последней трети XIX – начале XX в. В июне 1963 г. им была защищена кандидатская диссертация "Политика Англии в отношении России и стран Среднего и Дальнего Востока в 1904–1905 гг.", и в ноябре 1975 г. докторская диссертация "Колониальная политика Англии в Китае в 1900–1914 гг.", которая в 1978 г. была опубликована в издательстве "Наука" (Главная редакция восточной литературы) отдельной книгой "Империалистическая политика Англии в Китае в 1900–1914 гг."¹ Монография встретила одобрение специалистов-историков. В журнале "Новая и новейшая история" говорилось: "Книга П.И. Острикова значительно расширяет наши познания в области колониальной политики Англии в Китае и международных отношениях на Дальнем Востоке в годы, предшествовавшие первой мировой войне"².

Продолжая исследования по истории международных отношений, Петр Иванович больше внимания стал уделять созданию учебных пособий для студентов, учителей и школьников. В 1967 г. совместно с другими специалистами им было под-

готовлено первое учебное пособие для студентов "Колониальная политика капиталистических держав (1870–1914)", опубликованное в издательстве "Просвещение". В пособии были помещены документы, переведенные юбиляром с оригинала и не публиковавшиеся ранее на русском языке. Затем последовал еще целый ряд пособий. Всего Петр Иванович со своими коллегами (чаще всего с членами кафедры П.П. Ванделем и Т.В. Алентьевой) подготовил и опубликовал два сборника документов, две хрестоматии, два практикума и три учебных пособия³.

Третьей проблемой, которой активно занимался Петр Иванович, – англо-американские отношения в последней трети XIX – в XX в. По этой проблеме им опубликовано несколько статей и совместно с П.П. Ванделем подготовлена к печати обширная монография.

Перу П.И. Острикова принадлежит в общей сложности около 50 публикаций, из них – 10 книг. Общий объем составляет 150 п.л., а тираж около 900 тыс. экз. Произведения Петра Ивановича отличаются хорошим литературным языком, четкостью изложения, строгой научностью.

П.И. Остриков активно участвует в общественной жизни. Он избирался депутатом городского совета г. Курска, многие годы был членом Научно-методического совета Министерства просвещения СССР, членом ученой комиссии Министерства просвещения РСФСР, членом экспертного Совета ВАК при Совете Министров СССР по всеобщей истории. Его научные материалы неоднократно публиковались в журнале "Новая и новейшая история". В настоящее время П.И. Остриков является зам. председателя диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при КГПУ и членом подобного совета при Ставропольском государственном педагогическом университете.

³ Колониальная политика капиталистических держав (1870–1914). Учебное пособие. М., 1967; Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США. (Под ред. П.И. Острикова). М., 1985; Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914. (Под ред. П.И. Острикова). М., 1989; Очерки истории рабочего движения в последней трети XIX – в XX в. (на примере Германии и Англии). Учебное пособие. Курск, 1989; Хрестоматия по новой истории. 1640–1870. (Под ред. В.Г. Сироткина). М., 1990; Рабочее и социалистическое движение во Франции и Италии в последней трети XIX – в XX в. Учебное пособие. Курск. 1991; Практикум по новой истории. 1870–1914. М., 1992; Хрестоматия по новой истории. Второй период. (Под ред. П.И. Острикова). М., 1995; Новая и новейшая история. Учебное пособие для поступающих в вузы. (Рук. П.И. Остриков). М., 1996.

¹ Империалистическая политика Англии в Китае в 1900–1914 гг. М., 1978.

² Новая и новейшая история, 1979, № 3, с. 198.

Коллеги и студенты хорошо знают принципиальность и добросовестность Петра Ивановича, отзывчивость и стремление помочь в трудную минуту. Его чувство юмора и умение сохранять присутствие духа в трудных ситуациях вызывают заслуженное уважение у всех. Хорошо известны его любовь к спорту – увлечение штангой и альпинизмом. Коллектив Курского государственного

педагогического университета не сомневается, что жизненного оптимизма и молодого задора Петру Ивановичу Острикову хватит на долгие годы плодотворной научной и учебно-педагогической работы.

*Т.В. Аленьева,
И.Н. Селиванов*

ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СОЗИНУ – 70 ЛЕТ

Исполнилось 70 лет Заслуженному деятелю науки Российской Федерации, заместителю главного редактора журнала "Вопросы истории" Ивану Васильевичу Созину.

Имя И.В. Созина связывается нашей научной общественностью прежде всего с его многолетней работой в качестве заместителя главного редактора журнала "Вопросы истории", куда он пришел в 1958 г. и в котором он трудится, с небольшим перерывом, по настоящее время. Его организационно-редакторская деятельность получила заслуженное признание в широких кругах отечественных и зарубежных историков. Авторы исторических журнальных статей и читатели не раз имели возможность убедиться в высочайшей квалификации Ивана Васильевича как научного редактора и журнального работника, опытного и инициативного организатора редакционного процесса, талантливого популяризатора исторических знаний. И.В. Созин известен также как серьезный исследователь-полонист и опытный вузовский преподаватель.

И.В. Созин родился 26 октября 1926 г. в деревне Починок-Полуэктовский Белохолуницкого р-на Кировской области в семье рабочего на горном руднике. Закончив в 1943 г. девять классов, он добровольцем ушел на фронт, принимал участие в боях в Восточной Пруссии, Берлинской операции. В 1947 году, продолжая служить в армии, он поступил на заочное отделение исторического факультета МГУ. После демобилизации в 1951 г. перешел на очное отделение университета, которое окончил в 1954 г., получив диплом с отличием. Специализируясь по кафедре истории южных и западных славян, Иван Васильевич продолжил учебу в аспирантуре у известного историка-слависта С.А. Никитина.

В филиале Центрального государственного исторического архива Украины во Львове аспирант Созин провел колоссальную работу, обнаружив фонд графов Ланцкоронских, владельцев одной из самых крупных латифундий Южной Польши второй половины XVIII в. Исследование этого огромного рукописного комплекса источников позволило Созину сделать выводы о структурных изменениях

магнатского хозяйства в 1770–1790-е годы. С 1959 по 1976 г. он опубликовал ряд научных докладов и статей, в которых изложил результаты своего труда.

Лишь в 1986 г. у Ивана Васильевича появилась возможность для предоставления уже апробированных работ на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: "Магнатское хозяйство Южной Польши во второй половине XVIII в." В рамках общей проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в странах Центральной и Восточной Европы вопрос о перестройке экономико-социальных структур в условиях прусского пути до сих пор продолжает оставаться актуальным. Изучение магнатского хозяйства – латифундии, как замкнутой экономической единицы в период кануна и начала разделов Польши важно как с научно-познавательной, так и с методологической точек зрения.

Изучение самодостаточного экономического механизма, вовлеченного в рыночные отношения, в условиях, когда в Польше второй половины XVIII в. отсутствовала единая государственная система учета экономического развития, имеет типологическое значение. Цикл работ И.В. Созина открыл новые аспекты изучения общего и особенного в экономике Речи Посполитой.

Оппоненты по кандидатской диссертации И.В. Созина д.и.н., профессор Киевского государственного университета В.А. Маркина и д.и.н., профессор Ленинградского государственного университета В.А. Якубский сочли его исследование настолько научно значимым, что предложили присвоить И.В. Созину ученую степень доктора исторических наук. Специализированный совет по всеобщей истории Московского государственного университета единодушно согласился с этим. Но сам диссертант не считал возможным принять такое решение.

Результаты проведенных И.В. Созиным исследований были учтены при подготовке университетских учебников "Новая история" (ч. 1) и "История южных и западных славян".

С 1964 по 1970 г. И.В. Созин работал на кафедре истории южных и западных славян исто-

рического факультета МГУ, преподавая общий курс и курс истории Польши. Студенты и аспиранты участвовали в его спецсеминарах "Социально-экономические отношения в Польше с середины XV – до середины XVII в.". "История общественной мысли в Польше в XV–XVII вв.", "Аграрные отношения в славянских странах Восточной Европы в XIV – первой половине XVII в." В середине 80-х годов он прочел студентам кафедры блестящий спецкурс, посвященный историографии разделов Речи Посполитой.

И.В. Созин был членом редколлегии и авторского коллектива учебника "История южных и западных славян", подготовленного кафедрой в 1969 г., ответственным редактором аналогичного учебника, изданного кафедрой в 1979 г. В качестве ответственного редактора И.В. Созин принял активное участие в подготовке первого в отечественной исторической науке учебного пособия "Историография истории южных и западных славян" (М., 1987). Авторский коллектив этого труда был удостоен Ломоносовской премии.

До настоящего времени И.В. Созин продолжает руководить дипломниками и аспирантами кафедры истории южных и западных славян. Начиная с середины 60-х годов, под его руководством успешно защищены интересные дипломные работы, посвященные самым различным аспектам истории позднего средневековья Речи Посполитой. Широта научных интересов Ивана Васильевича ярко проявилась в выборе тем его аспирантами (вопросы рабочего движения в Королевстве Польском на рубеже веков, деятельность виднейшего польского историка М. Хандельсмана, польские контакты М.Я. Бакунина в середине XIX в., деятельность "польских коло", фракций, в Государственной думе).

И.В. Созин как ученый с хорошо развитой научной интуицией, всегда умеет ухватить "нерв"

истории и современности. Он часто обращался к сюжетам, вызывающим споры научной общественности – о причинах разложения первобытного строя у славян, о судьбах Коммунистической партии Польши, крестьянской войне в Русском государстве в середине XVII в., истории Македонии на рубеже XIX–XX вв.

В одной из недавних статей "На весах истории" ("Родина", 1994, № 12) И.В. Созин обратил внимание на то, что как в польской, так и в российской исторической науке, а также в политологии и психологии мало разработана проблема взаимных оценок поляков и русских. Справедливо и замечание И.В. Созина о том, что российские историки (в отличие от своих польских коллег) мало занимаются вопросами взаимопонимания польской и русской культур. Актуальным является и изучение процессов полонизации и русификации на российско-польском пограничье. А более актуальную проблему, чем национальное самосознание или "национальная ориентация", в настоящее время трудно выделить.

Военные и трудовые заслуги И.В. Созина отмечены 18-ю правительственными наградами, среди которых ордена Отечественной войны II степени и Дружбы народов, медали "За взятие Кенигсберга" и "За взятие Берлина".

Иван Васильевич Созин по-прежнему полон сил, творческой энергии.

Друзья и коллеги, товарищи по журналистской профессии желают ему доброго здоровья, новых успехов в многотрудных делах на благо отечественной исторической науки.

*Ю.А. Борисенко,
В.Д. Вознесенский,
Т.М. Симонова,
Е.И. Тряпцын,
Х.К. Хайретдинов*

ЮБИЛЕЙ ЕЛЕНА ВИКТОРОВНЫ ЧИСТЯКОВОЙ

В Российском университете дружбы народов отметили юбилей доктора исторических наук, профессора университета Елены Викторовны Чистяковой. Она родилась 16 ноября 1921 г. в подмосковном г. Подольске, в семье педагогов. Завершив учебу в школе, Елена Викторовна в 1939 г. поступила на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Во время войны ей, как и другим студентам, приходилось совмещать учебную работу на строительстве оборонительных рубежей в Нахабино в 1941 г., на уборке урожая в Рязанской, Тамбовской областях, в Можайском

районе, на авиационном заводе в Свердловске 1942–1943 гг.

Дипломную работу она написала под руководством проф. М.Н. Тихомирова. После окончания МГУ защитила в 1944 г. кандидатскую диссертацию "Из истории классовой борьбы в русском городе 17в. (реформа А.Л. Ордина – Нащокина в Пскове)" (1944) и вместе с мужем – Дунаевским В.А., вернувшимся после ранения и лечения в Москву и также защитившим диссертацию, – уехала на несколько лет работать в Воронежский государственный университет.

Вернувшись в Москву, Елена Викторовна

почти 20 лет отдала работе в Московском государственном историко-архивном институте (1952–1971), а затем уже 25 лет трудится в Российском университете дружбы народов.

Все эти годы, помня заветы своего научного руководителя, Елена Викторовна непрерывно вела, помимо педагогической, научную работу. Содержание ее можно свести к трем основным направлениям. Большая группа исследований создана ею по истории народных движений в России главным образом XVII и частично XVIII в. На этой основе ею в 1966 г. была защищена докторская диссертация "Народные движения в России в середине XVII в. 1635–1649 гг.". Е.В. Чистякова рассматривала борьбу горожан за свои сословные права и отмечала синхронность их возникновения с народными движениями в Англии, Франции, хотя и имевшими свои особенности. Этот цикл был завершен изданием в 1975 г. монографии в Воронеже "Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30–40-е гг.)."

К тому же направлению относится ряд статей, брошюр и монографий о восстании под предводительством С. Разина, а также К. Булавина и Е. Пугачева.

Другой притягательной темой для Е.В. Чистяковой стала историография, получившая большой импульс в связи с выходом по инициативе академика М.Н. Тихомирова, а также академика М.В. Нечкиной таких серий, как "Очерки истории исторической науки в СССР", "История и историки". Елена Викторовна стала одним из авторов учебника для вузов, вышедшего двумя изданиями в 1961 и 1971 гг. в Московском историко-архивном институте. Ее перу принадлежат главы по историографии XVII – начала XVIII в. В ходе работы над учебником Е.В. Чистякова вышла на изучение творчества забытого историка XVII в. А.И. Лызлова и его книгу "Скифская история" (1692), первую монографию, в которой давалась широкая панорама положения народов и стран Евразии и борьбы с татаро-турецкими завоеваниями до конца XVI в. Позже, в 1990 г., текст книги Лызлова был опубликован в серии "Памятники исторической мысли", приложения к нему составляла Е.В. Чистякова (совместно с А.П. Богдановым).

Одной из первых Е.В. Чистякова обратила внимание на исторические учебники писательницы и журналистки второй трети XIX в. А.О. Ишимовой и впервые привлекла ее архив для написания статьи "Александра Осиповна Ишимова – последний адресат А.С. Пушкина" (1976 г.).

Но, пожалуй, самым значительным в этой области исторической науки является исследование Е.В. Чистяковой творческого пути ее учителя-академика Михаила Николаевича Тихомирова. Ему она посвятила единственную пока изданную о нем книгу "Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965)" (1987 г.) и семнадцать статей, в том числе и

в журнале "Новая и новейшая история"¹. В этих работах автору удалось показать образ вдумчивого ученого, прекрасного педагога и неординарного человека. Одной из последних удач Е.В. Чистяковой следует считать публикацию пятого издания известного сочинения С.Ф. Платонова "Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.", в приложении к которому она поместила содержательную статью о выдающемся русском историке и археографическую справку о его труде.

Еще одно направление научной деятельности Е.В. Чистяковой может быть обозначено как "Россия и мир".

В 1971 г. Елена Викторовна перешла работать в сравнительно молодое тогда (открыто в 1961 г.) учебное заведение – Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы. Все здесь было непривычно: новая кафедра, коллеги, пестрая разноликая и разноязычная толпа студентов, прибывших из стран Азии, Африки, Латинской Америки. Надо было создавать методические пособия, разрабатывать новые проблемы для общих и специальных курсов. Базой для этого послужили прежние и новые публикации Е.В. Чистяковой по внешнеполитической истории России.

Однако главный акцент был сделан ею на создание специального курса "Контакты и связи России с народами трех континентов: Азии, Африки, Латинской Америки", задачей которого являлся поиск образа (имаго – *лат.*) другого народа. В связи с этим встали проблемы имагологии, определения стереотипов, применение кампаративизма в истории. Е.В. Чистякова подобрала теоретическую и конкретно историческую литературу, определила круг источников, создала программу. Настал этап публикации статей, брошюр и монографии в качестве учебных пособий. На книгу "Русские страницы Америки" (М., 1993) появилось четыре рецензии². Это направление будет развиваться и дальше.

За полвека работы преподавателем Е.В. Чистяковой обучено тысячи студентов. Их привлекает в ней широта научных интересов, педагогический дар, природное обаяние, доброта и отзывчивость.

В Российском университете дружбы народов под ее руководством защитили кандидатские диссертации 18 человек и один докторант, готовятся и следующие. Теперь они работают научными сотрудниками, преподавателями, в руководящих структурах Мексики, Индии, Мали, Йемена.

Премия Российского императорского палестинского общества получил ее дипломник Нагиб Абдулла аль Хаг Мухаммад. Защитившийся у Елены Викторовны Наг Прабир Чоудхури прислал из Индии книгу по истории России, посвященную ей и

¹ См. Новая и новейшая история, 1994, № 2.

² См. Новая и новейшая история, 1994, № 4–5.

изданную на языке хинди. В 1996 г. ее ученица Манжу Тхокур из Индии защитила диссертацию на тему: "Древняя Русь. Славянский цикл в творческом наследии Н.К. Рериха (до 1916 г.)", вызвавшую большой интерес научной общественности.

Е.В. Чистякова – участница многих общесоюзных и российских конференций, четырех международных конгрессов исторических наук. Она член Бюро Археографической комиссии при Отделении истории РАН, член Российского импе-

раторского палестинского общества, Ассоциации по истории Русской Америки, ее имя включено в словарь отечественных славистов.

Окруженная большой семьей (дети, внуки, правнуки), Елена Викторовна продолжает трудиться, отдавая людям все свои силы.

Редакционная коллегия и коллектив сотрудников редакции журнала "Новая и новейшая история" желают Елене Викторовне Чистяковой крепкого здоровья, новых успехов в ее научно-педагогической деятельности.

CONTENTS

Articles. **Borodkin L.I.** Historical Informatics; **Ledovsky A.M.** Talks of I.V. Stalin with Mao Tse-tung in December 1949 – February 1950. The New Archival Documents; **Holtmark S.** (Norway). Soviet Diplomacy in the Scandinavian Countries. 1944–1945. On the Materials of the Archive of the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation; **Boroznyak A.I.** Historians of the FRG about Nazism; From the Archive of the President of the Russian Federation. Unknown Letters of E. Thälmann to I.V. Stalin and V.M. Molotov. 1939–1941 (continuation); From the US Archives. **Pechatnov V.O.** The USA: Concealed Debates on the "Russian Issue" in 1945; Reminiscences. **Rodionov A.A.** Notes of the Soviet Ambassador to Pakistan. 1971–1974; Documentary Essays. Academician **Sevostyanov G.N.** The Second Quebec Conference. 1944; **Sokolov V.V.** The Tragic Fate of Diplomat G.A. Astakhov; Profiles of Historians. **Smirnov V.P.** Anatoli Vasilyevich Ado: a Man, Teacher, Scholar (1928–1995); Letters and Notes. **Malkov V.L.** In the Genre of Historical Area Studies; **Dunayevsky V.A.** Remarks on "Encyclopedia for Children". Book Reviews; Facts, Events, People; Scientific Life.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОРОДКИН Леонид Иосифович, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения, зав. лабораторией исторической информатики исторического факультета МГУ, Председатель Совета российской ассоциации "История и компьютер", автор и соавтор трех монографий и четырех учебников по проблемам разработки и применения в исторических исследованиях математических методов и средств информатики.

БОРОЗНЯК Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик Нью-Йоркской академии наук, зав. кафедрой Липецкого государственного педагогического института, специалист по новейшей истории Германии и современной германской историографии, автор публикаций по указанной тематике в российских и зарубежных изданиях.

ЛЕДОВСКИЙ Андрей Мефодиевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке, кандидат исторических наук. В 1942–1952 гг. находился на дипломатической работе в Китае. Был генеральным консулом СССР в Пекине и генеральным консулом СССР в Мукдене. В настоящее время – старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. Автор книг "СССР и народная революция в Китае" (М., 1972), "Китайская политика США и советская дипломатия" (М., 1985) и ряда других работ.

ПЕЧАТНОВ Владимир Олегович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, автор монографий "Демократическая партия США" (М., 1980), "Гамильтон и Джефферсон" (М., 1984), "Уолтер Липпман и пути Америки" (М., 1994) и ряда других трудов по политической истории и внешней политике США.

СЕВОСТЬЯНОВ Григорий Николаевич, действительный член РАН, лауреат Государственной премии, профессор, доктор исторических наук, главный редактор журнала "Новая и новейшая история", главный специалист Института всеобщей истории РАН. Автор монографий "Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны" (М., 1961), "Подготовка войны на Тихом океане" (М., 1962), "Дипломатическая история войны на Тихом океане от Пирл–Харбора до Каира" (М., 1969), "Томас Джефферсон" (в соавторстве) (М., 1976), "Европейский кризис и политика США 1938–1939" (М., 1992) и ряда других исследований, глав в коллективных трудах, ответственный редактор многих книг по истории США и международных отношений.

СМИРНОВ Владислав Павлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, автор книг "Франция во время второй мировой войны" (М., 1961), "Странная война" и поражение Франции" (М., 1963), "Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны" (М., 1974), "Новейшая история Франции" (М., 1974), "Франция: страна, люди, традиции" (М., 1988), "Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции 1789–1989 гг." (в соавторстве) (М., 1991), а также ряда других работ по новейшей истории Франции.

СОКОЛОВ Владимир Васильевич, кандидат исторических наук, заместитель директора Историко-документального департамента МИД РФ, специалист по истории внешней политики России советского периода, автор ряда книг и других научных работ.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала "Новая и новейшая история" принимает статьи до 30 стр., исторические очерки до 50 стр., историографические обзоры – до 20 стр.; рецензии, письма и заметки – 5–6 стр.; коротко о книгах – 2–3 стр. Материалы принимаются после предварительного согласования тематики с редакцией (во избежание дублирования) и представляются в трех (первом, втором и третьем) экземплярах, отпечатанные с полями на стандартной машинке (текст через 2 интервала, сноски через два интервала), вставки (после доработки материала), тексты и сноски на иностранных языках также должны быть отпечатаны на машинке. В случае отклонения рукописи автору возвращается два экземпляра, один остается в архиве редакции.

Рукописи, превышающие установленный объем или присланные в редакцию в единственном экземпляре, могут быть возвращены автору без рассмотрения.

Автору посылается копия подготовленного к набору экземпляра рукописи, которую он подписывает в печать. Правка в верстке не допускается.

Технический редактор Е.Н. Ларкина

Сдано в набор 01.11.96   Подписано к печати 09.12.96   Формат бумаги 70×100 ¹/₁₆
Печать офсетная   Усл.печ.л. 20,8 тыс.   Усл.кр.-отт. 71,8 тыс.   Уч.-изд.л. 25,5   Бум. л. 8,0
Тираж 3415 экз.   Зак. 659

Адрес редакции: 117810, Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26, Тел. 238-43-21
Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Стенограммы секретных переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе – сентябре 1952 г. из Архива Президента РФ

Торгово-экономические отношения между СССР и Германией в 1939–1941 гг. в свете новых архивных материалов

О предмете исторической науки

Неизвестные письма Э. Тельмана И.В. Сталину и В.М. Молотову. 1939–1941 гг. (окончание)

Отто Бауэр (1882–1938) и австромарксизм

Записки советского посла в Пакистане 1971–1974 гг. А.А. Родионова (окончание)

Портрет историка: С.Б. Кан

Ф. Гизо: историк и государственный деятель

"Дело" английского просветителя Р. Стиля

Английские моряки на русском флоте в Отечественную войну 1812 г.

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Российская академия наук с 1997 года меняет условия подписки на академические журналы. Это связано с необходимостью уменьшить убытки от выпуска периодики Академии, в связи с чем будут подняты подписные цены. Повышение цен будет проходить в два этапа.

На первом этапе (I полугодие 1997 года) объявленные в каталоге подписные цены будут доступны всем категориям научных работников, преподавателям, аспирантам и студентам вузов, всем государственным и научным библиотекам, а также научным и вузовским организациям.

На втором этапе (II полугодие 1997 года) численность специалистов и количество организаций, имеющих право пользования льготной подпиской, будет существенно сокращено. Воспользоваться этими льготами можно будет только при подписке в издательстве "Наука", в редакции журнала и в других местах, которые будут указаны дополнительно. Каталожная цена на академические журналы и, следовательно, стоимость подписки в отделениях связи будет значительно повышена.

Подписные цены на академические научно-популярные журналы не претерпят существенных изменений

